

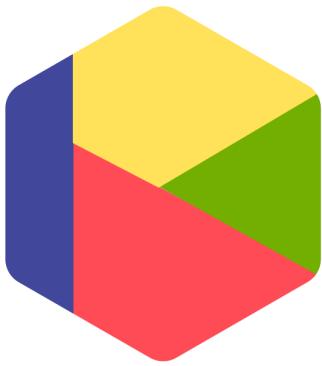

Die Tür in den Sommer

Robert A. Heinlein

Дверь в лето

Роберт Хайнлайн

Lingtrain Books

Inhalt

1. 1	7
2. 2	28
3. 3	67
4. 4	81
5. 5	99
6. 6	128
7. 7	152
8. 8	162
9. 9	188
10. 10	206
11. 11	233
12. 12	251

Содержание

1. Глава 1	7
2. Глава 2	28
3. Глава 3	67
4. Глава 4	81
5. Глава 5	99
6. Глава 6	128
7. Глава 7	152
8. Глава 8	162
9. Глава 9	188
10. Глава 10	206
11. Глава 11	233
12. Глава 12	251

Глава 1

•

Im Winter kurz vor dem Sechswöchigen Krieg lebten Petronius, mein Kater, und ich in einem alten Farmhaus in Connecticut. Ich glaube nicht, daß es noch steht; denn es war nicht weit vom Randgebiet der Manhattan knapp verfehlenden Atombombenexplosion entfernt, und diese alten Holzbauten brennen wie Zunder. Selbst wenn es noch stünde, wäre es wegen des radioaktiven Niederschlages kein lohnendes Objekt. Damals gefiel es Pete und mir jedenfalls. Der Mangel an fließendem Wasser drückte die Miete, und das frühere Speisezimmer lieferte gutes Nordlicht für mein Zeichenbrett.

Das dumme war nur, daß es elf Türen ins Freie gab.

Zwölf sogar, wenn man Petes Tür mitzählte. Ich versuchte immer, für Pete eine eigene Tür zu organisieren – in diesem Fall ein Brett im Fenster eines der unbenutzten Schlafzimmer, in das ich eine Öffnung geschnitten hatte, die für Petes Schnurrbart eben breit genug war. Zu viele Stunden meines Lebens habe ich damit verbracht, Katzen die Türen zu öffnen – nach meinen Berechnungen sind seit Anbeginn der Zivilisation neunhundertachtundsiebzig Arbeitsjahrhunderte für diese Tätigkeit aufgewendet worden. Die Zahlen könnte ich Ihnen zeigen.

Pete benützte gewöhnlich seine eigene Tür, wenn er mich nicht dazu bringen konnte, eine Leute-Tür für ihn aufzumachen, was er bei weitem vorzog. Aber er weigerte sich, durch seine Tür hinauszuschlüpfen, wenn draußen Schnee lag.

Однажды зимой, незадолго до Шестинедельной войны, я со своим котом по имени Петроний жил на старой ферме в штате Коннектикут. Вряд ли она сохранилась до наших дней — она стояла как раз на краю зоны атомного поражения (это когда немножко промахнулись по Манхэттену), а эти старые хибарки горят, как бумажные салфетки. Да если бы даже она и уцелела, я бы ее теперь не снял из-за повышенной радиации. Ну а тогда нам с Питом там нравилось. Канализации, правда, не было, поэтому сдавали ферму по дешевке. В комнате, что некогда называлась столовой, окна выходили на север, и свет для работы у чертежной доски был подходящий.

Дом имел один недостаток: в нем было одиннадцать дверей.

А если считать и дверь для Пита — то все двенадцать. Я всегда старался, чтобы у Пита была своя дверь. В данном случае дверью ему служила вставленная в окно нежилой спальни фанерка, в которой я выпилил отверстие такого размера, чтобы усы не застревали. Слишком уж много времени в своей жизни я потратил, открывая двери кошкам. Однажды я даже вычислил, что за всю историю цивилизации человечество убило на это дело сто семьдесят восемь человеко-веков. Могу показать расчеты.

Обычно Пит пользовался своей дверью, кроме тех случаев, когда ему удавалось умягкать меня, чтобы я открыл ему человеческую дверь — их он любил больше. Однако он категорически отказывался пользоваться своей дверью, если на земле лежал снег.

Noch als wolliges Knäuel hatte Pete eine einfache Lebensanschauung entwickelt. Ich war zuständig für Quartier, Ernährung und Wetter; alles andere fiel in seinen Bereich. Aber vor allem machte er mich für das Wetter verantwortlich.

Die kalte Jahreszeit in Connecticut taugt nur für Weihnachtskarten; in diesem Winter pflegte Pete regelmäßig seine eigene Tür in Augenschein zu nehmen, es des ekelhaften weißen Zeugs wegen abzulehnen, hinauszugehen, und von mir zu verlangen, ich sollte ihm eine Leute-Tür aufmachen.

Er war fest davon überzeugt, daß mindestens eine davon in den Sommer hinausführen müsse. Das hieß also, daß ich jedesmal mit ihm zu allen elf Türen gehen und sie offenhalten mußte, damit er sich davon überzeugen konnte, daß dort draußen ebenfalls Winter war, während seine Kritik an meiner Untüchtigkeit mit jeder Enttäuschung deutlicher wurde.

Dann blieb er im Haus, bis er es einfach nicht mehr aushalten konnte und ihn die Forderungen der Natur hinaustrieben. Wenn er zurückkam, klapperten die Eisklümppchen an seinen Pfoten wie Holzschuhe auf dem Boden. Er starre mich grimmig an und weigerte sich zu schnurren, bis er den gesamten Schnee herausgekratzt hatte ... worauf er mir bis zum nächstenmal verzieh.

Aber seine Suche nach der Tür zum Sommer gab er nie auf.

Am 3. Dezember 1970 suchte ich ebenfalls danach. Mein Wunsch war ebenso hoffnungslos wie Petes Sehnsucht in einem Januar Connecticuts.

Das bißchen Schnee in Kalifornien bleibt für die Skifahrer auf den Bergen; in Los Angeles findet man nichts davon – durch den Smog könnte sich das Zeug wohl auch kaum durchkämpfen. Aber in meinem Herzen war Winter.

Еще котенком Пит выработал очень простое правило: я отвечаю за жилье, питание и погоду; он — за все остальное. Но в особенности, по его убеждению, я отвечал за погоду.

Зима в Коннектикуте хороша только для рождественских открыток; а Пит в ту зиму регулярно подходил к «своей» двери, выглядывал наружу и — не дурак же он! — отказывался выходить на улицу из-за этой белой дряни под лапами. Потом он мучил и преследовал меня до тех пор, пока я не открывал ему «человечью» дверь.

Пит твердо верил, что хотя бы за одной из этих дверей его ждет хорошая летняя погода. Поэтому каждый раз мне приходилось терпеливо обходить с ним все одиннадцать дверей, открывая каждую, чтобы он мог убедиться, что и там — зима. С каждым следующим разочарованием кот все больше убеждался, что я со своими обязанностями неправляюсь.

Потом он сидел дома и терпел до тех пор, пока «гидравлическое давление» буквально не выжимало его наружу. А когда он возвращался назад, кусочки льда между подушечками на его лапах цокали по дощатому полу, словно деревянные башмачки. Он сердито смотрел в мою сторону и отказывался мурлыкать до тех пор, пока не вылизет весь лед на лапах, после чего все же прощал меня — до следующего раза.

Но упорно продолжал искать Дверь в Лето.

Третьего декабря тысяча девятьсот семидесятого года я тоже искал ее. Однако поиски мои были такими же безнадежными, как старания Пита в январском Коннектикуте.

Та малость снега, что выпала в южной Калифорнии, лежала на склонах гор, на радость лыжникам, а не в Лос-Анджелесе — вряд ли снежинки вообще сумели бы пробиться через густой смог. Но в моем сердце наступила зима.

Ich war nicht krank – wenn man einmal von einem schweren Kater absah. Bis zu meinem dreißigsten Geburtstag fehlten auch noch ein paar Tage, und mit den Finanzen war es nicht schlecht bestellt. Weder die Polizei noch wütende Ehemänner, noch Gerichtsboten suchten nach mir; es haperte an nichts, was nicht ein leichter Fall von Gedächtnisschwund geheilt hätte. Aber in meinem Herzen war Winter, und ich suchte nach der Tür zum Sommer.

Wenn sich das anhört, als sei es aus einem Zustand akuten Selbstmitleids heraus gesprochen, so haben Sie recht. Auf unserem Planeten mußte es mindestens zwei Milliarden Menschen geben, die in schlechterer Verfassung waren als ich. Trotzdem suchte ich nach der Tür zum Sommer.

Die meisten, die ich in letzter Zeit ausprobiert hatte, waren Schwingtüren gewesen, wie diejenige vor mir jetzt – »Sanssouci-Bar-Grill«, verkündete die Neonreklame. Ich ging hinein, stellte die große Tasche vorsichtig auf den Platz neben mir, rutschte in die Nische und wartete auf den Kellner.

Die Tasche sagte: "Warrhh?"

"Sei still, Pete!" flüsterte ich.

"Nasow!"

"Unsinn, du warst gerade. Halt den Mund, der Kellner kommt."

Pete gehorchte. Ich sah auf, als sich der Kellner über den Tisch beugte, und sagte dann: "Einen doppelten Scotch, ein Glas Wasser und ein Ginger-Ale."

Der Kellner machte ein betroffenes Gesicht.

"Ginger-Ale, Sir?"

Zum Whisky?" "Haben Sie's verstanden oder nicht?"

Здоровье у меня было в порядке (если не брать в расчет хронического похмелья); я готовился отметить свой тридцатый день рождения; бедность мне не угрожала. Меня никто не разыскивал: ни полиция, ни судебные исполнители, ни чужие мужья. В общем, ничего катастрофического, что не поддавалось бы лечению с помощью сеансов легкого забвения. Но поселившаяся у меня в сердце зима гнала меня искать Дверь в Лето.

Если вам показалось, что мне было очень себя жалко, то вы правы. Наверняка на белом свете было добрых два миллиарда людей, дела у которых обстояли хуже моего. И, тем не менее, именно я искал Дверь в Лето.

Большая часть дверей, которые мне удалось осмотреть во время поисков, открывалась в обе стороны, вроде тех, перед которыми я сейчас стоял. На вывеске над дверями значилось: гриль-бар «Сан-Суси». Я вошел внутрь, выбрал кабинку в середине зала, осторожно поставил сумку на диванчик, сам сел рядом и стал ждать официанта.

Сумка потребовала голосом Пита: — А я у-у-у-!

— Спокойно, Пит, — сказал я.

— Мя-а-а-у!

— Глупости, ты только что ходил по этому делу. Угомонись, официант идет.

Кот притих. Я поднял глаза на склонившегося над столиком официанта и сказал:

— Двойной виски, стакан воды и бутылку имбирного пива.

— Виски с пивом, сэр? — официант уявл.

— У вас есть имбирное пиво? Или нет?

"N-ja, natürlich. Aber ..." "Dann her damit. Ich will es nicht trinken, nur böse anschauen. Und eine Untertasse bitte." "Wie Sie meinen, Sir."

Er polierte die Tischplatte. "Wie war's mit einem kleinen Steak, Sir? Oder die Muscheln sind auch recht gut heute."

"Hören Sie mal, Sie bekommen das Trinkgeld für die Muscheln, wenn Sie mir versprechen, sie nicht zu servieren. Ich brauche nur, was ich bestellt habe ... Und vergessen Sie die Untertasse nicht."

Er hielt den Mund und ging. Ich fauchte Pete noch einmal zu, er möge gefälligst still sein. Der Kellner kam zurück. Seinen Stolz beschwichtigte er damit, daß er das Ginger-Ale auf der Untertasse balancierte. Ich ließ ihn die Flasche aufmachen, während ich den Scotch mit Wasser mischte.

"Möchten Sie noch ein Glas für das Ginger-Ale, Sir?"

"Ich bin ein ganz toller Bursche, ich trinke es gleich aus der Flasche."

Er blieb stumm und ließ sich bezahlen, einschließlich Trinkgeld für die Muscheln. Als er weg war, goß ich Ginger-Ale in die Untertasse und klopfte auf die Tasche.

"Die Suppe ist fertig, Pete."

Der Reißverschluß war offen. Wenn er in der Tasche saß, machte ich sie nie zu. Er drückte sie mit den Pfoten auseinander, steckte den Kopf heraus, sah sich schnell um, stemmte sich dann heraus und stellte die Vorderpfoten auf den Rand der Tischplatte. Ich hob mein Glas, wir sahen einander an.

"Auf die Damen, Pete – schnell gefunden, schnell vergessen!"

— Есть, конечно. Но... — Тогда неси. Я не буду его пить. Я только буду на него глядеть, скривившись. И еще принеси блюдечко.

— Как прикажете, сэр, — он протер стол.
— А как насчет бифштекса, сэр? И устрицы сегодня тоже очень хороши.

— Слушай, приятель, ты получишь свои чаевые и за устриц, если пообещаешь, что не станешь их подавать. Мне надо только то, что я заказал... и не забудь, пожалуйста, блюдечко.

Он заткнулся и ушел.
Я опять велел Питу сидеть тихо.
Официант вернулся, бутылку с пивом он нес на блюдце — должно быть, для самоутверждения. Я сказал ему, чтобы он откупорил бутылку, покуда я смешиваю виски с водой.

— Другой стакан, для имбирного, сэр?

— Я настоящий ковбой. Я пью из горлышка.

Он закрыл пасть и безропотно принял плату за выпивку и чаевые (устрицы, впрочем, он поставить в счет не позабыл). Когда он отошел, я плеснул имбирного в блюдечко и постучал по сумке:

— Пит! Кушать подано.

Сумка была не застегнута. Я никогда не застегиваю ее, если внутри сидит кот. Он высунул голову, быстро огляделся и встал передними лапами на край стола. Я поднял стакан и посмотрел на кота; кот — на меня.

— Ну, за прекрасных дам, Пит. Чем больше их встречаешь, тем легче забываешь!

Er nickte; ich hatte ihm aus dem Herzen gesprochen. Er neigte den Kopf und begann, das Ginger Ale zu schlabbbern. "Wenn man kann", fügte ich hinzu und nahm einen tiefen Schluck. Pete schwieg. Ein weibliches Wesen zu vergessen fiel ihm nicht schwer; er war von Natur aus ein eingefleischter Junggeselle.

Durch das Fenster des Lokals blinkte Leuchtreklame herein.

Zuerst lautete der Text: ›Arbeite im Schlaf.‹ Dann hieß es: ›Und träume deine Sorgen fort.‹ Dann flammte es in doppelt großen Lettern auf:

›MUTUAL VERSICHERUNGSGESELLSCHAFT. Ich las alle drei Zeilen mehrmals, ohne darüber nachzudenken. Ich wußte über den Kaltschlaf ebensoviel und ebensowenig wie alle anderen Leute auch.

Bei der ersten Ankündigung hatte ich einen Artikel darüber gelesen, und zwei-, dreimal die Woche bekam ich eine Versicherungs-Werbebroschüre mit der Morgenpost. Ich warf sie gewöhnlich ungelesen weg, weil sie ebensowenig auf mich gemünzt schien wie, sagen wir, ein Werbefeldzug für Lippenstifte.

Erstens hätte ich bis vor kurzem den Kaltschlaf gar nicht bezahlen können; er ist teuer. Zweitens: Warum sollte ein Mann, der Spaß an seiner Arbeit hat, Geld verdient, Aussichten hat, noch mehr zu verdienen, verliebt ist und kurz vor der Hochzeit steht, Selbstmord begehen?

Он кивнул. Это вполне соответствовало его убеждениям.

Изящно наклонившись, он начал лакать имбирный напиток. «Если, конечно, сумеешь забыть», — добавил я и глотнул из стакана. Пит не ответил. Для него забыть смазливую кошку труда не составляло: он был убежденный холостяк.

За окном бара, на стене дома напротив, назойливо мигала реклама. Текст то и дело менялся: сперва светилось «РАБОТАЙТЕ ВО СНЕ!» Потом — «И СОН РЕШАЕТ ВСЕ ПРОБЛЕМЫ». И наконец, буквами вдвое большего размера:

«МЬЮЧЕЛ ЭШШУРАНС КОМПАНИ». Я три раза механически прочел мелькающие буквы, не думая об их смысле. О коммерческом анабиозе я знал не больше и не меньше остальных. Когда об этом деле объявили впервые, я прочел статейку-другую в научно-популярном журнале. Пару раз в неделю вместе с газетами в почтовый ящик совали и рекламный листок. Я выкидывал эти листки не читая: это касалось меня не больше, чем реклама губной помады.

Во-первых, до самого последнего времени я не смог бы себе этого позволить: Холодный Сон — штука дорогая. А во-вторых, если человеку нравится его работа, идут хорошие деньги (а в перспективе маячит еще больше), если этот человек влюблен и собирается жениться, так с чего бы вдруг ему совершать это полусамоубийство?

Wenn jemand unheilbar krank war und den Tod vor sich sah, aber glaubte, die Ärzte der kommenden Generation würden ihn heilen können, dann war Kaltschlaf die logische Folgerung. Oder wenn sein Ehrgeiz darin bestand, einen Flug zum Mars zu machen, und er glaubte, die Entfernung einer Generation aus seinem privaten Lebensfilm würde ihm gestatten, sich eine Flugkarte zu kaufen, war das wohl auch ein logischer Weg. Die Zeitungen hatten von einem Brautpaar aus den Oberen Zehntausend berichtet, das vom Standesamt sofort zur Schlafhalle der Western World Versicherungsgesellschaft gefahren war, mit der Ankündigung, man dürfe es nicht wecken, bis man die Flitterwochen auf einem interplanetarischen Raumschiff verbringen könnte ... obwohl ich einen von der Versicherungsgesellschaft erfundenen Reklametrick argwöhnte und die beiden unter falschem Namen bei der Hintertür hinausgeschlüpft sein würden. Daß jemand die Hochzeitsnacht im tiefgefrorenen Zustand verbringen will, klingt nicht gerade plausibel.

Und da war die übliche finanzielle Lockung, wovon sich die Versicherungsgesellschaften besonders viel versprachen: »Arbeite im Schlaf.« Halt dich schön still und laß dein Gespartes zu einem riesigen Vermögen anwachsen. Wenn du fünfundfünfzig bist und zweihundert pro Monat Pension bekommst, warum dann nicht die Jahre verschlafen, mit immer noch fünfundfünfzig erwachen und tausend im Monat kassieren? Ganz zu schweigen von dem Gefühl, in einer hellen, neuen Welt zu erwachen, die dir wahrscheinlich ein weit längeres und gesünderes Leben versprechen kann, worin sich deine tausend pro Monat verprassen lassen. Damit gingen sie wirklich aufs Ganze, und jede Gesellschaft bewies mit unbestreitbaren Zahlen, daß ihre Auswahl an Aktien für ihren Investment-Fonds schneller mehr Geld anhäufte als irgendeine der anderen Firmen. »Arbeite im Schlaf.« Mir hatte das nie zugesagt. Ich war nicht fünfundfünfzig, ich wollte nicht in Pension gehen, und an 1970 war mir nichts Unangenehmes aufgefallen.

Das heißt: bis vor kurzem. Jetzt war ich im Ruhestand, ob ich wollte oder nicht. Und ich wollte nicht; statt in die Flitterwochen zu fahren, saß ich in einem zweitklassigen Lokal und trank Whisky, um mich zu betäuben. Anstelle einer Frau hatte ich einen Kater mit neurotischer Gier nach Ginger-Ale, und was meine Einstellung zur Gegenwart betraf, so hätte ich sie auf der Stelle für eine Kiste Gin eingetauscht und dann alle Flaschen zerschlagen.

Aber ich war nicht pleite.

Вот если человек неизлечимо болен и ему все равно помирать, но он надеется, что через полвека врачи смогут его вылечить, и если он в состоянии оплатить Холодный Сон до тех пор, пока наука не разберется, что там у него не в порядке — что ж, тогда Холодный Сон — логичное решение. Или если он мечтает слетать на Марс и считает, что, вырезав лет пятьдесят из своего личного кино, он сумеет купить билет, это тоже логично. В газетах была заметка о каких-то двух чудиках, которые поженились и прямо из городской ратуши отправились в Хранилище Холодного Сна фирмы «Вестерн уорлд иншуранс компани». Там они объявили, что просят их не беспокоить до тех пор, пока они не смогут провести медовый месяц на межпланетном лайнере. Хотя я лично подозреваю, что все это — рекламный трюк страховой компании, а те двое смылись через заднюю дверь: ну, не верю я, что кто-то согласится провести первую брачную ночь, лежа рядом, как мороженая макрель.

В плане денег дело тоже был соблазнительное. Одна из страховых компаний даже придумала рекламный лозунг: «Работайте во сне». Просто лежи себе, а твои денежки пусть растут, превращаясь в состояние. Если вам пятьдесят пять, а пенсия у вас — двести в месяц, почему бы и не поспать лет двадцать? Проснешься — тебе опять пятьдесят пять, а пенсия — уже по тысяче ежемесячно. Не говоря уже о том, что проснешься-то в новом и прекрасном мире, где ты, возможно, проживешь дольше и будешь здоровее, а тысяча в месяц принесет тебе гораздо больше радости. На эту мысль нажимали все компании, и каждая, с цифрами в руках, неопровергимо доказывала, что ее акции позволяют делать больше (и быстрее!) денег, чем акции любой другой компании. «Делайте деньги во сне!» Меня это не вдохновляло. До пятидесяти пяти мне было еще далеко. На пенсию я не собирался. Да и в семидесятом году я не видел ничего худого.

Точнее сказать, не видел до недавнего времени. Теперь же я, хочешь не хочешь, был вроде как на пенсии. Я, кстати, не хотел. Вместо свадебного путешествия я сидел во второрядном баре и пил виски исключительно ради обезболивания души. Вместо жены у меня — ободранный кот, пристрастившийся к имбирному пиву. Что же касается того, нравится ли мне мое время, — я бы махнул его не глядя на ящик джина, да и то перебил бы все бутылки.

Но вот уж банкротом я точно не был.

Ich griff in die Jackettasche und nahm einen Umschlag heraus. Er enthielt zweierlei. Einmal einen bestätigten Scheck über mehr Geld, als ich bisher jemals auf einmal gehabt hatte, und zum anderen eine Aktie der Firma ›Dienstboten-AG‹. Sie waren beide schon ein wenig zerknickt; ich trug sie bei mir, seit ich sie überreicht bekommen hatte.

Warum nicht?

Warum nicht aussteigen und meine Sorgen verschlafen? Immer noch angenehmer, als in die Fremdenlegion einzutreten. Selbstmord war zu unappetitlich, außerdem würde er mich für dauernd von den Ereignissen und Leuten trennen, die mir mein Leben versauert hatten. Warum also nicht?

An der Gelegenheit, reich zu werden, war ich nicht maßlos interessiert. Oh, ich hatte H. G. Well's ›Der Schläfer erwacht‹ gelesen, nicht erst, als die Versicherungsgesellschaften das Buch kostenlos verteilten, sondern schon vorher, als es nur ein klassischer Roman war. Ich wußte, was Zinseszins und Aktienkenntnis zu erreichen vermochten. Aber ich hatte keine Ahnung, ob ich wirklich genug Geld für den Langen Schlaf und ein Konto von ausreichender Höhe besaß. Das andere Argument sprach mich mehr an: zu Bett gehen und in einer anderen Welt erwachen. Vielleicht in einer wesentlich besseren Welt, wenn man den Versicherungsgesellschaften glaubten wollte ... vielleicht auch in einer schlimmeren. Aber anders würde sie auf jeden Fall sein.

Ein Unterschied ließ sich aber ganz bestimmt erreichen: Ich konnte so lange schlummern, bis ich sicher war, daß es eine Welt ohne Betty Darkin – oder auch ohne Miles Gentry, aber vor allem ohne Betty sein würde. Wenn Betty tot und begraben war, konnte ich sie vergessen; vergessen, was sie mir angetan hatte. Dann würde ich nicht andauernd von dem Wissen gequält werden, daß sie nur ein paar Kilometer entfernt war.

Я сунул руку в карман, достал конверт. Открыл его. Там лежали две бумажки. Первая – чек на сумму, которой я еще ни разу не держал в руках. Вторая – акционерный сертификат фирмы «Золушка инкорпорейтед». Обе немножко помялись: я ведь таскал конверт в кармане с тех пор, как мне его вручили.

Так почему бы и нет?

Почему бы не сбежать и не переспать свои печали? Приятнее, чем поступить в Иностранный Легион; не так противно, как самоубийство, и это будет для меня полный развод – с людьми и событиями, испортившими мне жизнь.

Возможность разбогатеть не слишком кружила мне голову. Ну, я, конечно, читал «Когда спящий проснется» Г. Дж. Уэллса, когда это был еще просто обычный роман – еще до того, как страховые компании начали раздавать книгу бесплатно ради рекламы. Какие проценты могут набежать по смешанному вкладу, я представлял. Но я не был уверен, хватит ли у меня денег купить себе Долгий Сон и при этом положить в банк сумму, достаточно крупную, чтобы игра стоила свеч. Меня больше привлекало другое: ложишься баю-бай и просыпаешься в другом мире. Этот мир может оказаться гораздо лучше (по крайней мере, страховые фирмы очень стараются убедить в этом своих клиентов), а может быть, и хуже. Но уж другой – наверняка!

Об одном существенном отличии того, другого мира от нынешнего я определенно мог позаботиться: я смогу проспать достаточно долго, чтобы проснуться в мире, где нет Беллы Даркин. И Майлса Джентри тоже. Но Беллы в особенности. Если ее не будет на свете, то я смогу забыть ее, забыть, что она сделала со мной, вычеркнуть ее из памяти. Пока она жива, червячок воспоминаний будет постоянно точить мое сердце, напоминая о том, что она – всего в нескольких милях от меня.

Augenblick mal, wie lange müßte das dauern?

Betty war dreiundzwanzig Jahre alt – das behauptete sie jedenfalls. Einmal schien es ihr aber doch entwischt zu sein, daß sie sich an Roosevelts Präsidentschaftszeit erinnerte. Nun ja, immerhin in den Zwanzigern. Wenn ich siebzig Jahre schlief, würde nur ein Nachruf von ihr übrig sein. Um ganz sicherzugehen, lieber fünfundsechzig.

Dann erinnerte ich mich daran, mit welchen Riesenschritten man in der Behandlung von Alterskrankheiten vorankam; man sprach bereits davon, daß hundertzwanzig Jahre als erreichbare ›normale‹ Lebensdauer gelten dürften. Vielleicht mußte ich hundert Jahre schlafen. Ich wußte nicht einmal, ob irgendeine Versicherungsgesellschaft soviel anbot.

Dann hatte ich eine teuflisch gute Idee, eingegeben vom warmen Glühen des Scotch. Ich brauchte ja gar nicht zu schlafen, bis Betty tot war. Es war mehr als ausreichend und genau die passende Rache gegenüber einer Frau, jung zu sein, wenn sie schon alt war. Gerade um so viel jünger, daß man es ihr unter die Nase reiben konnte – sagen wir, ungefähr dreißig Jahre.

Ich spürte einen sanften Pfotendruck auf meinem Arm.

"Meerr!" erklärte Pete.

"Gieriger Kerl", sagte ich und füllte seine Untertasse wieder mit Ginger-Ale. Er bedankte sich mit höflichem Nicken. Aber er hatte meine angenehm bösen Gedanken unterbrochen. Was, zum Teufel, sollte ich mit Pete anfangen?

Man kann eine Katze nicht fortgeben wie einen Hund; sie lassen sich das nicht gefallen. Manchmal gehen sie mit dem Haus auf einen anderen Besitzer über, aber bei Pete war das hinfällig. Für ihn stellte ich das einzige Konstante in einer wechselhaften Welt dar, seit man ihn vor neun Jahren seiner Mutter weggenommen hatte ... Es war mir sogar gelungen, ihn beim Militärdienst in der Nähe zu haben.

Так-так, посмотрим, сколько же лет на это нужно? Белле двадцать три. Так, во всяком случае, она утверждает. (Правда, однажды она проговорилась, что помнит, как Рузвельт был президентом.) Ну, тридцати-то ей еще нет, и если проспать семьдесят лет, то я еще смогу отыскать некролог. Семьдесят пять для верности.

Тут я вспомнил об успехах гериатрии. О ста двадцати годах поговаривают как о «нормальной» продолжительности человеческой жизни. Наверное, надо проспать сто лет. Только вряд ли найдется страховая компания, которая предлагает такой срок.

И тут, навеянная теплом от виски, мне в голову пришла злодейская мыслишка: вовсе не обязательно спать до тех пор, как Белла помрет. Вполне достаточно (более чем достаточно!) – и это прекрасная месть женщине – быть молодым, когда она состарится. Скажем, лет на тридцать моложе. Этого хватит, чтобы достать ее.

Я почувствовал прикосновение легкой, как пушинка, лапы к своей руке.

— Ма-а-а-ло! — объявил Пит.

— Ты проглот, — сказал я, подливая ему имбирного. Он терпеливо подождал и начал лакать. Но он нарушил стройную линию моих приятных размышлений. В самом деле, куда к черту я дену Пита?

Ведь кота нельзя отдать другим людям, как собаку: это против кошачьей натуры. Иногда кот привыкает к дому, но к Питу это не относится: с тех пор как девять лет назад его забрали от его кошачьей мамы, единственной стабильной вещью в этом изменчивом мире стал для него я. Даже в армии я умудрился держать его при себе, а уж там-то ради этого пришлось покрутиться.

Er war bei guter Gesundheit. Daran würde sich auch nicht viel ändern, wenn seine Narben den ganzen Körper bedeckten. Ohne die fatale Neigung, ständig mit der Rechten zuzuschlagen, würde er mindestens die nächsten fünf Jahre hindurch noch Schlachten gewinnen und Nachkommen in die Welt setzen können.

Ich hätte ihn in einem Tierheim pflegen – undenkbar! – oder einschläfern lassen können – ebenso undenkbar! Oder ich könnte ihn einfach im Stich lassen. Darauf läuft es bei einer Katze immer hinaus: entweder man bleibt eisern dabei, oder man setzt das arme Wesen aus, lässt es verwildern und zerstört seinen Glauben an die ewige Rechtschaffenheit aller Dinge. Wie Betty es bei mir getan hatte.

Also dann, mein Junge, vergiß das möglichst schnell.
Dein eigenes Leben kann so verpfuscht sein, wie du willst, das entlässt dich keineswegs aus deinem Vertrag mit dieser verzogenen Katze.

Gerade als ich bei dieser philosophischen Wahrheit angelangt war, nieste Pete. Die Kohlensäure war ihm in die Nase gestiegen.

"Gesundheit", erwiederte ich, "und sauf gefälligst nicht so schnell."

Pete beachtete mich nicht.
Seine Tischsitten waren im großen und ganzen weit besser als meine, und das wußte er ganz genau. Unser Kellner hatte sich an die Registrierkasse gelehnt und sich mit dem Kassierer unterhalten. Es war die ruhige Zeit nach dem Mittagessen, und wenige Gäste saßen in der Bar.
Der Kellner hob den Kopf, als ich ›Gesundheit‹ sagte, und murmelte dem Kassierer etwas zu. Sie sahen beide zu uns herüber, dann öffnete der Kassierer die Klapptür in der Theke und kam auf uns zu. "Abtauchen, Pete", flüsterte ich.

Er schaute sich um und verschwand in der Tasche. Ich drückte sie oben zusammen. Der Kassierer kam heran und beugte sich über meinen Tisch, wobei er hastig die Sitze in Augenschein nahm.

"Tut mir leid", sagte er tonlos, "aber die Katze müssen Sie fortschaffen."

Он был в добром здравии и, вероятно, болеть не собирался, хотя и держался весь на одних шрамах и рубцах. Если бы он отучился чуть что лезть в драку, то, наверное, еще лет пять исправно обеспечивал бы окрестных кошек котятами.

Я бы мог заплатить, чтобы его держали в конуре до конца его дней, что совершенно немыслимо, или сдать ветеринару, чтобы его усыпили, что тоже совершенно немыслимо, или просто бросить его. С кошками, в сущности, так: или ты несешь крест свой до конца, или бросаешь бедную тварь, и она дичает и теряет веру в высшую справедливость (именно таким образом Белла поступила со мной).

Так что, дружище, можешь забыть об этом деле. Жизнь твоя пошла вкривь и вкось, но это ни в коей мере не освобождает тебя от твоих обязательств перед этим насквозь испорченным котом.

Когда я достиг этих философских истин, Пит чихнул: это газ шибанул ему в нос.

— Gesundheit! — сказал я ему, — и не пей так быстро.

Но Пит этот совет проигнорировал. За столом он умел вести себя лучше, чем я, и знал это. Наш официант ошивался у кассы, болтая с кассиром. Время ленча уже кончилось, и немногочисленные посетители сидели у стойки бара. Когда я сказал «gesundheit!», официант взглянул в нашу сторону и что-то шепнул кассиру. Оба посмотрели на меня, потом кассир поднял крышку стойки и пошел к нам. Я тихо сказал: — Полиция, Пит.

Подойдя к столику, кассир огляделся и вдруг потянулся к сумке, но я сдвинул ее края плотнее.

— Извини, приятель, — сказал он без выражения, — но кота придется отсюда убрать.

"Welche Katze?"

— Какого кота?

"Die Sie eben aus der Untertasse gefüttert haben."

— Которого ты кормил из этого блюдца.

"Ich sehe keine Katze."

— Не вижу тут никакого кота.

Diesmal bückte er sich und schaute unter den Tisch.

Тут он нагнулся и заглянул под стол.

"Sie haben sie in der Tasche versteckt", beschuldigte er mich.

— Он у тебя в этом мешке.

"Tasche? Katze", sagte ich staunend. "Mein lieber Freund, ich glaube, Sie haben Halluzinationen."

— Кот в мешке? — удивленно переспросил я. — Друг мой, это что — в переносном смысле?

"Was? Lassen Sie das Gerede. Sie haben eine Katze in dieser Tasche. Machen Sie sie auf."

— Чего?! Ты давай не умничай. У тебя в сумке кот. Ну-ка, открой!

"Haben Sie einen Durchsuchungsbefehl?"

— А ордер на обыск у тебя есть?

"Was? Ach, machen Sie sich doch nicht lächerlich." "Sie machen sich lächerlich, wenn Sie in meiner Tasche kramen wollen, ohne einen Durchsuchungsbefehl zu haben. Vierter Verfassungszusatz — und der Krieg ist seit Jahren vorbei. Nachdem also das geregelt wäre, sagen Sie bitte dem Kellner, daß er dasselbe noch einmal bringen soll — oder holen Sie es selber."

— Не болтай глупости. Ордер... — Это ты болтаешь глупости: требуешь показать, что у меня в сумке, без ордера на обыск. Четвертая поправка к Конституции позволяет обыскивать без ордера только в военное время, а война уже давно кончилась. Теперь, если с этим все ясно, скажи, пожалуйста, офицанту, чтобы повторил все еще разу. Или сам принеси.

Er machte ein leidendes Gesicht.

Лицо кассира приобрело страдальческое выражение.

"Mein Herr, ich meine es nicht persönlich, aber ich muß schließlich an meine Lizenz denken. ›Keine Hunde, keine Katzen‹ — dort oben an der Wand hängt das Schild. Wir bemühen uns, ein sauberes Lokal zu führen."

— Дружище, я ничего не имею против тебя, но — я же беспокоюсь за свою лицензию. Видишь табличку вон там, на стене? Там же сказано: с собаками и кошками нельзя. Мы стараемся содержать наше заведение в отличном санитарном состоянии.

"Dann hat sich die Mühe aber schlecht gelohnt." Ich nahm mein Glas vom Tisch. "Sehen Sie die Lippenstiftspuren? Sie sollten sich lieber um Ihre Spülerin kümmern, anstatt Ihre Gäste zu durchsuchen."

— Плохо стараетесь. — Я взял со стола свой стакан. — Видишь следы губной помады? Так что лучше следи за своей судомойкой, а не за клиентами.

"Ich sehe keinen Lippenstift."

— Не вижу я тут никакой помады!

"Weil ich das meiste schon abgewischt habe. Aber gehen wir doch zum Gesundheitsamt, und lassen wir eine Bakterienprüfung machen."

Er seufzte.

"Haben Sie einen Dienstausweis?"

"Nein."

"Dann sind wir quitt. Ich durchsuche Ihre Tasche nicht, und Sie gehen nicht zum Gesundheitsamt. Wenn Sie noch etwas trinken wollen, dann bitte an der Bar ... das Haus bezahlt. Aber nicht hier." Er drehte sich auf dem Absatz um und ging. Ich zuckte die Achseln.

"Wir wollten sowieso gerade verschwinden."

Als ich am Kassierer vorbeikam, hob er den Kopf.

"Sie tragen mir nichts nach?"

"Nein. Aber ich wollte eigentlich später mein Pferd zu einem kleinen Drink hereinbringen. Jetzt denke ich nicht mehr daran."

"Wie Sie wollen. Von Pferden steht nichts im Gesetz. Aber noch eine Frage – trinkt die Katze wirklich Ginger-Ale?"

"Vierter Verfassungszusatz, haben Sie's vergessen?"

"Ich will das Tier nicht sehen. Ich möchte nur Bescheid wissen."

"Tja", gestand ich, "er mag es zwar lieber mit einem Spritzer Bitters, aber wenn es sein muß, trinkt er es auch pur."

"Schlecht für die Nieren. Schauen Sie einmal dort hinauf."

"Wohin?"

— А я ее стер... в основном. Ну, давай отвезем этот стакан в санитарную лабораторию, пусть там сосчитают бактерий.

Он вздохнул.

— Ты что — инспектор?

— Нет.

— Тогда квиты. Я не лезу в твою сумку, а ты не тащишь меня в санитарную службу. Так что, если хочешь выпить еще, ступай к стойке и пей. За счет заведения. Но не здесь, не за столиком.

— Мы, собственно, собирались уходить.

Когда, шагая к выходу, я поравнялся с кассой, он поднял голову.

— Ты не обиделся?

— Не-а. Просто я собирался на днях заглянуть сюда выпить со своей лошадью. Теперь не приду.

— Зря: в санитарных правилах про лошадей нет ни слова. Я вот хотел спросить тебя только об одном: твой кот правда пьет имбирное пиво?

— Ты про Четвертую поправку помнишь?

— Я же не прошу показать мне кота. Я просто хочу знать.

— Ну, вообще-то, — ухмыльнулся я, — он вообще-то предпочитает «ерша», но и неразбавленный тоже пьет, когда приходится.

— Почки испортит. Глянь вон туда, друг.

— Куда?

"Lehnen Sie sich zurück, so ... Jetzt schauen Sie an die Decke über den Nischen ... die Spiegel oben in der Dekoration. Ich wußte, daß Sie eine Katze bei sich hatten, weil ich sie sehen konnte."

Ich lehnte mich zurück. Die Decke des Lokals war mit billigem Zierat geschmückt, einschließlich zahlreicher Spiegel. Ich entdeckte jetzt, daß einige davon, in der Dekoration versteckt, so angebracht waren, daß der Kassierer sie als Periskope benützen konnte, ohne seinen Platz zu verlassen.

"Das ist nötig", meinte er entschuldigend. "Sie wären schockiert, wenn Sie wüßten, was oft in diesen Nischen vor sich geht ... wenn wir die Leute nicht im Auge behielten. Eine traurige Welt."

"Und ob."

Ich ging hinaus. Im Freien öffnete ich die Tasche und trug sie an einem Griff. Pete steckte den Kopf heraus.

"Du hast gehört, was der Mann sagte, Pete. ›Eine traurige Welt.‹ Mehr als traurig, wenn zwei Freunde nicht einmal mehr in aller Ruhe einen heben können, ohne gleich bespitzelt zu werden. Das schlägt dem Faß den Boden aus."

"Naow?" fragte Pete.

"Wenn du meinst. Es hat eigentlich keinen Sinn, noch lange herumzigrübeln, wenn wir es tun wollen."

"Naow!" erklärte Pete nachdrücklich.

"Einstimmig angenommen. Drüben auf der anderen Straßenseite."

— Откинься назад, чтобы твоя голова оказалась рядом с моей. Теперь посмотри на потолок над кабинками. Видишь зеркала среди украшений? Я знал, что там кот, потому что я видел его.

Я сделал, как он сказал, и взглянул. Потолок в забегаловке был весь разукрашен, в том числе и зеркалами. Теперь я увидел, что некоторые из них были наклонены под таким углом, что кассир мог смотреть в них, как в перископы, не покидая своего поста.

— Приходится, — сказал он извиняющимся тоном. — Видел бы ты, что в этих кабинках творится... то есть творилось бы, если бы мы за ними не приглядывали. Скверный это мир.

— Аминь, брат.

Я пошел к двери. Снаружи я открыл сумку и понес ее за одну ручку. Пит высунул голову наружу.

— Слышал, что сказал этот тип? «Это скверный мир». Даже хуже, если два друга не могут спокойно выпить без того, чтобы за ними не шпионили. Так что решено.

— Ha-a-y? — спросил Пит.

— Как скажешь. Раз уж решили, чего тянуть?

— Мнау! — с энтузиазмом ответил Пит.

— Единогласно. Это как раз напротив.

Die Empfangsdame der Mutual-

Versicherungsgesellschaft war ein wunderbares Beispiel für die Schönheit von Zweckkonstruktionen. Trotz einer Stromlinienform, die vielleicht für vierfache Schallgeschwindigkeit gereicht hätte, stellte sie frontmontierte Radargehäuse und alles andere aus, was sie für ihre Aufgabe brauchte. Ich rief mir ins Gedächtnis, daß sie eine uralte Dame sein würde, bis ich wieder herauskäme, und erklärte ihr, daß ich einen Verkäufer zu sprechen wünschte.

"Nehmen Sie bitte Platz. Ich werde nachsehen, ob einer unserer Kundendienstleiter frei ist."

Bevor ich mich hinsetzen konnte, setzte sie hinzu: "Unser Mr. Powell wird Sie empfangen. Kommen Sie bitte mit."

Unser Mr. Powell benützte ein Büro, das verriet, über welch gesunde finanzielle Grundlage die Mutual verfügte.

Er gab mir eine feuchte Hand, drückte mich auf einen Stuhl, bot mir eine Zigarette an und versuchte, mir die Tasche abzunehmen. Ich ließ sie nicht los.

"Wie können wir Ihnen behilflich sein, Sir?"

"Ich möchte den Langen Schlaf."

Seine Brauen schossen in die Höhe, und sein Benehmen verriet sofort großen Respekt. Zweifellos würde die Mutual für sieben Dollar einen Werbespruch schreiben, aber der Lange Schlaf ließ die gesamte Habe eines Klienten in ihre Klauen geraten.

"Eine sehr weise Entscheidung", sagte er ehrfürchtig. "Ich wäre froh, wenn ich ebenfalls dazu in der Lage wäre. Aber ... die Verantwortung für eine Familie, wissen Sie." Er nahm ein Formblatt vom Schreibtisch. "Schlafklienten haben es meist sehr eilig. Ich möchte Ihnen Zeit und Mühe sparen helfen, indem ich das für Sie ausfülle ... und Ihre Untersuchung werden wir sofort veranlassen."

"Einen Augenblick."

"Wie?"

Секретарша в приемной «Мьючел эшшуранс

компани» оказалась великолепным образцом функционального дизайна. Элегантно-обтекаемая, как гоночная машина, которую можно разогнать до скорости в 4М, она была оснащена этакой радарной установкой переднего базирования и всем остальным, необходимым для несения вахты. Я одернул себя, вспомнив, что она уже будет бабушкой, когда я проснусь, и сказал, что хотел бы побеседовать с продавцом.

— Присядьте, пожалуйста. Я сейчас узнаю, кто из наших агентов свободен.

Но прежде чем я успел сесть, она объявила: — Вас примет сам мистер Пауэлл. Сюда, пожалуйста.

«Сам мистер Пауэлл» занимал кабинет, своими размерами внушавший посетителям, что дела у фирмы идут очень недурно. Он пожал мне руку (ладонь у него была потная), усадил в кресло, предложил сигарету и хотел было принять мою сумку, но я не выпустил ее из рук.

— Ну-с, сэр, чем могу служить?

— Я хочу купить Долгий Сон.

Брови у него одобрительно поползли наверх, а манеры стали еще обходительнее. Семидолларовой сделкой «Мьючел», похоже, тоже не побрезговала бы, но Долгий Сон — это шанс наложить лапу на все состояние клиента.

— Очень мудрое решение, — произнес он почтительно. — Будь я свободен — сам бы поступил точно так же. Но... семья, заботы, сами понимаете. — Он протянул руку и достал бланк. — Клиенты-«сонники» обычно торопятся. Позвольте, я сэкономлю ваше время и заполню это сам... а медосмотр мы мигом организуем.

— Одну минуту.

— Да?

"Eine Frage. Sind Sie in der Lage und willens, den Kaltschlaf für eine Katze zu arrangieren?"

Ich machte die Tasche auf; Pete steckte den Kopf heraus.

"Darf ich Ihnen meinen Freund vorstellen?

Beantworten Sie bitte meine Frage. Wenn die Antwort »nein« lautet, möchte ich zur Central Valley Liability. Diese Gesellschaft hat ihre Büroräume doch im selben Haus, nicht wahr?"

Diesmal war er entsetzt.

"Mister ... ich habe Ihren werten Namen nicht verstanden."

"Dan Davis."

"Mr. Davis, sobald jemand hier eintritt, befindet er sich unter dem wohlwollenden Schutz der Mutual. Ich kann Sie nicht zur Central Valley gehen lassen."

"Wie wollen Sie denn das verhindern? Können Sie Judo?"

"Ich bitte Sie!" Er sah sich nervös um. "Unsere Gesellschaft ist eine ethische Firma."

"Die Central Valley etwa nicht?"

"Das haben Sie gesagt, nicht ich. Mr. Davis, ich möchte Sie nicht beeinflussen." "Das wird Ihnen auch kaum gelingen."

— Один вопрос. Вы можете организовать Холодный Сон и для моего кота?

Он удивился. Потом нахмурился.

— Вы шутите. Я открыл сумку: Пит высунул голову.

— Вот, познакомьтесь — мой кореш; и ответьте, пожалуйста, на вопрос. Если нет, то я потопал в «Сентрал вэли лайабилити». Их контора ведь тоже в этом здании?

Теперь он выглядел напуганным.

— Мистер... э-э, извините, я не разобрал вашего имени?

— Дэн Дэвис.

— Мистер Дэвис, человек, вошедший в эту дверь, находится под покровительством «Мьючел эшшуранс». Я не могу отпустить вас в «Сентрал вэли».

— И как же вы намерены меня не пустить? С помощью приемов дзюдо?

— Ну зачем вы так!
— Он расстроенно огляделся по сторонам. — В нашей фирме знают, что такое этика.

— Хотите сказать, что в «Сентрал вэли» не знают?

— Я этого не говорил; это ваши слова. Мистер Дэвис, я не хочу на вас давить... — И не надо. Не удастся.

"... aber beschaffen Sie sich von jeder Gesellschaft Musterverträge. Nehmen Sie einen Anwalt, besser noch: einen lizenzierten Semantiker. Prüfen Sie, was wir anbieten, und vergleichen Sie es mit dem, was Central Valley behauptet, offerieren zu können." Er schaute sich wieder um und rückte näher heran. "Ich darf das eigentlich gar nicht weitersagen – ich hoffe, daß Sie es für sich behalten –, aber dort benützt man nicht einmal die üblichen Tabellen." "Vielleicht kommt das dem Kunden zugute."

"Wie? Mein lieber Mr. Davis, wir bringen den gesamten Vermögenszuwachs zur Ausschüttung. Das verlangt unsere Satzung ... während Central Valley eine Aktiengesellschaft ist."

"Vielleicht sollte man sich ein paar Aktien kaufen – hören Sie, Mr. Powell, wir verschwenden nur Zeit. Nimmt die Mutual meinen Freund hier an, oder nicht? Wenn nicht, dann habe ich mich hier schon viel zu lange aufgehalten."

"Sie meinen, Sie wollen dafür bezahlen, daß diesem Wesen die Hypothermie zugute kommen soll?"

"Ich meine, daß wir beide den Langen Schlaf haben wollen. Und nennen Sie ihn nicht ›Wesen‹, er heißt Petronius."

"Verzeihung, lassen Sie mich anders fragen. Sie wären bereit, zwei Treuhandhonorare zu erlegen, damit Sie beide, Sie und – äh – Petronius in unser Sanktum aufgenommen werden können?"

"Ja, aber nicht zwei Normal-Honorare. Ich will natürlich etwas drauflegen, aber Sie können uns beide in denselben Sarg stopfen. Für Pete dasselbe wie für einen Menschen zu verlangen, wäre doch alles andere als ehrlich."

"Das ist äußerst ungewöhnlich."

"Selbstverständlich. Aber über den Preis sprechen wir später ... oder ich verhandle mit der Central Valley. Im Augenblick interessiert mich nur, ob Sie es ermöglichen können."

— Но возьмите образцы контрактов из каждой компании. Сходите к адвокату, а еще лучше — к юристу-текстологу. Разберитесь в том, что мы предлагаем — и выполняем! — и сравните с тем, что предлагает и якобы выполняет «Сентрал вэли». — Он опять огляделся и подвинулся ко мне вплотную. — Мне бы не следовало этого говорить — и я надеюсь, вы не станете на меня ссылаться, — но они даже не пользуются стандартными актуарными таблицами. Мы... — Зато они, наверное, дают своим клиентам шанс?

— Что? Дорогой мистер Дэвис, мы распределяем между клиентами всю прибыль. Это требование нашего устава. А вот «Сентрал вэли» — акционерная компания.

— Тогда, может, мне стоит купить их ак... Слушайте, мистер Пауэлл, мы тратим время даром. Берет «Мьючел» моего дружка в клиенты или нет? Если нет, то я и так уже, наверное, подзадержался у вас.

— Вы хотите сказать, что готовы заплатить за то, чтобы эту тварь сохранили для вас в состоянии гипотермии?

— Я хочу сказать, что хочу купить Долгий Сон для нас обоих. И не называйте его «эта тварь». Его зовут Петроний.

— Пардон. Я сформулирую вопрос по-другому. Вы готовы внести соответствующую плату за то, чтобы мы поместили вас обоих — вас и, э-э, Петрония — в наше Хранилище?

— Да. Но не двойную плату. Что-то сверх обычной платы, конечно, но вы можете запихать нас обоих в один гроб. Ведь нечестно брать за Пита столько же, сколько вы берете за человека.

— Все это очень необычно.

— Безусловно. Но о цене мы поговорим позже. Или я буду торговаться с «Сентрал вэли». А сейчас я хочу выяснить, можете ли вы в принципе это сделать.

"Äh ..." Er trommelte mit den Fingern auf die Tischplatte. "Einen Augenblick bitte." Er nahm den Telefonhörer ab und sagte: "Opal, verbinden Sie mich mit Dr. Berquist."

Mehr hörte ich vom Gespräch nicht, weil er den Mithörschütz einschaltete. Aber nach einer Weile legte er den Hörer auf die Gabel zurück und lächelte strahlend, als sei ein reicher Erbonkel gestorben.

"Gute Nachrichten, Sir! Ich hatte momentan übersehen, daß die ersten erfolgreichen Experimente mit Katzen durchgeführt wurden. Technik und kritische Faktoren bei Katzen stehen längst fest. Tatsächlich gibt es im Marineforschungslabor in Annapolis eine Katze, die seit über zwanzig Jahren in Hypothermie gelebt hat und noch lebt."

"Ich dachte, das MFL sei bei der Bombardierung Washingtons vernichtet worden?"

"Nur die Oberflächenbauten, Sir, nicht die Tiefgewölbe. Das ist ein Beweis dafür, wie vollkommen die Technik bereits ist. Das Tier war über zwei Jahre lang nur von automatischen Maschinen behütet ... dabei lebt es immer noch, unverändert, ungealtert. Wie Sie leben werden, Sir, solange Sie sich der Mutual anvertrauen wollen."

Ich befürchtete schon, er wollte in dieser Tonart weiterreden.

"Schon gut, schon gut, dann fangen wir mit dem Handel an." Vier Faktoren waren zu beachten: erstens, wie wir für unseren Winterschlaf bezahlen wollten; zweitens, wie lange ich zu schlafen gedachte; drittens, wie mein Geld investiert werden sollte, solange ich im Kühlhaus steckte; viertens und letztens, was passierte, wenn ich nicht mehr aufwachen sollte.

— Хм-м... — Он побарабанил пальцами по крышке стола. — Одну минуту. — Он снял трубку и сказал: — Беатрис, дайте мне доктора Берквиста.

Остальную часть беседы я не услышал. Он включил устройство, не позволяющее подслушивать. Но через некоторое время он положил трубку и улыбнулся так, словно у него умер богатый дядюшка.

— Хорошие новости, сэр! Я как-то совсем упустил из виду, что первые эксперименты проводились именно на кошках. Техника и критические параметры для них вполне известны. Как выяснилось, в одной лаборатории ВМС в Аннаполисе есть кот, который уже более двадцати лет в анабиозе.

— А я думал, весь тамошний военно-исследовательский комплекс разнесло, когда накрыли Вашингтон?

— Только наземные сооружения, сэр. Подземные уцелели. Так что это даже свидетельствует о совершенстве техники: свыше двух лет за этим котом следила только автоматика... и все же он жив — цел, невредим и молод. И вы, сэр, тоже проживете столько, на сколько вверите себя нашей фирме.

Мне показалось, что он сейчас осенит себя крестным знамением.

— Ладно-ладно, поехали дальше. Что у нас там еще? «Еще» оказалось четыре. Первое — как платить за наше «обслуживание», пока мы нежимся в анабиозе. Второе — как долго я намерен проспать. Третье — во что я хотел бы вложить свои деньги, пока лежу в морозилке; и наконец, что будет, если я отда姆 концы и не проснусь.

Ich bestimmte schließlich das Jahr 2000, eine hübsche, runde Zahl, und nur dreißig Jahre in der Zukunft. Ich hatte Angst, mich überhaupt nicht mehr zurechtzufinden, wenn ich mich auf einen längeren Zeitraum einließ.

Die Veränderungen der letzten dreißig Jahre – genauso lange war ich auf der Welt – reichten wirklich aus, um einem das Gruseln zu lehren: zwei große Kriege und ein Dutzend kleine, der Untergang des Kommunismus, die Große Panik, die Erdsatelliten, die Umstellung auf Atomenergie – du lieber Himmel, in meiner Kindheit gab es ja noch nicht einmal Multimorpha.

A. D. 2000 mochte mir ziemlich verwirrend erscheinen, aber wenn ich nicht wenigstens so weit in die Zukunft hineinsprang, reichte für Betty die Zeit nicht, sich eine schöne Sammlung von Falten zuzulegen.

Als wir auf die Frage zu sprechen kamen, wie mein Geld anzulegen sei, lehnte ich den Kauf von Staatsanleihen und ähnlich konservativen Anlagepapieren ab; die Inflation ist in unser Finanzsystem fest eingebaut. Ich beschloß, meinen Anteil an der ›Dienstboten-AG‹ zu behalten und das Bargeld in anderen Industrieaktien anzulegen, unter besonderer Berücksichtigung einiger Strömungen, die mir vielversprechend erschienen. Die Automation stand erst am Anfang. Ich wählte auch eine Düngemittelfabrik aus San Francisco; sie experimentierte mit Hefen und eßbaren Algen – die Bevölkerung wuchs mit jedem Jahr, und die Steaks würden sicherlich nicht billiger werden. Den Rest des Geldes wünschte ich in den Treuhandfonds der Versicherung einzubringen.

Я выбрал двухтысячный год — круглое число, и всего в тридцати годах отсюда.

Я побоялся, что если я просплю дольше, то совершенно растеряюсь в новом времени.

Изменений, происшедших за последние тридцать лет — за мою жизнь, — достаточно, чтобы у человека глаза на лоб полезли: две больших войны и десяток малых, Великая Паника, искусственные спутники, переход на атомную энергию — да мало ли чего еще не было, когда я был мальчишкой, а теперь вот есть.

Возможно, что и в 2000-м я растеряюсь. Но если я не заберусь так далеко, то Белле не хватит времени для отращивания морщин.

Когда мы взялись решать, во что вложить деньги, я даже не стал обсуждать всякие государственные займы и прочие традиционные капиталовложения, потому что инфляция просто встроена в нашу финансовую систему. Я решил сохранить свои акции «Золушки» и вложить деньги в акции некоторых других компаний. Скажем, будет развиваться автоматика. Еще я выбрал одну фирму в Сан-Франциско, выпускавшую удобрения: она экспериментировала с дрожжами и съедобными водорослями; людей на свете с каждым годом все больше, а мясо дешеветь не собирается. А всю образующуюся прибыль я поручил мистеру Пауэллу вкладывать в фонд доверительного управления их компании.

Aber die entscheidende Frage war doch: Was sollte geschehen, wenn ich im Kaltschlaf starb? Die Gesellschaft behauptete, die Chancen stünden besser als siebzig Prozent, daß ich dreißig Jahre Kaltschlaf überleben würde ... und die Versicherung würde die Wette von beiden Seiten her halten. Die Chancen galten aber nicht umgekehrt, und das hatte ich auch nicht erwartet; bei jedem ehrlichen Glücksspiel hat die Bank leichte Vorteile. Nur betrügerische Spieler behaupten, dem Anfänger die besseren Chancen geben zu wollen, und das Versicherungsgeschäft ist ein gesetzlich zugelassenes Glücksspiel.

Die älteste Versicherungsfirma mit dem besten Ruf, Lloyds of London, macht keine Ausflüchte – Lloyds' Partner übernehmen die Deckung jeder Wette von beiden Seiten. Aber bessere Aussichten als 50 zu 50 darf man nicht erwarten; irgend jemand muß ja für die maßgeschneiderten Anzüge unseres Mr. Powell bezahlen. Ich entschied, daß jeder Cent meines Vermögens im Fall meines Ablebens dem Treuhandfonds der Gesellschaft zufallen sollte ... wofür mich Mr. Powell beinahe umarmt hätte, so daß ich mich zu fragen begann, wie optimistisch diese 7:3-Voraussage eigentlich sei. Aber ich blieb dabei, weil mich das, wenn ich weiterlebte, zum Erben aller anderen Kunden mit dem gleichen Entschluß machte, wenn diese starben ... Russisches Roulette, wobei den Überlebenden die Jetons zufielen und die Gesellschaft wie üblich den Anteil der Bank einheimste.

Ich wählte jede Möglichkeit des höchstmöglichen Gewinnes, ohne einen Ausgleich für eine Pechsträhne zu schaffen. Mr. Powell verehrte mich, wie der Croupier einen Anfänger liebt, der ausschließlich auf Zero setzt. Als wir mein Vermögen aufgeteilt hatten, wollte er sich bei Pete besonders erkenntlich zeigen; wir einigten uns auf 15 Prozent des üblichen Honorars für Petes Winterschlaf und setzten für ihn einen eigenen Vertrag auf.

Dann fehlten nur noch die gerichtliche Genehmigung und eine ärztliche Untersuchung. Letztere störte mich nicht im geringsten; seit die Gesellschaft auf meinen Tod gewettet hatte, würde man mich sogar in den letzten Stadien der Schwarzen Krankheit akzeptieren, wie mir schien. Aber die Genehmigung eines Richters einzuholen würde wohl ziemlich viel Zeit in Anspruch nehmen. Das mußte sein, weil ein Klient im Kaltschlaf gesetzlich unter Vormundschaft stand; er war am Leben, aber hilflos.

Но главный-то вопрос был — что делать, если я отдаю концы, находясь в анабиозе. Фирма утверждала, что у меня больше семи шансов из десяти проспать Холодным Сном тридцать лет, и была готова принять ставку на любой исход. Шансы были неравны, да я иного и не ожидал: в любой азартной игре в выигрыше всегда тот, у кого в руках банк. Шулерам выгодно делать вид, что новичку везет, а страхование — это узаконенное шулерство. Самая старая и почтенная страховая фирма в мире — лондонский Ллойд — не стесняется признавать это: представители Ллойда могут принять ставку на любой стороне любого пари. Но насчет своих шансов не обольщайтесь: кто-то же должен платить портному за отличные костюмы, что носит «сам мистер Пауэлл»...

Я решил, что в случае моей смерти, все деньги до последнего цента отходят в пользу компании, отчего мистер Пауэлл чуть не расцеловал меня, и я начал подозревать, что семь шансов из десяти, наверное, — приманка для оптимистов. Но я уперся на этом условии, потому что становился наследником (если выживу) всех тех, кто подпишет аналогичный контракт (если они умрут). Эта «русская рулетка»: кто уцелеет — собирает бабки. А фирма, как всегда, гребет свои проценты.

Я поставил на возможность получить максимальную прибыль, не подстраховываясь на случай ошибки в выборе. Мистер Пауэлл просто исходил любовью ко мне, словно крупье к новичку, упорно ставящему на зеро. А к тому времени, как мы оценили стоимость моего имущества, у него хватило ума не жмотничать в отношении Пита. Мы поладили на пятнадцати процентах от «человеческой» цены за его замораживание и оформили на него отдельный контракт.

Оставалось заверить бумаги в суде и пройти медосмотр. За медосмотр я не волновался: я крепко подозревал, что после того, как я решил завещать свое «состояние» компании в случае моей смерти, они протащат меня через медосмотр в любом случае, даже будь у меня последняя стадия черной осипы. Однако оформление бумаг в суде, наверное, долгая история. И неспроста: клиент в состоянии Холодного Сна юридически является лицом подопечным — живой, но беспомощный.

Ich hätte mir keine Sorgen zu machen brauchen. Unser Mr. Powell ließ von neunzehn verschiedenen Dokumenten vierfache Originale herstellen. Ich unterschrieb, bis sich die Finger verkrampten. Ein Bote sauste mit den Papieren davon, während ich zur ärztlichen Untersuchung ging; den Richter bekam ich nicht einmal zu Gesicht.

Die Untersuchung verlief bis auf eine Kleinigkeit normal.

Am Ende sah mir der untersuchende Arzt streng in die Augen.

"Sagen Sie mal, wie lange geht das jetzt schon mit dieser Sauferei?"

"Sauferei?"

"Sauferei."

"Wie kommen Sie darauf, Doktor? Ich bin so nüchtern wie Sie. >Fischers Fritz fischt frische Fische ...<"
"Lassen Sie den Unsinn und antworten Sie."

"Nun ... ungefähr zwei Wochen, würde ich sagen.
Vielleicht auch ein bißchen länger."

"Quartalssäufer? Wie oft haben Sie das vorher schon gemacht?"

"Um genau zu sein, überhaupt noch nie.
Wissen Sie ..." Ich begann ihm zu erzählen, was mir Betty und Miles angetan hatten. Er hob abwehrend die Hand.

"Bitte. Ich habe selber Sorgen, außerdem bin ich kein Psychiater.
Ich interessiere mich wirklich nur dafür, ob Ihr Herz die Belastung erträgt, die durch die Abkühlung Ihres Körpers auf vier Grad Celsius eintritt. Und es erträgt sie.
Normalerweise ist mir gleichgültig, warum sich jemand in ein Loch verkriecht und es dann hinter sich zuschüttet. Ich sage mir immer, daß dann eben ein Narr weniger herumläuft. Ein Rest von beruflichem Gewissen hindert mich aber daran, irgendeinen Menschen, so armselig er auch sein mag, in einen von diesen Särgen steigen zu lassen, solange sein Gehirn vor Alkohol trieft.
Drehen Sie sich um."

Я зря беспокоился. «Сам мистер Пауэлл» уже велел размножить все девятнадцать документов в четырех экземплярах.

Я подписывал их, пока пальцы не свело, и посыльный умчался с ними в суд, когда меня повели на медосмотр. Мне даже не довелось взглянуть на судью.

Медосмотр оказался обычной нудной процедурой, за исключением одного момента. Заканчивая осмотр, врач посмотрел мне прямо в глаза и спросил:

— Давно пьешь, сынок?

— Пью?

— Пьешь.

— С чего вы взяли, доктор? Я не пьянее вас.
Вот: на дворе трава, на траве... — Все-все, хватит.
Отвечайте на вопрос.

— Ну... недельки две, наверное. Может, чуть больше.

— Запой? Сколько раз это случалось раньше?

— Да, честно говоря, ни разу. Понимаете, я... — Я начал рассказывать ему, как обошлись со мной Майлс с Беллой и почему я чувствую себя так... Он выставил перед собой ладонь.

— Прошу вас, довольно. Мне хватает своих переживаний, и я не психиатр. Все, что меня сейчас интересует — выдержит ли ваше сердце охлаждение до плюс четырех градусов. И обычно меня не волнует, почему человек настолько псих, что лезет в норку и закрываетя изнутри. Я считаю, одним дураком меньше под ногами мотается.
Но те скучные крохи профессиональной добросовестности, что у меня остались, не позволяют мне допустить, чтобы человек — любой, даже самый жалкий — влез в этот гроб, если у него мозг пропитан алкоголем. Повернитесь.

"Was?"

— A?

"Drehen Sie sich um. Ich muß Ihnen eine Spritze geben."

Ich drehte mich um, und er verabreichte sie mir. Während ich mir die schmerzende Stelle rieb, meinte er: "Jetzt trinken Sie das hier. In ungefähr zwanzig Minuten werden Sie nüchterner sein als seit Wochen. Wenn Sie ein bißchen Verstand haben – was ich bezweifle –, können Sie sich alles in Ruhe überlegen und entscheiden, ob Sie vor Ihren Schwierigkeiten davonlaufen ... oder sich als Mann damit auseinandersetzen wollen."

Ich trank.

"Das wäre alles. Sie können sich anziehen. Ich unterschreibe Ihre Papiere, aber lassen Sie sich gesagt sein, daß ich bis zur letzten Minute Einspruch erheben kann.

Keinen Alkohol mehr, ein leichtes Abendessen und kein Frühstück. Kommen Sie morgen mittag zur abschließenden Untersuchung."

Er wandte sich ab und verabschiedete sich nicht einmal. Ich zog mich an und suchte zornig das Weite. Powell hatte alle Papiere fertig. Als ich sie nahm, sagte er: "Sie können sie auch hierlassen und morgen mittag abholen – die Ausfertigung für das Gewölbe meine ich natürlich."

"Und was geschieht mit den anderen?"

"Eine Ausfertigung behalten wir, und nach Ihrem Eintritt hier wird eine zweite bei Gericht, die dritte an die Archive in den Carlsbader Höhlen eingereicht. Hat der Arzt erwähnt, wie Sie sich mit dem Essen einrichten müssen?"

"Allerdings." Ich studierte die Dokumente, um meinen Ärger zu verbergen.

Powell griff nach ihnen.

"Ich bewahre sie über Nacht sicher auf."

— Повернитесь. Уколю в левую ягодицу.

Что мы и сделали: я повернулся, он уколол.

Пока я потирал место укола, он продолжил: — Теперь выпейте это. Минут через двадцать вы будете трезвее, чем были месяц назад. После этого, если у вас осталось какое-то благородное (в чем я сомневаюсь), обдумайте свое положение и решите, надо ли вам сбегать от своих проблем или стоит попытаться решить их по-мужски.

Я выпил то, что он мне дал.

— Все, можете одеваться. Я подписываю ваши бумаги, но я вас предупреждаю, что могу наложить на них вето даже в последнюю минуту. Никакого спиртного; легкий ужин; и не завтракать. Придете к двенадцати для окончательной проверки.

Он отвернулся, даже не попрощавшись. Я оделся и вышел, обиженный до боли. Мистер Пауэлл уже подготовил все мои бумаги. Когда я их взял, он сказал: — Вы можете оставить их здесь, если хотите, и взять завтра в двенадцать — тот комплект, который вы заберете с собой в ячейку.

— А что будет с остальными тремя?

— Один комплект мы храним у себя. После того как мы поместим вас на хранение, один экземпляр уйдет в суд, а еще один — в Карлсбадский архив. Э-э, насчет диеты вас доктор предупредил?

— Да уж, еще как.

— Чтобы скрыть раздражение, я стал листать бумаги.

Мистер Пауэлл протянул руку.

— Я сберегу их тут до завтра, если позволите.

Ich zog sie zurück.

Я потянул их к себе.

"Das kann ich selbst. Vielleicht möchte ich noch Aktien umtauschen."

"Äh – dafür ist es aber reichlich spät, mein lieber Mr. Davis."

"Nur nicht drängeln. Wenn ich noch etwas geändert haben will, komme ich morgen früher."

Ich öffnete die Tasche und steckte die Papiere in ein Seitenfach neben Pete. Dort hatte ich schon oft wichtige Unterlagen aufbewahrt; sie waren vielleicht nicht ganz so sicher wie die Staatsarchive in den Carlsbader Höhlen, aber doch wesentlich sicherer, als man vielleicht annehmen möchte. Ein Taschendieb hatte einmal versucht, aus diesem Seitenfach etwas herauszunehmen; die Narben von Petes Zähnen und Krallen sieht man heute noch, nehme ich an.

— Я и сам их сберегу. Может, я выберу другие фирмы для капиталовложений.

— Э-э, это уж поздновато, мой дорогой мистер Дэвис.

— А вы меня не подгоняйте. Если я что-то изменю, я приду пораньше.

Я открыл сумку и запихал бумаги в боковой карман, рядом с Питом. Мне уже приходилось хранить там ценные бумаги. Хоть это и не архивы в Карлсбадских пещерах, но бумаги там были целее, чем вы думаете. Как-то раз один воришко пытался увести что-то из этого кармана. Думаю, у него до сих пор остались шрамы от когтей Пита.

Глава 2

•

Mein Wagen war unter dem Pershing Square geparkt, wo ich ihn am Vormittag abgestellt hatte. Ich warf Geld in den automatischen Parkwächter, stellte die Automatik auf Durchfahrt/West ein, nahm Pete aus der Tasche, legte ihn auf den Sitz und machte es mir bequem.

Das heißt, ich versuchte es jedenfalls. Der Verkehr in Los Angeles war viel zu schnell und zu mörderisch, als daß ich mich bei Automatik-Steuerung wirklich wohl gefühlt hätte; die ganze Anlage mußte umkonstruiert werden – sie war tatsächlich nicht völlig narrensicher.

Bis wir die Western Avenue verlassen hatten und wieder auf Handsteuerung umschalten konnten, war ich nervös und sehnte mich nach einem Glas Whisky.

"Da ist eine Oase, Pete."

"Blurr?"

"Genau da vorn."

Aber während ich nach einem Parkplatz suchte – Los Angeles hatte von einer Invasion nichts zu fürchten; die Invasoren würden nicht einen einzigen Parkplatz finden –, fiel mir ein, daß der Arzt mir jeden Alkoholgenuß verboten hatte.

Ich gab also zunächst einmal meiner Meinung darüber lautstark und deutlich Ausdruck. Dann fragte ich mich, ob er beinahe einen ganzen Tag später noch erkennen würde, daß ich getrunken hatte. Ich schien mich dunkel an einen Artikel über dieses Problem erinnern zu können, aber ich hatte ihn nur überflogen, weil er nicht in meine Branche fiel.

Машину свою я нашел на том же месте, где оставил: на стоянке у Першинг-сквер. Я бросил монетку в прорезь автосторожа, воткнул датчик автопилота в выезд на западную автомагистраль, вытащил Пита из сумки на заднее сиденье и расслабился.

Точнее, попытался расслабиться. Движение в Лос-Анджелесе слишком быстрое и сумасшедшее, не для моих нервов, и расслабиться на автопилоте мне не удалось. Когда-нибудь я переделаю этот автопилот: до «современного и безопасного прибора» ему пока далеко, подумал я еще.

Когда мы выехали на запад с Вест-авеню и переключились на ручное управление, я уже был на взвозе и хотел выпить.

— А вон и оазис, Пит.

— Мурр?

— Вон там, впереди.

Но пока я искал место для своей машины (Лос-Анджелесу не грозит вражеское вторжение: оккупанты просто не найдут, где припарковаться!), я вспомнил, что доктор велел мне в рот не брать спиртного.

Я уже мысленно посоветовал ему пойти подальше вместе с его указаниями. Но тут подумал: а вдруг он и через сутки сумеет определить, пил я или не пил? Была какая-то статья в журнале — меня она тогда не касалась, и я не очень в нее вчитывался.

Verflucht, er brachte es glatt fertig, mir den Kaltschlaf zu verweigern. Ich mußte vorsichtig sein und auf den Schnaps verzichten.

"Naoow?" fragte Pete.

"Später. Wir suchen uns jetzt erst einmal ein Rasthaus."

Mir wurde plötzlich klar, daß ich in Wirklichkeit gar keinen Whisky wollte; ich brauchte etwas zu essen und Schlaf, eine ganze Nacht lang. Der Arzt hatte recht; ich war nüchtern und fühlte mich besser als in den ganzen letzten Wochen. Vielleicht hatte er mir nur Vitamin B1 gespritzt, aber die Wirkung war erstaunlich.

Wir fanden also ein Restaurant. Ich bestellte Brathuhn für mich und ein halbes Pfund Gehacktes und Milch für Pete. Bis die Sachen gebracht wurden, machte ich mit Pete einen kleinen Spaziergang. Wir aßen sehr oft in solchen Raststätten, weil ich Pete dann nicht hinein- und herausschmuggeln mußte.

Eine halbe Stunde später steuerte ich den Wagen ein wenig abseits, hielt an, zündete mir eine Zigarette an, kratzte Pete unterm Kinn und dachte nach.

Dan, mein Junge, der Arzt hat recht; du hast versucht, dich in einer Flasche zu ertränken. Das reicht zwar für deinen Spitzkopf, aber für die Schultern ist sie zu schmal. Jetzt bist du stocknüchtern, du hast richtig gegessen, und zum erstenmal seit Tagen ist dein Magen friedlich. Du fühlst dich besser.

Was noch? Hat der Arzt auch mit dem übrigen recht gehabt? Bist du ein verzogenes Kind? Fehlt dir der Mut, dich gegen einen Rückschlag aufzulehnen? Warum tut du diesen Schritt? Ist das Abenteuerlust? Oder versteckst du dich einfach vor dir selbst?

Aber ich will es tun, sagte ich mir – ich will das Jahr 2000 erleben.

Na schön, du willst also. Aber mußt du einfach davonrennen, ohne zuerst zu bereinigen, was hier faul ist?

Черт, а ведь он запросто может запретить погружать меня в анабиоз. Пожалуй, придется воздержаться на всякий случай.

— Мя?..

— Потом. Лучше найдем «драйв-ин».

Я внезапно понял, что не хочу выпить. Я хочу есть и спать.

Доктор был прав: я был трезв и впервые за несколько месяцев чувствовал себя нормально. Может быть, ничего особенного он мне в задницу и не впорол — обычный витамин В. Но если так, то витаминчик был на реактивной тяге.

Поэтому мы нашли «драйв-ин». Я заказал себе цыпленка, пару котлет, а Питу — молока, и повел его прогуляться, ожидая, пока принесут заказанное. Мы с Питом часто ели в таких кафе: туда не надо проносить кота тайком.

Через полчаса я вывел машину из потока, остановился, закурил, почесал Пита под подбородком и задумался.

Дэн, милый, доктор-то прав: ты пытаешься влезть в бутылку. Голова у тебя острыя, пройдет, а вот плечам будет узковато. Теперь ты трезв; ты набил брюхо едой, и впервые за много дней она там уютно улеглась. Тебе лучше.

Чего же тебе еще? Насчет остального доктор, выходит, тоже прав? Ты что, капризный ребенок? Преодолеть препятствие — кишкa тонка? Почему ты решился на этот шаг? На приключения потянуло? Или просто сам от себя прячешься?

Но я и впрямь хочу туда, в 2000-й год, подумал я. Это же — ух!..

Окей, хочешь. Но разве дело — сбежать, не рассчитавшись здесь?

Ja, aber wie soll ich es denn bereinigen? Ich will Betty nicht mehr, seit sie mir das angetan hat. Und was könnte ich sonst unternehmen? Sie verklagen? Lächerlich, ich habe ja keine Beweise – und außerdem hat außer den Juristen noch nie jemand einen Streitfall gewonnen.

Pete sagte: "Wrrr?"

Naaow!" Ich sah auf seinen zerzausten, narbenübersäten Kopf hinunter. Pete würde nie vor Gericht gehen; wenn ihm der Schnurrbart eines anderen Katers nicht paßte, forderte er ihn schlicht auf, sich zu stellen und wie eine Katze zu kämpfen.

"Ich glaube, du hast recht, Pete. Ich will mir Miles vorknöpfen und ihn auseinandernehmen, bis er zu reden anfängt. Den Langen Schlaf können wir nachher auch noch machen. Aber wir müssen einfach herausbringen, was sie uns angetan haben und wer das ausgeheckt hat."

Hinter der Küche gab es eine Telefonzelle. Ich rief Miles an, erwischte ihn zu Hause und bat ihn, dortzubleiben, bis ich käme.

Ладно, а как это сделать? После того, что произошло, Белла мне больше не нужна. А что я еще могу? Подать на них в суд? Глупо. Доказательств у меня нет. Да и вообще в суде выигрывает только одна сторона — адвокаты.

— Мя-а! — поддержал Пит.

Я взглянул на его исполосованную шрамами голову. Да, Пит не стал бы судиться. Если ему не нравится покрой усов у другого кота, то Пит просто приглашает его выйти и подраться, как положено настоящему коту.

— Я думаю, ты прав, Пит. Сейчас найду Майлса, оторву ему руку и буду этой рукой бить его по голове, пока не признается. Долгий Сон малость обождет. Надо же узнать, как они это сделали, и кто это сварганил.

Рядом оказалась телефонная будка. Я набрал номер Майлса, который оказался дома, и велел ему ждать моего приезда.

Mein Vater nannte mich Daniel Boone Davis, nach dem Helden der Pionierzeit im Westen, weil er sich für persönliche Freiheit und Selbstvertrauen aussprechen wollte. Ich bin 1940 geboren, in einem Jahr, als es hieß, die Einzelperson sei dem Untergang geweiht, der Masse Mensch gehöre die Zukunft. Dad wollte nicht daran glauben. Er gab mir meine Vornamen im Widerspruch gegen diese Meinung. Er starb in einem Gefangenengelager in Nordkorea, wo er bis zuletzt versucht hatte, den Beweis für seine These zu erbringen. Als der Sechswöchige Krieg kam, hatte ich ein Ingenieurdiplom in der Tasche und leistete meinen Wehrdienst ab. Ich hatte mein Examen nicht dazu benutzt, ein Offizierspatent zu erlangen, weil mir mein Vater den unüberwindlichen Wunsch vererbt hatte, nur auf mich selbst angewiesen zu sein, keine Befehle zu geben, keine entgegenzunehmen, nicht nach Plan leben zu müssen. Ich wollte meine Zeit abkürzen und dann entlassen werden. Als der Kalte Krieg in die heiße Phase kam, war ich Feldwebel in der Sandia-Waffenzentrale in Neu-Mexiko, stopfte Atome in Atombomben und überlegte mir, was ich nach der Entlassung tun wollte. An dem Tag, als Sandia vom Erdboden verschwand, war ich in Dallas, um eine neue Lieferung Schrecklichkeit einzuholen. Da der radioaktive Niederschlag sich in Richtung Oklahoma City ausbreitete, blieb ich am Leben und konnte meine Wehrdienst-Prämie einstecken.

Pete überlebte aus einem ähnlichen Grund. Ich hatte einen Freund, Miles Gentry, der wieder aufgerufen worden war. Er hatte eine Witwe mit Tochter geheiratet, aber seine Frau war gerade um die Zeit gestorben, als er wieder einrücken mußte. Er wohnte außerhalb des Geländes in Albuquerque bei einer Familie, um ein Heim für seine Stieftochter Frederica zu haben. Die kleine Ricky – wir nannten sie nie ›Frederica‹ – sorgte für Pete. Dank der Katzengöttin Bubastis waren Miles, Ricky und Pete an diesem furchtbaren Wochenende weggefahren – Ricky nahm Pete mit, weil ich ihn in Dallas nicht brauchen konnte.

Ich war ebenso überrascht wie alle anderen Leute, als sich herausstellte, daß wir Divisionen auf Thule und an anderen Orten versteckt hatten, wovon sich niemand etwas träumen ließ. Seit den dreißiger Jahren wußte man, daß sich der menschliche Körper abkühlen läßt, bis seine Aktivität beinahe auf Null reduziert ist. Aber mehr als ein Labortrick oder eine letzte Möglichkeit der Behandlung war das bis zum Sechswöchigen Krieg nicht gewesen.

Мой старик нарек меня Дэниел Бун Дэвис. Так он провозгласил личную свободу и уверенность в себе. Я родился в 1940-м, когда все считали, что индивидуализм обречен, и что будущее принадлежит человеку коллективному. Отец в это верить отказался и назвал меня так из чувства протеста. Он погиб в Северной Корее, до конца отстаивая свою точку зрения... Когда началась Шестинедельная война, я уже имел диплом инженера-механика и служил в армии. Я не стал лезть в офицеры, несмотря на этот диплом. От отца я унаследовал непреодолимое стремление быть сам по себе: не командовать, не ходить под командой у других, не жить по расписанию. Я просто хотел отслужить свой срок — и домой. Когда «холодная война» стала «горячей», я был техником-сержантом в арсенале Сандия, в Нью-Мексико: начинял атомные бомбы Schrecklichkeit и строил планы на будущее, когда выйдет мой срок. В тот день, когда Сандия исчезла с лица земли, я был в Далласе. Радиоактивное облако понесло в сторону Оклахома-Сити, так что я остался цел и даже получил военную пенсию.

Пит тоже уцелел похожим образом. У меня был приятель, Майлс Джентри. Он давно отслужил в армии, но его призвали снова. Он был женат — взял вдову с ребенком, но к тому времени, как его призвали, жена умерла. Жил он не в казарме, а снимал квартиру недалеко от своей части, в Альбукерке, чтобы у его падчерицы Фредерики был дом и семья. А Рики (мы никогда не звали ее полным именем) присматривала за Питом. Слава кошачьей богине Бубастис: Майлсу дали трое суток увольнения, и в тот жуткий день он увез Рики на выходные. А Рики прихватила с собой Пита — я-то не мог взять его в Даллас.

Когда оказалось, что в Тиле и других местах у нас заначено несколько дивизий, о которых никто и не подозревал, я удивился не меньше, чем все остальные. Еще с тридцатых годов было известно, что человека можно охладить так, что жизнь в нем замирает почти до нуля. Но до Шестинедельной войны все это считалось лабораторным трюком.

Eines muß man der militärischen Forschung zugestehen: Was Geld und Menschen schaffen können, setzt sie in Resultate um. Noch eine Milliarde drucken, noch einmal tausend Wissenschaftler und Techniker anheuern, und auf irgendeine unglaubliche, ausgefallene Weise ergibt sich eine Lösung. Stasis, Kaltschlaf, Winterschlaf, Hypothermie, verlangsamter Metabolismus, man mag es nennen, wie man will – die logistisch-medizinischen Forschungsgruppen hatten einen Weg gefunden, Menschen wie Brennholz zu stapeln, um sie im Bedarfsfall bei der Hand zu haben.

Zuerst spritzt man dem Betroffenen Drogen, dann wird er hypnotisiert, abgekühlt und genau bei vier Grad Celsius gehalten, mit anderen Worten, bei der höchsten Wasserdichte, ohne daß sich Kristalle bilden. Wenn man ihn dann dringend braucht, kann man ihn durch Diathermie und posthypnotische Befehle in zehn Minuten auf die Beine bringen – in Nome, Alaska, schaffen sie es in sieben Minuten –, aber dieses Tempo läßt die Gewebe altern und den Betroffenen ein bißchen schwachsinnig werden. Wenn man es nicht eilig hat, sind zwei Stunden als Minimum wesentlich besser. Die schnelle Methode nennt man bei den Berufssoldaten ein »kalkuliertes Risiko«.

Das Ganze war ein Risiko, mit dem der Feind nicht gerechnet hatte, und nach Kriegsende wurde ich daher ausbezahlt, statt liquidiert oder in ein Arbeitslager verschickt zu werden. Miles und ich bauten ungefähr zu der Zeit unser Geschäft auf, als die Versicherungsgesellschaften den Kaltschlaf zu verkaufen begannen.

Wir verfügten uns in die Mojave-Wüste, richteten in einem von der Luftwaffe nicht mehr benötigten Gebäude eine kleine Fabrik ein und begannen, ›Dienstmädchen‹ herzustellen. Ich steuerte die technischen Kenntnisse bei, Miles seine juristische und kaufmännische Erfahrung. Ja, ich habe ›Dienstmädchen‹ und alle ihre Verwandten erfunden – ›Fensterfritz‹ und die übrigen –, wenn Sie auch meinen Namen nicht auf ihnen finden.

Während des Wehrdienstes hatte ich angestrengt darüber nachgedacht, was man als Ingenieur leisten könnte. Für die Standard, Du Pont oder General Motors arbeiten? Dreißig Jahre später bekommt man dann ein Abschiedsbankett und ein Ruhegehalt. Man kann sich in der Zwischenzeit immer satt essen und in den Flugzeugen der Firma ein paarmal hin und her fliegen. Aber sein eigener Herr ist man nie.

Военные исследования, я вам скажу, такая штука: если есть люди и деньги – будут и результаты. Напечатайте еще миллион долларов, наймите еще тысячу ученых и инженеров – и каким-то непостижимым, противоестественным образом вопросы начинают обретать ответы. Стаз, Холодный Сон, гибернация, гипотермия, снижение метаболизма – называйте это как хотите, но группы исследователей (медиков и технарей) придумали способ хранить людей как поленья и использовать их по мере надобности.

Сначала «объект» нашпиговывают лекарствами, потом гипнотизируют, а затем охлаждают и хранят точнехонько при 4 °C – при максимальной плотности воды без образования кристаллов льда. Если «объект» нужен быстро, его можно довести до кондиции при помощи диатермии и постгипнотического раствормаживания за десять минут, но от такой спешки ткани стареют, а человек может стать немножко... глуповатым. Если не торопитесь, то лучше сделать все это часа за два. Ускоренный метод – метод заведомо опасный.

На такой поворот событий противник не рассчитывал, поэтому по окончании войны меня не расстреляли и не отправили в концлагерь. Мне заплатили денежки, и мы с Майлсом открыли свой бизнес примерно тогда же, когда страховые компании начали торговать Холодным Сном.

Мы уехали в пустыню Мохаве, открыли в списанном военном ангаре небольшую фабрику и начали выпускать «Золушку». Я обеспечивал техническую часть; у Майлса был опыт делового и юридического характера. Да, это я изобрел «Золушку» и всю ее родню – «Чистюлю Чарли» и других, хотя на заводских табличках и нет моей фамилии.

Пока я служил в армии, я много думал о том, что может инженер. Наняться в «Стэндарт ойл», «Дженерал моторз», к Дюпону? Будешь питаться регулярно и летать в командировки в собственном самолете компании. Через тридцать лет – прощальный банкет и пенсия. Но хозяином самому себе ты не будешь.

Dann kann man auch noch Beamter werden – gutes Anfangsgehalt, ordentliche Pension, keine Sorgen, dreißig Tage Urlaub im Jahr, anständige Zuschüsse. Aber ich hatte gerade einen langen Urlaub auf Staatskosten hinter mir und wollte mein eigener Herr sein.

Was war klein genug, daß man es allein herstellen konnte, ohne sechs Millionen Arbeitsstunden dranzuhängen, bevor sich das erste Modell auf den Markt bringen läßt? Kleine Werkstatt ohne richtiges Kapital, wie Ford und die Brüder Wright angefangen hatten – diese Zeiten seien für ewig vorbei, hieß es.

Die Automation hatte Hochkonjunktur – chemische Fabriken, die nur zwei Meßgeräte-Ableser und einen Wächter brauchten, Maschinen, die in einer Stadt Flugkarten druckten und in sechs anderen diese Plätze als verkauft anzeigen, Stahlmaulwürfe, die Kohle förderten, während die Burschen von der Bergarbeitergewerkschaft zuschauten. Während ich also von Onkel Sam besoldet wurde, stopfte ich so viel Elektronik, Kopplungstechnik und Kybernetik in mich hinein, wie mir zugänglich gemacht wurde.

Was würde als allerletztes automatisiert werden? Antwort: das Heim der Hausfrau. Ich bemühte mich nicht, ein vernünftiges, wissenschaftlich fundiertes Haus zu entwerfen. Das interessierte die Frauen nicht. Sie wollten nichts als eine immer besser gepolsterte Höhle. Aber die Hausfrauen klagten noch über das Dienstbotenproblem, als Dienstpersonal längst den Weg der Saurier gegangen war.

Mir war selten eine Hausfrau begegnet, die nicht eine Spur von Sklavenhalterin in sich gehabt hätte; sie schienen zu glauben, daß es einfach stramme Bauernmädchen geben müsse, die froh über die Gelegenheit wären, vierzehn Stunden am Tag Böden zu schrubben und bei einem Lohn, über den ein Schlosserlehrling nur lachen würde, die Überbleibsel vom Tisch der Herrschaft zu essen.

Можно податься и в муниципальные службы: сразу приличная зарплата, тридцатидневный оплачиваемый отпуск, куча привилегий, хорошая пенсия и никаких хлопот. Но я уже отвык от государственной службы и хотел быть сам себе голова.

Что бы такое найти небольшое, для одного инженера, не требующее сперва шести миллионов человеко-часов труда, чтобы выпустить на рынок изделие? Этакий велосипедный заводик, купленный на сдачу от бакалейщика, вроде того, что завели когда-то Форд или братья Райт. Считается, что эти времена канули безвозвратно. Я в это не верил.

Грядет бум автоматизации: химические заводы, где весь персонал — два техника (следить за задвижками) да охранник. Автомат печатает билеты в одном городе, а другие автоматы ставят штамп «продано» в шести других городах. Стальные комбайны добывают уголь, а парни из «Юнайтед майнз» сидят да наблюдают. Поэтому, пока я служил у Дяди Сэма, я буквально впитывал все новинки по электронике и кибернетике, какие только мог найти, имея допуск к бумагам с пометкой «Совершенно секретно».

Куда автоматика приходит в последнюю очередь? Ответ: к домохозяйкам. Я отнюдь не собирался создавать «научно обоснованный» дом — женщинам это не нужно. Женщине нужна пещера, только хорошо оборудованная. Но домохозяйки вечно жалуются, что недовольны прислугой. Хотя прислуга, как явление, давно исчезла вслед за мамонтами.

Мне редко доводилось видеть домохозяйку, в которой не было бы чего-то рабовладельческого. Чуть ли не каждая спит и видит, как бы найти дюжую деревенскую девку, цель жизни которой в том, чтобы драить полы по четырнадцать часов в день, получать обедки с господского стола и те жалкие гроши, которыми и подмастерье ассенизатора пренебрег бы.

Deswegen nannten wir das Ungeheuer »Dienstmädchen« – es erinnerte an das halbversklavte Einwanderermädchen, das sich von Großmutter herumschikanieren lassen mußte. Im Grunde handelte es sich einfach um einen besseren Staubsauger, und wir gedachten ihn zu einem Preis auf den Markt zu bringen, der mit gewöhnlichen Saugbohnern konkurrieren konnte. Was »Dienstmädchen« schaffte – das erste Modell, nicht der halbintelligente Roboter, zu dem ich es später entwickelte –, war, Boden säubern, jeden Boden, den ganzen Tag lang, und ohne Aufsicht. Einen Boden, der Putzen oder Polieren nicht nötig hatte, gibt es nicht. Das Gerät kehrte, wischte, saugte und polierte, was gerade an die Reihe kam. Alles, was größer als ein Schrotkorn war, hob es auf und legte es in eine Mulde in der Oberseite, so daß Klügere entscheiden konnten, ob es weggeworfen oder aufgehoben werden sollte. Es suchte den ganzen Tag nach Schmutz auf Suchkurven, denen nichts entging.

Es verschwand aus einem Zimmer, in dem sich Leute aufhielten, wie ein guterzogenes Dienstmädchen. Gegen Abend verfügte es sich in seinen Unterschlupf und lud sich auf – das war noch, bevor wir die immerwährende Batterie einbauten.

Allzuviel Unterschied zwischen »Dienstmädchen« Modell Eins und einem Staubsauger bestand nicht. Aber das Entscheidende – daß es ohne Aufsicht reinigte –, war ausreichend.

Das Modell verkaufte sich. Das grundlegende Bewegungsmuster entnahm ich aus den »elektrischen Schildkröten«, die in den späten vierziger Jahren in der Zeitschrift »Scientific American« beschrieben wurden. Einen Gedächtnisspeicher nahm ich aus der Steuerzentrale einer Fernlenkrakete – das ist das Angenehme bei geheimen Waffen, man kann sie nicht patentieren lassen –, und die Reinigungsanlagen und Kupplungen stammten aus einem Dutzend verschiedener Geräte, einschließlich eines Bohners, der in Militärlazaretten verwendet wurde, einem Limonadenautomaten, und den »Händen«, mit denen man in Atommeilern radioaktive Substanzen handhabte. Wirklich Neues enthielt der Apparat nicht; das Geheimnis lag einfach in seiner Konstruktion. Der »Geniefunke«, den unsere Gesetze verlangen, bestand darin, daß man einen guten Patentanwalt fand.

Поэтому мы назвали наше чудище «Золушка». В общем, это была просто улучшенная конструкция пылесоса; мы и продавать ее собирались по такой цене, чтобы конкурировать с обычными пылесосами. Что умела делать «Золушка» (первая модель, а не тот почти разумный робот, который получился после всех моих усовершенствований)? Мыть полы – любые полы, сутки напролет и без присмотра. А где-нибудь в доме всегда есть грязный пол. Она подметала, скребла, пылесосила или натирала в зависимости от того, что подсказывала ей ее дурацкая «память». Любой предмет размером больше игральной карты она поднимала с пола и клала в лоток на верхней крышке, чтобы кто-нибудь поумнее решил, выкинуть это или оставить. Она тихо ползала весь день, отыскивая грязь, по такому маршруту, что не пропускала ничего. Она сразу же выползала из комнаты, если в ней были люди (если только хозяйка не догонит ее и не щелкнет тумблером, означающим, что ей можно продолжить работу). Пока хозяева обедали, «Золушка» возвращалась к своей стойке и тоже быстренько подзаряжалась (покуда мы не перешли на вечные батареи).

Между первой моделью «Золушки» и пылесосом большой разницы не было. Но того отличия, что существовало реально – способности убирать дом без присмотра, – оказалось достаточно: «Золушку» стали раскупать.

Схему челночно-рыскающего перемещения я содрал с игрушки «электрическая черепашка», описанной в журнале «Сайнтифик америкэн» в конце сороковых; блок памяти – из электронного мозга управляемых ракет (что хорошо в сверхсекретных штучках – их не патентуют!), а сами чистящие приспособления взял из десятка разных устройств, включая полотер для военных госпиталей, газировальный автомат и механические «руки»–манипуляторы, которыми пользуются на атомных заводах для работы с «горячими» деталями. Ничего по-настоящему нового во всем этом не было. Все дело заключалось в том, как я все эти части собрал воедино. «Искра божья», которую требуют наши изобретательские законы, – это умение найти хорошего патентоведа.

Das echte Können trat aber bei der Produktionstechnik in Erscheinung; das ganze Ding ließ sich aus Standardreihen bauen, die wir nach Sweets Katalog bestellten, mit Ausnahme von zwei Nockenwellen und einer gedruckten Schaltung. Die Schaltung ließen wir uns von einer anderen Firma herstellen, die Nockenwellen machte ich in der Baracke, die wir ›unsere Fabrik‹ nannten, selbst mit Hilfe von automatischen Werkbänken, die wir billig aus überschüssigem Kriegsmaterial erstanden hatten. Anfangs waren Miles und ich die gesamte Belegschaft. Das Testmodell kostete \$ 4317,09, die ersten hundert Stücke kamen je auf etwas über 39 Dollar – wir lieferten sie an eine Discount-Firma in Los Angeles für 60 Dollar, und dorten wurden sie für 85 Dollar verkauft. Wir mußten sie auf Kommission hinausgeben, weil wir uns Verkaufswerbung nicht leisten konnten. Bis die ersten Beträge eingingen, waren wir beinahe verhungert. Dann erschien in der Zeitschrift ›Life‹ ein zweiseitiger Artikel über ›Dienstmädchen‹ ... Von diesem Tag an fanden wir kaum genug Arbeitskräfte für den Zusammenbau unseres Ungetüms.

Bald danach kam Betty Darkin zu uns. Miles und ich hatten unsere Briefe auf einer uralten Schreibmaschine mit zwei Fingern getippt; wir stellten sie als Stenotypistin und Buchhalterin ein und mieteten eine elektrische Maschine. Ich entwarf einen Briefkopf. Wir steckten alles eingehende Geld sofort wieder ins Geschäft. Pete und ich schliefen in der Fabrik, während Miles und Ricky in der Nähe eine Hütte bewohnten. Aus Gründen der Selbstverteidigung bildeten wir eine Aktiengesellschaft. Dazu gehören bei uns mindestens drei Leute; wir gaben also Betty einen Anteil und bezeichneten sie als Sekretärin und Schatzmeister. Miles war Präsident und Geschäftsführer, ich Chefingenieur und Vorsitzer des Aufsichtsrates ... mit 51 Prozent der Aktien.

Самое гениальное было в технологии производства: всю машину можно было собрать из стандартных деталей, заказанных по почте, по каталогу фирмы «Свичс», кроме двух трехмерных кривошипов-толкателей и одной печатной платы. Печатную плату мы заказали отдельно; толкатели я делал сам в мастерской, которую мы гордо называли «фабрика», на станках, купленных из тех же списанных армейских излишков. Вначале вся сборочная бригада состояла из нас с Майлсом: тут приверни, там подпили, здесь подкрась. Действующая модель обошлась в четыре тысячи триста девяноста долларов девять центов; первая сотня серийных машин — чуть дороже тридцати девяти долларов за штуку, и мы продали их оптом в один лос-анджелесский магазин уцененных товаров по шестьдесят, а они распродали их в розницу по восемьдесят пять. Чтобы товар согласились принять для продажи, нам пришлось оформить сделку как договор о сдаче на комиссию, потому что денег на рекламу у нас уже не было, и мы чуть не умерли с голоду, прежде чем начали приходить первые деньги. Тут в журнале «Лайф» дали целый разворот про нашу «Золушку», и пришлось срочно нанимать помощников, чтобы собирать наших чудищ.

Белла Даркин появилась у нас вскоре после этого. Мы с Майлсом печатали наши деловые письма одним пальцем на разбитом «ундервуде» 1908 года. Беллу мы наняли в качестве машинистки и делопроизводителя, взяли в аренду электрическую машинку с респектабельным шрифтом и угольной лентой, а я придумал «шапку» для фирменного бланка. Всю прибыль мы вкладывали в дело. Пит и я спали прямо в мастерской, а Майлс с Рики — в каморке рядом. Организовать корпорацию мы решили для охраны своих прав. Но для этого надо не меньше трех пайщиков, так что мы дали Белле пару акций уставного фонда и поименовали ее в списке «секретарь-делопроизводитель». Майлс стал президентом корпорации и старшим менеджером, я — главным инженером и председателем правления (с пятьюдесятью одним процентом акций).

Ich möchte klarstellen, warum ich die Mehrheit behielt. Ich war kein Raffer, ich wollte einfach mein eigener Herr sein.

Miles arbeitete wie ein Verrückter, das muß ich zugeben. Aber über 60 Prozent der Ersparnisse, mit denen wir das Geschäft aufbauten, stammten von mir, ebenso hundert Prozent an Erfindungsgabe und technischem Wissen. Miles hätte ›Dienstmädchen‹ niemals bauen können, während ich es mit einem Dutzend beliebiger Partner oder möglicherweise sogar allein geschafft hätte – wenn auch vielleicht kein Geld damit zu verdienen gewesen wäre. Miles war Geschäftsmann, ich nicht.

Aber ich wollte sicherstellen, daß die Fabrik in meiner Hand blieb – ebensolche Freiheit ließ ich Miles auf dem geschäftlichen Sektor ... zuviel Freiheit, wie sich herausstellte. ›Dienstmädchen‹ Modell Eins verkaufte sich wie eisgekühlte Limonade im Hochsommer, und ich hatte einige Zeit mit den Verbesserungen, der Aufstellung eines richtigen Fließbandes und der Anwerbung eines Werkstättenleiters zu tun, dann dachte ich glücklich und zufrieden über neue Haushaltsgeräte nach.

Der Hausarbeit war erstaunlich wenig Überlegung gewidmet worden, obwohl sie die Hälfte aller Arbeit auf der Erde ausmacht. Die Frauenmagazine sprachen von ›Arbeitsersparnis im Heim‹ und ›funktionellen Küchen‹, aber das war nur Gewäsch; die hübschen Farbfotos zeigten Dinge, die sich von denen zu Shakespeares Zeit nur unwesentlich unterschieden. Das Zeitalter des Düsenflugzeuges hatte im Heim noch nicht Einzug gehalten.

Ich blieb bei meiner Überzeugung, daß Hausfrauen Reaktionäre sind. Keine ›Maschinen zum Leben‹ – nur Apparate als Ersatz für das ausgestorbene Dienstpersonal, das heißt, für Putzen, Kochen und Babypflege.

Ich dachte an schmutzige Fenster und an den Rand in der Badewanne, der sich schwer entfernen ließ, weil man sich zu sehr verrenken muß. Es stellte sich heraus, daß eine elektronische Vorrichtung den Schmutz – peng! – von jeder polierten Silikonoberfläche springen ließ, ob es sich um Fensterglas, Badewannen oder Klosettsschlüsseln handelte. Das war ›Fensterfritz‹, und man muß sich wundern, daß er nicht schon früher jemandem eingefallen ist. Ich hielt ihn zurück, bis er auf einen Preis gebracht war, dem die Leute nicht widerstehen konnten. Wissen Sie, was Fensterputzen pro Stunde früher gekostet hat?

Поясню, почему я решил сохранить контроль. Я не жаден. Я просто хотел быть хозяином самому себе. Майлс, надо отдать ему должное, пахал на всю катушку. Но ведь шестьдесят с лишним процентов сбережений, на которые мы начали дело, были мои. А моих изобретений и инженерных решений – так и все сто. Майлсу ни за что бы не создать «Золушку», а я мог ее сделать с любым партнером, а может, и в одиночку. Хотя я наверняка потерпел бы неудачу, пытаясь сделать на этом деньги: Майлс был бизнесменом, а я – нет.

Но я хотел быть уверен, что сохранил контроль над производством, и предоставил Майлсу полную свободу в вопросах бизнеса. Как оказалось, слишком полную. Первая модель «Золушки» шла нарасхват, как холодное пиво на пляже, и я был занят тем, что усовершенствовал ее конструкцию, организовал настоящий сборочный конвейер и поставил во главе мастера, после чего с радостью начал придумывать новые домашние приспособления.

Удивительно, как мало внимания уделяется домашней работе, а ведь это, как минимум, половина всей работы на свете. В женских журналах писали об «экономии усилий в домашнем труде» и о «функциональных кухнях», но все это был детский лепет. На очаровательных картинках изображали помещения, где и варили, и ели, как во времена Шекспира. Техническая революция, создавшая самолет на смену лошади, прошла мимо кухни.

Я придерживался убеждения, что домохозяйки – консерваторы. Никаких «механизированных жилищ» – просто устройства для замены вымерших домашних служ: чтобы чистили, варили и глядели за детьми.

Мое внимание привлекли грязные оконные стекла и то место в ванне, вокруг сливного отверстия, которое так трудно отмыть – приходится сгибаться в три погибели. Оказалось, что под воздействием электростатического устройства грязь сама отлетает от любой полированной поверхности – со стекла, умывальника, унитаза. Так возник «Чистюля Чарли», и удивительно, что никто не придумал его до меня. Я придерживал его до тех пор, пока не сделал таким дешевым, что просто невозможно устоять. А знаете, сколько брали мойщики окон за час работы?

Ich ließ ›Fritz‹ viel länger nicht in Produktion gehen, als es Miles paßte. Er wollte ihn verkaufen, sobald er billig genug war, aber ich bestand auf einem: ›Fritz‹ mußte leicht zu reparieren sein. Der größte Nachteil bei den meisten Haushaltsgeräten war stets, daß, je besser sie waren und je mehr sie leisteten, gerade im ungeeignetsten Augenblick eine Panne einzutreten pflegte, für deren Beseitigung man dann einem Fachmann fünf Dollar pro Stunde in den Rachen werfen mußte. Dasselbe passierte dann eine Woche später noch einmal, wenn nicht beim Spülautomaten, dann bei der Klimaanlage ... gewöhnlich am späten Samstagabend im Schneesturm.

Ich wünschte, daß meine Geräte funktionierten, auch nach langer Zeit noch, ohne ihren Besitzern Magengeschwüre zu verursachen.

Aber Geräte versagten manchmal, sogar meine. Bis zu jenem großen Tag, da alle Apparate ohne bewegliche Teile konstruiert sind, werden Maschinen ausfallen. Wenn man ein Haus mit Apparaten vollstopft, werden immer ein paar davon defekt sein.

Aber die militärische Forschung erzielt Resultate, und mit diesem Problem war man beim Militär schon vor Jahren fertig geworden. Man darf nicht einfach eine Schlacht, Tausende oder Millionen von Männern, ja vielleicht sogar den Krieg verlieren, nur weil eine Vorrichtung von Daumengröße im entscheidenden Augenblick versagt.

Zu militärischen Zwecken hatte man eine Menge Umwege gewählt ›narrensichere Anlagen‹, Ersatzvorrichtungen, dreifache Kontrollen und so weiter. Aber für Haushaltsgeräte ließ sich vor allem eine der militärischen Erfindungen verwenden, nämlich das Teile-Anschalt-Prinzip. Dabei handelt es sich um eine lächerlich einfache Idee: nicht reparieren, sondern ersetzen. Ich wollte jedes Teil von ›Fensterfritz‹, das ausfallen konnte, ersetzbare durch einfaches Einsticken machen und jedem Exemplar einen Satz Teile beigegeben. Manche Ersatzstücke würde man wegwerfen, andere zur Reparatur geben, aber ›Fritz‹ selbst würde nie längere Zeit zusammenbrechen, als nötig war, das Ersatzteil einzustöpseln.

Я не запускал «Чарли» в производство гораздо дольше, чем это устраивало Майлса. Он хотел пустить «Чарли» в продажу, как только тот стал достаточно дешев, но я настоял на одном: надо, чтобы «Чарли» было легко чинить. Главный недостаток большинства бытовых машин в том, что чем они лучше и больше умеют делать, тем чаще ломаются, и наверняка именно в тот момент, когда это устройство вам нужнее всего. И чтобы оно опять заработало, нужен специалист, берущий по пять долларов в час. А на следующей неделе опять что-нибудь выходит из строя: не кондиционер — так посудомоечная машина. Обычно это бывает в субботу вечером, во время метели и снегопада.

Я хотел, чтобы мои железяки работали безотказно, а их владельцы не наживали язву. Но все железяки портятся, даже мои. И пока не наступит великий день, когда придумают, чтобы в механизмах не было движущихся частей, техника будет ломаться. Если дом набит техникой, то всегда какая-нибудь машинка будет неисправна.

Но военные исследования дают результаты, и вояки справились с этой проблемой много лет назад. Нельзя же, в самом деле, терять тысячи и даже миллионы солдат, проигрывать битвы и целые войны только из-за того, что ломается какая-то железка с пальцем величиной. Для военных нужд применяются разные примочки: «безотказные» устройства, дублирующие цепи, повторители и разное такое. Из всего этого для бытовой техники годилось только одно: блочно-модульный принцип. Идея была до идиотизма проста: не чинить, а менять. Я решил сделать все части «Чарли», которые могли сломаться, легкосменными и продавать набор запчастей вместе с каждым «Чарли». Одни сломанные части можно будет выкинуть, другие — отправить в ремонт, но сам «Чарли» никогда не будет стоять сломанный дольше, чем надо, чтобы вставить запасную часть вместо вышедшей из строя.

Miles und ich hatten unseren ersten Krach. Ich sagte, die Entscheidung, wann man vom Testmodell zur Massenproduktion übergehen müsse, sei technischer Art; er behauptete, es handele sich dabei um eine kaufmännische Frage. Wenn ich nicht maßgeblich gewesen wäre, hätte er ›Fritz‹ mit denselben Krankheiten auf den Markt geworfen, unter denen jedes halb ausgereifte ›arbeitsparende‹ Gerät leidet.

Betty Darkin glättete die Wogen. Wenn sie ebenfalls Druck auf mich ausgeübt hätte, wäre ich vielleicht bereit gewesen, Miles ›Fritz‹ verkaufen zu lassen, bevor ich das Gerät für ausgereift hielt, weil ich bis über beide Ohren in Betty verliebt war.

Betty war nicht nur eine perfekte Sekretärin, sie hatte auch körperliche Vorzüge, die jeden Bildhauer in Verzückung gebracht hätten, und einen Duft, der mich aufregte, wie Pete Baldriantropfen.

Da erstklassige Bürodamen ungeheuer selten waren und hier eine der besten für eine kleine Firma zu untertariflichem Gehalt arbeitete, darf man sich wohl fragen: ›Warum?‹ Aber wir hatten uns nicht einmal nach ihrer letzten Stelle erkundigt, so glücklich waren wir darüber, daß sie uns aus dem Papierberg herausschaufelte, der sich durch den Erfolg unseres ›Dienstmädchens‹ aufgehäuft hatte. Später hätte ich jeden Versuch, Bettys Vergangenheit nachzuspüren, entrüstet zurückgewiesen, denn inzwischen hatte ihre Oberweite mein Urteilsvermögen entschieden zu trüben vermocht. Betty ließ mich ihr erklären, wie einsam mein Leben bis zu ihrem Auftreten gewesen sei, und erwiderte sanft, daß sie mich erst besser kennenlernen müsse, aber im Ernst dazu neige, dasselbe zu fühlen.

Kurz nachdem sie den Streit zwischen Miles und mir geschlichtet hatte, erklärte sie sich bereit, mein Glück mit mir zu teilen. "Dan, Liebling, du hast es in dir, ein großer Mann zu werden ... Und ich hoffe die Frau zu sein, die dir dabei hilft."

"Und ob du das bist!"

Тут у нас с Майлсом вышла первая стычка. Я считал, что переход от образцов к серийному выпуску — вопрос чисто технический. Он же утверждал, что это проблема менеджмента. И если бы я не сохранил контроль, то «Чарли» пошел бы в продажу таким же подверженным приступам острого аппендицита, как и все остальные кухонные недоделки, которые якобы экономят время своих хозяев.

Белле удалось сгладить нашу ссору. Если бы она настояла, я бы, наверное, позволил Майлсу начать продажу «Чарли» раньше, чем робот будет доведен до ума, потому что я дурел от Беллы настолько, насколько мужчина вообще может одуреть от женщины.

Белла была не только прекрасным секретарем — своими «личными данными» она могла бы вдохновить Праксителя, а аромат ее духов действовал на меня, как запах валерьянки на Пита.

Хорошие секретарши вообще редкость; и когда очень хорошая вдруг соглашается служить на маленьком свечном заводике вроде нашего за грошовое жалованье, следует озадачиться вопросом: а почему? Но мы были так счастливы, когда она выкопала нас из-под лавины бумаг, засыпавшей нас в связи с торговлей «Золушкой», что даже не поинтересовались, а где, собственно, она служила раньше... А потом, позже, я с гневом и возмущением отвергал все предложения Майлса проверить ее послужной список, ибо к тому времени размеры ее бюста уже серьезно повлияли на здравость моих суждений. Она благосклонно позволяла мне жаловаться ей на то, как одиноко мне жилось до ее появления, и даже говорила, что и она вот тоже, в некотором роде... но что ей хотелось бы сперва получше узнать меня.

Вскоре после того, как она погасила ссору между мною и Майлсом, она согласилась разделить со мной мою судьбу. Дэн, дорогой, сказала она, в тебе есть что-то... ты будешь великим человеком. И я хочу надеяться, что я — подходящая женщина, чтобы помочь тебе в этом.

— Ты именно такая женщина!

"Still, Liebling. Aber ich will dich nicht auf der Stelle heiraten, mit Kindern belasten und dir das Leben sauer machen. Ich will mit dir arbeiten und das Geschäft aufbauen. Dann heiraten wir."

Ich protestierte, aber sie blieb fest.

"Nein, Liebling. Wir beide, du und ich, bringen es noch weit. Die ›Dienstboten-AG‹ wird einen ebenso berühmten Namen bekommen wie ›General Electric‹. Wenn wir heiraten, will ich alles Geschäftliche vergessen und nichts anderes tun als dich glücklich machen. Zuerst muß ich mich aber deiner Arbeit und deiner Zukunft widmen. Schenk mir Vertrauen, Liebling."

Das tat ich dann auch.

Sie wollte sich nicht, wie ich beabsichtigt hatte, einen teuren Verlobungsring kaufen lassen, statt dessen überschrieb ich ihr einen Teil meiner Aktien als Verlobungsgeschenk. Wenn ich heute so darüber nachdenke, weiß ich nicht genau, wer den Gedanken an diese Art von Geschenk aufgebracht hat.

Danach arbeitete ich härter als je zuvor, dachte an Papierkörbe, die sich selbst entleerten und an ein Kopplungsgerät, das nach dem Spülen das Geschirr auch noch aufräumte. Alle waren glücklich ... alle außer Pete und Ricky. Pete ignorierte Betty, wie alles, was er nicht leiden und nicht abstellen konnte, aber Ricky war tief unglücklich.

Mein Fehler.

Ricky war ›mein Mädchen‹, seit ich sie als Sechsjährige mit Schleifen im Haar und großen, ernsten, dunklen Augen in Sandia kennengelernt hatte. Ich würde ›sie heiraten‹, wenn sie erwachsen war, und gemeinsam wollten wir für Pete sorgen. Ich hielt das Ganze für ein Spiel, und vielleicht war es das auch. Vielleicht meinte es Ricky nur bis zu dem Grade ernst, der ihr einmal das unbeschränkte Sorgerecht für Pete übertragen würde. Aber wer kann sagen, was im Gemüt eines Kindes vorgeht? Ich bin Kindern gegenüber nicht sentimental. Die meisten von ihnen sind kleine Biester, die erst als Erwachsene zivilisierte Menschen werden, und oft nicht einmal dann. Die kleine Frederica erinnerte mich an meine eigene Schwester in diesem Alter, und außerdem hatte sie Pete gern und behandelte ihn richtig. Ich glaube, sie mochte mich, weil ich nie von oben herab mit ihr sprach und ihre Begeisterung für die Pfadfinder-Organisation ernst nahm.

— Т-с-с, милый. Но я не выйду за тебя прямо сейчас, ведь это значит обременить тебя детьми и замучить до смерти всячими домашними заботами.

Я возражал, но она была непреклонна.

— Нет, дорогой. У нас впереди долгий путь. Твоя фирма станет знаменитой, как «Дженерал электрик». Когда мы поженимся, я хочу забыть про бизнес и посвятить себя только одному: составить твоё счастье. Но сначала я должна позаботиться о твоем благосостоянии и твоем будущем. Доверься мне, милый.

Что я и сделал. Она не позволила мне купить ей в честь нашей помолвки дорогое кольцо. Вместо этого я перевел на ее имя несколько своих акций в качестве обручального подарка. При голосованиях они, конечно, считались моими. Я все пытаюсь вспомнить, чья это была идея насчет такого подарка — моя или ее?

После этого я еще сильнее налег на работу, выдумывая самоопорожняющуюся мусорную корзинку и приставку для вынимания чистой посуды из посудомоечной машины после мытья. Все были счастливы. Все, кроме Пита и Рики. Пит игнорировал Беллу, как и все, что он не одобрял, но не мог изменить. А вот Рики была очень несчастна.

Это моя вина. Рики считалась «моей девушкой» с шестилетнего возраста, еще в Сандии — этакая кроха с бантиками и огромными темными глазищами. Я собирался «жениться на ней», когда она вырастет, чтобы мы вместе могли заботиться о Пите. Я думал, что это игра; да, наверное, так оно и было. Всерьез было только обещание разрешить Рики смотреть за котом. Но вот поди узнай, что у ребенка на уме... В отношении детей я не сентиментален: в большинстве своем это маленькие чудовища, и это с ними не проходит, пока они не вырастут (а у некоторых и после этого тоже...). Но малышка Фредерика была похожа на мою сестренку, вдобавок любила Пита и обращалась с ним прилично. А я, видимо, нравился ей, потому что не разговаривал с нею как с маленькой (сам этого в детстве терпеть не мог) и не подшучивал.

Ricky war in Ordnung; sie hatte eine ruhige Würde und tobte nicht herum, sie plärrte nicht und setzte sich nicht jedem Menschen auf den Schoß. Wir waren Freunde und teilten uns in der Verantwortung für Pete. Soviel ich wußte, war es nur ein hübsches Spiel, daß sie sich als »mein Mädchen« sah. Ich hörte zu spielen auf, nachdem meine Schwester und Mutter zu Beginn des Sechswöchigen Krieges getötet worden waren. Das war keine bewußte Entscheidung – ich hatte einfach keine Lust mehr zu solchen Spass und fing auch nie wieder damit an. Ricky war damals sieben; als Betty zu uns kam, war sie zehn. Als Betty und ich uns verlobten, war Ricky elf Jahre alt.

Sie haßte Betty mit einer Kraft, die wohl nur ich spürte, da sie sich nur in einem eigenartigen Widerwillen, mit ihr zu sprechen, äußerte. Betty nannte das Schüchternheit, und Miles war der gleichen Meinung.

Aber ich wußte, was dahintersteckte, und versuchte, Ricky das auszureden. Haben Sie sich jemals bemüht, mit einem Kind Dinge zu besprechen, über die es nicht reden will? Man hat mehr davon, wenn man in eine Echoschlucht hineinbrüllt. Ich sagte mir, es würde sich schon geben, wenn Ricky einmal einsah, daß man Betty einfach gern haben mußte.

Mit Pete war das eine andere Sache. Wenn ich nicht verliebt gewesen wäre, hätte ich hier schon merken müssen, daß ich mich mit Betty nie richtig verstehen würde. Betty mochte meine Katze – oh, gewiß, gewiß! Sie verehrte Katzen, sie liebte die Stelle, an der mein Haar schütter zu werden begann, sie bewunderte meinen Geschmack in der Auswahl von Lokalen, und überhaupt mochte sie alles an mir.

Aber einer Katzenperson ist Zuneigung zu Katzen sehr schwer vorzuspielen. Es gibt Katzenfreunde und andere, die eine harmlose, nützliche Katze nicht ausstehen können. Wenn sie aus Höflichkeit oder aus irgendeinem anderen Grund das Gegenteil behaupten, entlarven sie sich selbst sofort, weil sie nicht mit Katzen umgehen können – und das Katzenprotokoll ist komplizierter als jedes diplomatische. Es beruht auf Selbstachtung und gegenseitigem Respekt und ist etwa in demselben Bereich angesiedelt wie die »Dignidad de Hombre« Lateinamerikas die Würde des Menschen –, die man nur unter Einsatz des Lebens verletzt.

Рики была правильная девчонка: не врунья, не пискля и не ябода, и было в ней скрытое достоинство. Мы дружили, вместе заботились о Пите, и, по моим понятиям, все эти разговоры про «мою девушку» были просто игрой. Я бросил эту игру, когда при бомбежке погибли моя мать и сестра. Это не было осознанное решение, мне просто стало не до игр, и больше мы к этому не возвращались. Рики тогда было семь лет. Когда появилась Белла, ей исполнилось десять. А к тому времени, как мы с Беллой объявили о своей помолвке, вероятно, одиннадцать.

Она ненавидела Беллу так сильно, что, наверное, только я об этом и знал, ибо внешне это проявлялось в нежелании разговаривать с нею. Белла говорила, что девочка ее стесняется, да и Майлс, по-моему, тоже так считал.

Но провести меня было труднее, и я попытался убедить Рики, уговорить ее. Вы никогда не пробовали говорить с подростком на тему, которую он обсуждать не желает? Такие разговоры – как об стенку горох. Но я думал, что это пройдет, когда Рики поймет, какая Белла замечательная.

Другое дело – Пит. Не будь я влюблен, я бы понял по его поведению, что нам с Беллой никогда друг друга не понять. Белла «обожала мою кошку» – ну еще бы, а как же иначе! Она обожала кошек, и мою пробивающуюся лысину, и мое умение выбирать хорошие рестораны, и вообще все-все, что касалось меня.

Но настоящего любителя кошек трудно обмануть, утверждая, будто ты любишь кошек. Есть кошатники, а есть «прочие» (и их, наверное, большинство) – те, которые «не переносят это безобидное и полезное животное». Если из вежливости или по каким-то другим соображениям они пытаются это скрыть, то это сразу заметно, потому что они не понимают, как нужно обращаться с кошками. Дело в том, что кошачий «протокол» еще строже, чем дипломатический. Он основан на взаимном уважении и чувстве собственного достоинства. В нем есть что-то от латиноамериканского *dignidad de hombre*, которое можно задеть, только рискуя жизнью.

Katzen haben keinen Humor, dafür aber ein stark übersteigertes Ich. Sie sind unglaublich empfindlich. Wenn mich jemand fragen würde, warum es sich lohnt, Katzen zu halten, so müßte ich antworten, daß es keine logischen Gründe dafür gibt. Lieber erkläre ich einem Menschen, der ein Faible für scharfen Käse hat, warum er Limburger vorziehen sollte. Trotzdem hat jener legendäre Mandarin mein Mitgefühl, der einen kostbaren gestickten Ärmel abschnitt, weil ein Kätzchen darauf schließt.

Betty versuchte zu beweisen, daß sie Pete gern hatte, indem sie ihn wie einen Hund behandelte ... Dafür wurde sie dann gekratzt. Als vernünftiger Kater rannte er anschließend davon und blieb lange Zeit fort – zum Glück, denn ich hätte ihm eins hinter die Ohren gegeben, und Pete ist nie geschlagen worden, von mir jedenfalls nicht. Eine Katze zu schlagen ist mehr als zwecklos; sie läßt sich nur mit Geduld erziehen, niemals mit Schlägen.

Ich gab also Jod auf Bettys Kratzwunden und versuchte ihr zu erklären, was sie falsch gemacht hatte.

"Tut mir leid, daß das passiert ist – wirklich! Aber wenn du das wieder machst, geschieht genau dasselbe!"

"Aber ich habe Pete doch nur getätschelt!"

"Ja ... aber nicht, wie man es bei Katzen tun muß. Du hast ihn getätschelt wie einen Hund. Eine Katze muß gestreichelt werden. In Reichweite ihrer Klauen darf man nie eine plötzliche Bewegung machen. Man soll sie auch nicht berühren, ohne daß sie sehen kann, was man mit ihr vorhat ... und man muß immer aufpassen, ob es ihr angenehm ist. Wenn sie nicht gestreichelt werden will, läßt sie sich die Liebkosungen kurze Zeit aus Höflichkeit gefallen – Katzen sind sehr höflich –, aber man sieht genau, ob sie es nur erduldet, und man muß aufhören, bevor ihre Geduld erschöpft ist."

Ich zögerte. "Du magst Katzen nicht, wie?"

"Was? Na hör mal! Natürlich mag ich Katzen." Aber sie fügte hinzu: "Ich habe aber nie viel mit ihnen zu tun gehabt. Sie ist ziemlich empfindlich, nicht wahr?"

Кошки начисто лишены чувства юмора, страшно обидчивы и очень чувствительны. Если бы меня спросили, почему надо стараться угодить своему коту, мне пришлось бы ответить, что логического объяснения этому нет. Я бы скорее сумел объяснить человеку, который не выносит пикантных сыров, почему ему «следует любить» лимбургский сыр. И, тем не менее, я хорошо понимаю того китайского мандарина, который приказал отрезать кружевной рукав своего бесценного халата, на котором уснул котенок.

Белла пыталась изобразить, как она «любит» Пита, обращаясь с ним, как с псом, и, естественно, он частенько ее царапал. Будучи умным котом, он тут же сматывался и держался подальше, что было весьма благоразумно с его стороны: я бы его выдрал, а Пита никто никогда не бил, даже я. Бить кошку более чем бесполезно: добиться от нее чего-либо можно только терпением, а не битьем.

Я смазывал Белле царапины и пытался объяснить, что она делает не так.

— Мне очень жаль, что так произошло, просто ужасно жаль.
Но если ты будешь так делать и дальше, это будет случаться опять!

— Но я его просто приласкала!

— Ну да... Только так ласкают собак, а не кошек. Кота нельзя похлопывать по спине, его нужно гладить. Нельзя делать рядом с ним резких движений. Нельзя трогать его, если он не видит, что ты собираешься это сделать. И всегда смотри, нравится ли это ему. Если нет, он будет терпеть некоторое время из вежливости – кошки очень вежливые животные – но можно заметить, что он просто терпит, и прекратить раньше, чем его терпение лопнет.

Я помедлил. Я колебался... — Ты ведь не любишь кошек, а?

— Что? Фи, как глупо! Конечно же, я люблю кошек. — Но тут же добавила: — Просто я, наверное, мало имела с ними дела. Твоя кошка — она такая чувствительная, да?

"Er. Pete ist ein Kater. Nein, eigentlich ist er gar nicht empfindlich, weil er immer gut behandelt worden ist. Aber man muß den Umgang mit Katzen lernen. Man darf sie zum Beispiel nie auslachen." "Was?"

Aber warum denn um Himmels willen nicht?"

"Nicht, weil sie nicht lustig wären. Sie sind sogar ausgesprochen komisch. Aber sie haben keinen Humor und sind schnell beleidigt. Eine Katze kratzt natürlich nicht, wenn man sie auslacht, sie stolziert einfach davon, und man hat es dann schwer, ihre Freundschaft zu gewinnen. Aber darauf kommt es nicht so sehr an. Viel wichtiger ist, eine Katze richtig aufzuheben. Wenn Pete zurückkommt, zeige ich dir, wie man das macht."

Aber Pete kam nicht zurück, bei dieser Gelegenheit jedenfalls nicht, und ich zeigte es ihr nie. Betty rührte ihn von diesem Tag ab nicht mehr an.

Sie sprach mit ihm und tat, als könne sie ihn gut leiden, aber sie hielt Distanz wie er. Ich dachte nicht darüber nach; solche Nebensächlichkeiten dürften mich nicht an einer Frau zweifeln lassen, die mir mehr als alles andere bedeutete. Aber das Problem Pete wuchs sich später beinahe zu einer Krise aus.

Betty und ich besprachen, wo wir wohnen wollten. Sie ließ sich noch immer nicht auf einen bestimmten Tag festlegen, aber wir verwandten sehr viel Zeit auf solche Einzelheiten.

Ich war für ein Haus im Ranchstil nahe der Fabrik; sie erklärte sich für eine Wohnung in der Stadt, bis wir uns eine vornehme Villa mit Park leisten könnten. "Das ist doch aber nicht praktisch, Liebling", sagte ich. "Ich muß in der Nähe der Fabrik sein. Hast du außerdem schon einmal versucht, einen wanderlustigen Kater in einer Großstadtwohnung zu halten?"

"Paß auf, Liebling, ich bin froh, daß du davon anfängst. Ich habe mich über Katzen informiert, im Ernst. Wir lassen ihn operieren. Dann wird er viel sanfter sein und sich in der Wohnung auch ganz wohl fühlen."

Ich starre sie an, kaum meinen Ohren trauend. Aus diesem alten Krieger einen Eunuchen machen? Ihn in eine Kaminzieder verwandeln?

"Betty, du weißt ja gar nicht, was du sagst!"

— Кот. Пит — кот. Самец. Нет, он не такой чувствительный — с ним всегда хорошо обращались. Просто надо научиться правильно себя с ним вести. Ну, нельзя, скажем, смеяться над ним.

— Господи, это еще почему?

— Не потому, что они не смешные: они очень комичны. Но у них нет чувства юмора, и они очень обижаются. Конечно, он не оцарапает тебя, если ты станешь над ним смеяться. Он просто повернется и уйдет, но помириться с ним тебе будет сложно. Но это не самое главное. Гораздо важнее научиться брать кота на руки. Когда Пит вернется, я тебе покажу, как.

Но Пит тогда вернулся не скоро, и я так и не показал ей, как это надо делать. С тех пор Белла к нему не прикасалась. Она разговаривала с ним и делала вид, что он ей нравится, но держала дистанцию, и Пит — тоже. Я выбросил это все из головы: не мог же я из-за такой ерунды усомниться в женщине, значившей для меня в жизни все... Однако позднее этот вопрос чуть не довел нас до разрыва. Мы обсуждали, где мы станем жить. Дату свадьбы Белла так и не давала назначить, но мы очень часто обсуждали детали будущей семейной жизни. Я хотел купить небольшое ранчо недалеко от фабрики. Белле была больше по душе квартира в городе, пока нам не по карману купить виллу и поместье. Я сказал: — Дорогая, это неудобно. Мне надо быть поближе к фабрике. И кроме того, у нас ведь кот, а не кошка. Тебе не приходилось держать кота в городской квартире?

— Ах, это!.. Знаешь, милый, хорошо, что ты сам заговорил об этом. Я тут кое-что почитала про кошек, да-да. Мы его... прооперируем. Тогда он будет тихий, и ему будет в квартире прекрасно.

Я глядел на нее, не веря ушам своим. Сделать из этого старого бойца евнуха? Превратить его в украшение для каминной полки?!

— Белла, ты сама не знаешь, что говоришь!

Sie schnalzte wegwerfend mit der Zunge und begann mir die üblichen Argumente jener Leute entgegenzuhalten, die in einer Katze nur eine Sache sehen ... daß er nichts spüren würde, daß es ja eigentlich zu seinem Besten sei, daß sie wüßte, wieviel er mir bedeute, daß sie nie daran dächte, ihn mir wegzunehmen, und im übrigen sei alles ja ganz einfach und für alle das beste. Ich unterbrach sie.

"Warum arrangierst du's nicht gleich für uns beide?"

"Was meinst du, Liebster?"

"Für mich auch. Ich wäre viel friedlicher, würde jede Nacht zu Hause bleiben und dir nie widersprechen. Wie schon erwähnt, tut es auch nicht weh, und ich wäre sicher viel glücklicher."

Sie wurde blutrot.

"Du bist unmöglich!"

"Du auch!"

Sie sprach nie wieder davon. Betty ließ eine Meinungsverschiedenheit nie zum offenen Streit ausarten; sie verstummte und wartete ab. Aber sie gab nie auf. In mancher Beziehung mag sie schon etwas Katzenhaftes an sich gehabt haben ... Das war vielleicht der Grund, warum ich ihr nicht widerstehen konnte.

Ich war froh, daß die Angelegenheit zu den Akten gelegt wurde. Bis über die Ohren steckte ich im ›Vielzweck-Frank.‹ ›Fritz‹ und ›Dienstmädchen‹ würden uns haufenweise Geld einbringen, aber ich hatte eine fixe Idee – den perfekten Vielzweck-Haushaltautomaten, den Allzweck-Diener. Nun gut, nennen wir ihn Roboter, obwohl das ein abgenütztes Wort ist und ich keineswegs die Absicht hatte, einen mechanischen Menschen zu bauen.

Она пустила в ход присказки вроде «мамуля лучше знает» и дежурные доводы людей, принимающих кошек за домашнее имущество: что ему не будет больно; что так ему же лучше; что она знает, как я люблю Пита, и что у нее и в мыслях не было лишать меня моего кота, и что это все очень просто, и не опасно, и для всех было бы лучше, если... Тут я перебил ее:

— А почему бы не нас обоих — его и меня?

— Что, милый?

— Я говорю: и меня тоже. Я тоже буду тогда смирный, тихий, не буду уходить из дома вечерами и спорить с тобой. Ты же сказала: это не больно. И потом: мне же будет лучше!..

Она вспыхнула:

— Ты несешь чепуху!

— А ты?

Больше она не заводила разговоров на эту тему. Белла никогда не позволяла разногласиям перерasti в ссору. Она умолкала и выжидала. Но никогда не отказывалась от своих намерений. В определенном смысле в ней было очень много от кошки. Может, поэтому она и была столь неотразима для меня?

Я был рад, что этот вопрос отпал. Я был по горло занят «Салли». На «Чарли» и «Золушке» мы наверняка должны были заработать кучу денег, но у меня просто чесались руки создать совершенный, универсальный домашний автомат — этакую прислугу на все руки. Можете назвать его роботом, хотя это слово затерли, а я вовсе не собирался делать механического человека.

Ich stellte mir ein Gerät vor, das im Haushalt einfach alles verrichten konnte. Säubern und kochen natürlich, aber auch wirklich schwere Aufgaben bewältigen, wie Windelnwechseln oder ein neues Farbband in die Schreibmaschine einziehen. Anstelle einer ganzen Horde von ›Dienstmädchen‹ und ›Fensterfritzen‹, ›Kindermädchen‹, ›Gärtner-Georges‹ und ›Einkaufs-Eriks‹ sollte sich ein Ehepaar für den Preis, sagen wir, eines guten Autos eine einzige Maschine kaufen können, die dem chinesischen Diener entsprach, von dem man so viel liest, den aber kein Mitglied meiner Generation jemals gesehen hat.

Wenn mir das gelänge, wäre die zweite Emanzipation bewirkt und die Hausfrau von ihrer ewigen Sklavenarbeit befreit. Ich wollte das alte Sprichwort außer Kurs setzen, wonach die Arbeit einer Hausfrau nie getan sei. Haushaltarbeit ist langweilige und unnötige Mühe; mir als Techniker mißfiel sie.

Um das Problem im Wirkungsbereich eines einzigen Ingenieurs zu halten, mußte beinahe der ganze ›Vielzweck-Frank‹ aus Standardteilen bestehen und ohne gänzlich neue Prinzipien auskommen. Grundlagenforschung kann ein Einzelgänger niemals betreiben; entweder war der Automat aus der derzeitigen Technik zu entwickeln, oder ich mußte meine Absicht aufgeben.

Zum Glück gab es in der Technik weite Gebiete, in denen man mir vorgearbeitet hatte, und mein Eifer im Militärdienst kam mir jetzt zugute. Was ich wollte, war nicht so kompliziert wie das, was man von einer Fernlenkrakete verlangte.

Was sollte ›Vielzweck-Frank‹ nun leisten können? Antwort: jede Arbeit, die ein Mensch im und am Haus zu erledigen pflegte. Er brauchte nicht Karten spielen, sich verlieben, essen oder schlafen zu können, aber er sollte nach dem Kartenspiel aufräumen, kochen, die Betten machen und Säuglinge pflegen – zumindest mußte er die Atmung des Kleinkindes überwachen und sich melden, sobald eine Änderung bemerkbar wurde. Ich entschied, daß er Telefonanrufe nicht abzunehmen brauchte, weil die größte Fernmeldegesellschaft bereits ein Gerät für diesen Zweck vermietete. Auch an die Tür sollte er nicht gehen müssen, weil die meisten modernen Häuser mit Wechselsprechanlagen ausgerüstet waren.

Я хотел создать машину, способную делать по дому все — убирать, варить (ну, это естественно), но не только.

Она должна уметь делать и сложные вещи: перепеленать младенца или сменить ленту в пишущей машинке. Я хотел, чтобы вместо полчища разных машин — «Золушки», «Чистюли Чарли», «Нянюшки Нэнси», «Посыльного Пэта» и «Садовника Сида» — семья могла купить всего одну машину (пусть даже она стоит столько, сколько приличный автомобиль), но эта машина будет заботиться о них не хуже слуги-китайца (все о таких услугах читали, но никто из моих сверстников их в глаза не видывал).

Если мне удастся осуществить задуманное — это станет новой Декларацией эманципации; это освободит женщин от их векового рабства. Я хотел, чтобы поговорка «домашнюю работу не переделаешь» устарела. Домашняя работа — штука нудная, однообразная и утомительная. Как инженера, меня это просто оскорбляло.

Чтобы это дело было по плечу инженеру-одиночке, почти вся моя «Универсальная Салли» должна была состоять из стандартных узлов и не основываться на новых принципах. Фундаментальные исследования — занятие не для одного человека. Придется опираться на уже созданное и придуманное, иначе мне этого не одолеть.

К счастью, придумано уже было немало, а я не зевал, когда имел допуск «СС» — «совершенно секретно». Создаваемая мною машина вряд ли должна была быть сложнее, чем управляемая ракета.

Чего же я хотел от своей «Салли»? Я хотел, чтобы она умела делать все, что приходится делать в доме человеку. Есть, спать, заниматься сексом или играть в карты ей не обязательно, а вот убирать со стола после карточной игры, готовить, стелить постель и нянчить детей — это уж будьте любезны. Или, по крайней мере, следить за дыханием ребенка и звать людей, если оно изменится. Я решил, что уметь отвечать на телефонные звонки ей тоже не обязательно: «Америкэн телефон энд телеграф» уже торгует такими устройствами. Открывать входную дверь опять же не обязательно — большинство новых домов оборудовано такими механизмами.

Aber um die Vielzahl der Dinge zu tun, die ich von ihm verlangte, brauchte er Hände, Augen, Ohren und ein Gehirn ... ein gutes Gehirn.

Die Hände konnte ich bei den Firmen für Ausstattung von Atomkraftwerken bestellen, die auch die Hände für Dienstmädchen lieferten, nur benötigte ich jetzt die beste Ausführung mit weitreichenden Servoanlagen und der exakten Rückkopplung, wie sie Mikroanalysemanipulation und die Messung radioaktiver Isotope erfordern. Die gleichen Firmen konnten Augen liefern – nur durften sie einfacher sein, weil ›Frank‹ nicht hinter meterdickem Stahlbeton, der in Atommeilern als Abschirmung dient, zu sehen und agieren brauchte. Die Ohren konnte ich bei Funk- und Fernsehgeräteherstellern erwerben – obwohl ich mir vielleicht neue Schaltungsentwürfe abringen mußte, damit seine Hände ebensogut durch Sehen, Hören und Berühren gesteuert werden konnten – wie die menschliche Hand.

Mit Transistoren und gedruckten Schaltungen läßt sich aber auch auf engem Raum allerhand anfangen.

›Frank‹ sollte keine Staffeleien benötigen. Ich würde seinen Hals dehnbar wie bei einem Strauß und seine Arme ausfahrbar machen. Sollte ich ihn für das Begehen von Treppen konstruieren? Nun, es ab einen motorisierten Rollstuhl, der das schaffte. Vielleicht sollte ich ein Exemplar kaufen und ihn als Chassis benützen? Das Testmodell müßte dann auf die Größe des Rollstuhls beschränkt werden und sollte auch nicht schwerer werden als das Gewicht, das dieser Stuhl zu tragen vermochte – damit hatte ich gleich einen Rahmen abgesteckt. Antrieb und Steuerung mußten dann nur über ›Franks‹ Gehirn geschaltet werden.

Das eigentliche Problem war das Gehirn. Man kann ein Gerät bauen, das wie ein Menschenskelett zusammengesetzt ist, oder vielleicht noch besser. Man könnte ihm ein Rückkopplungssystem von solcher Feinheit einbauen, daß es Nägel einschlagen, Böden schrubben und Eier aufschlagen – oder auch nicht aufschlagen kann. Aber wenn es zwischen den Ohren nicht das hat, was eben beim Menschen vorhanden ist, wird es kein Mensch, nicht einmal eine Leiche.

Но чтобы делать уйму дел, для которых «Салли» предназначалась, ей нужны были руки, глаза, уши и мозг. Хороший мозг.

«Руки» можно заказать в той же фирме, выпускавшей оборудование для атомных заводов, что поставляла их для нашей «Золушки», — только на этот раз «руки» были нужны самые лучшие: с массой сервоприводов и механизмами тонкой обратной связи, такие какие используют для взвешивания радиоактивных изотопов на аналитических весах. Та же фирма будет делать и «глаза»; правда, «глаза» можно и попроще: «Салли» ведь не придется «видеть» сквозь метры бетона, как на атомных заводах. «Уши» я мог купить у любой из дюжины радиотелевизионных фирм, хотя мне и придется самому разрабатывать некоторые электронные цепи, чтобы «руки» одновременно управлялись импульсами от органов зрения, слуха и осязания, как человеческая рука.

Но на транзисторах и печатных платах в маленький объем можно запихать чертову уйму всего.

Лазить по пожарной лестнице «Салли» не придется; лучше я сделаю так, что шея у нее будет вытягиваться, как у страуса, а руки — удлиняться наподобие телескопических антенн. А вот должна ли она подниматься по ступеням? Вообще-то было такое инвалидное кресло с моторчиком, которое могло это делать. Может, купить такое и взять в качестве шасси, уменьшив сами механизмы до таких размеров, чтобы помещались в этом кресле, и такого веса, чтобы кресло выдержало? Вот и параметры определились. А электропривод и рулевое управление я выведу на «мозг».

Главная закавыка была в «мозге». Можно сделать механику наподобие человеческого скелета, а может, и лучше. Можно придумать систему обратной связи, достаточно точную и тонкую, чтобы робот мог забивать гвозди, мыть полы, бить яйца — или не бить яйца. Но пока у него между ушей не будет этой штуки, наподобие человеческой, — это не человек и даже не труп.

Zum Glück brauchte ich kein menschliches Gehirn; ich stellte mir einen folgsamen Schwachsinnigen vor, der in der Lage war, ständig wiederkehrende Haushaltarbeiten zu verrichten.

Und an diesem Punkt wurden die Thorsen-Gedächtnisspeicherröhren entscheidend. Die Interkontinental-Raketen, mit denen wir zurückgeschlagen hatten, dachten durch Thorsen-Röhren, und die Verkehrsleitsysteme in Los Angeles und anderen Städten verwendeten eine einfache Form davon. Es ist nun nicht nötig, eine Röhre theoretisch zu erläutern, die man nicht einmal in den Labors von Bell ganz versteht. Das Wesentliche ist, daß man eine Thorsen-Röhre in eine Kontrollschatzung einbauen, die Maschine über Handsteuerung eine gewisse Verrichtung ausführen lassen kann, und die Röhre wird sich an das Geschehene erinnern. Sie kann dann das zweitemal oder beliebig oft die Arbeit ohne menschliche Aufsicht bewerkstelligen. Für eine automatische Werkzeugmaschine genügt das; bei Fernlenkraketen und bei ›Frank‹ fügt man zusätzliche Schaltungen an, die der Maschine Urteilsvermögen verleihen. In Wirklichkeit handelt es sich natürlich nicht um diese Fähigkeit; denn eine Maschine kann sie nie besitzen. Die Zusatzschaltung ist lediglich eine Suchschaltung, deren Programmierung erklärt: ›Such das oder jenes innerhalb dieser und jener Einschränkungen; wenn du es gefunden hast, dann arbeite nach deiner Grundinformation.‹ Die grundlegende Information kann so kompliziert sein, wie man will, soweit sie noch in eine Thorsen-Gedächtnisspeicherröhre hineingeht – und ihr Aufnahmevermögen ist beträchtlich! –, dann läßt sich so programmieren, daß die Urteils-Schaltungen die Grundinformation jederzeit zu unterbrechen vermögen, sobald der Zyklus mit dem zuerst in die Thorsen-Röhre eingebrachten nicht übereinstimmt.

Das bedeutet, daß man ›Frank‹ nur einmal dazu bringen muß, den Tisch abzuräumen, die Teller abzukratzen und sie in den Spülautomaten zu stellen. Von diesem Moment an kann er mit allem schmutzigen Geschirr fertig werden, das ihm begegnet. Mehr noch, man könnte ihm eine elektronisch vervielfältigte Thorsen-Röhre in den Schädel stecken, so daß er mit schmutzigem Geschirr schon beim ersten Zusammentreffen fertig werden könnte ... ohne auch nur einen Teller zu zerschlagen.

К счастью, мне не нужен был мозг на уровне человеческого. Мне надо было создать послушного дебила, способного делать однообразную домашнюю работу.

И тут пригодились ячейки памяти Торсена. Наши баллистические ракеты выбирали точку поражения, «размышая» ячейками Торсена; применялись они и в системах регулирования дорожного движения, например, в Лос-Анджелесе, хотя и попроще, «поглупее». Не буду вдаваться в тонкости теории – их даже в «Бэлл лэбз» не очень понимают, – суть в том, что ячейку Торсена вводят в управляющую цепь, один раз управляют работой машины вручную, и ячейка «запоминает» последовательность действий и в следующий раз может управлять работой сама, без оператора-человека, и так неограниченное число раз. Для станка-автомата этого достаточно; для управляемой ракеты и «Универсальной Салли» нужны еще несколько цепей, чтобы машина могла «мыслить». Никакое это, конечно, не мышление (я считаю, что машина вообще не может мыслить), это просто побочные цепи – поисковые цепи, которые задают команды вроде: «Ищи то-то и то-то в пределах того-то и того-то; когда найдешь, исполняй основную программу». Основную программу можно сделать настолько сложной, насколько плотно удастся набить информацией ячейки Торсена (а набить ее туда можно ох как изрядно!), и составить так, чтобы она прерывалась, как только последовательность операций начнет отличаться от «запомнившихся» ячейкам Торсена.

Это означало, что только один раз «Универсальную Салли» надо было заставить убрать со стола, очистить от остатков пищи тарелки и поставить их в посудомоечную машину – после этого она сама справлялась с любой грязной посудой, на которую натыкалась. Более того: ячейку Торсена можно сначала зарядить электронной «памятью» и лишь потом вмонтировать в ее «голову». Тогда «Салли» справится с попавшейся ей грязной посудой сразу же, с первого раза, и никогда не разобьет ни одной тарелки.

Eine andere Speicherröhre neben die erste, und er würde beim erstenmal Windeln wechseln, ohne das Baby auch nur ein einzigesmal zu pieken.

›Franks‹ eckiger Schädel vermochte leicht hundert Thorsen-Röhren aufzunehmen, von denen jede das elektronische Gedächtnis einer anderen Haushaltkskraft enthielt. Dann brauchte man nur eine Schutzschaltung um alle Urteils-Schaltungen anzubringen, die ihn zum Stillstand bringen und plärren lassen würde, sobald er eine Situation vorfand, auf die seine Programmierung nicht paßte – auf diese Weise konnte weder den Babies noch dem Geschirr etwas zustoßen.

Ich baute ›Frank‹ also auf den Rahmen eines motorisierten Rollstuhls. Er sah aus wie ein Hugestell, das in einen Oktopus verliebt ist ... aber Silber konnte er putzen, Junge, Junge!

Miles sah sich den ersten ›Frank‹ an, beobachtete ihn beim Mixen und Servieren eines Martini, sah ihn dann herumgehen, Aschenbecher leeren und polieren – ohne jemals einen sauberer zu berühren –, ein Fenster öffnen und es einhaken, zu meinem Bücherregal marschieren, die Bücher ordnen und abstauben. Miles nippte an seinem Martini und sagte: "Zuviel Wermut."

"Ich mag den Martini so. Aber wir können ihm beibringen, daß er deinen auf diese, meinen auf andere Weise mixt. Er hat genug unbenutzte Röhren in sich."

Miles trank einen zweiten Schluck.

"Wann kann er in die Produktion gehen?"

"Ich möchte ungefähr zehn Jahre an ihm arbeiten."

Bevor er aufstöhnen konnte, fügte ich hinzu: "Aber ein einfacheres Modell läßt sich in fünf Jahren auf den Markt bringen."

"Unsinn! Wir beschaffen dir genug Unterstützung und haben in sechs Monaten ein Grundmodell fertig."

Воткните другую «заряженную» ячейку рядом с первой — и она сумеет перепеленать малыша, и тоже с первого раза, и никогда — никогда! — не ушипнет его.

В квадратную голову «Салли» свободно помещалась добрая сотня ячеек Торсена, каждая — со своей электронной «памятью» о разных домашних делах. Теперь — сторожевая цепь, охватывающая все «умные» цепи: она заставляла «Салли» замереть на месте, включив сигнал тревоги, если та натыкалась на что-то, не укладывающееся в ее инструкции, чтобы не бить ненароком посуду (или детей!...).

Так что «Салли» я собрал на базе инвалидного кресла с электроприводом. Внешне это сильно смахивало на осьминога, обнимающегося с вешалкой, но видели бы вы, братцы, как она умела чистить столовое серебро!

Майлс наблюдал, как наша первая «Салли» смешивает «мартини», подает его; потом обходит комнату, опорожняя и протирая пепельницы (не трогая при этом чистые); затем открывает окно; после этого подходит к полкам и стирает пыль с книжек. Отхлебнув «мартини», Майлс заявил: — Вермута многовато, пожалуй.

— А я именно такой и люблю. Но можно сделать, чтобы мне она смешивала коктейли так, а тебе — по-другому. У нее свободных ячеек еще навалом. Одно слово — универсальная.

Майлс отпил еще.

— Как скоро она будет готова для запуска в производство?

— Ну, я-то возился бы с ней еще лет десять.

Майлс застонал, и я торопливо добавил: — Но модель попрошу, я думаю, надо бы запустить пораньше — скажем, лет через пять.

— Ерунда! Наймем тебе кучу помощников, и чтобы все было готово через полгода.

"Ausgeschlossen. Das ist mein Lebenswerk. Ich gebe ihn nicht frei, bis er ein Kunstwerk ist ... um zwei Drittel kleiner, alles durch Einstöpseln ersetzbar, bis auf die Thorsen-Röhren, und so vielseitig verwendbar, daß er nicht nur die Katze füttert und das Baby badet, sondern sogar Ping-Pong spielt, wenn der Käufer die zusätzliche Programmierung bezahlt."

Ich sah ihn an. »Frank« staubte lautlos meinen Schreibtisch ab und legte jedes Blatt Papier wieder an die richtige Stelle.

"Aber Tischtennis mit ihm wäre nicht sehr sportlich, er würde den Ball nie verfehlten. Nein, man könnte eine Schaltung einbauen, daß er immer wieder auch einmal danebenhaut ... ja, das wäre möglich. Das machen wir, für die Verkaufsvorführung eignet sich das sehr gut."

"Ein Jahr, Dan, und keinen Tag mehr. Ich werde jemand von Loewys Gestaltungsfirma abwerben, der dir bei der Formgebung hilft."

"Miles, wann begreifst du endlich, daß ich alles Technische erledige?" meinte ich. "Wenn ich ihn an dich weitergebe, kannst du damit machen, was du willst ... aber nicht eine Sekunde früher."

"Es ist trotzdem zuviel Wermut im Martini", sagte Miles.

— Черта с два! Это magnum opus, и я не выпущу ее из рук, пока она не станет шедевром: раза в три меньше, с легко заменяемыми, быстросъемными узлами (кроме, конечно, торсено-вских ячеек), и настолько смышленой, чтобы она не только не заводила ключом кошку и не стирала пыль с детей, но даже играла в пинг-понг, если покупатель заплатит за дополнительное программирование.

Я взглянул на «Салли»: она тихонько стирала пыль с письменного стола, аккуратно укладывая каждую бумажку туда, откуда взяла. Я продолжил:

— Хотя играть с ней в пинг-понг, пожалуй, будет скучно: она не будет промахиваться. А впрочем, можно научить ее и этому: поставим генератор случайных чисел... да, это можно. А когда сделаем — устроим рекламный матч. Вот будет зрелище, а?

— Год, Дэн. Один год, и ни днем больше. И я найму дизайнера — помочь тебе с внешним оформлением. Тут я сказал:

— Майлс, когда ты поймешь, наконец, что технической частью командую я? Вот когда я передам ее тебе — валяй, там ты хозяин. Но ни секундой раньше.

— А вермута все-таки многовато... — ответил Майлс.

Ich plagte mich mit Hilfe der Fabrikmechaniker weiter ab, bis ›Frank‹ weniger wie das Resultat eines Autounfalls und mehr wie ein Gerät aussah, mit dem man bei seinen Nachbarn angeben konnte. In der Zwischenzeit beseitigte ich eine Menge Defekte in seinem Steuermechanismus. Ich brachte ihm sogar bei, Pete zu streicheln und so unter dem Kinn zu kraulen, daß er es sich gefallen ließ – und dafür, glauben Sie mir, ist eine mindestens ebenso exakte Rückkopplungstechnik nötig wie für die Arbeiten in den Atomlabors. Miles drängte mich nicht, obwohl er von Zeit zu Zeit vorbeikam, um den Fortschritt zu begutachten. Die meiste Arbeit leistete ich nachts, nachdem ich Betty zum Abendessen ausgeführt und sie heimgebracht hatte. Dann schlief ich fast den ganzen Tag, kam am späten Nachmittag, unterschrieb die Briefe, die Betty für mich vorbereitet hatte, besichtigte, was die Fabrik tagsüber geleistet hatte, und führte Betty wieder zum Essen aus. Vorher unternahm ich wenig, weil schöpferische Arbeit einen nicht gerade angenehmen Duft erzeugt. Nach einer harten Nacht im Labor konnte außer Pete niemand meine Gegenwart ertragen.

Als wir eines Abends eben mit dem Essen fertig waren, sagte Betty zu mir: "Gehst du in die Fabrik zurück, Liebster?"

"Sicher."

"Warum?"

"Gut. Miles erwartet uns nämlich."

"Was?"

"Er möchte eine Aktionärsitzung abhalten."

"Eine Aktionärsitzung? Warum denn?"

"Es wird nicht lange dauern.

Du hast dich in letzter Zeit tatsächlich sehr wenig um die geschäftlichen Dinge gekümmert, Liebster.
Miles möchte ein paar Fragen geklärt haben."

"Ich war mit der technischen Seite zu sehr beschäftigt. Was soll ich denn für die Firma noch tun?"

С помощью наших механиков я возился с «Салли» до тех пор, пока она перестала напоминать результат столкновения двух мотоциклов и приобрела вид, вызывающий желание прихвастнуть ею перед соседками. Я тем временем довел до совершенства всю систему управления. Я даже научил ее гладить Пита и чесать его за ухом, а это, поверьте, требует такой же точной системы отрицательной обратной связи, как в оборудовании атомных лабораторий. Майлс не торопил меня, хотя время от времени заходил взглянуть, как идут дела. Работал я обычно по ночам, поужинав с Беллой и проводив ее домой. Большую часть дня я отсыпался, приезжал на фабрику после обеда, подмахивал приготовленные Беллой бумаги, проверял, что сделано за день в мастерской, и опять уезжал с Беллой ужинать. Я не очень выкладывался перед ужином, потому что после творческого труда от человека воняет, как от козла: утром, когда я возвращался из мастерской, вытерпеть меня мог разве что Пит.

Как-то раз, когда обед близился к концу, Белла спросила:

— Ты обратно на фабрику, милый?

— Конечно, а куда же еще.

— Хорошо. Майлс тоже должен приехать.

— Майлс?

— Он хочет провести собрание пайщиков.

— Собрание пайщиков? Зачем?

— Это ненадолго. Ты ведь в последнее время не очень вникал в дела фирмы, милый. Майлс хочет кое-что уточнить насчет нашей рекламной политики; я точно не знаю.

— Я в основном занят инженерными делами. А что, собственно, еще я могу делать для фирмы?

"Nichts, Liebling. Miles meint, daß es nicht lange dauern wird."

"Was ist los? Wird Jake nicht mit der Fließbandproduktion fertig?" "Bitte, Liebling. Miles hat mir den Grund nicht gesagt. Trink deinen Kaffee aus." Miles erwartete uns in der Fabrik und drückte mir so ernsthaft die Hand, als hätten wir uns vier Wochen nicht mehr gesehen. Ich sagte: "Miles, was ist hier eigentlich los?" Er wandte sich an Betty.

"Hol die Tagesordnung bitte."

Das allein hätte mir schon verraten sollen, daß Betty gelogen hatte, als sie behauptete, Miles habe ihr nichts über seine Absichten anvertraut. Aber ich dachte nicht daran – zum Teufel, noch mal, ich traute Betty! –, und meine Aufmerksamkeit wurde noch durch etwas anderes abgelenkt, denn Betty ging zum Safe, drehte am Knopf und öffnete die Tür.

"Übrigens, Liebste, ich wollte den Tresor gestern nacht aufmachen und konnte nicht. Hast du die Kombination geändert?"

Sie nahm Papiere aus dem Fach und drehte sich nicht um.

"Hab' ich dir das nicht erzählt?
Der Wachdienst bat mich darum, nach dem Einbruchsversuch letzte Woche."

"Ach so. Dann gib mir aber die neuen Ziffern, sonst muß ich dich einmal mitten in der Nacht aus dem Bett holen." "Selbstverständlich."

Sie schloß die Safetür und legte einen Aktenheft auf den Tisch, den wir für Besprechungen benützten.

Miles räusperte sich und sagte: "Fangen wir an."

— Ничего, милый. Майлс говорит, что собрание — ненадолго.

Майлс уже ждал нас на фабрике и поздоровался со мною за руку так торжественно, будто мы месяц не виделись. Я спросил его, в чем дело. Он повернулся к Белле.

— Достань, пожалуйста, повестку дня.

Уже тогда я должен был понять, что Белла солгала мне, будто бы Майлс не говорил ей, что он замышляет. Но мне это и в голову не пришло (я же верил Белле, черт возьми!), да еще вдобавок меня кое-что отвлекло: Белла подошла к сейфу, повернула ручку — и сейф открылся. Я спросил:

— Кстати, дорогая, я вчера хотел открыть его и не смог. Ты что, сменила шифр?

Она перекладывала папки и не повернулась ко мне.

— Разве я тебе не сказала? Охрана попросила меня сменить шифр после ложной тревоги на прошлой неделе. — А... ты лучше дай мне новый шифр, а то, не ровен час, придется звонить вам среди ночи!

— Конечно. — Она закрыла сейф и положила папку на стол, который мы использовали для совещаний. Майлс откашлялся и сказал:

— Давайте начнем.

Я ответил:

"Okay", sagte ich.

"Liebling, wenn das eine formelle Sitzung ist, mußt du mitstenografieren ... äh, Mittwoch, 18. November 1970, 21 Uhr 20, alle Aktionäre anwesend – schreib unsere Namen hin – D. B. Davis, Vorsitzender des Aufsichtsrates. Irgendwelche alten Sachen?"

Es gab nichts dergleichen.

"Na schön, Miles, du bist dran." Miles räusperte sich.

"Ich möchte die Pläne der Firma überprüfen, ein Programm für die Zukunft aufstellen und dem Aufsichtsrat einen Finanzierungsvorschlag machen."

"Finanzierung?"

Mach dich nicht lächerlich. Wir erzielen Überschüsse, die jeden Monat steigen. Was ist los, Miles? Unzufrieden mit deinem Spesenkonto? Wir können es ja erhöhen."

"Beim neuen Programm wäre es mit den Überschüssen bald vorbei. Wir brauchen eine größere Kapitaldecke."

"Welches Programm?"

"Bitte, Dan. Ich habe mir die Mühe gemacht, es im einzelnen schriftlich niederzulegen. Betty soll es uns vorlesen."

"Na ... meinewegen."

Wenn man das Gewäsch fortläßt – wie alle Juristen hatte Miles eine Vorliebe für mehrsilbige Wörter –, wollte Miles dreierlei: a) mir ›Frank‹ wegnehmen, ihn einer produktionstechnischen Gruppe übergeben und ohne weitere Verzögerung auf den Markt bringen; b) – aber an dieser Stelle war für mich schon Schluß.

— Окей. Дорогая, раз это официальное собрание, то, мне кажется, надо бы вести протокол. Хм, итак: среда, восемнадцатое ноября тысяча девятьсот семидесятого года. Девять часов двадцать минут вечера. Присутствуют все пайщики – запиши наши имена; председатель правления и ведущий собрание – Д. Б. Дэвис. Есть ли вопросы, оставшиеся не рассмотренными ранее?

Таковых не оказалось.

— Окей, Майлс, твой выход. Есть ли новые вопросы?

Майлс опять прочистил горло:

— Я хочу обсудить и пересмотреть политику фирмы, предложить программу действий на будущее и представить на рассмотрение совета предложения о привлечении внешних инвестиций.

— Не дури, Майлс.

У нас положительный баланс, и дела идут лучше с каждым днем. Чего тебе не хватает? Если денег на текущем счету, то можем добавить!

— Новая программа не позволит нам сохранить положительный баланс. Нам нужна более широкая структура капиталовложений.

— Какая еще новая программа?

— Дэн, ну, пожалуйста! Я не поленился все это подробно записать. Пусть Белла прочтет.

— Ну что ж... пусть прочтет.

Опуская крючкотворские пассажи (а Майлс, как все юристы, очень любил длинные слова), дело сводилось к трем пунктам. Во-первых, Майлс хотел отобрать у меня «Универсальную Салли», передать ее группе инженеров-технологов и немедленно выбросить на рынок. Во-вторых... Тут я перебил его:

"Nein!"

— Нет!

"Einen Augenblick, Dan. Als Präsident und Geschäftsführer bin ich doch wohl berechtigt, meine Vorstellungen ungehindert vorzubringen. Spar dir deine Bemerkungen bis später."

Laß Betty zu Ende lesen." "Also gut ... aber die Antwort lautet trotzdem: Nein!"

Punkt b) verlangte dem Sinn nach, daß wir aufhören sollten, als Kleinunternehmen zu existieren. Wir hätten eine große Sache in den Händen, seien von Anfang an dabei, deshalb müßten wir uns so schnell wie möglich erweitern und eine Organisation für Vertrieb und Verkauf im ganzen Land und auf der ganzen Welt einrichten, verbunden mit entsprechender Produktionssteigerung, versteht sich.

Ich begann auf die Tischplatte zu trommeln. Ich sah mich schon als Chefingenieur in einem solchen Unternehmen. Wahrscheinlich würde ich nicht einmal einen Zeichentisch bekommen, und wenn ich einen Lötkolben anrührte, würde die Gewerkschaft zum Streik blasen.

Ebensogut hätte ich beim Militär bleiben und die Generalslaufbahn erstreben können. Aber ich schwieg zunächst.

Punkt c) erklärte, daß wir das nicht mit Pfennigen erreichen könnten; das erforderte Millionen. Die Firma «Mannix Enterprises» würde das Geld einbringen – das Ganze lief darauf hinaus, daß wir alles an Mannix verkaufen und eine Tochtergesellschaft dieses Unternehmens werden sollten. Miles würde als Werkgeschäftsführer bleiben, und ich sollte den Posten eines Chef-Forschungsingenieurs bekommen, aber mit dem freien, ungebundenen Leben würde es vorbei sein. Damit wären wir beide Angestellte geworden.

"Ist das alles?" fragte ich.

"Mmmm ... ja, diskutieren wir, dann kann abgestimmt werden."

"In dem Vorschlag fehlt noch etwas über unser Recht, nachts vor der Hütte zu sitzen und Spirituals zu singen."

— Подожди, Дэн. Как президент и старший менеджер, я определенно имею право, чтобы мои соображения выслушали, не перебивая. Оставь свои комментарии при себе и дай Белле дочитать.

— Ладно. Но другого ответа не будет.

Во-вторых, хватит нам быть кустарями, считал Майлс. У нас в руках большое изобретение не менее важное, чем автомобиль, — и немалая фора. Так что надо немедленно расширяться, создавать организацию всеамериканского, а возможно и всемирного, масштаба: оптовая торговля, розничная — ну, и производство, соответственно.

Я начал барабанить пальцами по столу. Я представил себя главным инженером такого предприятия: у меня даже чертежную доску отберут, а если я возьму в руки паяльник — профсоюз тут же объявит забастовку. С тем же успехом я мог остаться служить в армии и попытаться стать генералом. Но я не перебивал.

В-третьих, такие дела с нашими грошами не проворачиваются — нужны миллионы. Миллионы предлагала «Маннакс Энтерпрайзиз»; фактически она просто покупала нас на корню вместе с «Универсальной Салли», вершками и корешками. Мы превратились бы в ее дочернюю корпорацию. Майлс стал бы начальником отдела, а я — ведущим конструктором, но доброе старое время уже не воротишь: мы оба станем просто батраками.

— Это все? — осведомился я.

— Мм-м... да. Давайте обсудим и проголосуем.

— По-моему, надо еще включить пункт, гарантирующий нам право сидеть вечером перед хижиной и петь спиричуэл.

"Das ist kein Witz, Dan. So muß es gemacht werden."

— Это не шутки, Дэн. Так надо.

"Ich mache keine Witze. Ein Sklave braucht Privilegien, wenn er sich ruhig verhalten soll. Na schön, bin ich jetzt an der Reihe?"

"Fang an!"

Ich brachte einen Gegenvorschlag ein, der schon seit einiger Zeit in mir herangereift war. Ich wünschte, daß wir aus der Herstellung ausstiegen. Jake Schmidt, unser Produktionsleiter, war ein fähiger Mann, trotzdem wurde ich immer wieder aus meiner Denkarbeit gerissen, um Schwierigkeiten in der Produktion beheben zu helfen – und das ist dasselbe Gefühl, als werde man aus dem warmen Bett in Eiswasser gestoßen. Vorwiegend aus diesem Grund hatte ich meist nachts gearbeitet und mich unter Tage von der Fabrik ferngehalten. Wenn weitere Gebäude angeschlossen und eine Nachschicht eingeführt werden sollte, konnte ich die Zeit kommen sehen, da mir überhaupt keine friedliche Stunde mehr zum Denken blieb, selbst wenn wir diesen völlig unsinnigen Plan, uns auf die Ebene von General Motors zu schwingen, verworfen. Ich war schließlich kein Zwillingswesen; ich konnte nicht zugleich Erfinder und Produktionsleiter sein.

Ich schlug also vor, daß wir uns verkleinern statt vergrößern, Lizizenzen für Bau und Verkauf von ›Dienstmädchen‹ und ›Fensterfritz‹ vergeben und nur die Tantiemen einstreichen sollten. Sobald ›Frank‹ serienreif sei, empfehle es sich, auch ihn in Lizenz herstellen zu lassen. Sollte Mannix die Lizizenzen haben wollen und den besten Preis bieten, um so besser! Inzwischen würden wir unseren Firmennamen in ›Davis & Gentry-Forschungslabor‹ ändern und das Unternehmen auf uns drei beschränken, abgesehen von einem oder zwei Mechanikern, die mir beim Bau neuer Geräte behilflich sein könnten. Miles und Betty brauchten nur das heranrollende Geld zu zählen.

Miles schüttelte bedächtig den Kopf.

"Nein, Dan. Die Lizenzvergabe würde uns sicher Geld einbringen, aber nicht annähernd so viel wie bei der Eigenherstellung."

— А я и не шучу: чтобы раб не бунтовал, ему надо дать какие-то привилегии. Окей. Можно мне?

— Валяй.

Я выдвинул встречное предложение, которое давно ворчалось в голове. Я предложил свернуть производство. Джейк Шмидт, наш мастер цеха, был славный малый. Но меня то и дело выдергивали из теплого творческого тумана — устранять дефекты сборки. Ощущение такое, будто тебя из теплой постели вываливают в ледяную воду.

Вот из-за этого-то я и старался побольше работать по ночам, а днем держаться подальше от цеха. А когда привезут еще ангары и укомплектуют ночную смену, мне и вовсе не видать покоя для творчества, даже если мы и отклоним этот безумный план — втиснуться между «Дженерал моторз» и «Консолидейтед». У меня не две головы; я не могу быть и изобретателем, и производственником.

Так что я предложил: давайте не будем расти. Лучше продадим лицензии на «Золушку» и «Чарли» — пусть их выпускает и продает кто-нибудь другой. А мы будем получать свои отчисления. А когда «дозреет» «Салли», мы и ее можем лицензировать. Если «Манникс» интересуют наши лицензии, пусть торгуется. Переторгует других — ради бога! А мы сменим вывеску на «Конструкторскую корпорацию Дэвис и Джентри» и опять будем работать втроем. Ну, еще парочка механиков — помогать мне собирать новые модели. А Майлсу и Белле останется только сидеть да считать денежки, что к нам потекут.

Майлс медленно покачал головой.

— Нет, Дэн. Конечно, лицензирование — это тоже деньги. Но ничего похожего на то, что мы можем иметь, делая нашу технику сами.

"Miles, wir würden ja gar nicht selbst finanzieren, das ist doch der springende Punkt. Wir würden uns mit Haut und Haaren den Mannix-Leuten verkaufen. Wenn es um Geld geht, wieviel willst du denn haben? Du kannst schließlich nur immer eine Jacht oder einen Swimmingpool benützen ... und beides kannst du dir noch vor Jahresende leisten."

"Ich will sie gar nicht."

"Was willst du dann?"

Er hob den Kopf.

"Dan, du möchtest Erfindungen machen. Dieser Plan erlaubt es dir. Du bekommst jede erdenkliche Hilfe, alle erforderlichen Einrichtungen und das nötige Kleingeld. Ich will ein großes Unternehmen aufbauen. Die Fähigkeiten dazu habe ich." Er warf Betty einen Blick zu. "Ich denke nicht daran, mein Leben als Geschäftsführer für einen einsamen Erfinder mitten in der Mojave-Wüste zu verbringen."

Ich starrte ihn an.

"In Sandia hast du anders geredet. Willst du vielleicht aussteigen? Betty und mir täte es leid, dich gehen zu lassen ... Aber wenn du so denkst, kann ich ja den Laden unter Umständen mit Hypotheken belasten und dich auskaufen. Ich möchte nicht, daß sich jemand hier gebunden fühlt."

Ich war bis ins Mark erschüttert, aber wenn Miles die Unruhe gepackt hatte, war ich nicht befugt, ihn festzuhalten.

"Nein, ich will nicht aussteigen, ich möchte, daß wir uns vergrößern. Du hast meinen Vorschlag gehört. Ich stelle ihn als formellen Antrag zur Abstimmung."

Ich scheine wohl ein verblüfftes Gesicht gemacht zu haben.

— Черт побери, Майлс, да ведь мы как раз и не будем делать ее сами, в том-то и дело! Мы просто продадимся «Манникс» с потрохами. А деньги — сколько ты хочешь? Больше одной яхты и одного бассейна тебе не надо. И то и другое у тебя будет еще в этом году, если захочешь.

— Не хочу.

— А что же ты хочешь?

Он поднял голову.

— Дэн, ты хочешь изобретать? Мой план — это возможность иметь для этого любые деньги и вообще все на свете. А я — я хочу рулить крупным делом. Большим делом. У меня к этому талант. — Он взглянул на Беллу. — Я не желаю до конца дней торчать здесь, посреди пустыни, и работать менеджером у изобретателя-одиночки.

Я пристально посмотрел на него.

— В Сандии ты по-другому говорил. Хочешь выйти из игры, Папуля? Нам с Беллой будет очень жаль... но раз ты так решил, я, наверное, смогу заложить фабрику и выкупить твою долю. Я никого не хочу связывать.

Я был просто потрясен до самых пяток. Но если старине Майлсу так не терпелось, у меня не было никакого морального права удерживать его.

— Нет, я не хочу выйти из игры, я хочу, чтобы мы расширялись. Ты слышал мое предложение. Оно официальное. Так что давайте голосовать.

Наверное, у меня был удивленный вид.

"Du willst also stur sein, wie? Na schön, Betty, das Abstimmungsergebnis lautet ›nein‹. Aber meinen Gegenvorschlag stelle ich heute noch nicht zur Debatte. Wir sprechen noch darüber. Ich möchte schließlich, daß du zufrieden bist, Miles."

Miles blieb hartnäckig.

"Wir wollen exakt sein. Genaue Abstimmung, Betty."

"Gut. Miles Gentry, Aktien mit Stimmrecht Nummer ...", sie las die Ziffern ab. "Entscheidung?"

Angenommen."

Sie schrieb in ihr Büchlein.

"Daniel B. Davis, Aktien mit Stimmrecht Nummer ...", wieder las sie eine Reihe von Ziffern vor. Ich beachtete die Formalitäten nicht. "Entscheidung?"

"Abgelehnt. Das war's. Tut mir leid, Miles."

"Betty S. Darkin", fuhr sie fort. "Aktien mit Stimmrecht Nummer ..." Sie leierte Zahlen herunter. "Ich stimme mit ›Ja‹."

Ich starrte sie mit offenem Munde an, schnappte eine Weile nach Luft und sagte schließlich: "Aber Liebling, das kannst du doch nicht machen! Sicher sind das deine Aktien, aber du weißt sehr gut, daß ..." "Stell das Ergebnis fest.", knurrte Miles.

"Die Ja-Stimmen haben die Mehrheit. Der Vorschlag ist angenommen."

"Halte das schriftlich fest."

"Selbstverständlich."

— Ты так хочешь?! Окей, Белла, я голосую против. Запиши. Но я не буду вносить свое контрпредложение сегодня. Давайте обговорим его и обсудим. Я ведь тебе, Майлс, добра желаю.

Майлс упрямко повторил:

— Давайте сделаем все, как положено. Голосуем, Белла.

— Хорошо, сэр. Майлс Джентри, акции номер... — она прочитала номера акций. — Как вы голосуете?

— За.

Она записала в журнал.

— Дэниэл Б. Дэвис, акции номер... — она опять отбарабанила серию телефонных номеров. Я не очень вслушивался в эту проформу. — Как вы голосуете?

— Против. Так что все ясно. Извини, Майлс.

— Белла С. Даркин, — продолжила Белла, — акции номер, — она опять прочитала ряд цифр. — Я голосую «за».

Я открыл рот. Потом с трудом закрыл его и сказал: — Но, детка, так нельзя! Это, конечно, твои акции, но ты же знаешь, что... — Огласите результаты, — хрипло сказал Майлс.

— «За» — больше. Предложение принято.

— Запишите.

— Да, сэр.

Die nächsten Minuten herrschte heilloses

Durcheinander. Zuerst brüllte ich sie an, dann versuchte ich es mit vernünftigen Argumenten, dann begann ich, zu fauchen und ihr zu erklären, daß sie etwas Unehrlisches getan hatte – gewiß, ich hatte ihr die Aktien überschrieben, aber sie wußte genausogut wie ich, daß ich das Stimmrecht ausübte, daß ich nicht daran dachte, die Kontrolle über die Firma aufzugeben, daß es sich um ein Verlobungsgeschenk und um nichts anderes gehandelt habe. Verdammtd, sogar die Einkommensteuer darauf war von mir bezahlt. Wenn sie während unserer Verlobung so etwas fertigbrachte, wie würde dann erst unsere Ehe aussehen?

Sie sah mich an, und ihr Gesicht kam mir völlig fremd vor.

"Dan Davis, wenn Sie glauben, daß wir nach allem, was Sie mir eben gesagt haben, noch miteinander verlobt sind, ist Ihre Dummheit größer, als ich dachte."

Sie wandte sich an Gentry.

"Bringst du mich nach Hause, Miles?"

"Gewiß, meine Liebe."

Ich wollte etwas sagen, hielt aber an mich und lief ohne Hut und Mantel hinaus. Es war höchste Zeit, sonst hätte ich wahrscheinlich Miles umgebracht, weil ich Betty nicht anrühren durfte.

Ich schließ natürlich die ganze Nacht nicht. Gegen vier Uhr früh stieg ich aus dem Bett, telefonierte ein paarmal, erklärte mich bereit, mehr zu bezahlen, als das Ganze wert war, und erschien gegen halb sechs Uhr mit einem kleinen Lastwagen vor der Fabrik. Ich ging zum Tor, das ich aufschließen wollte, um den Lastwagen zur Verladerampe zu fahren, damit ich den ›Vielzweck-Frank‹ auf die Brücke rollen konnte. ›Frank‹ wog hundertachtzig Kilo. Am Tor hing ein neues Schloß.

Ich kletterte hinüber und verletzte mich am Stacheldraht. Von innen war das Tor leichter zu öffnen, weil es in der Fabrik Hunderte von Werkzeugen gab, die mit einem Vorhängeschloß schon fertig wurden. Aber das Schloß an der Eingangstür war auch ausgewechselt worden.

Следующие несколько минут я помню смутно.

Сперва я орал на нее. Потом уговаривал. Наконец я озверел и выложил ей, что она поступает нечестно, что я, конечно, отписал ей часть своих акций, но она же прекрасно знает, что ими всегда голосую я и что я не собираюсь расставаться с контролем над компанией, что это был просто обручальный подарок, и все. Я же даже сам заплатил недавно подоходный налог по этим акциям, черт возьми! Если она способна откальывать такие номера, когда мы еще только помолвлены, тогда что же можно будет ожидать от нее после свадьбы?

Она посмотрела мне прямо в лицо совершенно чужим взглядом.

— Дэн Дэвис, если ты полагаешь, что после всего, что ты мне тут наговорил, мы еще помолвлены, то ты еще глупее, чем я всегда о тебе думала.

Она повернулась к Джентри.

— Ты меня отвезешь, Майлс?

— Разумеется, дорогая.

Я начал что-то говорить, но тут же заткнулся и вышел, спотыкаясь и забыв шляпу. И хорошо, что вовремя ушел — я тогда мог просто убить Майлса (на Беллу у меня рука не поднялась бы).

Я, конечно, не сумел заснуть. Около четырех часов ночи я встал, позвонил в пару мест и в половине шестого уже подъезжал к фабрике на грузовике. Я подошел к воротам, чтобы отпереть их, заехать внутрь и погрузить свою «Универсальную Салли» в кузов — весила-то она четыреста фунтов. Однако на воротах висел новый замок.

Я перелез через забор, ободрав руку о колючую проволоку. Изнутри я легко справился бы с замком: инструмента в мастерской хватало на все случаи. Но замок на двери тоже сменили.

Ich starrte es an und überlegte, ob es einfacher war, mit einem Stein ein Fenster einzuschlagen oder den Reifenheber aus dem Wagen zu holen und ihn zwischen Türrahmen und Klinke anzusetzen, als jemand rief: "He, Sie da! Hände hoch!" Ich hob die Hände nicht, drehte mich aber um. Ein älterer Mann hielt eine Kanone auf mich gerichtet, mit der man eine ganze Stadt hätte demolieren können.

"Wer, zum Teufel, sind Sie?"

"Wer sind Sie?"

"Dan Davis, Chefingenieur in diesem Laden."

"Oh." Er wurde in bißchen friedlicher, zielte aber immer noch mit seiner Feldhaubitze auf mich.

"Ja, Sie entsprechen der Beschreibung. Aber wenn Sie einen Ausweis dabei haben, zeigen Sie mir ihn lieber."

"Warum? Ich habe Sie gefragt, wer Sie sind!"

"Ich? Sie kennen mich nicht. Ich heiße Joe Todd und arbeite bei der hiesigen Wach- und Schließgesellschaft. Privatlizenz. Sie müßten unsere Firma doch kennen. Wir haben vor Monaten für Sie den Wachdienst übernommen. Aber heute bin ich auf Sonderstreife."

"So?"

Dann nehmen Sie mal den Schlüssel, den man Ihnen gegeben hat. Ich möchte hinein. Und tun Sie gefälligst die Kanone weg."

Er zielte nach wie vor auf mich.

"Das darf ich nicht, Mr. Davis. Erstens habe ich keinen Schlüssel. Zweitens liegen gerade bezüglich Ihrer Person besondere Anweisungen vor. Sie dürfen nicht hinein. Ich lasse Sie beim Tor hinaus."

"Ich möchte das Tor aufgesperrt haben, aber ich werde in die Fabrik kommen."

Я разглядывал его, прикидывая, что легче — выбить монтировкой окно или взять из машины домкрат и отжать дверь, — когда кто-то позади меня рявкнул: «Эй ты, руки вверх!» Руки я не поднял, но повернулся. Средних лет человек целился в меня из какого-то оружия. Калибр был подходящий для бомбардировки крепости.

— Кто вы такой, черт возьми?!

— А вы кто такой?

— Дэн Дэвис, главный инженер этого заведения.

— А-а... Он малость расслабился, но миномет свой по-прежнему не опускал.

— Да, по описанию похожи. Но если у вас есть какой-нибудь документ, я бы предпочел взглянуть на него.

— А с какой бы это стати? Я же спросил: кто вы такой?

— Я? Ну, вы меня не знаете. Зовут Джо Тодд, служу в местной охранной фирме. Частный детектив. А вы должны были про нас слышать: наши патрульные уже много месяцев охраняют вашу фирму. Хотя сегодня я здесь со спецзаданием.

— Да? Тогда, раз у вас есть ключ, впустите меня. Я хочу войти. И уберите свою гаубицу.

Он все еще целился в меня.

— Не могу, мистер Дэвис. Во-первых, ключа у меня нет. Во-вторых, насчет вас у меня конкретные распоряжения: впускать вас не велено. Идемте, я открою вам ворота.

— Ворота вы откроете, но внутрь я все-таки войду.

Ich sah mich nach einem Stein um.

Я оглянулся вокруг в поисках булыжника — разбить окно.

"Bitte, Mr. Davis ..." "Was?"

— Мистер Дэвис... — Hy?

"Es wäre mir sehr unangenehm, wenn Sie darauf bestünden, wirklich. Ich kann nicht riskieren, Sie ins Bein zu treffen, ich bin kein guter Schütze. Ich müßte Ihnen in den Bauch schießen." Das war es wohl, was meine Meinung änderte, obwohl ich einen anderen Grund vorziehe.

Als ich nämlich noch einmal durchs Fenster sah, erkannte ich, daß »Frank« nicht an seinem Platz stand.

Als mich Todd beim Tor hinausließ, gab er mir einen Umschlag.

"Das sollte ich Ihnen geben, wenn Sie sich blicken lassen."

Ich las den Brief im Führerhaus des Lastwagens. Er lautete:

18. November 1970 Lieber Mr. Davis, in der heutigen Sitzung des Vorstandes wurde beschlossen, Ihr Beschäftigungsverhältnis zu unserer Firma – abgesehen von Ihrer Funktion als Aktionär – nach Klausel drei Ihres Vertrages zu lösen. Sie werden gebeten, das Firmengelände nicht zu betreten. Ihre Privatunterlagen und Ihr persönliches Eigentum stellen wir Ihnen zu.

Der Vorstand dankt Ihnen für Ihre Dienste und bedauert die Meinungsverschiedenheiten, die ihm diesen Schritt aufgezwungen haben.

Mit vorzüglicher Hochachtung Miles Gentry
Vorstandsvorsitzender und geschäftsführender Direktor
i.

— Не советую настаивать. Я плохой стрелок, так что не могу рисковать, целясь в ноги. Мне придется стрелять вам в живот, а пули у меня разрывные. В общем, зрешище будет довольно неприятное.

Наверное, из-за этого я и передумал, хотя сейчас мне приятнее думать, что причина была в другом, а именно: когда я снова взглянул в окно, то увидал, что на том месте, где я оставил «Салли», ее не было.

Выпроводив меня за ворота, Тодд вручил мне небольшой конверт.

— Мне велели отдать вам это, если вы появитесь.

Я прочел письмо в кабине грузовика. Оно гласило:

18 ноября 1970 года Уважаемый мистер Дэвис! На состоявшемся сегодня заседании Совета директоров принято решение прервать Ваши отношения (кроме как акционера) с корпорацией, в соответствии с третьим параграфом Вашего контракта. Убедительно просим Вас не входить на территорию предприятия. Ваши личные вещи и бумаги Вы получите в целости.

Совет директоров благодарит Вас за службу и сожалеет о расхождении точек зрения на вопросы политики фирмы, повлекшем это решение.

Искренне Ваши, Майлс Джентри, председатель Совета директоров и старший менеджер;

A. B. S. Darkin, Sekr.-Schatzm. Ich las den Brief zweimal, bevor mir einfiel, daß ich nie einen Vertrag mit der Firma abgeschlossen hatte, demzufolge man sich auf Klausel drei oder irgendeine andere Klausel berufen konnte.

Im Laufe des Tages brachte mir ein Bote ein Paket ins Motel, wo ich meine saubere Unterwäsche untergebracht hatte. Es enthielt meinen Hut und Mantel, den Füllfederhalter, meinen zweiten Rechenschieber, eine Anzahl Bücher und persönlichen Schriftwechsel sowie eine Reihe von Dokumenten. Es enthielt nicht meine Notizen und Zeichnungen für ›Vielzweck-Frank.‹

Ein paar von den Papieren waren äußerst interessant. Mein ›Vertrag‹ zum Beispiel – tatsächlich gestattete Klausel drei, mich fristlos mit drei Monaten Gehalt zu entlassen. Aber Paragraph sieben war noch weitaus interessanter. Es handelte sich dabei um die neueste Form einer Klausel, in der sich der Angestellte verpflichtet, fünf Jahre auf die Arbeit in einer Konkurrenzfirma zu verzichten, indem er seine Erfindungen dem früheren Arbeitgeber gegen entsprechende Bezahlung zuerst anbietet. Mit anderen Worten: Ich konnte jederzeit an die Arbeit zurückkehren, brauchte also nur mit dem Hut in der Hand vorzusprechen und Miles und Betty um eine Stellung bitten – vielleicht hatten sie mir den Hut deshalb zurückgeschickt.

Aber fünf Jahre lang konnte ich nicht an Haushaltsgeräten arbeiten, ohne sie zuerst zu fragen. Lieber hätte ich mich umgebracht.

Dann gab es da Kopien aller Patentschriften, die ich der ›Dienstboten-AG‹ für ›Dienstmädchen‹, ›Fensterfritz‹ und eine Reihe nebensächlicher Erfindungen übertragen hatte. ›Vielzweck-Frank‹ war natürlich nicht patentiert worden – das heißt, ich glaubte es zunächst, doch ich kam bald hinter die Wahrheit. Aber ich hatte nie Patente überschrieben, nicht einmal ihren Gebrauch formell an die ›Dienstboten-AG‹ weitergegeben. Die Firma war mein eigenes Geschöpf, ich hatte keine Veranlassung gesehen, mich damit zu beeilen.

Белла С. Даркин, секр.-делопроизводитель Я перечитал письмо дважды, прежде чем сообразил, что у меня сроду не было никакого контракта, содержащего третий параграф (равно как и все прочие).

В тот же день посыльный привез мне в мотель, где я держал чистые сорочки, пакет. В нем была моя шляпа, ручка, запасная логарифмическая линейка, куча книг и личных писем, а также ряд документов. Но чертежей «Универсальной Салли» там не было.

Некоторые документы были очень любопытные. Например, мой «контракт»: там, ясное дело, был третий параграф, по которому меня могли выгнать без предупреждения, с выходным пособием в размере трехмесячного заработка. Но седьмой параграф был еще интереснее. Согласно этому параграфу я обязуюсь в течение пяти лет не поступать на работу в конкурирующие фирмы, не испросив ранее согласия у прежнего нанимателя, платившего мне соответствующую «компенсацию» в случае увольнения. Иными словами, я могу возобновить работу в любое время; надо только прийти со шляпой в руке к Майлсу и Белле и попросить у них разрешения. Шляпу, видимо, мне вернули именно для этого.

Но пять долгих лет я не мог работать над бытовыми приборами без их разрешения. Проще, наверное, самому себе горло перерезать.

Были там и надлежащим образом оформленные копии актов передачи мною прав на все мои патенты фирме «Золушка Инк.» — на «Золушку», на «Чарли» и еще на некоторые мелочи. «Универсальная Салли», конечно, запатентована еще не была. (Это я так думал. Как было на самом деле, я узнал позже.) Но я никогда не переуступал своих патентов. Я даже лицензий на них не оформлял: корпорация была моим детищем, и я не видел в этом срочности.

Die letzten drei Dinge waren meine Aktiensammelurkunde – für jene Anteilscheine, die ich Betty nicht überschrieben hatte – ein Scheck und ein Brief, in dem alles genau ausgerechnet war – angesammelte Gehälter abzüglich der Eigenentnahmen vom Spesenkonto, drei Monate zusätzliches Gehalt zum Ausgleich für die fristlose Entlassung, eine Vorkaufssumme für Klausel sieben ... und eine Prämie von tausend Dollar als Ausdruck »der Anerkennung geleisteter Dienste«. Wirklich lieb von den beiden.

Während ich die ganzen Papiere noch einmal durchlas, hatte ich Zeit für die Erkenntnis, daß ich wahrscheinlich nicht sehr klug gehandelt hatte, als ich alles unterschrieb, was Betty mir vorgelegt hatte. Es gab nicht den geringsten Zweifel daran, daß meine Unterschriften echt waren.

Am nächsten Tag beruhigte ich mich so weit, daß ich die Sache mit einem sehr geschickten und geldgierigen Anwalt besprechen konnte, der in der Wahl seiner Mittel nicht allzu zimperlich war. Zu Anfang erklärte er sich gerne bereit, den Fall gegen Erfolgshonorar zu übernehmen. Nachdem er jedoch alle Unterlagen durchgesehen und sich die Einzelheiten hatte erzählen lassen, lehnte er sich zurück, verschränkte die Finger und sah mich mürrisch an.

"Dan, ich gebe Ihnen jetzt ein paar Ratschläge, die Sie nichts kosten."

"Also?"

"Unternehmen Sie nichts. Sie haben nicht die geringste Chance."

"Aber Sie sagten doch ..." "Ich weiß schon, was ich gesagt habe. Sie sind betrogen worden. Aber wie wollen Sie das beweisen? Die beiden waren zu schlau, Ihre Aktien zu stehlen oder Sie ohne einen Cent abzuhängen. Sie sind genauso behandelt worden, als wäre alles in Ordnung gewesen, und Sie hätten gekündigt oder wären wegen Meinungsverschiedenheiten – wie sie sich ausdrücken – entlassen worden. Sie haben Ihnen alles gegeben, was Ihnen zusteht ... und magere Tausend dazu, um zu zeigen, daß man nichts übelnimmt."

"Aber ich hatte doch überhaupt keinen Vertrag! Und die Patente sind auch nicht überschrieben worden!"

Последними тремя документами были: сертификат на мои акции (кроме тех, что я подарил Белле), заверенный к оплате чек, и письмо, поясняющее составляющие суммы чека: зарплата, за вычетом накладных расходов; трехмесячная зарплата как выходное пособие; компенсация за «седьмой параграф» и, наконец, надбавка в тысячу долларов «в знак признательности за особые заслуги» – последнее было очень мило с их стороны.

Перечитывая эту поразительную подборку, я успел понять, что я был не слишком умен, подмахивая подряд все, что Белла мне подсовывала на подпись. А в том, что подписи были мои, сомневаться не приходилось.

На другой день я настолько успокоился, что пошел посоветоваться с адвокатом – очень ловким, жадным и не слишком щепетильным. Сперва он хотел взяться за это дело – за приличный процент. Но, закончив разглядывать мои экспонаты и узнав подробности, он скис и сложил руки на животе.

— Дэн, я дам вам совет. Бесплатно.

— Ну?

— Не рыпайтесь. Шансов у вас нет.

— Но вы же говорили... — Я знаю, что говорю. Они вас облапошили. Но как вы это докажете? У них хватило ума не трогать ваших акций и не обчистить вас до последнего цента. Вы получили то, что должны были получить, если бы все было по честному и вы ушли (или вас выгнали), как они пишут, из-за разных точек зрения. Вам выдали все, что причитается, и даже тысячу сверх того, как пинок под зад – дескать, ступай, мы на тебя не сердимся.

— Но у меня не было никакого контракта! И я не переуступал этих патентов!

"In den Dokumenten steht das Gegenteil. Sie geben zu, daß das Ihre Unterschrift ist. Können Sie durch irgendeinen Zeugen beweisen, daß Sie im Recht sind?"

Ich dachte nach. Natürlich konnte ich das nicht. Nicht einmal Jake Schmidt wußte, was im Hauptbüro vor sich ging. Die einzigen Zeugen, die ich hatte, waren ... Miles und Betty.

"Nun zu dieser Aktienüberschreibung", fuhr er fort. "Das ist die einzige Chance, den Knäuel aufzulösen. Wenn Sie ..." "Aber nur bei diesem Vorgang war nichts faul! Ich habe ihr die Aktien wirklich überschrieben."

"Ja schon, aber warum? Sie sagen, Sie hätten sie ihr als Verlobungsgeschenk in Erwartung einer Heirat übertragen. Im Augenblick spielt es keine Rolle, wie sie abgestimmt hat; darauf kommt es nicht an. Wenn Sie beweisen können, daß sie als Verlobungsgeschenk im Hinblick auf Verehelichung gegeben wurden und Miss Darkin das bei der Übergabe wußte, können Sie sie zwingen, Sie entweder zu heiraten oder die Aktien wieder auszuspucken. Vergleiche McNulty gegen Rhodes. Dann sind Sie wieder Herr im Haus und können die beiden feuern. Ist das zu beweisen?"

"Verdammter noch mal, ich will sie nicht heiraten."

Ich denke gar nicht daran." "Das ist Ihr Problem. Aber eins nach dem anderen.

Haben Sie Zeugen oder irgendwelche Beweise dafür, Briefe oder Ähnliches, die zeigen können, daß sie die Aktien in dem Bewußtsein nahm, sie als Ihre künftige Frau geschenkt zu bekommen?" Ich dachte nach. Sicherlich hatte ich Zeugen ... wieder dieselben, Miles und Betty.

— Из ваших бумаг явствует, что был и контракт, и все остальное. Подписи ваши, вы сами признаете. Кто-нибудь может подтвердить ваши слова?

Я подумал. Доказать я, конечно, ничего не мог. Даже Джейк Шмидт не знал, что делается в конторе. Единственными свидетелями были... Белла и Майлс.

— Теперь насчет тех акций, что вы подарили. Это единственный шанс их свалить. Если вы... — Но это — единственная бумажка во всей стопке, которая действительно законна. Я сам переписал эти акции на ее имя.

— Да, но почему? Вы сказали, что это был обручальный подарок. Как она голосовала, теперь несущественно. Если вы докажете, что это был обручальный подарок ввиду предстоящей женитьбы, то сможете заставить ее либо выйти за вас, либо вернуть их. Есть прецедент: дело «Мак-Нолти против Родса». Тогда вы опять получаете контрольный пакет и вышибаете их вон. Сумеете это доказать?

— Черт, я не хочу на ней жениться!

— Это ваше дело. Просто все по порядку. Есть у вас свидетели, письма, какие-то доказательства того, что, даря акции, вы подразумевали, что это — подарок вашей будущей жене?

Я задумался. Свидетели у меня, понятное дело, были. Все те же двое: Майлс и Белла.

"Sehen Sie? Mit nichts als Ihrer Aussage gegen die der beiden einschließlich eines ganzen Stapels schriftlichen Beweismaterials werden Sie nicht nur nichts erreichen, sondern vermutlich noch in einer Heilanstalt landen mit der Diagnose ›Paranoia‹. Ich rate Ihnen, sich auf anderem Gebiet eine Stellung zu suchen ... oder bestenfalls unter Mißachtung der Klausel sieben ein Konkurrenzunternehmen aufzuziehen. Ich weiß nicht, ob der Text hieb- und stichfest ist. Aber zeigen Sie die beiden nicht an. Sie werden gewinnen, Sie anschließend verklagen und Ihnen auch noch die restlichen Aktien abnehmen."

Er stand auf.

Ich befolgte seinen Rat nur zum Teil. Im Erdgeschoß des Hauses, in dem er sein Büro hatte, gab es eine Bar. Ich ging hinein und kippte zwei bis neun Drinks.

Mir blieb auf der Fahrt zu Miles Zeit genug, über alles nachzudenken.

Als wir Geld zu verdienen begannen, war er mit Ricky in ein hübsches kleines Haus im San Fernando-Tal gezogen, um der mörderischen Hitze zu entfliehen. Ricky hielt sich zur Zeit in einem Pfadfinderlager am Großen Bärensee auf – zum Glück, denn ich wollte sie nicht Zeugin einer Auseinandersetzung zwischen mir und ihrem Stiefvater werden lassen.

Im Sepulveda-Tunnel fuhren wir Stoßstange an Stoßstange, als mir einfiel, daß ich gut daran tun würde, die Aktiensammelurkunde an einen sicheren Ort zu bringen, bevor ich Miles besuchte.
Mit Gewalttätigkeiten rechnete ich zwar nicht – wenn ich nicht selbst damit anfing –, aber es schien sich einfach zu empfehlen ... ein gebranntes Kind scheut das Feuer, so heißt es doch wohl.

Im Wagen lassen? Wenn man mich nun wegen Körperverletzung verhaftete? Es wäre nicht besonders klug, das Dokument im Wagen zu haben, falls man ihn beschlagnahmte und abschleppte.

— Вот видите? У вас только ваши слова — против их слов, но их двое, и у них вдобавок еще куча документов. Вы не только ничего не добьетесь, но и кончите тем, что попадете в такое место, где каждый — Наполеон, с диагнозом «навязчивые идеи...». Мой вам совет: займитесь чем-то другим. Или плюньте на их седьмой параграф и заведите свое дело. Мне было бы очень интересно посмотреть, как пойдет подобное дело в суде, конечно, при условии, что мне не придется вас защищать. Но не пытайтесь обвинить их в говоре. Они выиграют дело, предъявят вам встречный иск и отберут даже то, что оставили сейчас.

Он встал.

Я воспользовался его советом ничего не предпринимать только частично: на первом этаже в том же здании был бар. Я зашел туда и пропустил пару рюмок, а потом еще полдюжины.

Пока я ехал к Майлсу, времени на воспоминания у меня было достаточно.

Когда у нас завелись деньги, Майлс с Рики перебрались в Сан-Фернандо-Вэли, подальше от нашего пустынного пекла, и сняли отличную квартиру. Я обрадовался, вспомнив, что Рики нет дома (она была в скаутском лагере на Большом Медвежьем озере): мне не хотелось, чтобы она присутствовала при размолвке между мной и ее отчимом.

Машины в туннеле Сепульведа ползли бампер к бамперу. И тут мне пришло в голову, что недурно было бы куда-нибудь деть свой сертификат на акции «Золушки», а не тащить его с собой к Майлсу. Никаких грубостей не ожидалось (если я сам не начну грубить), но мысль была верная. Я теперь был осторожен, как кот, которому однажды прищемили дверью хвост.

Оставить в машине? А вдруг меня арестуют за драку (если драка все-таки случится)? Глупо будет, если сертификат найдут при обыске отбуксированной в полицию машины.

Ich konnte die Urkunde mit der Post an meine eigene Adresse schicken, aber die letzte Zeit war mein ganzer Briefwechsel postlagernd abzuholen gewesen, weil ich jedesmal in ein anderes Hotel ziehen mußte, sobald Pete auffiel.

Am besten war es wohl, das Dokument einer vertrauenswürdigen Person zu schicken. Aber die Liste dieser Leute war äußerst kurz. Dann fiel mir jemand ein, dem ich wirklich vertrauen konnte. Ricky.

Vielleicht halten mich manche für einen Trottel, weil ich einem weiblichen Wesen traute, obwohl ich eben erst hereingefallen war. Aber das ist kein Vergleich. Ich kannte Ricky schon sehr lange, und wenn es je einen ehrlichen Menschen gegeben hat, dann ist es Ricky ... und Pete denkt genauso. Außerdem verfügte Ricky nicht über körperliche Vorzüge, wie sie das Urteilsvermögen eines Mannes zu trüben vermögen. Ihre Weiblichkeit lag nur in ihrem Gesicht, in ihrer Figur zeigte sie sich noch nicht.

Als es mir gelang, mich aus der endlosen Fahrzeugkette zu befreien, bog ich von der großen Autostraße ab und fand einen Drugstore. Dort kaufte ich Briefmarken, einen großen und einen kleinen Umschlag und Briefpapier.

Ich schrieb ihr:

Можно, конечно, послать по почте самому себе, но последнее время я получал почту до востребования на центральном почтамте: мне приходилось частенько переезжать из отеля в отель, потому что раньше или позже Пита обнаруживали.

Можно отправить кому-то, кому я доверяю. Вот только список тех, кому я доверял, был слишком короток... И тут я вспомнил, кому я могу доверять: Рики.

Может показаться, что я сам нарывался на неприятности, решив довериться одной женщине после того, как меня только что провела другая. Но тут ничего общего. Я знал Рики почти всю ее жизнь, и если на свете был честный человек — так это Рики. И Пит, кстати, тоже так считал. Кроме того, внешние данные Рики никак не могли повлиять на мужское благородство: ее женственность была у нее только на лице — на фигуре она пока никак не отразилась.

Выбравшись из «пробки» в туннеле, я свернул с автострады и нашел аптеку. В кассе я купил марки, два конверта — побольше и поменьше — и писчей бумаги.

Я начал писать:

Liebe kleine Ricky, hoffentlich sehen wir uns bald, aber bis es soweit ist, mußt Du diesen Umschlag für mich aufbewahren.

Es handelt sich um ein Geheimnis, das nur uns beide angeht. Ich hörte auf zu schreiben und überlegte. Verflucht, wenn mir etwas zustieß ... ein Autounfall zum Beispiel oder irgendein anderes Unglück ... während Ricky das da aufbewahrte, würde es früher oder später bei Miles und Betty landen.

Oder ich arrangierte alles so, daß das auf jeden Fall verhindert wurde. Während ich darüber nachdachte, wurde mir klar, daß ich im Unterbewußtsein eine Entscheidung hinsichtlich des Kaltschlafs getroffen hatte; ich würde mich ihm nicht unterziehen. Die Ernüchterung und der Vortrag des Arztes hatten mein Rückgrat gestärkt; ich dachte nicht mehr daran, davonzulaufen, ich wollte bleiben und kämpfen ... und diese Urkunde hier war meine beste Waffe. Sie gab mir das Recht, die Bücher einzusehen; sie gestattete mir, meine Nase in alle Angelegenheiten der Firma zu stecken. Wenn die beiden wieder versuchten, mich mit Hilfe eines bewaffneten Wächters fernzuhalten, würde ich das nächste Mal mit Gerichtsbeschuß, Anwalt und Polizei anrücken. Ich konnte sie damit sogar vor Gericht zerren. Vielleicht würde ich nicht siegen, aber ich konnte Staub aufwirbeln und die Leute von Mannix dadurch scheu machen.

Vielleicht sollte ich sie überhaupt nicht Ricky schicken.

Nein, wenn mir etwas zustieß, mußten ihr die Aktien gehören.

Ricky und Pete, das war meine Familie. Ich schrieb weiter:

Wenn ich Dich in einem Jahr nicht treffen sollte, weißt Du, daß mir etwas zugestoßen ist. Falls es so weit kommt, sorge Du bitte für Pete, wenn Du ihn findest – und bring den Umschlag, ohne einem Menschen etwas davon zu sagen, in eine Zweigstelle der Bank von Amerika, leg ihn dem Treuhandbeamten vor und sag ihm, daß er ihn öffnen soll.

«Дорогая Рики-Тики-Тави! Надеюсь, мы скоро увидимся, а пока что сбереги для меня этот конверт, что поменьше. Это секрет, только между нами.» Я остановился и задумался. Черт побери, ведь случись со мною что-нибудь, скажем автокатастрофа, и ценные бумаги, отосланные Рики, в конце концов, могут попасть к Белле и Майлсу.

Если я не придумаю, как это предотвратить. Обдумывая, как это сделать, я понял, что подсознательно уже принял решение насчет Холодного Сна: я передумал. Протрезвление и лекция, прочитанная мне доктором, как-то расправили мне плечи. Я уже не собирался сбежать – я решил остаться и драться. И этот сертификат был для меня наилучшим оружием. Он давал мне право поинтересоваться их отчетностью; он позволял мне совать свой нос во все и всяческие дела компании. И если они опять попытаются не пустить меня, наняв охранника, то в следующий раз я смогу приехать с адвокатом, помощником шерифа и судебным ордером. Я даже мог потащить их с этим сертификатом в суд. Дело я, наверное, не выиграл бы, но по крайней мере наделал бы шума и вони, и тогда «Манникс», возможно, и передумала бы покупать их.

Может, вовсе и не следовало посыпать это Рики.

Нет. Если со мною что-нибудь случится – пусть это достанется ей. Вся моя «семья» состояла из Рики и Пита. И я стал писать дальше:

«Если вдруг я не увижуся с тобой в течение года – значит, со мной что-то случилось. Тогда позабочься о Пите, если сумеешь его разыскать, и, никому не говоря ни слова, отвези малый конверт в любое отделение "Бэнк оф Америка", отдав сотруднику траст-отдела и попроси его вскрыть.

Alles Liebe Onkel Danny Dann nahm ich ein zweites Blatt und schrieb: »3. Dezember 1970, Los Angeles, Kalifornien – Hiermit übergebe ich – ich führte die Aktien mit Nennwert und Nummern auf – der Bank von Amerika zu treuen Händen für Frederica Virginia Gentry zur Übergabe an ihrem 21. Geburtstag«, und unterschrieb. Die Absicht war klar zu erkennen, mehr ließ sich an einer Drugstore-Theke neben einer plärrenden Musikbox nicht machen. Damit sollte sichergestellt sein, daß Ricky die Aktien bekam, wenn mir etwas zustieß, während gleichzeitig verhindert wurde, daß Miles und Betty sie ihr wegnehmen konnten. Aber wenn alles gutging, würde ich Ricky später einfach bitten, mir den Umschlag zurückzugeben. Indem ich das Übertragungsformblatt auf der Rückseite des Dokuments unbeachtet ließ, vermied ich die bürokratischen Schwierigkeiten, mir die Aktien von einer Minderjährigen wieder überschreiben zu lassen; ich brauchte zur gegebenen Zeit nur das Beiblatt zu zerreißen.

Ich steckte das Sammeldokument mit dem Übergabeschreiben in den kleineren Umschlag, klebte ihn zu, gab ihn zusammen mit dem Brief in den großen Umschlag, adressierte ihn an Ricky in ihrem Pfadfinderlager, klebte die Marken auf und warf ihn in den Briefkasten vor dem Drugstore. Ich sah, daß die nächste Abholung in vierzig Minuten stattfand, und setzte mich leichten Herzens wieder in meinen Wagen ... nicht, weil ich die Aktien sicher wußte, sondern weil ich alle größeren Probleme gelöst hatte.

Обнимаю тебя и крепко целую. Твой дядя Дэнни.» Потом я взял новый лист и написал: «3 декабря 1970 года, Лос-Анджелес, Калифорния. — Я, Дэниэл Б. Дэвис, данным распоряжением передаю принадлежащие мне ценные бумаги (здесь я указал реквизиты и номера моих акций "Золушки Инк.") на доверительное хранение "Бэнк оф Америка" на имя Фредерики Вирджинии Джентри с тем, чтобы они перешли в ее собственность по достижении ею двадцати одного года» — и подписался. Намерения мои были ясны, и это было лучшее, что я мог придумать за прилавком аптеки, под завывание музыкального автомата прямо над ухом. Это гарантировало, что Рики получит акции, если со мною что-нибудь случится, и что Майлсу и Белле они ну никак не достанутся. Но если все обойдется, то я смогу просто попросить Рики вернуть мне конверт, когда повидаюсь с нею. Я специально не стал заполнять раздел «изменение владельца» на обороте сертификата: в случае чего не придется оформлять кучу бумаг (это очень сложная процедура, когда несовершеннолетний отдает распоряжение о передаче ценных бумаг), чтобы получить сертификат обратно, достаточно просто порвать отдельный лист бумаги.

Я убрал сертификат и сопроводительное письмо в меньший конверт, заклеил его, положил вместе с письмом к Рики в большой конверт, наклеил марку, написал адрес Рики в скаутском лагере и бросил в ящик у дверей аптеки. Судя по надписи на нем, следующая выемка будет через сорок минут. Я влез в машину с чувством заметного облегчения — не столько от того, что мои акции теперь были в безопасности, сколько от сознания, что я разрешил свою главную проблему.

Nun, vielleicht nicht gerade »gelöst«, aber ich hatte doch beschlossen, mich ihnen zu stellen, statt davonzulaufen und mich in ein Loch zu verkriechen ... oder den Versuch zu unternehmen, meine Sorgen mit Ethanol in den verschiedensten Geschmacksrichtungen zu betäuben. Sicher, ich wollte das Jahr 2000 erleben, aber auf ganz normale Weise ... indem ich sechzig Jahre alt wurde und mich hoffentlich noch jung genug fühlte, den Mädchen auf der Straße nachzupfeifen. Keine Eile. Mit einem langen Nickerchen in das nächste Jahrhundert zu springen, konnte einen normalen Mann sowieso nicht befriedigen ... das ist, als sähe man das Ende eines Filmes, ohne zu wissen, was vorhergegangen ist. Mit den nächsten dreißig Jahren mußte man etwas anderes machen: sie genießen, während sie vergingen; sobald dann das Jahr 2000 herankam, würde ich es auch verstehen können.

Inzwischen gedachte ich, mir einen erstklassigen Kampf mit Miles und Betty zu leisten. Vielleicht konnte ich ihn nicht gewinnen, aber ich wollte sie schon merken lassen, daß sie von einem Wirbelsturm heimgesucht worden waren. Von dem Gespräch heute abend versprach ich mir nicht sehr viel. Mehr als eine formelle Kriegserklärung würde dabei nicht herauskommen. Ich gedachte, Miles den Schlaf zu verderben ... dann konnte er Betty anrufen und ihr ein Gleiches tun.

Ну, точнее, не «разрешил», а просто решил идти навстречу трудностям, а не бегать от них, не прятаться в норку, как Рип ван Винкль какой-нибудь, и не пытаться утопить их в спиртных напитках различной крепости. Я, конечно, хотел увидеть двухтысячный год. Но я и так его увижу, только чуть позже — когда мне стукнет шестьдесят. Возможно, я еще буду в этом возрасте на девочек поглядывать. Куда спешить-то? Нормальному человеку ни к чему прыгать в следующее столетие. Это все равно, что смотреть конец фильма, не зная, что было перед этим. Надо просто радоваться жизни тридцать лет подряд — тогда я, вероятно, легче сумею понять двухтысячный год, когда он наступит.

А пока что я собирался сцепиться с Майлсом и Беллой. Может, я и не смогу их одолеть, но зато они узнают что почем. Как Пит, который иногда возвращался домой весь в крови, но громко и настойчиво мяукал: «Видели бы вы того, другого кота!» От сегодняшнего разговора с Майлсом я многоного и не ожидал. В общем-то, это было просто формальным объявлением войны. Я хотел испортить ему сон, и чтобы он позвонил Белле и в свою очередь испортить сон ей.

Глава 3

Ich pfiff fröhlich vor mich hin, als ich Miles' Haus erreichte. Über dieses feine Paar zerbrach ich mir den Kopf nicht mehr; statt dessen hatte ich mir während der letzten zwanzig Kilometer zwei nagelneue Apparate ausgedacht, von denen mich jeder allein schon reich machen mußte.

Bei dem ersten handelte es sich um eine Zeichenmaschine, die wie eine elektrische Schreibmaschine zu bedienen sein sollte. Allein in den Vereinigten Staaten gab es nach meiner Schätzung mindestens fünfzigtausend Ingenieure, die sich jeden Tag über Zeichenbretter beugten und sie im stillen verfluchten, weil man davon Rückenschmerzen und schlechte Augen bekam.

Es war beileibe nicht so, daß sie nicht zeichnen, entwerfen, konstruieren wollten – ganz im Gegenteil –, aber die körperliche Anstrengung war einfach zu groß. Mein Gerät sollte ihnen ermöglichen, sich in einem dickgepolsterten Sessel niederzulassen, Tasten zu drücken und die Zeichnung auf einer Bildfläche über die Tastatur entstehen zu sehen. Drei Tasten gleichzeitig gedrückt, und eine horizontal verlaufende Linie entstand dort, wo man sie haben wollte; eine weitere Taste, und sie wurde von einer vertikalen Linie durchschnitten, zwei und nochmals zwei Tasten gedrückt, und genau an der richtigen Stelle entstand eine Winkellinie.

Gegen geringe Mehrkosten konnte ich sogar als Zusatzgerät eine zweite Bildfläche anbringen, einen Architekten isometrisch planen und das zweite Bild in richtiger Perspektive erscheinen lassen, ohne daß er es auch nur ansehen mußte. Ja, das Gerät mußte sogar Grund- und Aufrisse aus der isometrischen Zeichnung selbständig fertigen können.

Подъезжая к дому Майлса, я начал насвистывать. Мне стало наплевать на эту драгоценную парочку, и за последние пятнадцать минут я успел выдумать две совершенно новые машинки, каждая из которых должна была сделать меня богатым человеком. Одна — чертежное устройство с управлением наподобие клавиатуры пишущей машинки. Я прикинул, что только в США наберется не меньше пятидесяти тысяч инженеров-конструкторов, которые каждый день горбатятся над своими кульманами и всей душой их ненавидят. От этой работы болит поясница и портятся глаза. Не то чтобы им не нравилась их работа — конструировать очень увлекательно, — но чисто физически это очень тяжкий труд. С моей же штуковиной они смогут сидеть в креслах и нажимать на клавиши, а изображение будет само появляться перед ними на экране над клавиатурой. Нажмите три клавиши одновременно — получите в нужном месте горизонтальную линию. Нажмите еще одну клавишу — и вертикальная линия рассекает горизонтальную пополам. Нажмите две клавиши, а потом еще две — и проведите линию строго под нужным углом.

Господи, да за небольшую доплату я бы добавил еще один экран, чтобы на первом архитектор чертил в изометрии (это единственный удобный способ конструирования), а на втором изображение сразу появлялось бы с учетом законов перспективы без всякого участия человека. Да что там — можно заставить эту штуку из изометрии выдавать сразу даже разрезы и поэтажные планы!

Das Großartige daran war, daß sich die Maschine beinahe ausschließlich aus Standardteilen herstellen ließ, von denen die meisten in Radiowerkstätten und Fotogeschäften verfügbar waren. Dann ging es nur noch um die Steuervorrichtung. Ich war überzeugt davon, die Lösung gefunden zu haben. Ich gedachte, eine elektrische Schreibmaschine zu kaufen, alle Innenteile herauszureißen und die Tasten an die anderen Schaltungen anzuschließen. Vier Wochen Arbeit an einem primitiven Modell, sechs weitere Wochen, um Schwierigkeiten auszubügeln. Aber diesen Plan merkte ich mir für später vor. Ich war überzeugt davon, daß er ausführbar war und für das Gerät Bedarf bestand. Was mich aber wirklich begeisterte, war die Idee, den armen alten ›Vielzweck-Frank‹ zu übertreffen. Ich wußte mehr über ›Frank‹, als ein anderer je lernen würde, und wenn er ihn ein Jahr lang studierte. Was die beiden nicht wissen konnten, was nicht einmal in den Unterlagen stand, war, daß es für jede von mir gefundene Lösung mindestens eine ebenso brauchbare Alternative gab – und daß ich bei der Wahl der Möglichkeiten durch die Überlegung gehemmt worden war, einen Dienstboten konstruieren zu müssen. Gleich zu Anfang konnte ich die Einschränkung wegfallen lassen, wonach er auf einen motorisierten Rollstuhl beschränkt war. Ausgehend davon konnte ich einfach alles anfangen, nur brauchte ich Thorsen-Gedächtnisspeicherröhren – und Miles konnte mich nicht daran hindern, sie zu verwenden; sie waren für jedermann auf dem Markt, der eine kybernetische Sequenz entfernen wollte.

Die Zeichenmaschine konnte warten; ich würde mich zunächst mit dem unbegrenzten Allzweck-Automaten beschäftigen, dem man alle Tätigkeiten eines Menschen einzuprogrammieren vermochte, solange nicht echte Urteilsfähigkeit verlangt wurde.

Nein, zuerst würde ich mir eine einfache Zeichenmaschine zusammenbauen, um mit ihr dann ›Proteus-Pete‹ zu entwerfen.

"Was sagst du dazu, Pete? Wir geben dem ersten echten Roboter deinen Namen."

"Mrarrr?"

"Sei nicht so argwöhnisch. Das ist eine Ehre."

Главная прелесть заключалась в том, что все это было почти полностью собрать из стандартных частей, каких на валом в любом радиомагазине. Кроме, конечно, панели управления, которую я наверняка смог бы смонтировать, купив обычную электрическую пишущую машинку, выдрав из нее все потроха и подключив клавиши к соответствующим цепям. Месяц, чтобы сделать примитивную модель, и еще шесть недель на отлаживание... Но эти мысли я заткнул в дальний угол памяти, уверенный, что я смогу сделать это устройство и что свой рынок оно найдет. Гораздо больше меня вдохновляла мысль, что я, кажется, нашел способ переплюнуть нашу старушку «Салли» по части универсальности. Про «Салли» я знал больше, чем кто-либо, даже если бы этот «кто-то» корпел над нею целый год. Чего никто не знал — этого не было даже в моих записях, — так это того, что на каждое техническое решение, примененное мною, у меня был как минимум еще один вариант и что я был скован в выборе тем, что рассматривал «Салли» только как домашнюю прислугу. Для начала я мог освободить ее от необходимости жить в электрическом инвалидном кресле. После этого я мог делать что угодно. Вот только ячейки Торсена мне для этого понадобятся, но тут Майлс был мне не помеха: их может купить любой, кто пожелает заняться кибернетикой.

Чертежная машина подождет. Я займусь этим многоцелевым автоматом, который можно будет запрограммировать на все, что может человек, лишь бы для этих действий не требовался человеческий разум.

Нет, вначале я все-таки сделаю чертежную машину, а уж потом с ее помощью сконструирую «Премудрого Пита».

— Слышишь, Пит? Мы назовем первого робота на свете в твою честь!

— Mrrrr-a-a-y!

— Зря сомневаешься — это большая честь.

Ich konnte ›Pete‹ mit meiner Zeichenmaschine entwerfen und ihn sehr schnell verfeinern und verbessern. Ich wollte eine überwältigende Waffe schmieden, die ›Frank‹ verdrängen mußte, bevor er überhaupt produziert wurde. Mit etwas Glück würde ich die beiden in den Bankrott treiben und sie dazu zwingen, mich anzubetteln.

Der Gans mit den goldenen Eiern wollte man den Kragen umdrehen, wie?

In Miles' Haus waren die Fenster erleuchtet, und am Bordstein stand sein Wagen.

Ich parkte vor Miles' Fahrzeug, sagte zu Fete: "Du bleibst am besten hier und paßt auf den Wagen auf. Ruf dreimal ›halt‹, und dann drück ab."

"Noooo!"

"Wenn du hineinwillst, mußt du in der Tasche bleiben."

"Blerr?"

"Kein Widerspruch. Rein in die Tasche, wenn du mitwillst."

Pete sprang in die Tasche.

Miles machte mir auf. Wir gaben uns nicht die Hand. Er führte mich in sein Wohnzimmer und deutete auf einen Stuhl.

Betty war da. Ich hatte sie nicht erwartet, aber eigentlich wunderte ich mich nicht. Ich sah sie an und lächelte.

"So ein Zufall!

Jetzt erzähl mir bloß nicht, du wärst extra von Mojave hierhergekommen, um mit meiner Wenigkeit zu plaudern?"

Betty runzelte die Stirn.

После «Салли» я мог сконструировать «Пита» прямо на своей чертежной машине, довести его до совершенства, причем быстро. Эта модель сместит «Салли» с пьедестала еще до того, как они успеют пустить ее в производство. Если повезет, я пущу их по миру, и они еще придут уговаривать меня вернуться.

В окнах Майлса горел свет, а его машина стояла возле дома. Я припарковал свою рядом, сказав Питу:

— Ты уж лучше сиди тут, парень, и карауль машину. Если кто сунется — быстро кричи «стой!» три раза подряд и стреляй в грудь.

— Мяу!

— Если ты хочешь войти со мною в дом, то тебе придется сидеть в сумке.

— Мя-а-а-у!

— И не спорь. Полезай в сумку.

Пит прыгнул в сумку.

Майлс открыл мне дверь. Никто из нас не сделал попытки поздороваться за руку. Он проводил меня в гостиную и показал рукой в сторону кресла: мол, прошу садиться.

Белла была здесь же. Я не ожидал увидеть ее, но, наверное, ничего удивительного в ее присутствии не было. Я глянул на нее и ухмыльнулся:

— Какая приятная встреча! Только не говори мне, что ты ехала из Мохаве в такую даль специально, чтобы поболтать с добрым старым Дэном?! — Я, когда завожусь, начинаю грубить дамам.

Белла нахмурилась.

"Mach keine Witze, Dan. Sag, was du zu sagen hast und verschwinde."

"Nur nicht so hastig. Ich finde es hier sehr gemütlich ... mein früherer Teilhaber ... meine frühere Verlobte. Jetzt fehlt mir nur noch mein früheres Geschäft."

Miles sagte in beruhigendem Ton: "Na, Dan, sei doch nicht so. Das war nur zu deinem Besten ... du kannst jederzeit wieder bei uns anfangen. Ich würde mich freuen."

"Zu meinem Besten, wie? Etwas Ähnliches sagte man dem Pferdedieb kurz vor der Hinrichtung. Aber was das Wiederkommen betrifft – wie steht's damit, Betty? Kann ich zurückkommen?"

Sie biß sich auf die Unterlippe.

"Selbstverständlich, wenn Miles dafür ist."

"Erst gestern hieß es noch: ›Wenn Dan einverstanden ist, selbstverständlich‹ Aber alles ändert sich; so ist das Leben. Und ich komme nicht zurück, Kinder, ihr braucht euch nicht aufzuregen. Ich bin nur hergekommen, um ein paar Dinge in Erfahrung zu bringen."

Miles sah Betty an. Sie fragte: "Zum Beispiel?"

"Na, erstens, wer von euch den Betrug ausgeheckt hat? Oder habt ihr den Plan gemeinsam entwickelt?"

Miles sagte schleppend: "Das ist ein häßliches Wort, Dan."

— Не остри, Дэн. Выкладывай, что ты хотел, если тебе есть что сказать, и проваливай.

— Ну, ты меня не торопи. Здесь так мило: мой бывший партнер; моя бывшая возлюбленная... Жаль, что нет моей бывшей работы.

Майлс сказал умиротворяюще: — Зря ты так, Дэн. Мы же это все для твоей же собственной пользы... и потом, ты же можешь в любой момент опять начать работать, стоит тебе захотеть. Я буду рад.

— Для моей же пользы? Примерно так сказали конокраду, перед тем как вздернуть его на виселице. А насчет моего возвращения — ты как, Белла? Могу я вернуться?

Она закусила губу.

— Если Майлс так считает — конечно.

— А ведь еще вчера, кажется, было так: «Если Дэн так считает...». Все меняется, такова жизнь. Но я не вернусь, ребята, не дергайтесь. Я просто хотел сегодня кое-что выяснить.

Майлс взглянул на Беллу. Она спросила: — Например?

— Ну, во-первых, кто из вас придумал меня надуть? Или вы это вместе?

Майлс произнес медленно: — Неудачное ты выбрал слово, Дэн. Оно мне не нравится.

"Na, komm, komm, nur keine Leisetreterei. Wenn das Wort schon häßlich ist, was soll man dann erst von der Tat sagen? Ich meine die Fälschung eines Vertrages, die Fälschung von Patentüberschreibungen – das sind Verbrechen, lieber Miles. Jeden zweiten Mittwoch darf man fünf Minuten an die frische Luft, glaube ich. Ganz bin ich mir nicht sicher, aber das FBI wird es mir sicher sagen können. Morgen", fügte ich hinzu, als er zusammenzuckte.

"Dan, du wirst doch nicht so dumm sein und wegen dieser Sache Stunk machen?"

"Stunk? Ich greife euch von allen Seiten an, zivil- und strafrechtlich. Ihr werdet euch wundern ... wenn ihr nicht auf meine Bedingung eingeht. Aber ich habe eure dritte Masche noch vergessen – Diebstahl meiner Aufzeichnungen und Pläne für ›Vielzweck-Frank‹ ... und das Testmodell dazu, obwohl ihr vielleicht für das Material Geld verlangen könnt, weil ich es der Firma in Rechnung gestellt habe."

"Diebstahl, so ein Unsinn!" fauchte Betty. "Du hast für die Firma gearbeitet."

"Wirklich? Fast immer nachts. Und ich war nie Angestellter, Betty, wie ihr beide wißt. Ich habe aus dem auf meinen Aktienanteil entfallenden Gewinn lediglich Beträge für meinen Lebensunterhalt genommen. Was wird man bei Mannix sagen, wenn ich Strafanzeige erstatte und erkläre, die Geräte, für die sich Mannix interessiert – ›Dienstmädchen‹, ›Fensterfritz‹ und ›Frank‹ – waren überhaupt niemals das Eigentum der Firma, sondern sind mir gestohlen worden?"

"Unsinn", wiederholte Betty grimmig. "Du hast für die Firma gearbeitet. Du hattest einen Anstellungsvertrag."

Ich lehnte mich zurück und lachte.

— Да ладно, давайте без обиняков. Если уж слово плохое, то дело, которое оно обозначает, в десять раз хуже.

Я имею в виду поддельный контракт и фальшивые переуступки патентов. Это ведь по федеральным законам карается, Майлс. Смотри, будешь видеть солнышко по нечетным средам. Я еще не уверен, но в ФБР мне скажут точно. Завтра, — добавил я, заметив, как сморщился Майлс.

— Дэн, неужели у тебя хватит ума мутить воду?

— Воду? Нет, ребята, я просто потащу вас в суд — и по гражданскому иску, и по уголовному. Вам даже почесаться будет некогда... если только вы не согласитесь сделать одно дело. Да, я еще забыл ваш третий грешок: кражу моих записей и чертежей по «Салли»... и действующей модели тоже; хотя, конечно, вы можете заставить меня внести стоимость материалов, пошедших на ее изготовление, — ведь платила-то за них компания.

— Кража? Чушь! — огрызнулась Белла. — Ты же работал над ней для компании.

— Разве? Работал-то я в основном по ночам. И я никогда не был служащим, Белла, как вам обоим известно. Я просто тратил на жизнь ту прибыль, что набегала по моим акциям. Интересно, что скажут в «Манникс», когда узнают, что изделия, которые они собираются купить — «Золушка», «Чарли» и «Салли», — не принадлежали компании, а были украдены у меня?

— Ерунда, — уныло повторила Белла. — Ты работал на компанию. У тебя был контракт.

Я откинулся назад и расхохотался.

"Hört mal gut zu, Kinder. Ihr braucht jetzt nicht zu lügen; spart euch das für die Verhandlung auf. Wir sind ganz unter uns. Was ich wirklich wissen möchte, ist folgendes: Von wem stammt die Idee? Die Ausführung kann ich ja bezeugen, Betty, du hast mir ständig Unterlagen zur Unterschrift gebracht.

Wenn mehr als ein Durchschlag zu unterschreiben war, hast du die anderen Kopien an das Original geheftet, damit ich es leichter hatte, versteht sich. Du bist ja immer die vollkommene Sekretärin gewesen – und was ich von den Mehrausfertigungen sah, war lediglich der Platz für die Unterschrift. Jetzt weiß ich natürlich, daß du mir in die sauberen Briefstöße ein paar Zeitbomben hineingeschmuggelt hast. Ich weiß auch, daß du die technische Seite des Schwindels übernommen hastest. Miles wäre dazu nicht in der Lage gewesen, mein Gott, er kann ja nicht einmal richtig Maschineschreiben. Aber wer hat die Texte formuliert? Du? Das glaube ich nicht ... es sei denn, du hättest eine juristische Ausbildung, von der nie die Rede war. Wie steht's, Miles? Könnte eine bescheidene Stenotypistin diese wunderbare Klausel sieben so großartig formulieren? Oder war dazu ein Jurist nötig?" Miles' Zigarette war schon ausgegangen. Er nahm sie aus dem Mund, sah mich an und sagte vorsichtig: "Dan, alter Freund, wenn du glaubst, uns zu Geständnissen bewegen zu können, hast du dich geirrt."

"Ach, laß doch den Quatsch, wir sind hier allein. Ihr seid beide so oder so schuldig. Aber ich möchte mir gerne vorstellen, daß Delilah dort mit dem ganzen fix und fertig ausgearbeiteten Plan zu dir kam und dich in einem schwachen Augenblick überrumpelte. Aber ich weiß, daß das nicht stimmt. Wenn Betty nicht selbst Juristin ist, seid ihr Komplizen, vor und nach der Tat. Du hast den Schwindel verfaßt, sie tippte ihn und legte ihn mir zur Unterschrift vor. Richtig?"

"Gib ihm keine Antwort, Miles!"

"Natürlich nicht", sagte Miles. "Vielleicht hat er ein Tonbandgerät in seiner Tasche."

— Слушайте, ребята, чего вы сейчас-то врете? Не надо. Это вы оставьте для суда, когда будете давать показания. Тут-то, кроме нас, никого нет. Я действительно хочу знать: кто это придумал? Я понимаю, как это было сделано. Белла, ты приносила мне бумаги на подпись. Если бумаг было много, ты прикрепляла копии к первому экземпляру скрепками — естественно, только для моего удобства: ты всегда была прекрасной секретаршей. От копий я видел только то место, где надо расписываться. Так что это ты подсунула мне эти джокеры в колоду. Значит, исполнителем была ты. Майлс бы не сумел это сделать. Тыфу ты, да Майлс и печатать-то путем не умел. Но вот кто составил те документы, что ты мне подкладывала? Ты? Не думаю. Если, конечно, у тебя нет юридического образования, о котором ты помалкивала. А, Майлс? Могла простая стенографистка так безупречно составить этот «седьмой параграф»? Или для этого нужен был юрист? То есть ты! Сигара Майлса давно погасла. Он вынул ее изо рта, внимательно осмотрел и сказал осторожно: — Дэн, дружище, если ты думаешь, что мы сейчас признаемся, то ты спятил.

— Ой, брось, мы же тут одни. Так или иначе, вы оба виноваты. Я, конечно, хотел бы верить, что эта Далила явилась к тебе с готовым планом и просто соблазнила тебя в минуту слабости. Но ведь это не так, я знаю. Если только Белла сама не юрист, то вы наверняка работали вместе. Вы сообщники: ты составил эти бумаги, а Белла их отпечатала и сделала так, чтобы я их подписал. Верно?

— Не отвечай, Майлс!

— Разумеется, я не стану отвечать, — согласился Майлс — Может, у него в этой сумке магнитофон.

"Daran hätte ich denken sollen", meinte ich, "aber ich habe leider kein Gerät dabei." Ich öffnete die Tasche, und Pete streckte den Kopf heraus. "Hast du alles mitbekommen, Pete? Seid bloß vorsichtig, Pete hat das Gedächtnis eines Elefanten. Nein, ein Tonbandgerät habe ich nicht mitgebracht – ich bin eben der gute, alte, vertrottelte Dan Davis, der nie vorausdenkt. Ich stolpere so dahin und vertraue meinen Freunden ... wie ich euch beiden vertraut habe. Ist Betty Juristin, Miles? Oder hast du dich selbst hingesetzt und kaltblütig geplant, wie du mich übers Ohr hauen könntest, ohne daß dir etwas passiert?"

"Miles!" unterbrach mich Betty.

"Mit seinem Talent könnte er ein Tonbandgerät von der Größe eines Zigarettenpäckchens machen. Vielleicht ist es nicht in der Tasche, sondern in seinem Anzug."

"Gute Idee, Betty. Beim nächstenmal dann." "Ich bin mir klar darüber, Liebe", erwiederte Miles. "Wenn er wirklich ein Gerät hat, redest du zu unvorsichtig. Paß lieber auf."

Betty sagte ein Wort, von dem ich nie gedacht hätte, daß sie es verwenden würde. Ich hob die Brauen.

"Ihr faucht euch an? Schon Zwietracht zwischen den Gaunern?" Miles' Beherrschung begann abzubröckeln, stellte ich mit Genuß fest.

Er sagte: "Überleg dir, was du sagst ... es könnte dir schlecht bekommen."

"Ich bin jünger als du und kann mich an den letzten Judolehrgang besser erinnern. Und schießen würdest du nie. Lieber legst du deine Gegner mit gefälschten Dokumenten aufs Kreuz. ›Diebe‹, habe ich gesagt, und ›Diebe‹ meine ich. Ihr seid beide Diebe und Lügner."

Ich wandte mich Betty zu.

"Mein Vater brachte mir bei, daß man eine Dame nie als Lügnerin bezeichnen darf, Süße, aber du bist keine Dame. Du bist eine Lügnerin ... eine Diebin ... und eine Schlampe."

— Неплохо было бы, — поддакнул я, — но — увы.

— Я открыл сумку, и Пит высунул голову. — Ты все слышал, Пит? Смотрите, ребята: у Пита память, как у слона. Нет, магнитофона я не принес: я все тот же лопух Дэн Дэвис, который не умеет думать наперед. Сроду спотыкаюсь, потому что доверяю друзьям. Вот вам, например. Белла — юрист, Майлс? Или ты сам хладнокровно продумал, как меня обчистить, чтобы это выглядело законно?

— Майлс! — перебила Белла. — С его

способностями он мог сделать магнитофон размером с пачку сигарет. Может, он у него не в сумке, а в кармане?!

— Хорошая идея, Белла. В другой раз я так и сделаю... — Я это учитываю, дорогая, — ответил Майлс, — и если это так, то ты слишком много болтаешь. Прикуси язык.

Белла выдала в ответ такое — я даже не предполагал, что она знает такие слова. У меня глаза на лоб полезли.

— Начали грызться? Вор у вора... Тут я с радостью отметил, что терпение Майлса начало подходить к концу.

— Ты тоже прикуси язык, Дэн, если здоровье дорого.

— Тю-тю-тю!.. Я ведь помоложе тебя, да и дзюдо занимался недавно. Стрелять в людей ты не умеешь — ты лучше обложишь человека фальшивыми контрактами со всех сторон. Я сказал «воры», и я имел в виду именно то, что сказал. Жулики и лжецы вы оба.

Я повернулся к Белле.

— Мой старик учил меня, что женщину нельзя так называть. Но ты, прелест моя, не женщина — ты воришка. И врушка. И... шлюха.

Betty wurde feuerrot und warf mir einen Blick zu, der ihre ganze Schönheit auslöschte und Haß und Habgier enthüllte.

"Miles!" sagte sie schnell. "Du sitzt einfach da und läßt zu..." "Sei still!" fuhr Miles sie an. "Seine Unverschämtheit ist doch Berechnung. Er will uns ärgern, damit wir Dinge sagen, die wir später bereuen. Und das tust du beinahe schon. Halte den Mund."

Betty schwieg, aber ihr Gesicht war immer noch verzerrt. Miles drehte sich mir zu.

"Dan, ich bin immer ein praktisch denkender Mensch gewesen. Ich habe versucht, ihr Vernunft beizubringen, bevor du aus der Firma ausgestiegen bist. Schließlich habe ich mich auch bemüht, eine Lösung zu finden, die dir das Unvermeidliche erträglich machte."

"Du wolltest mich auf die sanfte Tour aufs Kreuz legen, wie?"

"Wie du meinst. Ich bin immer noch für eine friedliche Regelung. Du würdest eine Klage nie durchfechten können, aber als Anwalt weiß ich, daß es immer besser ist, nicht vor Gericht zu gehen als zu gewinnen. Wenn es sich ermöglichen läßt. Vorhin sagtest du, daß ich etwas tun könnte, womit du zu beruhigen wärst. Heraus damit, vielleicht können wir uns einigen."

"Ach, das.
Darauf wäre ich schon noch gekommen. Du kannst es nicht selbst tun, aber vielleicht arrangieren. Es ist ganz einfach. Bring Betty dazu, mir die Aktien wieder zu überschreiben, die ich ihr als Verlobungsgeschenk gegeben habe."

"Nein!" sagte Betty.

"Ich habe dich doch ersucht, endlich still zu sein", erklärte Miles.

Белла залилась краской и посмотрела на меня таким взглядом, что вся ее красота улетучилась, а из под нее простили черты хищного зверя.

— Майлс! — взвизгнула она. — Ты так и будешь сидеть, пока он... — Спокойно! — приказал Майлс. — Грубит он нарочно. Он хочет, чтобы мы разозлились и наговорили таких вещей, о которых потом пожалеем. Что ты почти и делаешь. Так что уймись.

Белла заткнулась, хотя злости в ее лице не поубавилось. Майлс повернулся ко мне.

— Дэн, я человек практичный. Я ведь пытался тебя урезонить, прежде чем ты ушел из фирмы. Я старался уладить дело так, чтобы ты мог принять неизбежное достойно.

— Ты хочешь сказать, чтобы я не кричал, когда меня насилиуют?

— Как тебе угодно. Я все еще надеюсь с тобой поладить. Никакое дело против нас тебе выиграть не удастся, но, как юрист, я знаю: лучше не доводить дело до суда, чем выигрывать его. Если это возможно. Ты сегодня сказал, что мы могли бы что-то сделать, чтобы умиротворить тебя. Скажи мне, что это. Возможно, мы договоримся.

— Ах, это... Я как раз к этому подошел. Ты не можешь этого сделать. Но возможно, ты сумеешь организовать это. Все очень просто. Сделай так, чтобы Белла вернула мне акции, подаренные ей в качестве обручального подарка.

— Нет! — сказала Белла.

Майлс буркнул: — Я же велел тебе помалкивать!

Ich sah sie an und sagte: "Warum denn nicht, mein vormaliger Liebling. Ich habe mir in dieser Angelegenheit Rat geholt. Da die Aktien im Hinblick auf die Tatsache gegeben wurden, daß du versprochen hattest, mich zu heiraten, bist du nicht nur moralisch, sondern auch gesetzlich verpflichtet, sie zurückzugeben. Es handelte sich nicht um ein uneingeschränktes Geschenk – so nennt man das, glaube ich –, sondern um die Übergabe von Wertsachen im Gegenzug für eine versprochene Leistung, die ich nie erhalten habe, nämlich deine reizende Person. Wie war's? Oder hast du es dir wieder anders überlegt und bist jetzt doch bereit, mich zu heiraten?"

Sie erklärte mir, wo und wie ich sie heiraten durfte. Miles sagte erschöpft: "Betty, du machst alles nur noch schlimmer. Begreifst du denn nicht, daß er uns nur wütend machen will?"

Er sah mich wieder an.

"Dan, wenn du deswegen gekommen bist, kannst du gleich wieder gehen. Wären die Umstände so gewesen, wie du sie darstellst, dann hättest du nicht ganz unrecht. Sie waren anders.

Du hast Betty die Aktien für geleistete Dienste übertragen."

"Was? Für welche Dienste? Wo ist der eingelöste Scheck?"

"Er ist nicht nötig.

Die Aktien waren Gegenwert für Dienste zugunsten der Firma, die über Bettys Pflichten hinausgingen."

Ich starrte ihn an.

"Das ist mir mal eine Theorie! Hör zu, Miles, alter Knabe, wenn damit Dienste für die Gesellschaft und nicht für mich persönlich bezahlt waren, mußtest du doch davon wissen und bemüht sein, ihr diese Summe zu geben. Schließlich teilten wir uns doch den Gewinn fifty-fifty, obwohl ich die Mehrheit besaß ... oder zu besitzen glaubte. Sag mir jetzt nur nicht, daß du Betty ein Aktienpaket von gleichem Umfang gegeben hast?"

Ich sah, wie sie einander Blicke zuwarfen, und hatte plötzlich eine tolle Idee.

Я взглянул на нее и спросил. — А почему бы и нет, дорогая? То есть бывшая дорогая... Я консультировался на этот счет, и адвокат сказал, что раз я подарил их тебе в расчете на твое обещание выйти за меня замуж, то ты не только морально, но и по закону обязана вернуть их. Это был не «свободный дар» — так, кажется, это называется? — а подарок, сделанный в расчете на определенные встречные шаги, которых я так и не дождался. Или ты опять передумала и мы поженимся, а?

Она обстоятельно разъяснила, где и когда я могу рассчитывать жениться на ней. Майлс устало процедил: — Белла, ты зря стараешься. Ты что, не видишь, что он просто пытается взять нас за глотку?

Он повернулся ко мне.

— Дэн, если ты пришел ради этого, то можешь уходить... Я согласен, что если бы дела обстояли так, как ты говоришь, то у тебя был бы шанс. Но все было не так. Ты передал Белле эти акции в уплату.

— Как? В уплату за что? И где квитанция?

— Ее и не могло быть. В уплату за оказанные компании услуги, выходящие за рамки ее служебных обязанностей.

Я выкатил глаза.

— Очаровательная теория! Послушай, старина, если эти «услуги» оказывались компанией, а не лично мне, тогда ты тоже должен был знать о них и заплатить ей равную долю: мы ведь делили доходы пополам, хотя у меня и был (точнее, я думал, что был) контрольный пакет. Не хочешь ли ты сказать, что тоже отстегнул Белле блок акций такого же размера?

Они как-то странно взглянули друг на друга, и меня вдруг словно что-то внутри толкнуло.

"Vielleicht hast du das tatsächlich getan! Ich möchte wetten, daß unser Liebling das verlangt hat, sonst hätte er nicht mitgespielt. Habe ich recht? Dann kannst du Gift darauf nehmen, daß Betty die Überschreibung sofort registrieren ließ ... und die Daten müssen zeigen, daß ich ihr Aktien am Tag unserer Verlobung übertragen habe – du lieber Himmel, die Ankündigung stand ja sogar im Lokalblatt –, während du ihr Aktien übergabst, als du mich hinauswarfst und sie die Verlobung löste – das ist alles schriftlich niedergelegt! Vielleicht wird mir der Richter doch glauben, Miles? Was meinst du?" Ich hatte sie erwischt! An ihren Gesichtern konnte ich ablesen, daß ich auf den einen Umstand gestoßen war, für den sie keine plausible Erklärung vorbringen konnten und den ich nie hätte erfahren sollen.

Ich nutzte meinen Vorteil ... und leistete mir wieder eine ausgefallene Vermutung. Ausgefallen? Nein, logisch.

"Wie viele Aktien, Betty? So viel, wie du aus mir nur für das Verlobtsein herausgeholt hast? Für ihn hast du mehr getan; dabei hätte auch mehr herausschauen müssen."

Ich verstummte plötzlich.

"Moment mal ... ich fand es schon merkwürdig, daß Betty den weiten Weg hierher gemacht haben sollte, nur um mit mir zu sprechen. Vielleicht war das gar nicht der Fall, vielleicht ist sie die ganze Zeit schon hier. Lebt ihr beiden zusammen? Oder sollte ich sagen: Seid ihr verlobt? Oder ... etwa gar schon verheiratet?" Ich dachte nach. "Ich wette, daß es so ist. Miles, du bist kein Schwärmer wie ich. Ich wette mein zweites Hemd, daß du auf ein bloßes Heiratsversprechen hin Betty nie und nimmer Aktien übertragen würdest. Aber als Heiratsgeschenk vielleicht – vorausgesetzt, daß dir das Stimmrecht dafür bleibt. Schenk dir die Antwort. Ich werde morgen schon alles herausfinden. Das ist ja auch schriftlich niedergelegt."

Miles sah Betty an und sagte: "Spar dir die Mühe. Ich darf dir Mrs. Gentry vorstellen."

— А ведь так, похоже, и было! Держу пари, что моя крошка и тебя заставила это сделать, припугнув, что иначе она выйдет из игры. Так, да? Если так, то она наверняка зарегистрировала передачу акций сразу же. И по датам регистрации можно увидеть, что я перевел на нее акции сразу после помолвки – а дата помолвки была в «Дезерт Геральд», а ты – когда вы все подстроили. И все это есть в ваших конторских книгах... А может, судья и поверит мне, а? Как ты думаешь, Майлс? Я расколол их. Я их расколол! По их лицам я понял, что наткнулся на обстоятельство, которое им в жизни не объяснить и которое я никак не должен был узнать. Значит, я их прижал... И тут – еще одна безумная догадка. Безумная ли? Нет, вполне логичная.

— А сколько акций он тебе дал, Белла? Столько же, сколько ты получила от меня за нашу «помолвку»? Для него ты сделала больше, значит, и получить ты должна была побольше.

Я внезапно остановился.

— Скажите... я вот подумал: странно, что Белла приехала сюда, чтобы поговорить со мной, – я ведь знаю, как она не любит эти поездки. Так, может, ниоткуда ты и не ехала, а была тут всю дорогу? Вы что, уже живете вместе? Или я должен назвать это «помолвлены»? А может, вы уже поженились? – Я чуть поразмыслил. – Готов поспорить, что это так. Ты, Майлс, не такой олух, как я. Ставлю последнюю рубашку, что ты никогда не отдал бы Белле акции только за обещание выйти за тебя. А вот к свадьбе – мог бы, с условием, что сохранишь право голосовать ими. Не трудись отвечать – завтра я сам раскопаю. Это тоже где-нибудь записано.

Майлс взглянул на Беллу и сказал: – Не трать время. Познакомься: миссис Джентри.

"So? Herzlichen Glückwunsch, ihr beiden. Ihr seid einander würdig. Aber jetzt zu meinen Aktien. Da mich Mrs. Gentry verständlicherweise nicht heiraten kann, möchte ich ..." "Mach dich nicht lächerlich, Dan. Ich habe deine albernen Theorien längst zerfetzt. Betty bekam von mir genau wie von dir Aktien. Aus demselben Grund, für Dienste zugunsten der Firma. Wie vorhin erwähnt, ist das alles schriftlich niedergelegt. Betty und ich haben vor einer Woche geheiratet ... aber du wirst feststellen, daß die Aktien schon vor einiger Zeit an sie übergegangen sind. Du kannst die beiden Vorgänge nicht miteinander in Zusammenhang bringen. Nein, sie bekam Aktien von uns beiden, weil sie für die Firma sehr viel getan hat. Nachdem du die Verlobung gelöst hattest und aus der Firma ausgeschieden warst, heirateten wir."

Ich war betroffen. Miles war zu klug, eine Lüge aufzutischen, die ich nach einigen Nachforschungen allzu leicht widerlegen konnte. Aber irgend etwas stimmte nicht. "Wann und wo habt ihr geheiratet?"

"Letzten Donnerstag im Standesamt von Santa Barbara. Aber das geht dich ja nichts an."

"Vielleicht nicht. Wann fand die Aktienüberschreibung statt?" "Ich weiß es nicht genau. Wenn du willst, kann ich es feststellen." Verdammst noch mal, es klang einfach nicht echt, daß er ihr Aktien geschenkt haben sollte, bevor sie an ihn gebunden war. Solchen Blödsinn brachte nur ich fertig, zu ihm paßte so etwas nicht.

"Mich stört da etwas, Miles. Wenn ich einen Privatdetektiv beauftragen würde, könnte ich dann vielleicht herausbringen, daß ihr beiden ein bißchen früher schon einmal geheiratet habt? Vielleicht in Yuma oder Las Vegas? Oder seid ihr schnell nach Reno geflogen, damals bei der Reise nach Washington wegen der Steuern? Vielleicht stellt sich heraus, daß eine solche Eheschließung registriert ist und die Daten der Aktienüberschreibung und meiner Patentschenkung sehr schön übereinstimmen. Wie?"

Miles klappte nicht zusammen; er sah Betty nicht einmal an. Der Haß in ihrem Gesicht hätte auch durch einen Treffer ins Schwarze nicht gesteigert werden können. Aber das Ganze schien trotzdem zu stimmen, und ich beschloß, meiner Vermutung nachzugeben.

— Вот как?

Поздравляю вас обоих, вы друг друга стоите. Теперь насчет моих акций. Поскольку миссис Джентри уже никак не может выйти за меня, то... — Не пори чепухи, Дэн. Сейчас я разнесу твою смехотворную теорию в мелкие дребезги. Акции я передал Белле так же, как и ты, и с той же мотивированкой: в уплату за услуги фирме. Как ты и сказал, это можно найти в делах. Поженились мы всего неделю назад... а вот акции она получила уже довольно давно, можешь убедиться сам, если не лень. Увязать эти два события тебе не удастся. Акции она получила от каждого из нас за неоценимые услуги фирме. А потом, когда ты ее бросил и ушел из фирмы, мы поженились.

Да, прокол. Майлс слишком умен, чтобы врать мне о том, что я легко могу проверить. И все же была в этом какая-то ложь, которую я пока еще не раскусил. Пока еще. — Где и когда вы поженились?

— В суде Санта-Барбары в прошлый четверг. Хотя это и не твое дело.

Черт его побери, что-то не верится мне, что он смог отдать Белле акции раньше, чем наложил на нее лапы!.. Это я мог так промахнуться, а на него это было не похоже.

— Я вот подумал, Майлс: если я найму детектива, не окажется ли, что вы уже однажды поженились, чуть раньше? Может, в Юме или в Неваде? А может, вы смотались в Рино, когда ездили на север на заседание налоговой комиссии? Если окажется, что такой брак был зарегистрирован, то, может быть, дата передачи акций и дата переуступки моих патентов фирме улягутся в очень интересный орнамент. А?

Майлс не дрогнул. Он даже не взглянул на Беллу. Что же касается Беллы, то ненависти в ее лице и так было столько, что больше некуда. Однако все было очень похоже на правду, и я решил разрабатывать свою догадку до конца.

Miles sagte ruhig: "Dan, ich habe Geduld mit dir gehabt und mich bemüht, versöhnlich zu sein. Dafür erntete ich nichts als Beschimpfungen. Es ist wohl an der Zeit, daß du jetzt gehst, sonst will ich doch noch einmal versuchen, ob ich dich nicht hinauswerfen kann – dich und deine lausige Katze!" "Öle!" erwiderte ich.

"Das ist das erste herzliche Wort heute abend. Aber nenn Pete nicht lausig. Er versteht Englisch und könnte in Wut geraten. Na schön, mein Ex-Freund, ich verschwinde ... aber ich möchte eine kurze Abschiedsrede halten, eine ganz kurze. Wir werden uns dann kaum noch etwas zu sagen haben. Einverstanden?"

"Tja ... einverstanden. Mach es kurz."

"Miles, ich muß mit dir reden", zischte Betty. Er winkte wortlos ab. "Schieß los." Ich wandte mich zu Betty.

"Du willst das sicher nicht hören, Betty. Ich empfehle dir zu gehen."

Sie blieb natürlich. Darauf hatte ich ja abgezielt. Ich sah ihn wieder an.

"Miles, ich bin nicht allzu zornig auf dich. Es spottet jeder Beschreibung, was Männer für unehrliche Frauen tun. Wenn Samson und Mark Anton verwundbar waren, kann ich dir den Unfall nicht übelnehmen. Eigentlich sollte ich dir sogar dankbar sein. Ein bißchen bin ich es auch. Jedenfalls tust du mir leid." Ich sah zu Betty hinüber. "Du hast sie jetzt am Hals und mußt sehen, wie du mit ihr fertig wirst ... mich hat das Ganze nur Geld und vorübergehend meine Gemütsruhe gekostet. Aber was wird sie dich kosten? Sie hat mich betrogen, ja, es ist ihr sogar gelungen, dich, meinen Freund, dafür einzuspannen ... wann, glaubst du, wird sie sich mit einem neuen Trottel zusammentun und dich übers Ohr hauen? Nächste Woche? Nächsten Monat? Vielleicht erst nächstes Jahr! So sicher ein Mörder an den Tatort ..." "Miles!" schrie Betty auf.

Майлс просто сказал: — Дэн, я долго терпел тебя и пытался помириться. Все, что я получил взамен, — одни оскорбления. Так что, я думаю, тебе пора выметаться. Иначе, ей-богу, я вытряхну вас отсюда — тебя и твоего блошилого кота!

— Первый раз за весь вечер слышу мужские слова. Только не надо называть Пита блошилым: он все понимает и может попытаться унести на память кусочек тебя. Окей, экс-друг, я уйду. Я только хочу произнести заключительную речь — очень короткую, буквально пару слов. Вероятно, это будут последние слова, которые я вам скажу. Окей? Белла сказала встревоженно: — Майлс, мне надо тебе что-то сказать. Он отмахнулся от нее не глядя.

— Окей. Только покороче.

Я повернулся к Белле.

— То, что я скажу, тебе вряд ли понравится. Ты бы лучше ушла, Белла.

Она, разумеется, осталась. Я и сказал-то нарочно, чтобы она не ушла. Потом оглянулся на него:

— Майлс, я не очень на тебя сердит. То, что может сделать мужчина ради женщины, невероятно. Если поддались даже Самсон и Марк Антоний — как я мог требовать от тебя, чтобы ты устоял? По существу, я должен быть тебе даже благодарен вместо того, чтобы сердиться. Наверное, я немножко и благодарен. Во всяком случае, мне тебя жаль. — Я бросил взгляд на Беллу.

— Теперь ты получил ее и все связанные с этим проблемы. Мне это стоило денег и — временно — душевного покоя. А вот во что она обойдется тебе? Она обманула меня; она даже сумела уговорить тебя, моего верного друга, обмануть меня. А скоро она снюхается еще с каким-нибудь мошенником и начнет морочить голову тебе... Когда? Через неделю? Через месяц? А может быть, дотерпит до следующего года? Но раньше или позже она все равно... — Майлс! — взвизгнула Белла.

Miles sagte mit gefährlicher Ruhe: "Hau ab!" und ich wußte, daß er es ernst meinte. Ich stand auf.

"Wir wollen eben gehen. Du tust mir wirklich leid, Miles. Wir beide haben ursprünglich nur einen Fehler gemacht, und dafür trage ich ebenso die Schuld wie du. Aber du muß alleine dafür bezahlen. Das ist bedauerlich ... weil der Fehler so winzig war."

Seine Neugierde gewann die Oberhand.

"Was meinst du damit?"

"Wir hätten uns fragen müssen, warum eine so kluge, schöne, fähige und allgemein weit über dem Durchschnitt stehende Frau sich bereit erklärte, für ein kleines Angestelltengehalt bei uns zu arbeiten. Wenn wir ihre Fingerabdrücke genommen hätten, wie es die Großfirmen machen, und eine Routine-Überprüfung durchgeführt worden wäre, hätten wir sie vielleicht nicht eingestellt ... und wir beide wären noch Partner."

Wieder ins Schwarze getroffen! Miles blickte seine Frau plötzlich an, und sie sah aus wie eine – nun – in die Enge getriebene Ratte kann man nicht sagen, weil Ratten nicht die Figur Bettys haben. Und ich konnte die Finger nicht davon lassen. Ich mußte noch in der Wunde herumstochern.

Ich ging auf sie zu und sagte: "Na, Betty? Wenn ich das Glas neben dir mitnähme und die Fingerabdrücke überprüfen ließe, was würde ich finden? Steckbriefe in den Postämtern? Großbetrügereien? Oder Bigamie? Vielleicht heiratest du arme Idioten wegen ihres Geldes, wie?"

Ist Miles dem Gesetz nach wirklich dein Ehemann?" Ich nahm das Glas vom Tisch.

Betty schlug es mir aus der Hand. Und Miles schrie mich an.

Ich hatte es zu weit getrieben. Ich war dumm genug gewesen, ohne Waffen in diesen Raubtierkäfig zu treten, und dann hatte ich das oberste Gesetz aller Dompteure vergessen.

Ich wandte der Bestie den Rücken zu. Miles schrie, und ich drehte mich um.

Betty griff nach ihrer Handtasche ... und ich erinnere mich noch, gedacht zu haben, warum sie ausgerechnet jetzt eine Zigarette rauchen wollte.

Майлс зарычал: — Вон отсюда! И я понял, что пора уходить. Я встал.

— Мы как раз собирались идти. Жаль мне тебя, дружище. Мы оба сделали одну и ту же промашку, и это наша общая вина. Но платить придется тебе одному. Это скверно: за такую невинную ошибку... Его любопытство пересилило.

— Что ты имеешь в виду?

— Нам следовало поинтересоваться, почему эта такая женщина — умная, красивая, толковая, ну, в общем, все при ней — вдруг решила пойти к нам машинисткой за гроши. Если бы мы взяли у нее отпечатки пальцев, как в больших фирмах, и провели обычную проверку, может, мы бы ее и не наняли... и тогда мы все еще были бы партнерами.

Майлс вдруг взглянул на свою жену: у нее был вид загнанного в угол зверя. Вот только таких красивых зверей не бывает... Я просто не мог уйти, не воспользовавшись моментом. Я подошел к ней со словами:

— Ну, Белла? Если взять твой стакан и снять с него отпечатки пальцев — что выплынет? Грязные фотографии по почте? Крупный шантаж? Или многомужие? Ты, поди, женила на себе богатых лопухов? Интересно, по закону Майлс вообще твой муж или как? — Я протянул руку и поднял со стола ее стакан.

Белла выбила его у меня из рук. Майлс что-то крикнул.

На этом, к сожалению, моя удача кончилась. Я по глупости своей вошел в клетку к хищникам без оружия и забыл первую заповедь дрессировщика: никогда не поворачиваться к зверю спиной. Я повернулся к Майлсу. Белла потянулась к сумочке. Я еще подумал, что она выбрала очень удачное время искать сигареты.

Dann spürte ich den Stich der Kanüle.

И тут я почувствовал укол.

Ich entsinne mich nur, eines gefühlt zu haben, als meine Knie einknickten und ich auf den Teppich stürzte: fassungsloses Staunen darüber, daß Betty mir so etwas antun konnte. Wenn man alles andere beiseite ließ, lief es darauf hinaus, daß ich ihr immer noch vertraute.

Помню, как ноги у меня подкосились и я начал падать на ковер, чувствуя только одно: безграничное удивление, что Белла могла так со мною поступить. Оказывается, я все еще верил ей.

Глава 4

•

Ich war nie völlig bewußtlos.

Mir wurde schwindlig und dunkel vor den Augen, als die Droge zu wirken begann – sie wirkt noch schneller als Morphin.

Miles brüllte Betty etwas zu und packte mich unter den Armen, als ich zusammenbrach. Nachdem er mich durchs Zimmer in einen Sessel gesetzt hatte, verging sogar das Schwindelgefühl.

Trotz meiner Wachheit war ein Teil von mir tot.

Ich weiß heute, was sie mir eingespritzt hatte: die Geisterdroge, die Antwort Onkel Sams auf Gehirnwäsche. Soviel ich weiß, ist sie bei uns an Gefangenen nie ausprobiert worden, aber man erfand sie beim Studium der Gehirnwäsche, und nun war sie da, verboten, aber höchst wirksam. Dasselbe Zeug verwendet man bei der Schnell-Psychoanalyse, aber es bedarf meines Wissens eines Gerichtsbeschlusses, selbst für Psychiater.

Weiß Gott, woher Betty das Zeug hatte. Aber damals hatte ich diese Gedanken nicht, ich hatte überhaupt keine.

Ich lag einfach zusammengesunken da, passiv wie eine Pflanze, hörte, was vorging, sah alles, was sich vor meinen Augen abspielte – aber wenn Marilyn Monroe ohne Badeanzug vorbeigegangen wäre, hätte ich ihr mit den Blicken nicht einmal folgen können.

Außer, man hätte es mir befohlen.

Сознания я не потерял. У меня закружилась

голова и немного затошило, когда сработал препарат — он действует быстрее морфия. Но и только. Майлс что-то крикнул Белле и подхватил меня под мышки, когда у меня подломились колени. Пока он дотащил меня до кресла и посадил в него, даже головокружение прошло.

Но хотя я и был в сознании, часть меня словно умерла. Теперь-то я знаю, что они мне всадили: это был зомбин — выдумка Дяди Сэма в ответ на «промывку мозгов». Насколько мне известно, его ни разу не применяли на заключенных, но наши парни пользовались им, расследуя дело о «промывке мозгов»: незаконно, зато эффективно. Теперь подобные препараты используют для ускоренного психоанализа, но, по-моему, даже психоаналитику приходится получать разрешение суда, чтобы использовать его.

Бог его знает, где Белла добыла это средство.

Но ведь Бог один и знает, скольких еще простаков она одурачила. Меня же это не интересовало. Меня вообще ничего не интересовало.

Я, как кукла, лежал в кресле, слышал все, что происходило вокруг, и видел все, что попадало в поле моего зрения. Но если бы передо мною появилась даже сама леди Годива без своей лошади, я бы не смог скосить глаза вслед за нею.

Если бы мне не приказали их скосить.

Pete sprang aus seiner Tasche, kam zu mir und erkundigte sich, was los sei. Als ich nicht antwortete, begann er meine Schienbeine zu bearbeiten und eine Erklärung zu verlangen. Als ich immer noch nicht reagierte, sprang er auf meinen Schoß, stellte die Vorderpfoten auf meine Brust, sah mir ins Gesicht und wollte jetzt endlich wissen, was los ist, und zwar auf der Stelle.

Ich sagte nichts, und er begann zu schreien.

Jetzt wurden Miles und Betty aufmerksam. Nachdem mich Miles im Sessel abgeladen hatte, war er zu Betty gegangen und hatte mit Bitterkeit gesagt: "Jetzt haben wir die Bescherung! Bist du verrückt geworden?"

"Nur nicht die Nerven verlieren, Liebling", erwiderte Betty. "Wir besorgen es ihm ein für allemal."

"Was? Wenn du glaubst, daß ich dir bei einem Mord behilflich bin ..." "Quatsch! Das wäre zwar das Logischste ... aber dazu fehlt dir der Mumm. Zum Glück ist das bei dieser Droge nicht nötig." "Was meinst du damit?"

"Er wird jetzt genau tun, was ich ihm sage. Schwierigkeiten kann er uns jetzt nicht mehr machen."

"Aber ... mein Gott, Betty, du kannst ihn doch nicht in alle Ewigkeit betäubt halten. Wenn er aufwacht ..." "Hör mit dem Juristengeschwätz auf. Ich weiß, wie dieses Zeug wirkt, du nicht. Wenn er aufwacht, wird er tun, was ich ihm befohlen habe. Ich werde ihm sagen, daß er uns nie verklagen oder anzeigen darf, dann wird er es nie tun. Ich werde ihm befehlen, seine Nase nie mehr in unsere Angelegenheiten zu stecken, gut, er wird uns in Ruhe lassen. Wenn ich ihm sagte, daß er nach Timbuktu verschwinden soll, wird er hinfahren. Ich sage ihm, daß er alles Vorgefallene vergessen soll, und er wird es vergessen."

Ich hörte zu, verstand sie, war aber nicht im geringsten interessiert. Wenn jemand gerufen hätte: "Das Haus brennt!" hätte ich auch das begriffen, wäre aber ebensowenig interessiert gewesen.

"Das glaube ich nicht."

Пит выпрыгнул из сумки, подбежал ко мне и спросил, в чем дело. Не получив ответа, он стал отчаянно теряться о мои икры, требуя ответа. А когда я и тут не ответил, он вспрыгнул ко мне на колени, уперся передними лапами в грудь и потребовал сказать сейчас же и без глупостей: что происходит?

Я опять не ответил, и тогда он начал выть.

Тут Майлс и Белла обратили на него внимание. Когда Майлс усадил меня в кресло, он повернулся к Белле и сказал с упреком: — Ну что ты натворила! Ты что, с ума сошла?

Белла ответила: — Спокойно, Майлс. Теперь мы уделаем его раз и навсегда.

— Что?
Если ты думаешь, что я буду участвовать в убийстве... — Отвянь! Это было бы логично... но у тебя для этого кишка тонка.
Слава богу, теперь это не нужно. Мы накачали его таким зельем... — Что ты хочешь сказать?

— Он теперь наш. Он будет делать то, что я ему прикажу. Неприятностей от него теперь не будет.

— Но... господи, Белла, нельзя же его держать под этим кайфом вечно. Когда-нибудь он очухается, и... — Хватит болтать, не в суде. Ты же не знаешь, на что способно это средство, а я знаю. Когда его действие кончится, он сделает то, что я ему велю сделать. Скажу ему, чтобы он не судился с нами — не будет судиться. Прикажу, чтобы прекратил совать нос в наши дела — оставит нас в покое. Прикажу уехать в Тимбукту — поедет. Велю забыть все, что было, — забудет... впрочем, он и так забудет.

Я слышал ее, понимал ее, но мне было совершенно не интересно. Если бы кто-нибудь крикнул «Пожар!», я бы и это понял, но мне все равно было бы неинтересно.

— Не верю.

"Wirklich nicht?" Sie sah ihn seltsam an. "Das solltest du aber." "Was? Wie meinst du das?"

"Läß nur. Dieses Mittel wirkt, Liebling. Aber zuerst müssen wir ..." In diesem Augenblick begann Pete zu heulen.

Man hörte so etwas nicht oft, mancher Mensch überhaupt nie. Katzen heulen nicht, wenn sie kämpfen, gleichgültig, wie schwer sie sich verletzen; aus einfachem Mißvergnügen heraus tun sie es nie, nur in einer unerträglichen Lage, der sie machtlos gegenüberstehen.

Miles drehte sich um und sagte: "Diese verdammte Katze! Wir müssen sie hinausschaffen."

"Bring sie um", sagte Betty.

"Was? Du bist immer so rigoros. Dan würde um dieses wertvollen Tieres willen mehr Stunk machen, als wenn wir ihm alles abgenommen hätten. Hier ...," er drehte sich um und nahm Petes Tasche.

"Dann bring' ich sie um!" sagte Betty wutentbrannt. "Das wollte ich schon seit Monaten tun." Sie sah sich nach einer Waffe um und fand sie auch, einen Schürhaken vom offenen Kamin. Sie lief hinüber und holte ihn.

Miles hob Pete auf und versuchte, ihn in die Tasche zu stecken.

Versuchte ist das richtige Wort. Pete lässt sich von anderen Leuten als Ricky und mir nicht besonders gerne aufheben, und selbst ich hätte mich nicht ohne weiteres dazu bereit gefunden, solange er mit dieser Lautstärke heulte; das Risiko in solchen Fällen ist viel zu groß. Aber selbst wenn er nicht so nervös gewesen wäre, hätte sich Pete nicht ohne Protest am Genick packen lassen.

Pete fuhr Miles mit den Krallen in den Unterarm und mit den Zähnen in den linken Daumen. Miles schrie auf und ließ ihn fallen.

— Не веришь? — Она как-то странно взглянула на него. — Зря... — Ну-ка, что ты хочешь сказать?

— Ладно, ладно... Эта штука действует, вот и все. Но сперва надо... Вот в этот момент Пит и завыл.

Мало кому доводилось слышать, как воет кот. Можно прожить всю жизнь и ни разу не услыхать этого. Они не воют в драке, как бы сильно им ни досталось. Они не воют, если им что-то не нравится. Коты воют только от полного отчаяния, когда происходит что-то невыносимое, а они ничего не могут с этим поделать. Когда им ничего не остается, как взвыть. Стерпеть этот вой очень трудно, он прямо по нервам скребет.

Майлс повернулся и сказал: — Чертов кот! Надо его отсюда выгнать.

Белла процедила: — Убей его.

— Да? Вечно ты так, Белла. Да Дэн из-за своего бесценного кота поднимет больше шума, чем если бы мы его обчистили дочиста. Вот... Он повернулся и поднял дорожную сумку — прибежище Пита.

— Я его убью! — заявила Белла кровожадно. — Я давным-давно мечтаю его прикончить. — Она оглянулась вокруг и увидела каминную кочергу. Подбежав к камину, она схватила ее.

Майлс поднял Пита и попытался засунуть его в сумку.

Попытался — очень подходящее слово. Пит не терпит, чтобы его брали в руки кто-нибудь, кроме меня и Рики. Да и я не рискнул бы трогать его, когда он воет, без предварительных «переговоров»: когда кот нервничает, с ним надо обращаться, как с гремучей ртутью. Но будь он даже в хорошем настроении, он все равно никому не позволил бы безнаказанно брать его за шкирку.

Пит вцепился ему зубами в палец, а когтями — в руку. Майлс вскрикнул и выпустил его.

Betty kreischte: "Vorsicht, Miles!" und schlug mit dem Schürhaken zu.

Ihre Absichten waren klar, sie besaß die nötige Kraft und hatte eine geeignete Waffe. Aber sie war nicht sehr geschickt im Umgang damit, während Pete gut zu kämpfen verstand. Er wich dem Schlag aus und griff sie an, zwei Pfoten an jedes Bein.

Betty schrie und ließ den Schürhaken fallen.

Von der Jagd bekam ich nicht allzu viel mit.

Ich sah immer noch geradeaus und konnte den Großteil des Wohnzimmers überblicken, aber außerhalb dieses Gesichtsfeldes blieb mir alles verborgen, weil mir niemand befahl, in eine andere Richtung zu blicken. Ich verfolgte also die Geschehnisse zumeist mit dem Gehör, bis auf eine Gelegenheit, als sie durch mein Sichtfeld rasten, zwei Menschen, eine Katze jagend – dann, mit unglaublicher Plötzlichkeit, zwei von einer Katze gejagte Menschen. Abgesehen von dieser einen kurzen Szene vernahm ich vom Kampf nur Poltern, Laufschritte, Rufe, Flüche und Schreie.

Aber ich glaubte nicht, daß sie Pete auch nur einmal berührt haben.

Das Schlimmste, was mir an diesem Abend passierte, war, daß ich in Petes größter Stunde, bei seiner größten Schlacht, seinem größten Sieg nicht nur nicht alle Einzelheiten mitbekam, sondern völlig unfähig war, ihn zu bewundern. Ich sah und hörte, aber ich hatte keine Meinung; in seinem mächtigsten Augenblick war ich betäubt.

Ich erinnere mich heute daran und finde ein Gefühl in mir, das ich damals nicht aufbringen konnte.

Aber es ist nicht dasselbe. Ich kann das Verlorene nicht nachholen.

Das Poltern und Fluchen hörte plötzlich auf, und kurz danach kamen Miles und Betty ins Wohnzimmer zurück. Keuchend stieß Betty hervor: "Wer hat diese ...

Tür offengelassen?"

Белла крикнула: «Посторонись!» и кинулась на Пита с кочергой. Намерения Беллы были вполне ясны. Оружие и сила у нее были. Вот только обращаться с этим оружием она не умела, а Пит своим владел как следует. Он поднырнул под опускающуюся кочергу и вцепился в Беллу всеми четырьмя — по две лапы на каждую ногу.

Белла вскрикнула и уронила кочергу.

Остального я почти не видел. Я по-прежнему смотрел прямо перед собой и видел большую часть комнаты, но только в пределах своего поля зрения, потому что никто не приказал мне поворачивать голову. Так что остальное до меня доходило в основном в звуках, за исключением одного кадра, когда они оба промелькнули перед моими глазами, гонясь за котом. А потом сразу же в обратную сторону — преследуемые котом. После этого я мог только слышать шум битвы: топот, крики, ругань, вопли и грохот падающих предметов.

Не думаю, однако, что им удалось до него даже дотронуться.

Худшее, что могло со мной случиться, — то, что в звездный час Пита, в день его великой битвы и великой победы я не только не видел подробностей сражения, но и был совершенно не в состоянии оценить их по достоинству. Я мог видеть и слышать, но не мог чувствовать. В великий Момент Истины Пита я был нем и слеп.

Теперь, вспоминая все, я испытываю чувства, которых был лишен тогда. Но это не одно и то же: теперь я навеки обездолен, словно человек, проспавший свой медовый месяц летаргическим сном.

Внезапно грохот и крики прекратились, и вскоре Майлс и Белла вернулись в гостиную. С трудом переводя дух, Белла сказала:

— Кто оставил открытой сетчатую дверь от комаров?

"Du selbst. Halt den Mund. Er ist weg." Miles blutete im Gesicht und an den Händen; er betupfte die Rißwunden im Gesicht, aber sie bluteten weiter. Irgendwann mußte er gestolpert und hingefallen sein, sein Anzug sah danach aus, und das Jackett war am Rücken geplatzt.

"Ich denke gar nicht daran, den Mund zu halten.
Hast du eine Pistole im Haus?"

"Was?"

"Ich will die verdammte Katze abknallen." Betty war in noch schlechterem Zustand als Miles. Pete hatte bei ihr mehr Hautfläche für seine Angriffe gefunden – Beine, nackte Arme und Schultern.

Sie würde in nächster Zeit keine trägerlosen Kleider tragen können, und wenn sie nicht schnell fachmännische Hilfe bekam, würden sogar Narben bleiben. Sie sah aus wie eine Furie nach einem ungezügelten Kampf mit ihren Schwestern.

"Setz dich hin!" sagte Miles.

"Ich will die Katze umbringen!"

"Dann bleib stehen. Wasch dich wenigstens. Ich helfe dir mit Jod und Verbandszeug, und du hilfst mir. Aber vergiß die Katze, wir sind sie endlich los."

Betty erwiderte etwas Unverständliches, aber Miles hatte es offensichtlich besser verstanden.

"Du mich auch", sagte er. "Paß auf, Betty, wenn ich eine Pistole hätte – ich sage nicht, daß ich wirklich eine habe – und du würdest hinausgehen und damit herumknallen, käme binnen zehn Minuten die Polizei, würde herumschnüffeln und Fragen stellen, ob du die Katze triffst oder nicht. Willst du das, solange er hier ist?"

Er deutete auf mich.

— Ты! Помолчи. Он уже удрал. — Лицо и руки у Майлса были в ссадинах, и он безуспешно пытался унять кровь на исцарапанном лбу. Судя по одежде, он где-то оступился и упал. Пиджак на спине был порван.

— А вот черта с два! Пистолет в доме есть?

— А?

— Пристрелю эту поганую кошку. — У Беллы видок был еще почище, чем у Майлса. Открытого тела, до которого сумел добраться Пит, у нее было больше: ноги, руки и плечи. Было ясно, что ей не скоро придется носить открытые платья, к тому же если ею немедленно не займется специалист, то наверняка останутся шрамы. Она смахивала сейчас на гарпию после раунда вольной борьбы с сестрами.

Майлс сказал ей: — Сядь!

Она ответила ему кратко и в отрицательном смысле: — Я убью эту кошку!

— Тогда не садись. Ступай умойся. Я обработаю тебя йодом, а ты — меня. А про кота забудь: сбежал — и слава богу.

Она сказала что-то неразборчивое, но Майлс понял.

— От такой и слышу...

Подумай, Белла, если бы у меня был пистолет (я не сказал, что он есть) и ты начала бы из него палить, то независимо от того, попала бы ты в кота или нет, полиция была бы тут через десять минут, суж свой нос куда не надо и задавая лишние вопросы. Ты этого добиваешься, когда он здесь, у нас?

Он кивнул в мою сторону.

"Und wenn du heute ohne Waffe hinausgehst, wird dich die Bestie wahrscheinlich umbringen." Er machte ein finsternes Gesicht. "Solche Tiere gehören verboten. Dieses Vieh ist ja lebensgefährlich. Hör dir das an."

Wir konnten Pete um das Haus gehen hören. Er heulte nicht mehr, jetzt stieß er sein Kriegsgeschrei aus – er forderte sie heraus, ihre Waffen zu wählen und herauszukommen, einzeln oder zu mehreren.

Betty horchte und schauderte. Miles sagte: "Mach dir keine Sorgen."

Er kann nicht herein. Ich habe alle Türen abgeschlossen, auch jene, die du vergessen hastest."

"Ich habe sie zugemacht!"

"Wie du meinst." Miles prüfte die Fenster. Nach einiger Zeit verließ Betty das Zimmer, und er folgte ihr.

Während sie weg waren, hörte Pete plötzlich zu schreien auf. Ich weiß nicht, wie lange sie fortblieben; die Zeit bedeutete mir nichts.

Betty kam als erste zurück. Make-up und Frisur waren exquisit; sie trug ein langärmeliges, hochgeschlossenes Kleid und hatte die zerfetzten Strümpfe gewechselt. Abgesehen von kleinen Heftplastern im Gesicht waren keine Kampfspuren mehr zu sehen. Ohne die grimmige Miene hätte ich sie – unter anderen Gegebenheiten, versteht sich – reizend gefunden.

Sie kam direkt auf mich zu und befahl mir, aufzustehen, was ich auch tat. Sie durchsuchte mich schnell und geschickt, vergaß weder Uhrtäschchen, Hemdtaschen, noch die schräge Tasche in der linken Jackett-Innenseite, die bei den meisten Anzügen fehlt. Die Ausbeute war gering – die Brieftasche mit ein paar Banknoten, Ausweisen und Führerschein, Schlüssel, Kleingeld, Nasenspray gegen den Smog, verschiedene Kleinigkeiten und den Umschlag mit dem Scheck, den sie mir geschickt hatte. Sie drehte ihn um, las den Girievermerk und sah mich fragend an.

— И если ты выйдешь с пистолетом из дома, то эта тварь скорее всего прикончит тебя. — Он весь сморщился от боли. — Должен быть закон, запрещающий держать подобных зверей: он же опасен для окружающих. Ты только послушай!

Было слышно, как Пит ходит вокруг дома. Теперь это был не вой, а боевой клич: он предлагал им выбрать оружие и выйти – по одному или обоим сразу.

Белла прислушалась, и ее передернуло. Майлс сказал:

— Не беспокойся, внутрь ему не войти. Ту сетчатую дверь, что ты забыла закрыть, я запер.

— Я не забывала ее закрыть...

— Как знаешь... Майлс обошел комнату, проверяя, заперты ли окна. Вскоре Белла ушла, а вслед за нею и Майлс.

Через некоторое время Пит замолчал. Долго ли их не было, я не знаю: время для меня ничего не значило.

Белла вернулась первой. Лицо и прическа у нее были в полном порядке. Она надела платье с длинными рукавами и высоким воротом и новые чулки вместо порванных Питом. Кроме кусочков пластиря, следов битвы на ее лице видно не было, и если бы не унылое выражение на физиономии, то при других обстоятельствах я бы нашел ее даже привлекательной.

Она подошла прямо ко мне и велела встать. Я встал. Она быстро и умело обыскала меня, не забыв про кармашек для часов, карманы рубашки и даже косой внутренний карманчик на левом борту, которого нет у большинства пиджаков. Улов был невелик: немного денег в бумажнике, удостоверение личности, водительские права, ключи, мелочь, несколько скрепок, ингалятор от смога и конверт с чеком, который она сама мне и отправила. Она перевернула чек, прочла передаточную надпись, которую я сделал на обороте, и удивилась:

"Was soll das, Dan? Hast du dich versichern lassen?"

— Что это, Дэн? Покупаешь страховку?

"Nein." Ich hätte ihr alles erzählt, aber ich konnte nur jeweils die letzte Frage beantworten.

Sie runzelte die Stirn und legte den Umschlag zu den anderen Sachen. Dann sah sie Petes Tasche. Anscheinend erinnerte sie sich an das Seitenfach, denn sie kramte darin herum.

Sie fand die vierfache Ausfertigung der mehr als zwölf Formulare, die ich bei der Mutual unterschrieben hatte. Sie setzte sich und begann zu lesen. Ich blieb stehen wie eine Marionette.

Dann kam Miles herein. Er trug Bademantel und Hausschuhe und hatte für eine beträchtliche Menge an Gaze und Heftplaster Verwendung gefunden. Er sah aus wie ein drittklassiger Mittelgewichtler nach einer schweren Niederlage. Eine Bandage trug er wie eine Skalplocke; Pete mußte ihn erwischt haben, als er am Boden lag.

Betty hob den Kopf und wies stumm auf die Dokumente. Er setzte sich und fing an zu lesen. Er holte sie bald ein und las das letzte Dokument über ihre Schulter gebeugt.

"Jetzt sieht die Sache ganz anders aus", meinte sie.

"Milde ausgedrückt.
Diese Papiere gelten für den 4. Dezember – das ist morgen. Betty, wir müssen ihn so schnell wie möglich fortschaffen!" Er sah auf seine Uhr. "Morgen früh werden sie ihn suchen."

"Miles, wenn es brenzlig wird, verlierst du immer gleich die Nerven. Das ist doch ein ausgesprochen glücklicher Zufall."

— Нет. — Я бы рассказал ей все, но я мог отвечать только на последний из заданных вопросов.

Она задумчиво нахмурилась и сунула чек вместе со всем остальным мне в карман. Тут на глаза ей попалась сумка Пита, и она, видимо, вспомнила про боковой карман, который я использовал для хранения документов, потому что сразу же взяла ее и залезла в него рукой.

Она тут же обнаружила полторы дюжины документов, да еще в четырех экземплярах, которые я подписал для «Мьючел эшшуранс компани». Она уселась и стала их читать. Я стоял, где поставили: этакий портновский манекен, который забыли убрать в угол.

Тут явился Майлс в купальном халате, тапочках, бинтах и пластыре. Вид у него был, как у боксера среднего веса, проигравшего восемь раундов подряд. На лысине у него тоже красовалась повязка, наподобие ермолки — видно, Пит достал его, когда он упал.

Белла подняла голову, поманила его к себе и молча показала на лежавшую перед ней стопку документов. Он сел рядом и начал быстро читать. Он догнал ее и последнюю бумажку уже читал, глядя ей через плечо.

Она сказала: — Дело приобретает несколько иную окраску.

— Мягко сказано. Бумаги на четвертое декабря — это завтра. Белла, он же горячий, как утюг! Надо срочно от него избавляться. — Он взглянул на часы.
— Утром его станут искать.

— Майлс, ты начинаешь мелко дрожать при первых же признаках опасности. Это наш шанс. Может, такой шанс, на который мы надеялись не смели.

"Wieso?"

— С чего ты взяла?

"Die Geisterdroge hat einen Nachteil,
Angenommen, du spritzt sie jemandem ein und erklärst
ihm genau, was er tun soll. Schön, er tut es. Er führt
deine Befehle aus; es bleibt ihm nichts anderes übrig.
Verstehst du etwas von Hypnose?"

"Nicht viel."

"Kennst du außer der Juristerei überhaupt etwas,
Liebling? Du bist sehr einseitig. Ein posthypnotischer
Befehl – und darum handelt es sich praktisch – mag im
Widerspruch stehen zu dem, was der Betroffene wirklich
tun will, in den meisten Fällen ist es tatsächlich so.
Früher oder später kann ihn das zu einem Psychiater
treiben. Wenn der Psychiater etwas taugt, wird er
herausfinden, was los ist. Es besteht die Möglichkeit,
daß Dan zu einem Psychiater geht und von meinen
Befehlen loskommt. Dann könnte er uns ungeahnte
Schwierigkeiten machen."

"Verdammter, du hast doch gesagt, die Droge wirkt
todsicher."

"Mein Gott, Miles, man muß im Leben oft Risiken
eingehen. Nur dann macht es Spaß. Laß mich
nachdenken."

Nach einer Weile sagte sie: "Das Einfachste und
Sicherste ist, ihn seinen Schlaf tun zu lassen. Wir haben
ihn dann ebenso endgültig los, als wäre er tot – dabei
gehen wir kein Risiko ein. Statt ihm komplizierte
Anweisungen zu geben und darauf zu hoffen, daß er sie
auch beherzigt, brauchen wir ihm nur zu befehlen, daß er
sich dem Kaltschlaf unterziehen soll, ihn dann zu wecken
und fortzuschaffen – oder zumindest wegzu bringen und
dann zu wecken."

Sie wandte sich mir zu.

"Dan, wann wirst du mit dem Schlaf anfangen?"

"Überhaupt nicht."

"Was? Und die Dokumente hier?"

— У зомбина, как он ни хорош, есть один
недостаток. Предположим, ты накачал им кого-то и
загрузил его своими приказами. Окей, он будет это
делать. Он выполнит приказы – по-другому он не
может. Что ты знаешь о гипнозе?

— Не слишком много.

— А что ты вообще знаешь, кроме своей
юриспруденции?! Вот нет в тебе здорового
любопытства. Все сводится к тому, что
постгипнотическое внушение может войти – и даже
наверняка входит – в конфликт с тем, что человек на
самом деле хочет делать. Заканчивается тем, что он
попадает к психиатру. И если психиатр приличный,
то он сумеет разобраться, в чем дело. Возможно, Дэн
попадет как раз к такому, и тот сумеет
разблокировать те команды, что я ему дам. Тогда у
нас будет куча неприятностей.

— Черт, ты же говорила, что препарат
надежный!?

— Господи, любая вещь в жизни – риск. От
этого-то жизнь такая интересная. Погоди, дай
подумать.

Через минуту она сказала: — Самое простое и
надежное – отправить его спать. Пусть себе спит
Холодным Сном, как и собирался. Это даже лучше,
чем если бы он умер, и никакого риска. Вместо того
чтобы сперва давать ему кучу сложных приказов, а
потом молиться, чтобы его не разблокировали, мы
просто прикажем ему ехать и ложиться в Сон, потом
протрезвим и отвезем. Или сперва отвезем, а потом
протрезвим.

Она повернулась ко мне.

— Дэн, когда ты собираешься лечь в Сон?

— Никогда.

— Это как? А что же это все такое? – она
показала на бумаги, вынутые из моей сумки.

"Papiere für den Kaltschlaf. Verträge mit der Mutual-Versicherung."

"Er ist übergeschnappt", bemerkte Miles.

"Natürlich. Ich vergesse immer wieder, daß man unter dem Einfluß des Mittels nicht denken kann. Man hört, spricht und kann Fragen beantworten ... aber es müssen die richtigen Fragen sein."

Sie kam ganz nah heran und sah mir in die Augen.

"Dan, du sollst mir jetzt alles über die Sache mit dem Kaltschlaf erzählen. Fang ganz von vorne an. Du hast die Dokumente hier; anscheinend sind sie heute erst unterschrieben worden. Jetzt behauptest du, daß du nicht mehr magst. Erzähle mir alles, weil ich wissen will, warum du es tun wolltest und dich jetzt anders entschieden hast."

Ich erzählte also. Auf diese genaue Anweisung konnte ich antworten. Der Bericht nahm viel Zeit in Anspruch, weil ich alles bis in die kleinste Einzelheit schilderte.

"In der Raststätte hast du es dir also anders überlegt? Du hast beschlossen, hierherzukommen und uns Schwierigkeiten zu machen?"

"Ja." Ich wollte weitersprechen, wollte alles über die Fahrt hierher erzählen, wollte berichten, was ich zu Pete und er zu mir gesagt hatte, daß ich an einem Drugstore ausgestiegen war, um meine Aktien sicherzustellen, wie ich zu Miles' Haus gefahren war, daß Pete nicht im Wagen hatte warten wollen, wie ... Aber sie gab mir keine Gelegenheit dazu. Sie sagte: "Du hast es dir wieder anders überlegt, Dan. Du willst den Kaltschlaf. Du wirst dich dem Kaltschlafunterziehen. Du läßt dich durch nichts in der Welt davon abhalten. Verstehst du mich? Was wirst du tun?"

"Ich werde den Kaltschlaf machen. Ich möchte den ..." Ich begann zu schwanken. Seit über einer Stunde stand ich wie ein Fahnenmast auf derselben Stelle, ohne auch nur einen Muskel zu bewegen. Ich begann langsam nach vorn zu fallen.

— Это бумаги для Холодного Сна. Контракты с «Мьючел эшшуранс».

— Чокнутый какой-то, — не удержался Майлс.

— Хм... естественно. Я все забываю, что под этим делом они не могут думать как следует. Они могут слушать, говорить, отвечать на вопросы — но вопросы нужно правильно задавать. Думать они не могут.

Она подошла ко мне ближе и заглянула в глаза:

— Дэн, — сказала она, — я хочу, чтобы ты рассказал мне все об этой истории с Холодным Сном. Начни с самого начала и шпарь подряд, до конца. У тебя тут все бумаги для Холодного Сна. Очевидно, ты подписал их только вчера. Теперь ты говоришь, что ложиться в Сон не собираешься. Расскажи мне об этом. Я хочу знать, почему ты собирался это сделать, а теперь говоришь, что не хочешь.

Я выложил ей все. Когда спрашивали так, я мог отвечать. Отвечал я долго, потому что она приказала мне рассказывать подробно, и я так и сделал — рассказал со всеми деталями.

— Значит, там, в кафе, ты и передумал? И решил вместо этого явиться сюда и устроить нам неприятности?

— Да. — Я собирался продолжить и рассказать ей, как я ехал сюда, и что сказал Питу, и что он мне ответил, и как я остановился у аптеки и распорядился своими акциями «Золушки Инк.», и как я приехал к Майлсу, и как Пит не хотел оставаться в машине, и как... Но она перебила меня, и я не успел. Она сказала: — Ты опять передумал, Дэн. Ты хочешь получить свой Холодный Сон. Ты поедешь и получишь свой Сон. И ничто на свете не остановит тебя, так ты хочешь получить свой Сон. Ты понял? Что ты должен сделать?

— Я должен получить Холодный Сон. Я очень хочу по... Я зашатался. Я уже стоял, как столб, больше часа, не шевельнув ни единой мышцей: ведь никто мне этого не приказал. Я начал медленно падать на нее.

Sie sprang zurück und sagte scharf: "Setz dich!"

Она отскочила и резко сказала: — Сядь!

Ich setzte mich.

Я сел.

Betty wandte sich an Miles.

Белла повернулась к Майлсу.

"Das war's. Ich hämmere ihm das so lange ein, bis nichts mehr passieren kann."

— Вот так-то. Буду долбить до тех пор, пока не буду уверена, что он ничего не перепутает.

Miles sah auf die Uhr.

Майлс глянул на часы.

"Mittags soll er also beim Arzt sein."

— Он сказал, что доктор ждет его к двенадцати.

"Wir haben Zeit genug. Aber wir fahren ihn lieber selbst hin, damit wir ganz ... Nein, zum Teufel!"

— Времени навалом. Только лучше уж мы сами отвезем его, на всякий случай... Черт возьми!

"Was ist denn?"

— В чем дело?

"Die Zeit ist zu kurz. Ich habe ihm sehr viel eingespritzt, weil das Zeug schnell wirken mußte – bevor er mich angreifen konnte. Gegen Mittag wird er zwar für die meisten Laien normal erscheinen, aber einen Arzt können wir nicht beschwindeln." "Vielleicht wird er nur ganz oberflächlich untersucht."

Das Gutachten ist doch schon fertig." "Du hast gehört, was ihm der Arzt gesagt hat.

— Времени слишком мало. Я вкатила ему лошадиную дозу, чтобы сработало раньше, чем он мне врежет. К полудню он будет настолько трезв, что сумеет в этом убедить кого угодно. Кроме доктора.

Er wird ihn danach untersuchen, ob er Alkohol getrunken hat. Das bedeutet, daß er die Reflexe prüfen, seine Reaktionszeit testen, ihm in die Augen sehen wird und – oh, einfach alles, was er nicht tun durfte. Miles, es hat keinen Sinn."

— Может быть, медосмотр в этот раз будет поверхностным. Ведь его медицинский допуск уже подписан.

— Ты же слышал, что он сказал: доктор предупредил, что проверит, не пил ли он. Значит, будет проверять рефлексы, скорость реакции, заглядывать в глаза – в общем, делать все то, чего мы очень не хотели бы. Мы просто не можем позволить доктору делать это. Майлс, ничего не выйдет.

"Und wenn wir ihn einfach einen Tag später abliefern?"

— Может, отложить на денек? Позвоним им и скажем, что он немножко задерживается.

"Sei still und laß mich nachdenken."

— Заткнись и дай подумать.

Sie begann nach einer Weile meine Papiere durchzublättern. Dann verließ sie das Zimmer, kam mit einer Juwelierslupe zurück, die sie sich wie ein Monokel ins rechte Auge klemmte, und untersuchte sorgfältig alle Dokumente. Miles fragte sie, was das zu bedeuten habe, aber sie winkte ungeduldig ab.

Nach einer Weile nahm sie die Lupe aus dem Auge und sagte: "Gott sei Dank müssen alle die von der Regierung herausgegebenen Formulare benützen. Miles, bring mir das Branchen-Telefonbuch."

"Wozu?"

"Hol es, hol es. Ich brauche den genauen Firmennamen – oh, ich kenne ihn schon, aber ich möchte ganz sichergehen."

Murrend brachte Miles das Telefonbuch. Sie blätterte eine Weile darin, dann sagte sie: "Ja. ›Master Insurance Company of California‹ ... und auf jedem Formular ist Platz genug dafür. ›Motors‹ wäre zwar besser als ›Master‹, aber bei der ›Motors Insurance‹ habe ich keine Verbindungen, und außerdem weiß ich nicht einmal, ob man sich dort mit Kaltschlaf abgibt." Sie hob den Kopf.

"Miles, du mußt mich sofort zur Fabrik hinausfahren."

"Was?"

"Oder weißt du einen schnelleren Weg, zu einer elektrischen Schreibmaschine zu kommen? Nein, am besten fährst du alleine hinaus und bringst sie mir; ich muß telefonieren."

Er runzelte die Stirn.

"Ich begreife langsam, was du vorhast. Aber das ist Wahnsinn, Betty. Du weißt ja gar nicht, welches Risiko du eingehst."

Sie lachte.

Она опять полезла в бумаги, которые я принес с собой. Потом вышла из комнаты, но тотчас вернулась с ювелирной лупой, ввернула ее в глаз наподобие монокля и стала пристально рассматривать каждый лист. Майлс спросил ее, что она делает, но она отмахнулась от него.

Наконец она отложила лупу и сказала: — Слава богу, что все пользуются стандартными государственными бланками. Дай-ка мне «Желтые страницы».

— Зачем?

— Давай, давай. Хочу уточнить название фирмы. Да знаю я, как она называется, но надо наверняка.

Ворча, Майлс приволок справочник. Она полистала его и сказала: — Ну, вот. «Мастер иншуранс компани оф Калифорния»... и на каждом бланке есть свободное место. Вот если бы вместо «Мастер» было «Моторз», тогда дело было бы на мази, но у меня никаких связей в «Моторз иншуранс», и потом, я даже не знаю, занимаются ли они анабиозом. По-моему, у них только страхование транспортных средств. — Она подняла голову.

— Майлс, тебе придется отвезти меня сейчас на фабрику, срочно.

— Да?

— Если ты, конечно, не знаешь более быстрого способа раздобыть электрическую пишущую машинку с угольной лентой. Или нет, поезжай и привези ее сам. Мне надо позвонить кое-куда.

Он нахмурился.

— Я, кажется, начинаю понимать, что ты задумала. Но, Белла, это же безумие. Это жутко опасно.

Она засмеялась.

"Das meinst du. Ich sagte dir doch, daß ich gute Beziehungen habe, bevor wir uns zusammentaten.
Hättest du das Geschäft mit Mannix alleine geschafft?"

"Na ... ich weiß nicht."

"Aber ich. Und vielleicht weißt du auch nicht, daß die ›Master-Versicherung‹ dem Mannix-Konzern gehört?"

"Nein, das wußte ich nicht. Ich verstehe aber den Zusammenhang nicht ganz."

"Meine Beziehungen wirken immer noch, das meinte ich damit. Paß auf, Liebling, die Firma, bei der ich früher gearbeitet habe, half dem Mannix-Konzern bei den Steueranmeldungen ... bis mein Chef das Land verließ. Warum, glaubst du, haben wir so viel herausgeschlagen, obwohl wir Danny nicht anbieten konnten? Jetzt beeil dich und hole mir die Schreibmaschine, dann darfst du einer Künstlerin bei der Arbeit zusehen. Nimm dich vor der Katze in acht!"

Miles knurrte etwas, verließ das Zimmer, kam aber sofort zurück.

"Betty? Hat Dan nicht unmittelbar vor dem Haus geparkt?"

"Warum?"

"Sein Wagen ist nicht mehr da."

Er wirkte bedrückt.

"Vielleicht hat er ihn in der Seitenstraße abgestellt. Das ist doch unwichtig.
Besorg die Schreibmaschine und beeile dich!"

Er ging wieder. Ich hätte ihnen sagen können, wo ich geparkt hatte, aber da mich niemand fragte, dachte ich nicht darüber nach. Ich dachte überhaupt nicht.

— Это ты так думаешь.

Я же говорила тебе, что у меня были неплохие связи до того, как мы с тобой стакнулись. Мог бы ты в одиночку провернуть то дельце с «Манникс»?

— Ну... Не знаю.

— А я знаю. И ты, наверное, не знал, что «Мастер иншуранс» тоже входит в «Манникс»?

— Ну, не знал. А какая разница?

— Разница в том, что тогда мои связи работают. Смотри, фирма, в которой я работала, помогала «Манникс энтерпрайзиз» составлять налоговые декларации так, чтобы платить поменьше налогов... пока мой шеф не слинял за границу. Как ты думаешь, получили бы мы с тобой такие выгодные условия, не гарантируя, что наш Дэнни тоже входит в сделку? А-а... Я все знаю про «Манникс». Так что гони и вези мне машинку, а я разрешу тебе посмотреть, как работают настоящие артисты. Осторожно, там где-то кот.

Майлс поворчал, но стал собираться. Вышел. Потом вернулся.

— Белла! Разве Дэн не оставил машину возле нашего дома?

— А что?

— Ее там нет.

Вид у него был встревоженный.

— Ну, наверное, поставил ее за угол. Это неважно. Давай вези машинку. Шевелись!

Он опять вышел.

Я мог им сказать, где я оставил машину, но, поскольку никто меня об этом не спрашивал, я не стал об этом думать. Я вообще ни о чем не думал.

Betty ging in ein anderes Zimmer und ließ mich allein. Als es langsam Tag wurde, kam Miles zurück, erschöpft unsere Schreibmaschine schleppend. Dann wurde ich wieder allein gelassen.

Einmal kam Betty herein und sagte: "Dan, du hast hier ein Papier, mit dem du die Versicherung bittest, sich um deine Aktien zu kümmern. Das willst du nicht; du möchtest sie mir schenken."

Ich erwiderte nichts. Sie machte ein verärgertes Gesicht und sagte: "Drücken wir es anders aus."

Du willst sie mir schenken. Du weißt, daß du sie mir geben willst. Das weißt du doch, nicht wahr?"

"Ja. Ich will sie dir geben."

"Gut. Du willst sie mir geben. Du mußt sie mir geben. Du kannst nicht glücklich sein, bis du sie mir gegeben hast. Wo sind sie? In deinem Wagen?"

"Nein."

"Wo denn?"

"Ich habe sie mit der Post verschickt."

"Was?" schrie sie. "Wann? An wen? Warum?"

Wenn sie die zweite Frage als letzte gestellt hätte, wäre ich in der Lage gewesen, sie zu beantworten. Aber ich reagierte auf die letzte Frage, zu etwas anderem war ich nicht fähig.

"Ich habe sie überschrieben."

Miles kam herein. "Wohin hat er sie getan?"

Белла тоже вышла куда-то, оставив меня одного. Майлс вернулся еще затемно, совершенно вымотанный, волоча тяжелую машинку. После этого меня опять оставили без присмотра.

Войдя в комнату, Белла сказала: — Дэн, в одной из твоих бумаг сказано, что ты просишь страховую компанию позаботиться о твоих акциях «Золушки». Ты больше не хочешь этого. Теперь ты хочешь отдать их мне.

Я не ответил. Тогда она сказала с раздражением:

— Давай сформулируем так: ты хочешь отдать их мне. Ты знаешь, что хочешь отдать их мне. Ты ведь знаешь это?

— Да. Я хочу отдать их тебе.

— Отлично. Ты хочешь отдать их мне. Ты должен отдать их мне. Ты себе просто места не найдешь, пока не отдашь их мне. Ну, где они? В машине?

— Нет.

— Тогда где же?!

— Я их отправил по почте.

— Что? — Она взвигнула. — Когда ты их отправил? Кому ты их отправил? Почему ты их отправил?

Если бы второй вопрос оказался последним, мне бы пришлось на него ответить. Но я ответил на последний вопрос — это было все, что я мог.

— Я их передал другому владельцу.

— Куда он их дел? — спросил, входя, Майлс.

"Er sagt, mit der Post verschickt ... weil er sie überschrieben habe! Du mußt seinen Wagen durchsuchen – vielleicht glaubt er nur, den Brief aufgegeben zu haben. Bei der Besprechung in der Versicherung hatte er die Urkunde jedenfalls noch bei sich."

"Überschrieben!" wiederholte Miles. "Lieber Gott! Wem denn?"

"Ich frage ihn. Dan, wem hast du deine Aktien überschrieben?"

"Der ›Bank of Amerikas.‹"

Sie fragte nicht nach dem Grund, sonst hätte ich ihr alles über Ricky erzählt. Aber sie ließ die Schultern hängen und seufzte.

"Nichts mehr zu machen, Miles. Die Aktien können wir abschreiben. Aus der Bank holen wir sie nie heraus." Sie richtete sich plötzlich auf. "Aber vielleicht hat er sie noch gar nicht abgeschickt. Wenn nicht, dann lösche ich die Übertragung von der Rückseite, daß man meinen könnte, die Urkunde sei in der Wäscherei gewesen. Dann wird er sie wieder überschreiben ... aber mir."

"Uns", verbesserte Miles.

"Das ist Nebensache. Such den Wagen."

Miles kam nach geraumer Zeit zurück und berichtete.

"Er ist in der ganzen Umgebung nicht zu finden. Ich bin durch alle Straßen gefahren. Er muß mit der Taxe gekommen sein."

"Du hast ihn doch selbst sagen hören, daß er seinen eigenen Wagen benützt hat."

"Draußen steht er jedenfalls nicht. Frag ihn, wann und wo er den Brief aufgegeben hat."

— Говорит, что отправил их по почте... потому что передал их другому владельцу! Лучше найди-ка его машину да обыщи хорошенко: может, он только вообразил, что отправил их. Когда он ходил в страховую компанию, они определенно были у него при себе.

— Передал их! — повторил Майлс — Боже милостивый... Кому?

— Сейчас спросим. Дэн, кому ты передал свой сертификат?

— «Бэнк оф Америка».

Она не спросила почему, а то я сказал бы ей и про Рики. Она просто вздохнула и поникла. Плечи у нее опустились.

— Недолго музыка играла... Про акции, Майлс, можно забыть. Чтобы выудить их из банка, надо слишком много напильников. — Она внезапно выпрямилась. — Если, конечно, он действительно отправил их по почте. Если нет, то я смогу подчистить надпись на обороте будет прямо как из прачечной. А потом он опять передаст их... мне.

— Нам, — поправил Майлс.

— Ну, это детали. Иди ищи его машину.

Майлс вернулся довольно скоро и объявил:

— Ее нет нигде в радиусе шести кварталов вокруг. Я объехал все улицы и бульвары. Должно быть, он приехал на такси.

— Ты же слышал: он сказал, что приехал на своей машине.

— Ну, а теперь ее нет. Спроси его, когда и где он опустил свои акции в почтовый ящик.

Betty tat es und ich sagte: "Kurz bevor ich hierher kam."

Ich warf den Brief Ecke Sepulveda- und Ventura-Boulevard in den Briefkasten."

"Glaubst du, daß er lügt?" fragte Miles.

"Er kann nicht lügen, nicht in seinem Zustand. Außerdem hat er so klar geantwortet, daß ein Irrtum ausgeschlossen ist. Vergessen wir's, Miles. Vielleicht stellt sich nach seiner Einlieferung heraus, daß die Überschreibung rechtsungültig ist, weil er sie bereits an uns verkauft hat ... wenigstens laß ich mir seine Unterschrift auf ein paar Blatt Papier geben. Versuchen können wir es jedenfalls."

Sie versuchte meine Unterschrift zu bekommen, und ich bemühte mich. Aber in meinem Zustand konnte ich für ihre Bedürfnisse nicht gut genug schreiben. Sie riß mir schließlich das Blatt aus der Hand und sagte bösartig: "Du ekelst mich an! Deinen Namen kann ich ja besser schreiben." Dann beugte sie sich vor und zischte: "Hätte ich nur deine Katze umgebracht!"

Sie ließen mich ein paar Stunden in Ruhe. Dann kam Betty herein und sagte: "Danny, du bekommst jetzt eine Spritze, dann wirst du dich viel besser fühlen. Du kannst aufstehen, herumgehen und dich benehmen wie sonst auch. Du bist auf keinen Menschen wütend, schon gar nicht auf Miles und mich. Wir sind deine besten Freunde. Das sind wir, nicht wahr? Wer sind deine besten Freunde?"

"Du. Du und Miles."

"Aber ich bin noch mehr. Ich bin deine Schwester. Sag es."

"Du bist meine Schwester."

"Gut. Jetzt machen wir eine schöne Autofahrt, und dann mußt du lange schlafen. Du bist krank geworden, und wenn du aufwachst, bist du gesund. Verstehst du mich?"

Белла спросила, и я ответил:

— Прямо перед тем, как приехать к вам, я кинул конверт в ящик на углу Сепульведа и Вентура-бульвар.

— Как ты думаешь, врет?

— Он не может врать — он не в той форме. И он слишком уверенно говорит, чтобы перепутать. Забудь об этом, Майлс. Может, после того как его затолкают спать, окажется, что его передаточная надпись недействительна, потому что он уже успел продать эти акции нам... По крайней мере пусть распишется на чистом листе, я потом попробую.

Она попыталась получить мою подпись, а я попытался подчиниться.

Но я был в таком состоянии, что проку от меня было мало, и подпись моя ее не устроила. В конце концов, она выдернула лист бумаги из моих рук и сказала с раздражением: — Тыфу, смотреть тошно! Я и то подпишусь твоим именем лучше тебя... Потом она наклонилась надо мной и сказала с нажимом: — Жаль, что я не прикончила твоего кота.

Несколько часов они меня не трогали. Потом пришла Белла и сказала: — Дэнни, малыш, я сейчас сделаю тебе укольчик, и тебе станет гораздо лучше. Ты сможешь встать, и ходить, и вести себя совсем как обычно. Ты ни на кого не будешь сердиться, особенно на нас с Майлсом. Мы же твои лучшие друзья. Правда же? Ну-ка, кто твои лучшие друзья?

— Вы. Ты и Майлс.

— Но я — даже больше чем друг. Я твоя сестра. Повтори.

— Ты моя сестра.

— Хорошо. Теперь мы поедем кататься, а потом ты ляжешь в Долгий Сон. Ты болел, но, когда проснулся, тебе стало лучше. Ты понял?

"Ja."

— Да.

"Wer bin ich?"

— Кто я?

"Du bist mein bester Freund. Du bist meine Schwester."

— Ты мой лучший друг. Ты моя сестра.

"Braver Junge. Roll den Ärmel hoch."

— Молодец. Закатай рукав.

Ich spürte die Kanüle nicht, aber beim Herausziehen tat es weh. Ich setzte mich auf, schüttelte mich und sagte: "Das hat weh getan. Was war das?"

Я не почувствовал, как вошла в кожу игла, но, когда Белла выдернула ее, руку защипало. Я сел, потянулся и сказал: — Ух, как щиплет, сестренка. Что это?

"Ein Mittel, damit du dich besser fühlst. Du bist krank gewesen."

— Это чтобы тебе стало лучше. Ты болел.

"Ja, ich bin krank. Wo ist Miles?"

— Ага, болел. А где Майлс?

"Er wird gleich hier sein. Jetzt deinen anderen Arm. Schieb den Ärmel hinauf."

— Сейчас придет. Давай другую руку. Подними рукав.

Ich sagte: "Wozu?" aber ich schob ihn hinauf und ließ mir noch eine Spritze geben. Ich zuckte zusammen. Sie lächelte.

Я спросил: «Зачем?» — но рукав поднял, и она опять сделала укол. Я даже подпрыгнул. Она улыбнулась.

"Das hat doch gar nicht weh getan, oder?"

— И вовсе не больно, правда?

"Was? Nein, es hat nicht weh getan. Wozu dient das?"

— А? Нет, не больно. А зачем это?

"Damit du auf der Fahrt schläfrig bist. Wenn wir dort sind, wachst du auf."

— Ты немного поспишь по дороге. А когда приедем, проснешься.

"Schläfrig – schön. Ich möchte schlafen. Ich möchte lange schlafen." Dann schaute ich mich um. "Wo ist Pete? Pete sollte doch mit mir schlafen."

— Окей. Я хочу спать. Я хочу Долгий Сон. — Тут я удивленно огляделся по сторонам.
— А где Пит? Пит тоже должен был спать со мной.

"Pete?" sagte Betty. "Ja, erinnerst du dich denn nicht, mein Lieber? Du hast Pete zu Ricky geschickt. Sie wird sich um ihn kümmern."

— Пит? — спросила Белла. — Как, разве ты не помнишь, дорогой? Ты же отправил Пита жить к Рики. Она будет о нем заботиться.

"Ach ja!"

— Ну да! — я радостно улыбнулся.

Ich lachte befreit. Ich hatte Pete zu Ricky geschickt; jetzt fiel es mir wieder ein, wie ich ihn bei der Post aufgegeben hatte. Das war gut. Ricky liebte Pete; sie würde für ihn sorgen, während ich schlief.

Sie fuhren mich zum Consolidad-Sanktum in Sawtelle, das viele kleinere Versicherungsgesellschaften benützten, weil sie nicht über eigene Anlagen verfügten. Ich schlief den ganzen Weg, wurde aber sofort wach, als mich Betty ansprach. Miles blieb im Wagen, und sie führte mich hinein.

Das Mädchen im Empfang sah auf und fragte: "Davis?"

"Ja", bestätigte Betty. "Ich bin seine Schwester. Ist der Vertreter von ›Master-Insurance‹ da?"

"Sie finden ihn unten im Behandlungsraum neun man wartet bereits. Sie können die Papiere dort dem Herrn von ›Masters‹ geben." Sie sah mich interessiert an. "Ist er schon untersucht?"

"O ja!" versicherte Betty. "Mein Bruder kommt wegen eines schweren Leidens. Er steht unter Morphin ... wegen der Schmerzen."

Die Empfangsdame schnalzte mitfühlend mit der Zunge.

"Na, dann beeilen Sie sich. Durch diese Tür und dann links."

In Zimmer neun befanden sich ein Mann im Straßenanzug, ein anderer in weißem Mantel und eine Krankenschwester. Sie halfen mir beim Ausziehen und behandelten mich wie ein schwachsinniges Kind, während Betty wieder erklärte, daß ich der Schmerzen wegen ein Betäubungsmittel bekommen hätte. Als ich ausgezogen auf dem Tisch lag, drückte mir der Mann im weißen Mantel die Finger tief in den Bauch.

"Mit dem gibt es wenigstens keinen Ärger", verkündete er. "Er ist leer."

Я отправил Пита к Рики. Я помню, как я отправил его по почте. Это хорошо. Рики любит Пита, она будет заботиться о нем, пока я сплю.

Они отвезли меня в Объединенное хранилище в Соутел, которым пользовались многие мелкие страховые компании, не имевшие своих хранилищ. Я проспал всю дорогу, но тотчас проснулся, стоило Белле окликнуть меня. Майлс остался сидеть в машине, а она повела меня внутрь.

Девушка за столиком подняла голову и спросила: — Вы — Дэвис?

— Да, — подтвердила Белла. — Я — его сестра. Представитель «Мастер иншуранс» здесь?

— Он в процедурной номер девять — они готовы и ждут вас. Бумаги можете отдать их сотруднику. — Она с интересом взглянула на меня. — А медосмотр он прошел?

— Ну конечно! — поспешила уверить ее Белла. — У моего брата, знаете, такой случай — он ждет средства лечения... Он на препаратах опиума — от боли.

Девушка сочувственно поцокала языком:

— Ну, тогда поторапливайтесь. Вон в ту дверь и налево.

В комнате номер девять нас ждали двое мужчин — один в костюме, другой в белом халате — и медсестра. Они помогли мне раздеться и обращались со мной, как с мальчиком-идиотом, а Белла рассказывала им, что я получаю болеутоляющие препараты. Раздев меня и уложив на кушетку, человек в халате помял мне живот, глубоко вдавливая пальцы.

— С этим проблем не будет, — объявил он. — Живот пустой.

"Seit gestern abend hat er nichts mehr zu trinken und zu essen bekommen", bestätigte Betty.

"Sehr schön. Manchmal treten die Leute vollgestopft wie Weihnachtsgänse hier an. Unvernünftiger geht es wirklich nicht."

"Richtig. Sehr richtig."

"Ja. Na schön, mein Sohn, jetzt mach mal eine Faust, damit ich dir die Spritze geben kann."

Ich tat es, und wallender Nebel schien sich um mich auszubreiten. Plötzlich fiel mir etwas ein. Ich versuchte mich aufzusetzen.

"Wo ist Pete? Ich will Pete sehen."

Betty küßte mich auf die Stirn.

"Nur ruhig, sei schön brav! Pete konnte doch nicht mitkommen, hast du das vergessen? Pete mußte bei Ricky bleiben."

Ich beruhigte mich, und sie sagte leise zu den anderen: "Unser Bruder Pete hat ein krankes kleines Mädchen zu Hause."

Ich schlief ein. Bald wurde es mir sehr kalt. Aber ich konnte mich nicht bewegen, um die Decke hochzuziehen.

— Он ничего не ел и не пил со вчерашнего вечера, — подтвердила Белла.

— Отлично. Иногда к нам приходят набитые, как рождественский индюк. У некоторых ума совсем нет.

— Это верно. Так оно и есть.

— Угу. Окей, сынок, сожми-ка кулак покрепче, пока я ввожу иглу.

Я сжал кулак, и все вокруг поплыло и затуманилось. Вдруг я вспомнил что-то и попытался сесть.

— А где Пит? Я хочу видеть Пита!

Белла положила мне руку на лоб и поцеловала.

— Ну-ну, братишка! Ты же помнишь: Пит не может прийти. Питу пришлось остаться с Рики.

Я успокоился, а она сказала: — У нашего брата Питера дома — больная дочка.

Я стал погружаться в сон. Потом мне стало очень холодно. Но я никак не мог пошевелиться, чтобы натянуть на себя одеяло.

Глава 5

•

Ich beschwerte mich beim Barmixer über die Klimaanlage – sie war zu weit aufgedreht, und wir mußten uns alle erkälten.

"Macht nichts", versicherte er mir. "Das fühlen Sie im Schlaf nicht. Schlaf ... Schlaf ... Abendsuppe, wunderbarer Schlaf." Er hatte Bettys Gesicht.

"Wie war's mit einem warmen Getränk?" wollte ich wissen. "Ein Tom und Jerry? Oder heißer Rum?"

"Sie sind ein Gauner!" erwiderte der Arzt.
"Schlafen ist viel zu gut für ihn, werft den Kerl hinaus!"

Ich versuchte, mich mit den Beinen an der Messingstange festzuklammern, aber an dieser Bartheke gab es keine Messingstange, was mir komisch vorkam, und ich fiel flach auf den Rücken, was noch seltsamer war, falls man nicht einen Bettendienst für Leute ohne Füße eingerichtet hatte. Ich hatte keine Füße, wie sollte ich sie also unter einer Messingstange einhaken? Hände auch nicht. "Schau, Mammi, keine Hände!" Pete saß auf meinem Brustkorb und heulte.

Я пожаловался бармену на кондиционер — он был включен слишком сильно, и мы все могли простудиться.

— Ничего страшного, — ответил тот, — во сне вы этого не почувствуете. Сон... сон... вечерняя услада... прекрасный сон... — У него было лицо Беллы.

— А можно выпить чего-нибудь горяченького? — спрашивал я. — «Тома и Джерри»? Или горячей молочной болтушки с маслом и медом?

— Сам ты болтушка! Ты болтун! — отвечал мне бармен. — Ишь разоспался! Гоните-ка прочь этого болтуна!

Я попытался зацепиться ногами за медный поручень, чтобы они меня не выкинули. Но в этом баре, оказывается, не было медного поручня — смешно, правда? — и я уже лежу на спине (это было еще смешнее): наверное, они так обслуживают безногих. У меня не было ног, как же я мог ухватиться ими за медный поручень? И рук тоже. Мам, глянь, а у меня рук нет! Пит сидел у меня на груди и выл.

Ich war wieder in der Grundausbildung ... in sehr fortgeschrittener Grundausbildung, denn ich befand mich im Camp Haie bei einer dieser albernen Übungen, wo sie einem Schnee ins Hemd werfen, damit man ein Mann wird. Ich mußte den allergrößten Berg in ganz Colorado besteigen; er war aus Eis, dabei hatte ich keine Füße.

Trotzdem trug ich den größten Rucksack, den es je gegeben hat. Ich erinnerte mich, daß man feststellen wollte, ob sich Soldaten anstelle von Mulis verwenden ließen, und man hatte mich genommen, weil ich entbehrliech war. Wenn die kleine Ricky nicht angeschoben hätte, wäre ich überhaupt nicht hinaufgekommen.

Der Hauptfeldwebel drehte sich um, und er hatte ein Gesicht wie Betty. Er glühte vor Zorn.

"Los, du! Ich kann mir nicht leisten, auf dich zu warten. Mir ist es egal, ob du es schaffst oder nicht ... aber du kannst nicht schlafen, bevor du oben bist."

Я опять попал в армию, в учебный взвод... Должно быть, учеба шла к концу — я был в Кемп-Хейл и выполнял одно дурацкое упражнение, во время которого солдату за шиворотсыплют снег, чтобы сделать из него настоящего мужчину. Я должен был влезть на самую высокую гору во всем чертовом Колорадо, кругом лед, а у меня нет ног. А я еще вдобавок тащил самый большой рюкзак на свете: я вспомнил, что это они решили проверить, годятся ли солдаты вместо выночных мулов, и выбрали меня — все равно пропадать, так что не жалко. И я бы не справился, если бы не Рики: она лезла сзади и толкала меня в спину.

Старший сержант впереди обернулся, и у него было лицо точь-в-точь как у Беллы, только пунцовое от ярости.

— Эй, ты, а ну пошел! Мне тебя ждать некогда. Дойдешь ты или нет, мне наплевать... но, пока не дойдешь, спать не дам!

Meine fehlenden Füße trugen mich nicht mehr weiter, und ich fiel in den Schnee, und er war eisig warm, und ich schlief ein, während die kleine Ricky jammerte und mich anflehte, es nicht zu tun. Aber ich mußte schlafen. Ich wachte im Bett bei Betty auf. Sie schüttelte mich und sagte: "Wach auf, Dan! Ich kann nicht dreißig Jahre auf dich warten; eine Frau muß an ihre Zukunft denken."

Ich versuchte aufzustehen und ihr die Goldsäcke zu geben, die unter dem Bett lagen, aber sie waren verschwunden ... und außerdem hatte ein Dienstmädchen mit ihrem Gesicht das ganze Gold hervorgeholt, in die Mulde auf seiner Oberseite gelegt und war aus dem Zimmer gerannt. Ich versuchte, ihm nachzulaufen, aber ich hatte keine Füße, überhaupt keinen Körper, stellte ich fest. "Ich habe nichts, und niemand kümmert sich um mich ..." Die Welt bestand aus Hauptfeldwebeln und Arbeit ... welchen Unterschied machte es also, wo oder wie man arbeitete? Ich ließ mir das Geschirr wieder anlegen und kletterte von neuem den Eisberg hinauf. Er war ganz weiß und wunderbar, und wenn ich nur bis zur rosigen Spitze steigen konnte, würden sie mich schlafen lassen; etwas anderes wollte ich nicht. Aber ich schaffte es nie ... keine Hände, keine Füße, nichts. Auf dem Berg wütete ein Waldbrand. Der Schnee schmolz nicht, aber ich spürte die Hitze in Wellen gegen mich heranbranden, während ich mich hinaufmöhnte.

Der Hauptfeldwebel beugte sich über mich und sagte: "Wachen Sie auf ... wachen Sie auf ... wachen Sie auf." Kaum hatte er mich geweckt, verlangte er schon wieder, daß ich schlafen sollte. Ich weiß nicht mehr genau, was dann alles passierte. Einige Zeit lag ich auf einem vibrierenden Tisch, Lampen leuchteten, Schläuche fielen durch den Raum, viele Menschen hatten sich versammelt.

Aber als ich ganz wach war, lag ich in einem Krankenhausbett und fühlte mich recht wohl, abgesehen von dem schlaffen, halb schwebenden Gefühl, das man nach einem Schwitzbad hat. Ich besaß wieder Hände und Füße. Aber niemand wollte mit mir sprechen, und jedesmal, wenn ich eine Frage zu stellen versuchte, steckte mir eine Krankenschwester irgend etwas in den Mund. Ich wurde sehr viel massiert.

Dann fühlte ich mich eines Morgens großartig und stieg sofort nach dem Aufwachen aus dem Bett. Ich stand etwas unsicher auf den Beinen, aber das war alles. Ich wußte, wer ich war, ich wußte, wie ich hierher gekommen war, und ich wußte, daß alles andere Träume gewesen waren.

Пропавшие куда-то ноги не желали тащить меня вперед, дальше, и я упал в снег. Ледяное тепло окружало меня, и я начал засыпать, хотя малышка Рики плакала и просила меня: «Не спи!». А я никак не мог... Я проснулся в постели, рядом с Беллой. Она тряслася меня за плечо, приговаривая: «Дэн, проснись! Не могу же я ждать тебя тридцать лет. Девушка должна подумать о своем будущем!». Я хотел протянуть руку, достать из-под кровати и отдать ей припрятанные там мешочки с золотом, но она уже исчезла... да к тому же какая-то «Золушка» с лицом Беллы уже подобрала с пола все золото, сложила его на лоток на верхней крышке и укатила вон из комнаты.

Я хотел ее догнать, но оказалось, что у меня нет ни ног, ни тела. Послышалась песенка: «Если тела не иметь, можно песни громко петь...»

Весь мир состоял из одних старших сержантов и работы... Так не все ли равно, где работать и как? Я опять взвалил на себя рюкзак и полез вверх по ледяному склону.

Склон был весь белый, совершенно гладкий, и если только я доберусь до розовой вершины, то меня оставят в покое и дадут поспать... Но до вершины я так и не смог доползти: ни ног, ни рук, ничего... На горе бушевал лесной пожар. Снег не таял, но я чувствовал, карабкаясь в гору, как до меня долетают волны горячего воздуха. Надо мной наклонился старший сержант, повторяя: проснись... проснись... проснись... Но едва он разбудил меня, как сразу же приказал заснуть снова. Что было потом, помню смутно. Некоторое время я лежал на вибрирующем подо мною столе; кругом был яркий свет, змееподобные — все в шлангах и трубках — аппараты и полно народу. Когда же я проснулся окончательно, то оказалось, что я лежу на больничной койке и чувствую себя совершенно нормально. Вот только в теле была какая-то легкость, как после турецкой бани. У меня снова были руки и ноги. Но никто не желал со мной разговаривать, а когда я пытался о чем-нибудь спросить медсестру, она тотчас же совала мне в рот очередную таблетку. Очень часто мне делали массаж.

А потом однажды утром я проснулся в отличном состоянии и сразу же встал. У меня слегка закружилась голова, но и только. Я знал, кто я такой, как я попал сюда и что все, что я видел раньше, — только сновидения.

Ich wußte, wer mich hierher gebracht hatte. Falls mir Betty während meiner Betäubung Befehle gegeben hatte, ihre Tricks zu vergessen, schienen die Anweisungen entweder nicht gewirkt zu haben, oder dreißig Jahre Kaltschlaf beseitigten den hypnotischen Effekt. Manche Einzelheiten blieben ein wenig verschleiert, aber ich wußte, wie sie mich hereingelegt hatten.

Ich war nicht besonders wütend deswegen. Gewiß, es war erst gestern passiert, weil gestern genau einen Schlaf lang hinter einem liegt – aber der Schlaf hatte dreißig Jahre gedauert. Dieses Gefühl läßt sich nicht präzise definieren, weil es rein subjektiv ist, aber meine Erinnerung hatte alle Ereignisse des Gestern deutlich bewahrt, während meine Stellung zu diesen Geschehnissen wie zu längst Vergangenem war. Sie haben sicher im Fernsehen Überblendungen gesehen, wenn z.B. das Gesicht eines Menschen in Großaufnahme übertragen wird? So ähnlich war das ... meine bewußte Erinnerung in Nahaufnahme, meine gefühlsmäßige Reaktion auf etwas weit Entferntes, weit Zurückliegendes.

Ich hatte wirklich vor, Miles und Betty aufzusuchen und sie zu ‚Katzenfutter‘ zu verarbeiten, aber das eilte nicht. Nächstes Jahr war früh genug. Im Augenblick drängte es mich, einen Blick auf das Jahr 2000 zu werfen.

Apropos Katzenfutter ... wo war Pete? Er mußte doch irgendwo in der Nähe sein.

Oder der Arme hatte den Langen Schlaf nicht überlebt.

Я вспомнил, кто упрятал меня сюда. Если Белла и приказала мне забыть ее заклинания, когда я был под воздействием зомбина, то либо она что-то не так наколдовала, либо за тридцать лет Холодного Сна внушение ее изрядно повыветрилось. Некоторые детали еще не обрели четкость, но я уже представлял в общих чертах, как им удалось заманить меня в ловушку.

Особой злости я не испытывал. Конечно, случилось это все вроде как вчера: ведь вчера – это день, который на один сон раньше, чем сегодня. Вот только сон оказался длиною в тридцать лет. Это ощущение трудно описать: оно очень субъективно. Но хотя я четко помнил «вчерашние» события, эмоционально они казались очень далекими. Вам наверняка приходилось видеть наложение двух изображений в спортивных телерепортажах: футболист уже бежит к воротам противника, а мы еще видим его застывшее изображение в тот момент, когда он вбрасывал мяч из-за боковой почти минуту назад: вот он весь вытянулся струной, подался вперед, вслед за мячом... Со мною было что-то наподобие этого: в сознании все близко и крупным планом, а эмоциональная реакция – как на события очень давние и далекие.

Я всерьез собирался отыскать Майлса и Беллу и сделать из них кошачьи консервы, но не торопился. На будущий год тоже не поздно. Сейчас я больше хотел взглянуть, каков он – год двухтысячный.

Кстати, о кошачьих консервах – а где Пит? Он же должен быть где-то поблизости, если только не умер, бедняга, во время Холодного Сна.

Тут – и только тут! – я вспомнил, что мои тщательно разработанные планы прихватить Пита с собой были безжалостно нарушены.

Dann – und erst in diesem Augenblick – fiel mir ein, daß mein Plan, Pete mitzunehmen, vereitelt worden war. Ich nahm Betty und Miles aus dem Fach »demnächst« und legte sie in das Fach »dringend, eilt sehr!« Meine Katze umbringen wollen, wie? Sie hatten Schlimmeres getan als Pete umzubringen; sie hatten ihn ausgesetzt ... er mußte seine Tage in engen Gassen auf der Suche nach Abfällen verbringen, während er abmagerte und sein freundliches Gemüt zu Argwohn allen zweibeinigen Wesen gegenüber verzerrt wurde. Sie hatten ihn in dem Glauben sterben lassen – denn jetzt war er längst tot –, daß ich ihn im Stich gelassen hatte.

Dafür würden sie mir bezahlen ... wenn sie noch lebten. Mit allen Fasern meines Herzens hoffte ich, sie noch am Leben zu finden!

Ich entdeckte, daß ich vor meinem Bett stand, nur im Schlafanzug, das Gestell umklammernd, um mich aufrecht zu halten.

Ich sah mich im Zimmer um, weil ich eine Schwester rufen wollte.

Krankenhauszimmer hatten sich nicht sehr verändert. Es gab kein Fenster, und ich wußte nicht, woher das Licht kam, das Bett war hoch und schmal, wie Krankenhausbetten in meiner Erinnerung immer ausgesehen hatten, aber es war zu erkennen, daß man es nicht nur als Schlafplatz konstruiert hatte. Unter anderem schien es an der Unterseite eine Röhrenanlage zu besitzen, die ich für eine mechanische Bettpfanne hielt, und der Nachttisch war Teil des Bettrahmens. Obwohl ich mich normalerweise für solche Konstruktionen sehr interessiert hätte, wollte ich jetzt nur die birnenförmige Klingel finden, mit der man die Schwester herbeirufen kann – ich mußte meine Sachen verlangen.

Я мысленно снял Майлса и Беллу с полки с надписью «отложенные дела» и переложил на полку «срочное». Они же пытались убить моего кота! Нет. То, что они сделали, – это хуже, чем убить. Они выгнали его на улицу, чтобы он одичал и, отошав, слонялся по задворкам в поисках обедков, утрачивая остатки веры в этих двуногих... Они бросили его умирать (а он наверняка уже умер) с мыслью о том, что это я его предал.

Ну, за это они мне тоже заплатят. Если они еще живы. Ох, как невыразимо я хотел, чтобы они были живы!

Оказалось, я стою возле кровати в одной пижаме, цепляясь за спинку, чтобы не упасть. Я огляделся вокруг в поисках кнопки – чего-нибудь для вызова кого-нибудь. Больничные палаты не слишком изменились. Окна не было, и было непонятно, откуда льется свет. Как и все больничные койки, что мне доводилось видеть, моя кровать была высокая и узкая, однако видно было, что над нею изрядно потрудились конструкторы, превратив в нечто большее, чем просто место для сна: среди прочих приспособлений я увидел трубу снизу – наверное, что-то вроде механизированного подкладного судна. А столик сбоку оказался частью самой кровати. Но если раньше я обязательно проявил бы пристальный интерес ко всей этой технике, то сейчас я хотел найти только грушевидный выключатель, нажав на который, можно вызвать медсестру, чтобы принесла мне одежду.

Die Klingel fehlte, aber ich fand den Ersatz dafür: einen Druckschalter am Rand des Tisches, der kein richtiger Tisch war. Meine Hand streifte ihn beim Tasten, und ein durchsichtiges Feld gegenüber der Kopfseite meines Bettes leuchtete auf: »Pflegeruf.« Beinahe sofort blinkten die Worte auf: »Einen Augenblick, bitte.« Schnell rollte die Tür zur Seite, und eine Kranken-Schwester kam herein. Diese Wesen hatten sich nicht sehr verändert. Meine Schwester war recht hübsch, hatte die Festigkeit eines Grundausbilders beim Militär, trug ein kleines weißes Käppchen auf kurzem, orchideenfarbenem Haar und eine weiße Uniform. Der Zuschnitt war eigenartig, und der Stoff bedeckte hier Stellen, ließ dort Haut sehen wo die Mode von 1970 dies nicht zugelassen hätte, aber bei den Frauen muß man ja stets auf alles gefaßt sein.

Я не нашел его, но обнаружил то, во что он трансформировался: сенсорный выключатель на поверхности бокового столика. Оказалось, что это не просто столик: я случайно коснулся выключателя рукой, и на молочно-белой панели на стене, рядом с тем местом, где была бы моя голова, будь я в постели, загорелись слова «ВЫЗОВ ПЕРСОНАЛА». Почти тотчас же погасли, сменившись словами: «ПОДОЖДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА». Скоро дверь отъехала в сторону и вошла медсестра. Сестры тоже изменились не сильно. У этой были знакомые решительные замашки сержанта учебной команды, высокая шапочка на розово-сиреневых, цвета тропических орхидей, волосах и белый халат. Покрой халата был необычный — там открыто, тут прикрыто, совсем не так, как в 1970-м, — но ведь женская одежда, даже рабочая, только и делает, что меняется. Однако ее манера позволяла безошибочно определить в ней медсестру независимо от того, какой это год.

»Sie gehen sofort wieder ins Bett!«

— Ну-ка, марш обратно в кровать!

»Wo sind meine Sachen?«

— А где моя одежда?

»Gehen Sie ins Bett. Sofort!«

— Ложитесь в кровать. Ну??!

Ich blieb ruhig.

Я попробовал ее урезонить:

»Hören Sie, Schwester, ich bin freier Bürger, volljährig und nicht vorbestraft. Ich brauche nicht ins Bett zu gehen, und ich werde es auch nicht tun. Zeigen Sie mir jetzt, wo meine Sachen sind, oder soll ich so hinausgehen und sie selbst suchen?«

Sie sah mich an, drehte sich dann plötzlich um und ging hinaus; die Tür schnellte vor ihr zu Seite.

Bei mir öffnete sie sich nicht. Ich versuchte immer noch, hinter das Geheimnis zu kommen, weil ich mir sagte, daß, was von einem Ingenieur ausgedacht worden war, von einem anderen auch zu erraten sein mußte, als sie wieder aufging und ein Mann hereinkam.

»Guten Morgen«, sagte er. »Ich bin Dr. Albrecht.«

— Послушайте, сестра, я свободный гражданин, а не преступник, и мне уже исполнился двадцать один год. Мне не надо в кровать, и я не собираюсь в нее ложиться. Так что, покажете вы мне, где лежит моя одежда, или мне придется выйти в чём есть и поискать самому?

Она поглядела на меня, потом резко повернулась и выбежала. Дверь скользнула в сторону, уступая ей дорогу.

Но меня дверь не пропустила. Я все еще пытался разобраться, как эта штука действует (резонно полагая, что если один инженер сумел это придумать, то другой сумеет понять, как это устроено), когда дверь опять открылась и в проеме возник человек.

— Доброе утро, — сказал он. — Я доктор Альбрехт.

Die Kleidung war für einen Arzt äußerst merkwürdig, aber seine Art und die müden Augen wirkten überzeugend. Ich glaubte ihm.

"Guten Morgen, Doktor. Ich möchte meine Sachen haben."

Er trat weit genug ins Zimmer, daß sich die Tür hinter ihm schließen konnte, dann holte er ein Päckchen Zigaretten aus der Tasche. Er nahm eine davon heraus, wedelte kurz damit hin und her, steckte sie in den Mund und rauchte; sie brannte von selbst. Er bot mir das Päckchen an.

"Bitte?"

"Äh – nein, danke."

Ich schüttelte den Kopf. Ich habe immer mit einer neben mir glimmenden Zigarette an der Arbeit gesessen; der Fortschritt ließ sich an überquellenden Aschenbechern und den Brandflecken auf dem Zeichenbrett ablesen. Jetzt wurde mir beim Anblick einer Zigarette ein wenig mulmig, und ich fragte mich, ob ich mir in den verschlafenen Jahren das Rauchen abgewöhnt hatte.

"Mr. Davis, ich bin sechs Jahre hier tätig. Ich bin Spezialist für Hypnologie, Wiedererweckung und ähnliche Gebiete."

Hier und anderswo habe ich insgesamt achttausend dreiundseitzig Patienten geholfen, aus der Hypothermie ins normale Leben zurückzukehren – Sie sind Nummer 8074. Ich habe diese Leute alle möglichen seltsamen Dinge tun sehen, als sie erwachten, seltsam für Laien, nicht für mich. Manche wollten sofort wieder schlafen und schrien mich an, wenn ich sie wachhielt, andere schlafen tatsächlich wieder ein, und wir müssen sie in eine andere Anstalt überführen. Manche weinen unaufhörlich, wenn sie erkennen, daß sie nicht in das Jahr zurückkehren können, in dem sie zu Hause sind. Und wieder andere verlangen wie Sie ihre Sachen und wollen sofort auf die Straße hinauslaufen."

Одежда его представляла собой нечто среднее между тем, что носят в Гарлеме по воскресеньям, и тем, что надевают, отправляясь на пикник. Но резкие, решительные манеры и усталые глаза были настолько убедительно профессиональны, что я поверил ему.

— Здравствуйте, доктор. Я хотел бы одеться.

Он вошел еще на шаг, чтобы дверь за ним закрылась, и вынул из кармана пачку сигарет. Достав одну, он взмахнул ею в воздухе, сунул ее в рот и затянулся: она оказалась зажженной! Он протянул пачку мне.

— Берите, не стесняйтесь.

— Хм... Нет, спасибо. — Да берите — это вам не повредит.

Я покачал головой. Когда я работал, в пепельнице возле меня всегда дымилась сигарета. О продвижении в работе можно было судить по переполненной пепельнице и «ожогах» на кульмане в тех местах, где я тушил окурки. Сейчас от запаха дыма у меня закружилась голова, и я подумал: а вдруг я бросил курить, пока спал?

— Спасибо, доктор. — Окей. Мистер Дэвис, я работаю здесь шесть лет. Я специалист в области гипнозии, реаниматологии и родственных специальностей. Здесь — и в других местах — я участвовал в возвращении восьмисот семидесяти трех пациентов из гипотермии к нормальной жизни. Вы — номер восемьсот семьдесят четыре. Я наблюдал, как разбуженные вытворяют разного рода чудеса — чудеса для обывателя, не для меня. Некоторые из них опять хотят уснуть и орут на меня, когда я бужу их. Некоторые и правда засыпают вновь, и нам приходится переводить их в другого рода заведение. Некоторые начинают рыдать и рыдают без конца, когда до них доходит, что у них был билет в один конец и что нельзя вернуться домой, в тот год, из которого они стартовали. А некоторые, вроде вас, требуют одежду и рвутся на улицу.

"Na und? Warum denn nicht? Bin ich ein Gefangener?"

"Nein. Sie können Ihre Sachen haben. Sie sind wohl aus der Mode, aber das ist Ihr Problem. Während ich sie holen lasse, könnten Sie mir aber sagen, was denn so dringend ist, daß Sie es noch in dieser Minute erledigen müssen ... nachdem es dreißig Jahre Zeit hatte? So lange sind Sie in Untertemperatur gewesen – dreißig Jahre lang. Ist es wirklich so dringend? Oder könnten Sie es bis zum Nachmittag verschieben? Vielleicht sogar auf morgen?"

Ich wollte eben antworten, daß es sehr dringend sei, dann klappte ich den Mund wieder zu und sah ihn betroffen an.

"So dringend ist es auch wieder nicht." "Würden Sie mir dann den persönlichen Gefallen tun, sich wieder ins Bett zu legen, untersuchen zu lassen, zu frühstücken und mit mir zu reden, bevor Sie in alle Richtungen zugleich davongaloppieren? Vielleicht kann ich Ihnen dann sogar sagen, in welcher Richtung Sie davonstürmen müssen."

"Schon gut, Doktor. Entschuldigen Sie."

Ich kroch ins Bett. Das tat mir gut – ich war plötzlich müde und zittrig.

"Macht nichts. Sie sollten andere Patienten erst sehen. Wir müssen sie oft von der Decke herunterholen." Er strich die Bettdecke glatt, dann beugte er sich über den angebauten Tisch. "Dr. Albrecht auf Siebzehn. Schicken Sie einen Pfleger mit dem Frühstück ... Menü vier minus."

Er sah mich an und sagte: "Drehen Sie sich auf die Seite und ziehen Sie die Jacke hoch. Während ich Sie untersuche, können Sie Fragen stellen. Wenn Sie Lust haben."

— Ну, а почему бы, собственно, и нет? Я что, заключенный?

— Нет. Одежду вам принесут. Она немного вышла из моды, но это ваша проблема. Я сейчас пошлю за ней, а пока ее принесут, если позволите, я хотел бы услышать, что это у вас за такое страшно срочное дело, что вам необходимо заняться им сию минуту – это после того, как это дело ждало тридцать лет? А именно столько вы пролежали в анабиозе: тридцать лет. Это что, действительно настолько срочно? Или может подождать и до завтра? Или даже до послезавтра?..

Я уже чуть не выпалил, что это чертовски срочно, но остановился и по-овечьи беспомощно взглянул на него.

— Может, и впрямь не настолько... — Тогда сделайте одолжение – ложитесь в кровать. Я должен вас осмотреть, накормить завтраком и, если позволите, побеседовать с вами перед тем, как вы кинетесь галопом во все стороны. Возможно, я даже сумею подсказать вам, в каком направлении лучше скакать.

— Окей, доктор. Извините за эту суматоху.

Я влез в постель и понял, как это хорошо: я внезапно почувствовал слабость и усталость.

— Ничего. Видели бы вы, какие типы бывают среди наших клиентов... Некоторых приходится буквально стаскивать с потолка. — Он поправил у меня на плече одеяло, наклонился к встроенному в кровать боковому столику. — Доктор Альбрехт из семнадцатой палаты. Пришлите санитара с завтраком. Меню «четыре-плюс».

Он повернулся ко мне и сказал: — Перевернитесь на живот и поднимите пижаму: мне надо добраться до ваших ребер. А пока я вас осматриваю, можете задавать вопросы. Если хотите.

Ich versuchte nachzudenken, während er meine Rippen betastete. Er benützte ein Stethoskop, das wie ein Miniatur-Hörgerät aussah. Aber einen Nachteil hatten sie immer noch nicht beseitigt: die Membrane auf meiner Haut war kalt und hart. Was fragt man nach dreißig Jahren? Sind wir schon auf anderen Planeten gelandet?

Wer versucht diesmal den ›Krieg als Ende aller Kriege‹ zu propagieren? Kommen Säuglinge aus Reagenzgläsern?

"Gibt es in den Foyers der Filmtheater noch Puffreis-Automaten?"

"Bei meinem letzten Kinobesuch gewiß. Ich komme kaum ins Kino. Übrigens heißt das jetzt statt ›Film‹ ›Grabby.‹"

"So? Warum?"

"Gehen Sie einmal hin, dann werden Sie's schon sehen. Aber schnallen Sie sich fest an; bei manchen Szenen wird das ganze Theater genutzt. Hören Sie, Mr. Davis, wir haben alle Tage mit diesem Problem zu tun. Für jedes Eingangsjahr gibt es ein Anpassungsvokabular sowie historische und -kulturelle Zusammenfassungen. Das ist unbedingt nötig, weil eine Fehlanpassung sehr gefährlich werden kann, wenn wir den Schock auch abzufangen versuchen."

"Äh – das kann ich mir vorstellen."

"Eben. In Extremfällen wie bei Ihnen kommt das häufig vor. Sie haben immerhin dreißig Jahre geschlafen."

"Ist das ein Maximum?"

Пока он тыкал мне в ребра, я задумался.

Наверное, это был стетоскоп, хотя он и был похож на миниатюрный слуховой рожок. Но одно в нем явно не улучшилось: кружок, которым он дотрагивался до меня, был все такой же холодный и жесткий... Ну что можно спросить, проспав тридцать лет...

Достили ли они звезд? Кто теперь ведет «Войну За Искоренение Войн»? Научились ли выращивать детей в колбे?

— Доктор, а в кинотеатрах, в фойе, по-прежнему стоят автоматы, делающие воздушную кукурузу?

— Когда я был там прошлый раз, стояли. У меня мало времени для такого рода времяпрепровождения. Кстати, кино теперь называется «завлекино».

— Да? Почему?

— Сходите — узнаете. Только не забудьте пристегнуть ремень в кресле: во время некоторых кадров включается антигравитация во всем зале. Видите ли, мистер Дэвис, мы настолько часто сталкиваемся с этой проблемой, что уже смотрим на нее как на нечто рутинное. У нас есть адаптационные словарики для каждого года. Погружения в Сон, справочники-резюме по истории и культуре. Это — вещи необходимые, потому что, как бы мы ни старались уменьшить потрясение, синдром потери ориентации бывает очень тяжелым.

— Хм, наверное, так.

— Решительно так. Особенно при больших интервалах, как у вас. Тридцать лет как-никак.

— А что, тридцать лет — это максимум?

"Ja und nein. Fünfunddreißig Jahre Kaltschlaf sind die längste Periode, mit der wir Erfahrungen haben, seit der erste Klient im Dezember 1955 auf Untertemperatur gebracht wurde. Sie sind der Mann mit der längsten Schlafdauer, den ich je ins Bewußtsein zurückgebracht habe. Aber hier gibt es inzwischen schon Leute, deren Vertragsdauer bis zu eineinhalb Jahrhunderten beträgt. Man hätte Sie eigentlich für dreißig Jahre gar nicht akzeptieren dürfen; damals wußte man noch nicht genug. Man hat mit Ihnen allerhand riskiert. Sie hatten Glück."

"Wirklich?"

"Sicher. Drehen Sie sich um." Er untersuchte mich weiter und meinte: "Aber nach allem, was wir inzwischen dazugelernt haben, wäre ich in der Lage, einen Menschen für eine Periode von tausend Jahren im Kaltschlaf zu belassen, wenn es eine Möglichkeit der Finanzierung gäbe ... ein Jahr lang müßte man ihn bei der Temperatur halten, bei der Sie geschlafen haben, um ihn dann in einer Millisekunde auf minus hundertzehn Grad fallen zu lassen. Er würde am Leben bleiben, glaube ich. Jetzt wollen wir einmal Ihre Reflexe prüfen."

Diese Sache mit dem ›fallen‹ kam mir verdächtig vor.

Dr. Albrecht fuhr fort: "Setzen Sie sich auf und schlagen Sie die Beine übereinander. Das Sprachenproblem wird für Sie nicht schwierig zu lösen sein. Ich habe mich natürlich bemüht, den Wortschatz von 1970 zu verwenden. Ich halte mir einiges auf meine Fähigkeit zugute, die Eingangssprache jedes meiner Patienten zu beherrschen, ich habe mich einem Hypnokurs unterzogen. Aber Sie werden unsere Sprache binnen einer Woche beherrschen; es handelt sich nur um zusätzliche Wörter."

Ich überlegte, ob ich ihm sagen sollte, daß er einige Ausdrücke gebraucht hatte, die 1970 noch nicht verwendet worden waren, hielt es aber für unhöflich.

"Das war's jetzt", sagte er schließlich.
"Mrs. Schultz hat versucht, Sie zu erreichen."

"Wer?"

— И да и нет.

Первый коммерческий клиент был помещен в анабиоз в декабре тысяча девятьсот шестьдесят пятого года, так что максимальный срок, с которым мы сталкивались, — тридцать пять лет. Но у меня вы — самый длительный случай. Однако у нас тут есть клиенты с контрактами длиной в сто пятьдесят лет. Вас вот принимать на такой долгий срок — тридцать лет — не следовало. Просто об этом тогда еще знали недостаточно. Вы крепко рисковали. Вам повезло.

— Серьезно?

— Да. Можете перевернуться на спину. — Он стал смотреть меня дальше, добавив: — Но с нашими нынешними познаниями я бы взялся подготовить человека и к тысячелетнему скачку, если бы это было ему по карману. С годик я бы подержал его при той температуре, при которой хранили вас, просто для проверки, а потом резко — в течение одной миллисекунды — заморозил бы его до минус двухсот. И он бы уцелел, я думаю. Давайте проверим рефлексы.

Доктор Альбрехт продолжил:

— Сядьте и положите ногу на ногу. Со словарем у вас особых проблем не будет. Я, правда, старался говорить с вами на языке, слишком к тысяча девятьсот семидесятому, — это предмет моей гордости. Я могу с каждым из своих пациентов говорить, подбирая словарный запас в соответствии с годом его Погружения. Я прошел гипнокурс по языку. Но вы прекрасно будете говорить на современном через неделю. Это лишь вопрос расширения вашего словаря.

Я хотел сказать ему, что минимум четырежды он употребил слова, которых в мое время не было, но решил, что это будет невежливо.

— Ну, вроде все пока, — наконец сказал он. — Кстати, с вами хотела связаться миссис Шульц.

— Кто?

"Sie kennen sie nicht? Sie behauptete, eine alte Bekannte zu sein."

"Schultz", wiederholte ich. "Ich habe wohl irgendwann einmal mehrere Mrs. Schultzes gekannt, aber die einzige, an die ich mich erinnern kann, ist meine Volksschullehrerin. Sie wird ja inzwischen wohl schon gestorben sein."

"Vielleicht hatte sie auch den Kaltschlaf gewählt. Na ja, Sie können sich die Nachricht geben lassen, sobald Sie Lust dazu haben. Ich werde Ihren Entlassungsschein unterschreiben. Aber wenn Sie schlau sind, bleiben Sie noch ein paar Tage, bis Sie sich zurechtfinden. Ich komme später noch einmal vorbei. Na dann, 'toi, toi, toi!', wie man in Ihrer Zeit sagte. Hier kommt schon der Pfleger mit Ihrem Frühstück."

Ich fand ihn als Arzt besser denn als Sprachkenner. Aber ich dachte nicht mehr daran, als ich den Pfleger sah. Er rollte herein, wich sorgfältig Dr. Albrecht aus, der hinausging, ohne ihn zu beachten oder ihm aus dem Weg zu gehen.

Der Pfleger kam heran, schob den Tisch übers Bett, klappte ihn auf und stellte mein Frühstück auf.

"Soll ich Ihnen Kaffee eingießen?"

"Ja, bitte." Ich war nicht besonders scharf darauf, weil ich ihn lieber heiß trinken wollte, wenn ich alles andere verzehrt hatte. Aber ich wollte das Eingießen beobachten. Denn ich war angenehm berührt ... vor mir stand ›Vielzweck-Frank.‹

Nicht das primitive, grob konstruierte, erste Modell, das mir Miles und Betty gestohlen hatten. Dieses Exemplar glich dem ersten ›Frank‹ wie ein superschnelles Turbinenauto dem ersten Personenwagen. Aber man kennt seine eigene Arbeit. Ich hatte die ersten Pläne entworfen, und das hier war das unvermeidliche Endprodukt ... Franks Urenkel, verbessert, verfeinert, hochgezüchtet, aber aus derselben Familie.

"Noch etwas?"

— Разве вы ее не знаете? Она уверяла, что она — ваш старый друг.

— Шульц... — повторил я. — Мне кажется, в свое время я знал несколько миссис Шульц, но единственная, кого я помню, — моя классная руководительница, когда я учился в четвертом классе. Но ее, должно быть, нет в живых.

— Может, она тоже спала. Ну, если хотите, можете принять ее послание. Я подпишу вам пропуск на выход. Но если вы достаточно умны, то задержитесь здесь на несколько дней для переориентации. Я еще к вам загляну. Ну, с богом, как говаривали в ваши дни. А вот и санитар с завтраком.

Я решил, что доктор он явно лучший, чем лингвист. Но я и думать об этом забыл, когда увидел санитара. Он вкатился, аккуратно обогнув идущего к двери доктора Альбрехта, — тот не обратил на него никакого внимания и даже не подумал уступить дорогу.

Он подъехал к кровати, откинул и закрепил передо мною столик, расставил на нем мой завтрак и спросил:

— Налить вам кофе, сэр?

— Да, пожалуйста. — Мне это было совершенно не нужно — наоборот, я хотел, чтобы кофе остался горячим до конца завтрака. Но мне так захотелось посмотреть, как он это сделает... Потому что я был совершенно ошеломлен: это была наша «Салли»!

Не та, первая, кустарно сляпанная модель, которую украли у меня Белла с Майлсом, — конечно же, нет. Эта машина напоминала «Салли» не больше, чем гоночная машина с авиационным двигателем — первые «безлошадные повозки». Но человек может узнать свою работу. Я заложил основы, а это был продукт эволюции, внучка нашей «Салли» — улучшенная, усовершенствованная, отшлифованная, но — одной крови.

— Это все, сэр?

"Einen Augenblick."

— Подождите минутку.

Anscheinend hatte ich etwas Falsches gesagt, denn der Automat nahm eine Plastikkarte aus seinem Leib. Die Karte blieb durch eine dünne Metallkette mit ihm verbunden. Ich sah mir die Karte an und las den Text:

Stimm-Code ›Eifriger Erich‹, Modell XVII-a, wichtiger Hinweis! Dieser Automat versteht die menschliche Sprache nicht. Er hat kein Begriffsvermögen, denn er ist nur eine Maschine. Zu Ihrer Erleichterung ist jedoch seine Reaktion auf eine Liste gesprochener Befehle justiert. Er ignoriert alles, was sonst in seiner Gegenwart geredet wird, oder er zeigt dieses Blatt vor, wenn ein Satz die Auslösung nicht bewirkt. Bitte genau durchlesen.

Danke Aladin-Autotechnische Gesellschaft
Hersteller von ›Eifriger Erich‹, ›Mal-Max‹, ›Bau-Bruno‹,
›Gartner-George‹, ›Nanny‹ und ›Wüliwaw‹, Planung nach
Wunsch.

Beratung bei Automatik-Problemen Stets zu Ihren Diensten. Der letzte Satz fand sich auf dem Warenzeichen, das Aladin beim Reiben seiner Wunderlampe und einem aufquellenden Geist zeigte.

Darunter fand sich eine lange Liste einfacher Anweisungen ›Halt‹, ›Gehen‹, ›Ja‹, ›Nein‹, ›Langsamer‹, ›Schneller‹, ›Komm her‹, ›Hol eine Schwester‹, und so weiter. Dann kam eine kürzere Liste von Arbeiten, wie sie in Krankenhäusern üblich sind, wie Rückenmassagen, aber auch Tätigkeiten, von denen ich noch nie gehört hatte. Die Liste endete abrupt mit der Erklärung: "Die Arbeiten 87 bis 242 dürfen nur vom Krankenhauspersonal angeordnet werden.

Наверное, я сказал что-то не то, потому что автомат пошарил у себя внутри и, вытащив жесткую пластиковую карточку, протянул ее мне. К автомату карточка была прикреплена тонкой стальной цепочкой. Я взглянул на нее; там было написано следующее:

ТРУДЯГА ТЕДДИ мод. 17а, С РЕЧЕВЫМ УПРАВЛЕНИЕМ. ВНИМАНИЕ! Этот обслуживающий автомат НЕ ПОНИМАЕТ человеческую речь. Он вообще ничего не понимает — это просто машина. Однако для Вашего удобства в нем имеется устройство, реагирующее на определенные устные распоряжения. Все остальное, произносимое в его присутствии, он игнорирует. Либо, если какая-то команда выйдет за пределы возможностей автомата, предложит Вам инструкцию. Прочтите ее внимательно, пожалуйста.

С благодарностью, инженерно-конструкторская корпорация «АЛАДДИН» — изготовитель «ТРУДЯГИ ТЕДДИ», «ЧЕРТЕЖНИКА ДЭНА», «СТРОИТЕЛЯ СТЭНА» и «НЯНЮШКИ НЭНСИ», разработчики бытовых машин и консультанты по проблемам автоматизации.

«К Вашим услугам!» Последние строчки шли поверх их товарного знака — изображения Аладдина, тущего лампу, и появляющегося джинна.

Ниже шел длинный перечень простых команд: СТОЙ, ИДИ, ДА, НЕТ, БЫСТРЕЕ, МЕДЛЕННЕЕ, ПОДОЙДИ КО МНЕ, ПОЗОВИ МЕДСЕСТРУ и т. д. Потом шел перечень заданий, характерных для больниц, например ПОМАССИРУЙ СПИНУ; но о некоторых процедурах, входивших в этот раздел, я и не слыхивал. Перечень внезапно обрывался словами: «Процедуры 87-242 могут назначать только работники больниц, поэтому соответствующие команды в данном перечне не приводятся».

Aus diesem Grund sind die Befehlsformulierungen hier nicht angeführt.“ Ich hatte den ersten ›Vielzweck-Frank‹ nicht auf Stimmsteuerung konstruiert; man mußte Knöpfe drücken. Das lag nicht etwa daran, daß mir das nicht eingefallen wäre; vielmehr hätten die Analyse- und Telefonanlagen für diese Aufgaben mehr Raum eingenommen, mehr gewogen und gekostet als der ganze ›Frank‹ senior. Ich dachte, daß ich auf dem Gebiet der Miniaturtechnik und Vereinfachung noch allerhand zu lernen hatte, bevor ich mich hier an die Arbeit machen konnte. Aber es drängte mich, damit anzufangen, weil ich am ›Eiffrigen Erich‹ sehen konnte, daß mir das mehr Spaß als je zuvor machen würde – wie viele Möglichkeiten gab es da! Die Technik ist die Kunst des Praktikablen und hängt mehr vom Gesamtzustand des Berufszweigs als vom einzelnen Ingenieur ab. Wenn die Zeit für Eisenbahnen reif ist, werden sie gebaut – nicht einen Tag vorher. Da brauchte man nur an Leonardo da Vinci zu denken, der seiner Zeit so weit voraus gewesen war, daß die meisten seiner Pläne nicht in die Praxis umgesetzt werden konnten.

Ich durfte mich auf das Leben hier – oder vielmehr ›jetzt‹ – freuen.

Ich gab die Hinweiskarte zurück, stieg aus dem Bett und suchte das Typenschild. Unten an der Karte hatte ich beinahe den Vermerk ›Dienstboten-AG erwartet, und ich fragte mich, ob ›Aladin‹ eine Tochtergesellschaft des Mannix-Konzerns sei. Das Typenschild verriet mir nicht viel mehr als Modellbezeichnung, Seriennummer, Fabrik und Ähnliches, aber es führte die Patente auf, etwa vierzig an der Zahl, und das erste davon war, wie ich interessiert vermerkte, 1970 zugeteilt worden ... zweifellos auf meinem Originalmodell, auf meinen Plänen beruhend.

Ich fand auf dem Tisch Bleistift und Notizblock und notierte mir die Nummer des ersten Patents, aber mein Interesse war rein platonisch. Auch wenn man es mir gestohlen hatte – wovon ich überzeugt war –, war es 1987 ausgelaufen, wenn sich die Patentgesetze nicht geändert hatten, und nur die nach 1984 gewährten Patentrechte würden noch gelten. Aber ich wollte Bescheid wissen. Im Automaten glomm ein Lämpchen auf, und er verkündete: "Ich werde gerufen. Darf ich gehen?"

Моя «Салли» не управлялась голосом — приходилось нажимать кнопки на пульте управления. Я, конечно, подумывал о том, как это сделать. Но анализатор голоса обошелся бы дороже, чем вся «Салли», да и размеры были бы... Я понял, что мне придется немало поучиться миниатюризации, прежде чем я смогу работать здесь инженером. Но мне уже не терпелось — судя по «Трудяге Тедди», заниматься этим должно было быть очень интересно: масса новых возможностей. Инженерная деятельность — искусство для людей практических, и тут все зависит не столько от данного инженера, сколько от общего уровня техники. Скажем, железнодорожным транспортом можно заниматься только тогда, когда наступает время железных дорог, и не раньше того. Вспомните профессора Лэнгли: бедняга корпел над летательным аппаратом, и тот полетел бы — столько таланта было в него вложено, — но другие изобретения, необходимые для этого, еще не подоспели. Или возьмите, к примеру, великого Леонардо да Винчи, опередившего свое время настолько, что самые блестящие из его проектов было абсолютно невозможно воплотить.

Да, здесь — в смысле «теперь» — мне скучать не придется.

Я вернул карточку-инструкцию, вылез из постели и глянул на заводскую табличку. Я почти был уверен, что увижу внизу слова «Золушка Инк.», и подумал, что «Аладдин», наверное, — дочерняя корпорация «Манникс». Но данных на пластинке оказалось немного: заводской номер, модель, название фабрики и все такое. Однако там были еще номера патентов — около сорока, и к моему вящему изумлению, первый из них был датирован 1970 годом! Почти наверняка эта штука была основана на моих чертежах и исходной модели.

Я нашел на столе карандаш и листок бумаги и переписал номер того, первого патента, просто из чистого любопытства. Даже если патент был у меня украден (я был уверен, что это так), то срок его действия закончился в 1987-м (если не изменились законы о патентах), и только патенты, выданные после 1983-го, были еще действительны. Но мне просто хотелось узнать. На панели автомата замигала лампочка, и он объявил: — Меня вызывают. Я могу идти?

"Was? Natürlich. Geh nur." Er begann nach der Befehlsliste zu greifen. Hastig sagte ich: "Gehen!"

"Danke. Auf Wiedersehen."

Er machte einen Bogen um mich.

"Ich danke auch."

"Gern geschehen."

Der Mann, der die Antwortsätze des Automaten diktierte, verfügte über eine angenehme Baritonstimme.

Ich kroch wieder ins Bett und aß mein Frühstück, das ich hatte kalt werden lassen – aber es war nicht kalt. Frühstück vier minus mochte etwa einem mittelgroßen Vogel genügen, aber ich stellte fest, daß es ausreichte, obwohl ich sehr hungrig gewesen war. Mein Magen mußte eingeschrumpft sein. Erst nach dem Essen fiel mir ein, daß ich zum erstenmal seit dem Ablauf einer ganzen Generation wieder etwas zu mir genommen hatte. Ich kam darauf, weil eine Speisekarte beilag – was ich für Speck hielt, war aufgeführt als ›Gegrillte Hefestreifen nach Bauernart.‹

Aber trotz des dreißigjährigen Fastens dachte ich nicht ans Essen; man hatte dem Frühstück eine Tageszeitung beigegeben, die ›Groß-Los-Angeles-Times‹ für Mittwoch, dem 13. Dezember 2000.

Im Format hatten sich die Zeitungen nicht verändert.

Sie bestanden aus Glanzpapier, und die Bilder waren entweder vielfarbig oder Schwarz-Weiß-Stereo – die Herstellung der letzteren konnte ich mir nicht vorstellen. Seit meiner Kindheit hatte es Stereobilder gegeben, die man ohne Bildgucker betrachten konnte; als kleiner Junge in den fünfziger Jahren hatte ich immer gebannt vor den Reklamen für Tiefkühlkost gestanden. Aber dafür hatte man ziemlich dicken, durchsichtigen Kunststoff für einen Raster aus winzigen Prismen verwenden müssen. Die Stereobilder hier befanden sich auf dünnem Papier.

– Что? А, ну конечно. Катиць. – Он опять полез за карточкой с командами, и я поспешил сказал: – ИДИ!

— Спасибо! До свидания!

Он обхехал меня и покатил к двери.

— Тебе спасибо!

— Пожалуйста!

У диктора, озвучившего ответы автомата, был очень приятный баритон.

Я опять лег и занялся завтраком, который к этому времени должен был бы остыть. Оказалось, что не остыл. Завтрак «четыре-плюс» с виду был рассчитан на лилипута, но я неожиданно наелся. Наверное, мой желудок уменьшился. Только кончив есть, я сообразил, что поел в первый раз за тридцать лет. Я подумал об этом, заглянув в приложенное меню: то, что я принял за ветчину, значилось как «масса дрожжевая жареная, соломкой, по-домашнему».

Но, несмотря на тридцатилетний «пост», мысли мои были заняты не едой. С завтраком принесли газету: это была «Грейт Лос-Анджелес Таймс» за среду, 13 декабря 2000 года.

По формату газеты остались прежними.

Правда, бумага была глянцевая, а иллюстрации либо цветные, либо черно-белые, но стереоскопические. Как это было сделано, я не понял. Еще когда я был мальчишкой, уже существовали стереокартинки, которые можно было рассматривать без приспособлений-стереоскопов. Мне больше всего нравились те, что рекламировали мороженые продукты в пятидесятые годы. Но у тех растровые решетки были сделаны из толстой прозрачной пластмассы, а эти были на простой тонкой бумаге. Но объемность у них была!

Ich gab es auf und sah mir den Rest der Zeitung an. Der ›Eifrigie Erich‹ hatte sie auf ein Lesegestell gelegt, und eine Weile schien es, als könnte ich nur die erste Seite lesen, weil ich nicht wußte, wie das verdammte Ding aufzumachen war. Die Blätter schienen festgefroren zu sein.

Schließlich berührte ich zufällig die rechte untere Ecke des ersten Blattes; sie rollte sich auf und klappte um ... ein Phänomen elektrisch geladener Oberflächen, von dort aus gesteuert. Die anderen Seiten rollten sich der Reihe nach rasch um, sobald ich die erwähnte Stelle berührte.

Mindestens die Hälfte der ganzen Zeitung war mir so vertraut, daß ich heimwehkrank wurde – ›Ihr Horoskop heute‹, ›Bürgermeister eröffnet neue Talsperre‹, ›Sicherheitsbestimmungen schränken Pressefreiheit ein‹, ›Baseball-Sensation‹, ›Ungewöhnliche Hitze gefährdet Wintersports‹, ›Pakistan warnt Indien‹ – und so weiter. Das kannte ich schon. Einige der anderen Meldungen waren mir neu, erklärten sich aber von selbst: ›Mondverbindung für Gemeinden noch gesperrt‹, ›Raumstation durch zwei Lecks beschädigt, keine Todesopfer‹, ›Vier Weiße in Kapstadt gelyncht – Einschreiten der UN gefordert‹, ›Gastgeber-Müller fordern höhere Honorare‹, ›Amateure sollen nicht mehr geduldet werden‹, ›Mississippi-Pflanzer nach Antigeisterdrogen-Gesetz angeklagt‹ – Seine Verteidigung: ›Die Kerle sind nicht süchtig, nur dumm! Ich war mir ziemlich sicher, was das letzte zu bedeuten hatte ... aus eigener Erfahrung.‹

Aber einige Nachrichten blieben mir völlig unklar. Die ›Wogglies‹ hatten sich ausgebreitet, und drei weitere Städte in Frankreich waren evakuiert worden; der König wollte das Gebiet bestäuben lassen, König?

Я сдался и стал читать. «Тедди» положил газету на подставку, и я было решил, что дальше первой страницы почитать не удастся. Я никак не мог разобраться, как же перевернуть страницу: чертовы листы будто слиплись!

В конце концов, я случайно коснулся нижнего правого угла первой страницы. Она свернулась и перелистнулась сама. Наверное, прикосновение к этой точке вызывало срабатывание какого-то поверхностно-активного механизма. Следующие страницы аккуратно перелистывались одна за другой, стоило только прикоснуться к этому месту.

Чуть ли не половина газеты была настолько обычно-узнаваемой, что я почувствовал приступ ностальгии: «Ваш гороскоп на сегодня», «Мэр открывает новое водохранилище», «Требования службы безопасности ограничивают свободу прессы», заявил Н. И. Солон», «Гиганты берут разбег», «Необычная жара срывает планы лыжников», «Пакистан заявил протест Индии» и т. д. и т. п. Вот куда я попал... Кое-какие темы были новыми, но из подзаголовков все становилось ясно: «СТАРТ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ К СОЗВЕЗДИЮ БЛИЗНЕЦОВ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ. Станция получила две пробоины. Жертв нет»; «ЧЕТВЕРО БЕЛЫХ СТАЛИ ЖЕРТВАМИ СУДА ЛИНЧА В КЕЙПТАУНЕ. Требуется вмешательство ООН»; «ЖЕНЩИНЫ-ПРЕЕМНИЦЫ БОРЮТСЯ ЗА ПОВЫШЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ. Требование объявить "любительство" вне закона»; «ПЛАНТАТОР С МИССИСИПИ АРЕСТОВАН ЗА ПРИМЕНЕНИЕ ЗОМБИНА. В свое оправдание он заявил: "эти ребята не под зомбиноном — они просто дураки..."». Насчет последнего я сумел убедиться на собственном опыте.

Некоторые сообщения были совершенно непонятны. Какие-то «вогли» продолжали распространяться, и пришлось эвакуировать еще три французских города. Король рассматривает вопрос об обработке территории порошком.

Na ja, in der französischen Politik war alles möglich, aber was war dieser ›poudre sanitaire‹, den man gegen die ›Wogglies‹ verwenden wollte? – was immer das sein mochte. Radioaktivität vielleicht? Hoffentlich hatte man sich einen windstillen Tag ausgesucht ... vorzugsweise den dreißigsten Februar. Ich hatte selbst einmal eine Überdosis Radioaktivität erwischt, durch die Schuld eines idiotischen Technikers in Sandia. Bis zum Erbrechen war mein Zustand damals noch nicht gediehen, aber eine Curie-Mahlzeit möchte ich keinem Menschen empfehlen.

Die für den Stand von Laguna zuständige Abteilung der Polizei von Los Angeles war mit ›Ley-Spulen‹ ausgerüstet worden, und der Abteilungschef empfahl allen Halbstarken, die Stadt auf dem schnellsten Weg zu verlassen. „Meine Leute haben Anweisung, zuerst zu narken und dann erst zu subspüren. Das Theater hat aufzuhören!“ Ich merkte mir vor, den Laguna-Strand zu meiden, bis ich in Erfahrung gebracht hatte, worum es hier ging. Ich wußte nicht recht, ob ich mich subspüren lassen wollte, auch wenn es erst nachher sein sollte.

Das sind nur Beispiele. Es gab alle möglichen Meldungen, die ganz normal begannen und sich dann im Kauderwelsch verloren.

Ich las weiter, und mein Blick fiel auf neue Überschriften. Da gab es die bekannten über Geburten, Todesfälle, Heiraten und Scheidungen, aber jetzt fand man auch ›Einlieferungen‹ und ›Austritte‹, die nach Sanktum-Namen aufgeführt waren. Ich suchte unter ›Sawtelle Cons. Sanc.‹ und fand meinen Namen. Ich gehörte also irgendwie dazu.

Aber das weitaus Interessanteste an der ganzen Zeitung waren die Anzeigen. Eine Annonce unter ›Bekanntschafeten‹ hatte es mir besonders angetan: ›Attraktive, noch junge Witwe mit großer Reiselust wünscht reifen Mann mit ähnlichen Neigungen kennenzulernen. Wunsch: Zweijahres-Heiratsvertrag.‹ Aber die Geschäftsanzeigen schossen den Vogel ab.

Ну, политика во Франции могла зайти куда угодно: король так король. Но вот что это был за «порошок», который они собирались применять для борьбы с этими непонятными «воглями»? Может, радиоактивный? Надеюсь, они выберут безветренный день. Лучше всего тридцатое февраля. Я однажды схватил дозу радиации из-за ошибки одного техника в Сандии. До той стадии лучевой болезни, когда начинается неукротимая рвота, дело не дошло, но ощущения были — врагу не пожелаешь.

Отделение лос-анджелесской полиции в Лагуна-Бич вооружили спирометами, и командир отделения велел стилям убираться из города. «Мои люди получили приказ: сперва спирять, а потом уж разгрумляться. Пора с этим покончить!» Я не был уверен, хочу ли я, чтобы со мной разгрумлялись — или меня разгрумляли? — даже «потом», и поэтому решил, что буду держаться подальше от Лагуна-Бич до тех пор, пока не узнаю, какой у них счет.

Это просто для примера. Таких сообщений было пруд пруди. Начинаешь читать — вроде понятно, а чем дальше — тем загадочней.

Я хотел пропустить мелкие частные сообщения, но тут мой взгляд наткнулся на новые подзаголовки. Были и старые, знакомые; кто умер, кто родился, сообщения о свадьбах и разводах, но еще появились «погружения» и «пробуждения», с указанием хранилищ. Я поискал Объед. хран. Соутел и нашел свое имя, чувствуя тепло на душе. Обо мне вспомнили. Я был свой.

Самое интересное в газете было в объявлениях. Одно меня просто поразило: «Привлекательная, хорошо сохранившаяся вдова, любящая путешествовать, хотела бы встретить зрелого мужчину со сходными наклонностями с целью заключения двухгодичного брачного контракта». Но в конце достал меня раздел иллюстрированной рекламы.

›Dienstmädchen‹ und ihre Schwestern, Kusinen und Tanten starrten mich aus allen Seiten an ... und man benützte immer noch das von mir für unseren Briefkopf entworfene Markenzeichen – ein stämmiges Mädchen mit Besen.

Ich bereute, mich so hastig meiner Aktien der ›Dienstboten-AG‹ entledigt zu haben; wahrscheinlich waren sie jetzt mehr wert als alles andere. Nein, falsch. Wenn ich die Aktien damals bei mir gehabt hätte, wären sie mir von diesem Gaunerpaar abgenommen worden. Statt dessen hatte Ricky sie bekommen.

Ich notierte mir, vor allem zuerst Ricky zu suchen. Sie allein war mir von meiner Welt geblieben, und ich dachte sehr viel an sie. Liebe kleine Ricky! Wenn sie zehn Jahre älter gewesen wäre, hätte ich nicht einen Blick an Betty verschwendet ... und mir nicht die Finger verbrannt.

Moment mal, wie alt mußte sie jetzt sein? Vierzig – nein, einundvierzig.

Es war schwer, sich Ricky in einem solchen Alter vorzustellen. Immerhin, heutzutage war man damit noch längst keine alte Frau – nicht einmal zu meiner Zeit.

Aus einer Entfernung von zehn Metern konnte man einundvierzig von achtzehn kaum unterscheiden.

Wenn irgend etwas schiefgegangen und sie trotz der ihr überschriebenen Aktien arm geworden war – dann, verdammt noch mal, würde ich sie heiraten! Jawohl! Es spielte keine Rolle, daß sie etwa zehn Jahre älter war als ich; angesichts meiner Dummheiten brauchte ich einen älteren Menschen, der sich um mich kümmerte und mir gelegentlich auf die Finger klopfe – und dazu war Ricky genau die richtige Frau. Sie hatte Miles und sein Haus mit Kleinmädchenernst gemanagt, als sie noch nicht einmal zehn Jahre alt gewesen war. Mit vierzig Jahren würde sie genauso sein, nur ein wenig milder.

Ich kam mir gar nicht mehr vor, als sei ich zum erstenmal in einem freien Land. Ricky – das war die Lösung aller Probleme.

«Золушка», ее тетки, сестры и племянницы занимали целую полосу, и на картинках по-прежнему стоял наш товарный знак – стройная девушка с метлой, – который я придумал когда-то для нашего фирменного бланка. Я пожалел, что так поспешил отправить Рики свои акции «Золушки Инк.»: похоже, сейчас они стоили бы больше, чем все остальные ценные бумаги, которые я купил. Нет, все правильно: оставь я их при себе, эти двое завладели бы ими и подделали бы передаточную надпись на свое имя. А так они достались Рики, и если Рики стала богатой, то это только справедливо.

Я подумал, что надо первым делом разыскать Рики, и мысленно сделал пометку «очень срочно». На всем свете у меня осталась только она – не мудрено, что для меня это было так важно. Рики, милая! Эх, будь ей лет на десять побольше, я бы и не взглянул на Беллу... и не обжегся бы так.

Так-так, а сколько же ей сейчас? Сорок. Нет, сорок один. Трудно представить себе Рики сорокалетней. Хотя теперь для женщины сорок, наверное, – не старость. Да и в наше время тоже с десяти метров было не разобрать – сорок ей или двадцать.

Если она богата, пусть выставит мне выпивку: выпьем за упокой кристальной души нашего дорогого Пита. Ну, а если что-то не удалось, и она окажется бедной, несмотря на те акции, что я перевел тогда на ее имя, тогда – тогда, черт меня побери, я женюсь на ней! Да, женюсь. И не важно, что она лет на десять старше меня. Учитывая, что я всегда славился своим ротозейством и расхлябанностью, мне просто необходим кто-то старший – приглядывать за мной, вовремя говорить «нет», да мало ли... Тут Рики, пожалуй, самый подходящий человек: она и десятилетней девочкой рулила и Майлсом, и его домом очень серьезно и довольно эффективно.

В сорок лет она, я думаю, осталась такой же, только стала мягче.

На душе у меня сделалось совсем тепло – я уже не чувствовал себя одиноко, как человек, затерявшийся в чужой стране. Ведь у меня был ответ на все вопросы: Рики.

Tief in mir hörte ich dann plötzlich eine Stimme:
"Hör mal zu, du Trottel, du kannst Ricky nicht heiraten,
weil ein so liebes Mädchen wie sie mindestens schon seit
zwanzig Jahren verheiratet ist. Sie wird vier Kinder
haben ... vielleicht einen Sohn, der größer ist als du ...
und ganz bestimmt einen Mann, der dich in deiner Rolle
als guter alter Onkel Danny gar nicht schätzt."

Ich lauschte und riß die Augen auf. Dann sagte ich mit schwacher Stimme: "Na schön – ich hab' den Zug also wieder mal verpaßt. Aber ich will sie trotzdem suchen. Mehr als erschießen kann man mich nicht. Sie ist außerdem der einzige Mensch, der Pete verstanden hat." Ich blätterte wieder um, plötzlich sehr bedrückt bei dem Gedanken, zugleich Ricky und Pete verloren zu haben. Nach einer Weile schlief ich über der Zeitung ein und schnarchte, bis der ›Eifrigie Erich‹ oder sein Zwillingsbruder das Essen brachte.

Während ich schlief, träumte ich, daß mich Ricky auf dem Schoß hatte und sagte: "Ist ja alles gut, Danny. Ich habe Pete gefunden, und jetzt bleiben wir alle bei dir. Nicht wahr, Pete?" "Yeeow!" Der zusätzliche Wortschatz war eine Kleinigkeit; viel mehr Zeit brauchte ich für die geschichtliche Zusammenfassung. In dreißig Jahren kann eine Menge passieren, aber warum das niederschreiben, wo doch alle Leute besser Bescheid wissen als ich? Ich war nicht davon überrascht, daß die Großasiatische Republik uns aus dem südamerikanischen Handelsgebiet verdrängte; seit dem Vertrag von Formosa hatte man damit rechnen müssen. Auch die Verwirrung in Indien setzte mich nicht in Erstaunen.

Daß England eine Provinz Kanadas geworden war, verblüffte mich einen Augenblick. Wedelte der Schwanz jetzt wirklich mit dem Hund? Ich schenkte mir die Panik von 1987; Gold war ein wunderbares Material für viele Zwecke, ich konnte es nicht als Tragödie ansehen, daß es jetzt billig war und keine Währungen mehr stützte, gleichgültig, wie viele Menschen bei der Umwälzung das letzte Hemd verloren hatten.

Тут я услышал внутренний голос: «Дурень, ты не сумеешь жениться на Рики: такая девушка (а она наверняка должна была стать такой девушкой) наверняка замужем уже лет двадцать. У нее, поди, четверо детей; может, сын уже повыше тебя ростом. И, безусловно, муж, которому вряд ли придется по душе твое появление в роли "доброго старого дяди Дэнни"».

Я выслушал это, и у меня отвисла челюсть. Потом я сказал уныло: «Ладно, ладно. Этот поезд тоже ушел. И все же я ее поищу. Ничего худого мне за это не сделают. Ну разве что пристрелят! Но ведь она единственный человек, по-настоящему понимавший Пита...» Осознав, что потерял не только Пита, но и Рики, я хмуро перевернул страницу. Вскоре я заснул над газетой и проспал до тех пор, пока мой (или не мой?) «Тедди» привез мне обед.

Мне приснилось, что Рики держит меня на коленях и говорит: «Ну вот, Дэнни, все в порядке. Я нашла Пита, и теперь мы оба с тобой. Правда, Пит?» — «Мя-а-а-у...» Словарь мой быстро расширялся: я много читал по истории. За тридцать лет может произойти уйма всякой всячины, но зачем я буду излагать это все — ведь каждому из вас все это известно лучше, чем мне. Меня не удивило, что Великая Азиатская Республика потеснила наши товары на южноамериканском рынке: это начиналось еще при мне. Не очень я удивился и оттого, что Индия заметно «балканизировалась». Узнав, что Англия теперь — провинция Канады, я на минутку отложил книгу, чтобы переварить прочитанное: где тут лошадь и где телега? Я пропустил детали описания Паники 1987 года: золото — хороший технический материал для некоторых целей, и я отнюдь не расценивал как трагедию то обстоятельство, что теперь оно дешево и перестало быть основой денежной системы, невзирая на то, что столько народу осталось без штанов при этой финансовой перестройке.

Ich hörte auf zu lesen und dachte über die Dinge nach, die man mit billigem Gold jetzt machen konnte – im Hinblick auf das hohe spezifische Gewicht, auf die gute Leitfähigkeit und außerordentliche Verformbarkeit ... dann schrak ich zusammen, weil ich begriff, daß ich zuerst die technische Literatur nachlesen mußte. Trotzdem, allein in der Atomtechnik war Gold von unschätzbarem Wert. Die Bearbeitungsfähigkeit dieses Stoffes, für Miniaturtechnik wie geschaffen ... wieder dachte ich nach, weil ich mir plötzlich ziemlich sicher war, daß der ›Eifrigie Erich‹ den Schädel sicher voll Gold hatte. Ich mußte herausfinden, was seit meiner Abwesenheit ausgetüftelt worden war.

Das Sawtelle-Sanktum hatte keine Bibliothek, die mir technische Lektüre geboten hätte, deswegen erklärte ich Dr. Albrecht, ich sei jetzt reif für die Entlassung. Er zuckte die Achseln, bezeichnete mich als Idioten und stimmte zu. Aber ich blieb noch eine Nacht. Ich stellte fest, daß ich allein vom Liegen und Lesen der Texte mit einem Buchlesegerät völlig erschöpft war.

Kurz nach dem Frühstück am nächsten Morgen brachte man mir moderne Kleidung ... und ich brauchte Hilfe beim Anziehen. Die Kleidung war an sich nicht einmal so merkwürdig – obwohl ich noch nie kirschrote, weit ausladende Hosen getragen hatte –, aber ich brachte die Verschlüsse ohne fachmännische Unterweisung nicht zu. Meinem Großvater wäre es mit Reißverschlüssen ebenso ergangen, wenn man ihn nicht langsam an die Aufgabe herangeführt hätte. Es handelte sich natürlich um die ›Engsitz-Verschlußsäume‹ – ich dachte schon, ich müßte mir jemand engagieren, der mich ins Badezimmer begleitete, bevor ich begriff, daß die Adhäsion axial polarisiert war.

Dann verlor ich beinahe meine Hose, als ich versuchte, das Hüftband ein wenig zu weiten. Niemand lachte mich aus. "Was werden Sie anfangen?" fragte Dr. Albrecht.

"Ich? Zuerst besorge ich mir eine Straßenkarte, dann suche ich mir ein Zimmer. Ich werde geraume Zeit nichts tun als Fachliteratur verschlingen ... vielleicht ein ganzes Jahr lang. Ich bin ein überholter Ingenieur. Das möchte ich nicht bleiben."

"Na, viel Glück. Rufen Sie mich ruhig an, wenn Sie Hilfe brauchen."

Я снова отложил книгу и стал размышлять о вещах, которые можно сделать при наличии дешевого золота, с его высокой плотностью, хорошей проводимостью, отличной ковкостью... и остановился, поняв, что сперва придется почитать техническую литературу. Черт, да в одной только атомной технике золото будет незаменимо. Оно обрабатывается лучше любого другого металла. Вот если применить его для миниатюризации... Я опять остановился, сообразив, что у «Тедди» голова наверняка битком набита золотом. Да, придется заняться тем, что разведать: что там наш брат инженер напридумывал за это время?

Технической библиотеки в Хранилище Соутел не было, и я сказал доктору Альбрехту, что готов к выписке. Он пожал плечами, обозвал меня идиотом и разрешил. Но я задержался еще на одну ночь, так как плохо себя чувствовал. Наверное, я потерял форму, потому что долго валялся в постели без упражнений, глядя, как бегут строчки в книжочитальном аппарате.

Наутро, сразу после завтрака, мне принесли современную одежду. Чтобы одеться, мне потребовалась помощь. В одежде не было ничего необычного (хотя мне и не доводилось носить расклешенных светло-вишневых брюк), но без предварительного инструктажа я не смог справиться с застежками. Наверное, у моего деда были бы такие же трудности с брюками на молнии, если бы жизнь не приучила его к пользованию молнией постепенно. А все эти замки «стиктайт»: я думал, что придется нанять мальчика, чтобы водил меня в туалет, но потом до меня дошло, что эти «липучки» имеют осевую поляризацию.

Тут я чуть не потерял штаны, пытаясь ослабить пояс. Но никто не стал надо мной смеяться. Доктор Альбрехт спросил: – Что вы намерены предпринять?

— Я?

Во-первых, раздобуду карту города. Потом найду место, где остановиться на ночь. А затем, наверное, буду целый год только читать специальную литературу. Док, я – ископаемый инженер. Но я не желаю оставаться таким.

— Хм-хм, ну что же, желаю удачи. Если я понадоблюсь, звоните, не стесняйтесь.

Ich streckte die Hand aus.

Я протянул ему руку:

"Vielen Dank, Doktor. Sie haben mir sehr geholfen. Vielleicht sollte ich nicht davon sprechen, bevor ich mit der Vermögensverwaltung gesprochen habe, und einigermaßen feststeht, wie wohlhabend ich bin – aber ich möchte mich nicht nur mit Worten erkenntlich zeigen. Der Dank für das, was ich von Ihnen bekommen habe, sollte ein wenig handgreiflicher sein. Sie verstehen mich doch?"

Er schüttelte den Kopf.

"Ich bin Ihnen verbunden, aber meine Honorare sind durch meinen Vertrag mit dem Krankenhaus gedeckt."

"Aber ..." "Nein. Ich kann nichts nehmen, also sprechen wir nicht mehr darüber." Er drückte mir die Hand und sagte: "Auf Wiedersehen. Wenn Sie auf dieser Gleitbahn bleiben, kommen Sie zum Hauptbüro." Er zögerte. "Falls es Ihnen anfangs ein wenig zu anstrengend ist, Sie haben noch Anrecht auf vier Tage Erholung und Neu-Anpassung ohne zusätzliche Kosten. Alles schon bezahlt. Warum sollten Sie das nicht ausnützen? Sie können kommen und gehen, wie Sie wollen."

Ich lachte.

"Danke. Sie können eine Wette darauf eingehen, daß ich nicht zurückkomme – höchstens als Besucher."

Ich sprang beim Hauptbüro von der Gleitbahn ab und erklärte der Empfangsdame, wer ich sei. Der Automat überreichte mir einen Umschlag, in dem sich, wie ich sehen konnte, eine weitere telefonische Nachricht von Mrs. Schultz befand. Ich hatte sie immer noch nicht angerufen, weil ich nicht wußte, wer sie war, und das Sanktum Besuche und Anrufe für wiedererweckte Klienten nur zuließ, wenn diese damit einverstanden waren. Ich sah mir den Umschlag nur kurz an und steckte ihn dann in meine Bluse. Währenddessen dachte ich, daß ich vielleicht einen Fehler begangen hatte, als ich ›Vielzweck-Frank‹ zu vielseitig machte.

— Спасибо, док. Вы отличный парень. Хм, возможно, мне надо сперва поинтересоваться в бухгалтерии моей страховой компании, насколько хороши мои дела, но я не хотел бы, чтобы моя благодарность исчерпывалась словами. За то, что вы для меня сделали, она должна быть более осязаемой. Вы меня понимаете?

Он покачал головой:

— Я ценю вашу благодарность. Но все мои гонорары исчерпываются моим контрактом с Ханилищем.

— Но... — Нет. Я не могу принять это, так что, прошу вас, не стоит и обсуждать. — Он показал мне руку и сказал: — До свидания! Если встанете на эту ленту, то попадете как раз к главному офису. — Он помедлил. — Если новая жизнь на первых порах окажется утомительной, то вы имеете право провести у нас еще четверо суток на отдыхе и переориентации, без дополнительной платы — это входит в условия вашего контракта и вами уже оплачено. Так что можете воспользоваться. Приходить и уходить можно в любое время.

Я улыбнулся.

— Спасибо, док. Можете держать пари, что если я и вернусь сюда когда-нибудь, то только для того, чтобы повидаться с вами.

Я сошел с ленты возле управления и сообщил автоматическому секретарю у входа, кто я такой. Он вручил мне конверт — это оказалось еще одно послание от миссис Шульц. Я так и не позвонил ей: я не знал, кто она такая, а по правилам Ханилища проснувшийся клиент был огражден от посетителей и звонков до тех пор, пока сам не разрешит принимать их. Я просто глянул на конверт и сунул его в карман, подумав при этом, что, наверное, я перестарался, сделав «Салли» слишком универсальной: секретарши все-таки должны быть хорошенькими девушками, а не роботами.

Früher gab es als Empfangsdamen nur hübsche Mädchen, keine Maschinen.

Der Empfangsautomat sagte: "Hier herüber bitte. Unser Schatzmeister möchte Sie sprechen."

Nun, auch ich wollte zu ihm, also ging ich hinüber. Ich fragte mich, wieviel Geld ich inzwischen angesammelt hatte, und gratulierte mir zu meiner Kühnheit bei der Investierung meines Vermögens. Zweifellos waren meine Aktien bei der Panik von 1987 gefallen, aber inzwischen mußten sie wieder oben angelangt sein – ich wußte sogar, daß zwei Aktienpakete jetzt hohen Wert besaßen. Ich hatte den Wirtschaftsteil der ›Times‹ gelesen.

Die Zeitung trug ich immer noch bei mir.

Der Schatzmeister war ein menschliches Wesen, wenn er auch allzusehr wie ein Schatzmeister aussah. Er drückte mir hastig die Hand.

"Guten Tag, Mr. Davis. Ich heiße Doughty."

Nehmen Sie bitte Platz."

"Guten Tag, Mr. Doughty", sagte ich. "Ich werde Ihre Zeit nicht über Gebühr in Anspruch nehmen müssen. Sagen Sie mir nur das eine: Regelt meine Versicherung die finanzielle Seite durch Ihr Büro oder soll ich zur Zentrale gehen?"

"Nehmen Sie doch bitte Platz. Ich muß Ihnen verschiedenes erklären."

Ich setzte mich. Sein Büroassistent – wieder der gute alte ›Frank‹ – brachte ihm eine Akte, und Doughty sagte: "Da sind Ihre Originalverträge.

Wollen Sie sie sich ansehen?" Und ob ich das wollte.

Автоматический секретарь сказал:

— Пройдите сюда, пожалуйста. С вами хочет побеседовать наш казначей.

Ну, я тоже не прочь был его увидеть, так что я пошел в указанном направлении. Мне было очень интересно, сколько у меня теперь денег. Вне всякого сомнения, акции мои упали во время Паники-87, но теперь они, должно быть, опять поднялись. Я уже прочел финансовый раздел «Таймс» и знал, что как минимум два пакета стоят сейчас кучу денег. Я даже сохранил газету в расчете, что, возможно, захочу посмотреть и котировку других акций.

Казначей оказался живым человеком, хотя и выглядел сущим казначеем. Рукопожатие у него было кратким.

— Здравствуйте, мистер Дэвис. Садитесь, пожалуйста. Я — мистер Доути.

Я сказал:

— Здравствуйте, мистер Доути. Я, собственно, не собирался у вас рассиживаться. Вы мне только скажите: моя страховая компания ведет свои дела через вас? Или мне придется ехать к ним?

— Присядьте, пожалуйста.
Я должен вам кое-что объяснить.

Я сел. Помощник (опять добрая старая «Салли») принес ему папку, и он сказал:

— Вот ваши контракты. Хотите взглянуть?

Seit dem Erwachen fragte ich mich, ob es Betty gelungen war, den Scheck zu ihren Gunsten auszuwerten. Gewiß, er war notariell beglaubigt gewesen, also nicht so leicht zu stehlen wie ein normaler, aber Bettys Ideen waren oft recht originell.

Mit großer Erleichterung stellte ich fest, daß sie bis auf den Nebenvertrag für Pete und die schriftliche Abmachung über die Verwendung meines Aktienbesitzes an der ›Dienstboten-AG‹ nichts genommen hatte. Die beiden anderen Papiere mußte sie wohl verbrannt haben, um keine Unannehmlichkeiten zu haben. Sorgfältig prüfte ich die Stellen, wo sie ›Mutual-Versicherungsgesellschaft‹ in ›Master Versicherungsgesellschaft für Kalifornien‹ abgeändert hatte.

Sie war wirklich eine Künstlerin in ihrem Fach, das mußte man neidlos zugeben. Ein guter Kriminalist mit Mikroskop, Vergleichs-Stereo, chemischen Untersuchungen und ähnlichem hätte wohl beweisen können, daß die Dokumente gefälscht worden waren, aber ich nicht. Ich fragte mich nur, wie sie mit dem Girervermerk auf der Scheckrückseite zurechtgekommen war, da beglaubigte Schecks grundsätzlich nur auf nicht radierbarem Papier ausgefertigt werden dürfen. Einen Radiergummi hatte sie wohl auch nicht benutzt – was dem einen einfällt, kann ein anderer übertrumpfen ... und Betty war in dieser Hinsicht mit allen Wassern gewaschen.

Mr. Doughty räusperte sich. Ich hob den Kopf.

"Können wir die Sache gleich hier abschließen?"

"Ja."

Я очень хотел взглянуть: я очень боялся, что Белла сумела придумать, как покивиться удостоверенным чеком.

Проделывать такие фокусы с удостоверенными чеками гораздо сложнее, чем с именными, но Белла была ловкая девушка.

Я с облегчением обнаружил, что все мои платежные поручения остались нетронутыми. Исчез только отдельный контракт на Пита и распоряжение относительно моих акций «Золушки Инк.».

Наверное, она их просто сожгла, чтобы избежать нежелательных вопросов. Я внимательно исследовал еще с десяток мест в документах, где она исправила «Мьючел эшшуранс компани» на «Мастер иншуранс компани оф Калифорния».

Да, работала наша девчонка артистически, спору нет. Наверное, эксперт-криминалист, вооруженный микроскопом, стерео-лупой, разными реактивами и прочим, смог бы доказать, что в каждый из этих документов вносились изменения; я не смог бы. Мне было интересно, как она справилась с надписью на обороте удостоверенного чека: ведь их печатают на специальной бумаге, якобы исключающей подчистки. Ну, она тоже пользовалась не школьным ластиком. Что один человек может придумать, то другой сможет перехитрить. А Белла была очень хитра.

Мистер Доути кашлянул. Я оторвался от бумаг.

— Мы можем урегулировать вопрос о моих сбережениях здесь?

— Да.

"Dann also kurz und bündig: Wieviel?" "Mr. Davis, bevor wir zu dieser Frage kommen, möchte ich Ihre Aufmerksamkeit auf ein zusätzliches Dokument lenken ... und auf einen besonderen Umstand. Das hier ist der Vertrag zwischen unserem Institut und der ›Master-Versicherung‹ für Ihre Hyperthermie, Betreuung und Wiedererweckung."

Sie sehen, daß das Gesamthonorar im voraus bezahlt ist. Damit sind sowohl Sie als auch wir gedeckt. Das Vermögen wird beim obersten Gericht hinterlegt und daraus vierteljährlich der jeweilige Betrag an uns abgeführt." "Gut."

Klingt sehr vernünftig."

"Das ist es auch. Die Hilflosen werden dadurch geschützt. Sie müssen sich nun darüber im klaren sein, daß dieses Sanktum eine eigene Gesellschaft ist und der Betreuungsvertrag mit dem für die Bearbeitung Ihrer Vermögensangelegenheiten abgeschlossenen nichts zu tun hat."

"Worauf wollen Sie hinaus?"

"Besitzen Sie, abgesehen von den Beträgen, die Sie bei der Master-Versicherung hinterlegt haben, noch anderes Vermögen?"

Ich dachte nach. Früher hatte ich einmal ein Auto besessen ... aber der Himmel wußte, was daraus geworden war. Mein Konto in Mojave hatte ich gleich zu Beginn der Sauftour abgeräumt, und an dem Tag, als ich in Miles' Haus und in der Patsche gelandet war, trug ich höchstens dreißig bis vierzig Dollar bei mir. Bücher, Kleidung, Rechenschieber und die übrigen Kleinigkeiten waren sowieso dahin.

"Nicht einmal eine Busfahrkarte, Mr. Doughty."

"Dann – so leid es mir tut, Ihnen das sagen zu müssen – stehen Sie ohne Vermögen da."

— Тогда меня интересует только одно: сколько?

— Хм-м... Мистер Дэвис, прежде чем мы углубимся в этот вопрос, я бы хотел обратить ваше внимание на один дополнительный документ и на одно обстоятельство. Это контракт между нашим Хранилищем и «Мастер иншуранс офф Калифорния», предусматривающий ваше введение в анабиоз, хранение в условиях гипотермии и последующее возвращение к нормальному состоянию. Как вы, вероятно, заметили, полная стоимость наших услуг внесена авансом. Это сделано как для нашего спокойствия, так и для вашей защиты, поскольку гарантирует ваше благополучие, когда вы беспомощны. Эти деньги — и все аналогичные суммы — депонируются в отделение банка, контролируемого судебными органами, ведающими опекунством, и выплачиваются нам помесячно в течение всего срока пребывания у нас.

— Разумная предосторожность, на мой взгляд.

— Так оно и есть.

Она защищает беспомощных. Теперь вы, должно быть, понимаете, что наше Хранилище — это совершенно отдельная от вашей страховой компании корпорация, а контракт на ваше пребывание у нас на хранении — совершенно отдельный от контракта на распоряжение принадлежащими вам ценностями.

— Мистер Доути, к чему вы клоните?

— Есть ли у вас иное имущество, кроме тех ценных бумаг, что вы доверили хранить «Мастер иншуранс компани»?

Я прикинул. Когда-то у меня была машина. Бог ее знает, что с нею стало. Текущий счет в Мохаве я закрыл, сняв с него все, что было, когда запил. А в тот бурный день, когда я попал к Майлсу и нарвался на зомбина, у меня было от силы долларов тридцать-сорок наличными. Книжки, шмотки, логарифмическая линейка — я никогда не был барахольщиком — и прочие пустяки наверняка пропали.

— Боюсь, что даже проездного билета на автобус не найдется.

— Тогда — мне очень неприятно сообщать вам об этом — у вас вообще ничего нет.

Ich brachte geraume Zeit kein Wort heraus.

"Was soll das heißen? Du lieber Gott, einige der Firmen, bei denen ich Aktien gekauft hatte, sind in ausgezeichneter Verfassung. Das weiß ich ganz genau. Hier steht es schwarz auf weiß." Ich hob anklagend meine Zeitung.

Er schüttelte den Kopf.

"Tut mir leid, Mr. Davis, aber Sie besitzen keine Aktien mehr. Die ›Master-Versicherung‹ mußte Konkurs anmelden."

Ich war froh, daß ich saß. Mir wurde ganz übel.

"Wie ist das passiert? Bei der Panik?"

"Nein, nein. Zum Teil lag es am Zusammenbruch des Mannix-Konzerns ... aber natürlich wissen Sie davon nichts. Er ereignete sich nach der Panik, und man kann wohl sagen, daß er in der Panik seinen Ursprung hatte. Die ›Master-Versicherung‹ wäre trotzdem nicht zusammengebrochen, wenn man sie nicht systematisch ausgeraubt hätte ... ›Melken‹ nennt man das mit einem unfeinen Wort. Bei normaler Konkursverwaltung hätte man noch einiges retten können, aber sogar daran haperte es. Bis man dahinterkam, war die Firma nur noch ein hohles Gebäude ... und die Verantwortlichen hatten sich rechtzeitig abgesetzt. Unter der heutigen Gesetzgebung könnte so etwas nie passieren, wenn Ihnen das ein Trost ist."

Nein, das war kein Trost, und außerdem glaubte ich es nicht.

Mein Vater hatte immer behauptet, daß sich die Möglichkeiten für Betrügereien mit der Komplizierung der Gesetze vervielfachten.

Aber er pflegte auch zu sagen, daß ein kluger Mann immer darauf vorbereitet sein muß, auf sein Gepäck zu verzichten. Ich fragte mich, wie oft man mich noch dazu zwingen würde, bis ich als ›klug‹ gelten durfte.

Голова у меня закружилась, но я умудрился не упасть.

— Что вы хотите сказать? Как же так, ведь акции некоторых компаний, в которые я вложил деньги, стоят очень высоко. — Я протянул ему свой утренний номер «Таймс».

Он покачал головой.

— Мне очень жаль, мистер Дэвис, но у вас нет никаких акций. «Мастер иншуранс» разорилась.

Хорошо, что он предложил мне сесть заранее: я почувствовал слабость.

— Как это случилось? Во время Паники?

— Нет-нет. Их банкротство было частью падения группы «Манникс». Но, естественно, вы про это не знаете. Это случилось уже после Паники, хотя можно сказать, что началось это именно с Паники. Но «Мастер иншуранс» выдержала бы, если бы ее систематически не грабили. Есть такое грубое слово — «доить». Вот ее доили. Будь это просто управление через подставных лиц, что-нибудь удалось бы сберечь. Но тут было другое. К тому времени, как дело открылось, от компании осталась только пустая скорлупа. А люди, совершившие все это, сбежали за границу и смогли избежать выдачи. Кхе-кхе, если это может служить для вас утешением, скажу, что при наших нынешних законах этого бы не случилось.

Нет, утешение в этом было слабое, да и не верю я в это. Мой старик утверждал, что чем сложнее законы, тем вольготнее мошенникам.

Но он же говаривал, что умный человек должен всегда быть готов расстаться со своим багажом. Интересно, подумал я, сколько раз нужно быть одураченным, чтобы сойти за умного?

"Äh, Mr. Doughty, aus reiner Neugier eine Frage:
Wie ist es der ›Mutual-Versicherung‹ ergangen?"

"Der Mutual? Eine erstklassige Firma. Während
der Panik mußte sie natürlich wie alle anderen
Unternehmen Verluste hinnehmen, aber man hat sie
überstanden. Sind Sie dort etwa versichert?"

"Nein."

Ich klärte ihn nicht auf, es war sinnlos. An die Mutual konnte ich mich nicht wenden; meinen Vertrag dort hatte ich nicht erfüllt. Ich konnte die ›Master-Versicherung‹ auch nicht verklagen, weil man einer Leiche nichts mehr wegnehmen kann. Wenn Miles und Betty noch am Leben waren, konnte ich sie verklagen – aber wozu? Ich hatte ja nicht den geringsten Beweis. Außerdem wollte ich Betty nicht verklagen. Es würde viel schöner sein, sie mit null und nützige zu tätowieren – mit einer möglichst stumpfen Nadel. Dann mußte ich Rache für Pete nehmen. Ich hatte mir für dieses Verbrechen die passende Strafe noch gar nicht ausgedacht.

Plötzlich fiel mir ein, daß Miles und Betty an die Mannix-Leute hatten verkaufen wollen, als sie mich übers Ohr hauen.

"Mr. Doughty, sind Sie sicher, daß der Mannix-Konzern kein Vermögen mehr besitzt? Ist er denn nicht Eigentümer der ›Dienstboten-AG‹?"

"›Dienstboten-AG‹? Meinen Sie die Automatik-Geräte-Firma?"

"Ja, natürlich."

"Das halte ich kaum für möglich. Es ist sogar ausgeschlossen, weil der Mannix-Konzern überhaupt nicht mehr besteht. Natürlich kann ich nicht behaupten, daß es nie eine Verbindung zwischen der ›Dienstboten-AG‹ und den Mannix-Leuten gab. Aber sehr eng kann sie nicht gewesen sein, sonst hätte ich davon gehört."

— Э-э, мистер Доути, просто из любопытства: а как обошлась компания «Мьючел эшшуранс»?

— «Мьючел эшшуранс компани»? Прекрасная фирма. Ну, во время Паники им тоже досталось, как и всем остальным. Но они выкарабкались. Вы и у них тоже застраховались?

"Нет."

Я не стал вдаваться в подробности – какой смысл?

Рассчитывать на «Мьючел» не приходилось: я ведь не воспользовался своим контрактом с ними. Подавать в суд на «Мастер иншуранс» тоже бесполезно: что толку судиться с разорившимся трупом?

Вдруг я вспомнил, что Белла с Майлсом собирались продать «Золушку Инк.» группе «Манникс», когда выберли меня вон.

— Мистер Доути, а вы уверены, что у «Манникс» ничего нет?

Разве они не владеют «Золушкой Инк.»?

— «Золушкой»? Вы имеете в виду фирму, выпускающую автоматические бытовые машины?

— Да, конечно.

— Мне кажется, это почти невозможно. То есть это попросту невозможно, поскольку группы «Манникс», как таковой, больше просто не существует. Я, конечно, не могу утверждать, что между корпорацией «Золушка» и типами из «Манникс» никогда не существовало никакой связи. Но я не думаю, что это была серьезная связь, если таковая вообще была — я бы что-то знал об этом.

Ich ließ es sein. Wenn Miles und Betty von Mannix mit in den Untergang gerissen worden waren, sollte es mir recht sein. Sollte aber Mannix die »Dienstboten-AG« besessen und sie ebenfalls gemolken haben, so mußte Ricky schwere Verluste erlitten haben. Und Ricky sollte nicht zu Schaden kommen, gleichgültig, was sonst auf dem Spiel stand.

Ich erhob mich.

"Na, dann vielen Dank dafür, daß Sie es mir sanft beigebracht haben, Mr. Doughty. Ich muß jetzt gehen." "Bleiben Sie noch, Mr. Davis ... wir in diesem Institut fühlen uns für unsere Klienten weit über den Buchstaben des Vertrages hinaus verantwortlich. Sie werden begreifen, daß es sich bei Ihnen nicht um den ersten derartigen Fall handelt. Unser Vorstand hat mir nun einen kleinen Fonds für Überbrückungen in solchen Härtefällen zur Verfügung gestellt. Er ..." "Keine Wohltätigkeit, Mr. Doughty. Trotzdem vielen Dank."

"Es handelt sich nicht um Almosen, Mr. Davis, sondern um ein Darlehen. Glauben Sie mir, Verluste mit solchen Darlehen haben wir kaum ... und wir möchten nicht, daß Sie unser Haus mit leeren Taschen verlassen."

Ich dachte angestrengt nach. Ich hatte nicht einmal Geld fürs Haar schneiden. Geld ausleihen ist aber andererseits eine äußerst riskante Sache ... und ein kleines Darlehen ist schwerer zurückzuzahlen als eine Million.

"Mr. Doughty", sagte ich schleppend, "Dr. Albrecht erklärte mir vorhin, mir stünden noch vier Pflegetage zu."

"Das ist sicherlich richtig – ich müßte auf Ihrer Karte nachsehen. Übrigens werfen wir keinen Menschen hinaus, auch wenn der Vertrag abgelaufen ist."

"Das hatte ich auch nicht angenommen. Aber wie hoch ist der Tagessatz für ein Zimmer wie meines?"

Я махнул на это дело рукой: если «Манникс», рухнув, подмяла Беллу и Майлса, это вполне меня устраивало. Но, с другой стороны, если «Манникс» владела «Золушкой Инк.» и «доила» ее, то это ударило по Рики так же, как и по этим двум. А я не хотел, чтобы пострадала Рики, независимо от побочных эффектов.

Я поднялся.

— Ну что ж, мистер Доути... Спасибо за обстоятельные разъяснения. Я, пожалуй, пойду... — Не уходите еще минутку, мистер Дэвис. Наше заведение... мы чувствуем определенную ответственность за судьбы наших клиентов, выходящую за рамки наших с ними контрактов. Вы же понимаете, что вы — не первый, кто попал в подобное положение. Совет директоров предоставил в мое распоряжение определенную сумму денег, так сказать, фонд помощи, дабы я мог в подобных случаях несколько облегчить участия наших бывших подопечных. Эти... — Мне не нужна благотворительность, мистер Доути. Но тем не менее спасибо.

— Это не благотворительность, мистер Дэвис. Это заем. Можете назвать его «рисковая ссуда». Наши потери по таким займам просто мизерны... а мы не хотели бы выпускать вас отсюда с пустыми карманами.

Я призадумался. Мне сейчас даже постричься было не на что. Но, с другой стороны, занимать деньги — все равно что пытаться плыть, держа в каждой руке по кирпичу... А маленькую сумму, взятую в долг, отдать труднее, чем миллион.

— Мистер Доути, — сказал я медленно, — доктор Альбрехт сказал, что я могу занимать здесь койку и получать миску похлебки еще четыре дня.

— Я полагаю, это так; надо взглянуть в вашу карточку. Не подумайте, конечно, что мы можем вышвырнуть человека за дверь, если он не готов к выписке, а оговоренное контрактом время вышло.

— Я так и думал. Но сколько стоит в сутки комната, которую я занимал у вас, и питание?

"Wie? Unsere Zimmer stehen nicht gegen
Bezahlung eines bestimmten Pflegesatzes zur Verfügung.
Wir sind ja kein Krankenhaus; wir betreiben nur ein
Therapieheim für unsere Klienten."

"Ja, gewiß. Aber Sie müssen den Satz doch kennen,
weil er immerhin für die Kalkulation wichtig sein dürfte."

"Mmmm ... ja und nein. Die Zahlen werden nicht
auf dieser Grundlage errechnet. Die Unterkosten sind
Abschreibung, Spesen, Betrieb, Reserven, Diätküche,
Personal und so weiter. Ich könnte aber schätzen."

"Äh, nicht nötig. Was würden in einem
vergleichbaren Krankenhaus Bett und Verpflegung
kosten?"

"Da weiß ich nicht genau Bescheid. Immerhin darf
man vielleicht von etwa hundert Dollar pro Tag
ausgehen."

"Vier Tage ständen mir noch zu. Leihen Sie mir
vierhundert Dollar?"

Er erwiederte nichts, statt dessen rief er seinem
mechanischen Gehilfen einen Zahlen-Code zu. Dann
wurden mir acht Fünfzig-Dollar-Scheine in die Hand
gezählt.

"Danke", sagte ich erfreut, als ich das Geld
einstekkte. "Ich werde mich bemühen, den Betrag nicht
allzulange schuldig zu bleiben. Sechs Prozent? Oder
sind die Zinsen gestiegen?"

Er schüttelte den Kopf.

"Das ist kein Darlehen. Nach Ihren Bemerkungen
vorhin habe ich den Betrag mit der von Ihnen nicht in
Anspruch genommenen Zeit aufgerechnet."

— Но ведь мы не сдаем комнаты. И у нас тут не
больница: мы просто создаем необходимые условия,
чтобы наши клиенты, проснувшись, могли немножко
прийти в себя.

— Да, конечно.
Но сколько это стоит, вы должны знать — хотя бы для
отчетов перед налоговым управлением.

— Мм-м... и да и нет. Наши цены
устанавливаются по-другому. Значит, так:
амортизация; потом — содержание управленческого
персонала, накладные расходы, диетическое
питание, зарплата обслуживающего персонала... ну и
так далее. Думаю, можно было бы подсчитать.

— Не трудитесь. Сколько стоят сейчас сутки в
больнице, плюс питание?

— Это не совсем по моей части... но, я думаю,
где-то около ста долларов в сутки.

— Мне причиталось четыре дня.
Не могли бы вы ссудить мне четыреста долларов?

Вместо ответа он произнес какой-то цифровой
код, давая команду своему механическому
помощнику, который тут же отсчитал мне восемь
пятидесятидолларовых бумажек.

— Спасибо, — сказал я искренне, спрятав их. —
Сделаю все, что будет в моих силах, чтобы этот долг
не слишком долго за мною числился. Шесть
процентов? Или деньги подорожали?

Он отрицательно покачал головой.

— Это не кредит. Раз вы решили насчет своих
четырех дней так, я уже распорядился, чтобы их
считали израсходованными на это.

"Was? Hören Sie, Mr. Doughty, ich wollte Sie nicht einseifen. Selbstverständlich werde ich ..." "Bitte. Ich habe meinem Gehilfen aufgetragen, den Betrag auszugleichen, als ich ihn anwies. Wollen Sie unseren Buchhaltern wegen lumpiger vierhundert Dollar Schwierigkeiten machen? Ich wäre bereit gewesen, Ihnen weit mehr zu leihen."

"Na ja ... da kann ich wohl nichts mehr sagen. Übrigens, Mr. Doughty, wieviel Geld ist das eigentlich? Wie stehen die Preise?"

"Das ist eine schwierige Frage."

"Geben Sie mir einfach einen Hinweis. Wieviel muß man für eine Mahlzeit in einem Restaurant bezahlen?"

"Das ist noch verhältnismäßig preiswert. Für zehn Dollar bekommen Sie eine sehr anständige Mahlzeit, wenn Sie sich auf preiswerte Lokale beschränken."

Ich bedankte mich und ging angenehm überrascht von dannen. Mr. Doughty erinnerte mich an einen Zahlmeister, den ich beim Militär kennengelernt hatte. Es gibt nur zwei Sorten von Zahlmeistern: Die einen zeigen einem, wo in den Vorschriften steht, daß man nicht bekommen kann, was einem zusteht, und die anderen suchen in den Bestimmungen, bis sie einen Paragraphen finden, der einem etwas zukommen läßt, selbst wenn man keinen Anspruch hat.

Doughty gehörte zur zweiten Sorte.

Das Sanktum stand am Wilshire-Boulevard. Vor der Fassade standen Bänke, Sträucher und Blumen. Ich setzte mich auf eine Bank, um Inventur zu machen und zu entscheiden, ob ich mich nach Osten oder nach Westen wenden sollte. Bei Mr. Doughty hatte ich mir nichts anmerken lassen, aber in Wirklichkeit war ich ziemlich erschüttert, obwohl ich so viel Geld in der Tasche bei mir trug, daß ich wenigstens für eine Woche nicht Hunger zu leiden brauchte.

— Да? Послушайте, мистер Доути, я... — как бы это сказать — я не хотел выкручивать вам руки. Разумеется, я эти деньги... — Прошу вас, не стоите. Выдавая вам эти деньги, я приказал своему помощнику отметить, что они пошли на оплату вашего четырехдневного пребывания у нас. Вы же не хотите, чтобы у наших ревизоров болела голова из-за несчастных четырех сотен? Я собирался дать вам в долг гораздо больше.

— Ну что ж... Спорить не буду. Скажите, мистер Доути, это много? Какие сейчас цены?

— Мм-м... Трудный вопрос.

— Ну, хотя бы чтобы иметь представление. Сколько стоит поесть?

— Пища стоит вполне умеренно. За десять долларов вы можете прилично пообедать... если не будете выбирать дорогие рестораны.

Я снова поблагодарил его и ушел с очень теплым чувством к этому человеку. Мистер Доути напомнил мне нашего армейского казначея. Военные казначеи бывают двух видов: одни показывают вам, где написано, что вы не можете получить причитающегося вам, вторые роются в приказах и инструкциях до тех пор, пока не найдут подходящий параграф, чтобы заплатить вам то, что вам надо. Даже если вы этого не стоите.

Мистер Доути принадлежал ко второму виду.

Хранилище выходило фасадом на бульвар Уилшир. Перед входом были цветы, кустики, лавочки... Я присел на скамейку передохнуть и решить, куда податься: на восток или на запад. Перед мистером Доути я старался держаться орлом, но, честно говоря, я был просто потрясен, хотя у меня в кармане джинсов и трепыхалось достаточно, чтобы не голодать с недельку.

Aber die Sonne schien warm, und das Dröhnen des Autoverkehrs war angenehm, ich war jung – biologisch wenigstens –, hatte zwei Hände und meinen Kopf. Ich pfiff vor mich hin und schlug die ›Times‹ auf, um die Stellenangebote zu überfliegen. Ich widerstand der Versuchung, unter der Rubrik ›Ingenieure‹ nachzuschauen, und wandte mich sofort zur Spalte ›Ungelernt.‹

Однако солнышко грело, с автострады доносился приятный гул, я был молод (по крайней мере, биологически), и у меня были две руки и голова. Насвистывая «Аллилуя, я балбес», я развернул «Таймс» – поискать раздел «Требуются на работу». Я устоял перед искущением заглянуть в раздел «Профессионалы (инженеры)» и стал искать «Неквалифицированные рабочие».

6

Глава 6

Die Spalte war außerordentlich kurz. Ich konnte sie kaum finden.

Am zweiten Tag, Freitag, dem 15. Dezember, fand ich eine Stellung. Ich kam ein wenig unsanft mit dem Gesetz in Berührung und hatte einige Schwierigkeiten mit neuartigen Gewohnheiten. Ich stellte fest, daß »Wiederanpassung durch Lektüre« etwas gänzlich anderes war als durch Erfahrung am eigenen Leib.

Этот раздел был чертовски мал: я едва нашел его...

Я нашел работу на другой день, в пятницу. Я успел также чуть-чуть вступить в конфликт с законом, а кроме того, несколько раз что-то сказать или сделать не так, как теперь принято. Оказывается, проходить переориентацию, читая соответствующие руководства и справочники, — это все равно, что изучать секс по книжкам.

Ich hätte mich wohl leichter zurechtgefunden, wenn ich in Omsk, Santiago oder Djakarta aufgewacht wäre. In einer fremden Stadt weiß man, daß anders gelebt wird, aber in Groß-Los-Angeles erwartete ich unbewußt, alles wie früher vorzufinden, obwohl ich die Veränderungen mit eigenen Augen sehen konnte.

Dreißig Jahre vergehen natürlich wie nichts; jeder macht im Lauf seines Lebens Veränderungen in kleinerem oder größerem Umfang mit, aber schlagartig sind sie eben doch schwer zu verdauen. Manche Wörter hatten einen völlig anderen, meist auch zweideutigen oder gar eindeutigen Sinn bekommen. Ich geriet zu Anfang häufig in peinliche, ja sogar in gefährliche Situationen. Aber ich kam zurecht. In meiner Stellung mußte ich neue Bodenlimousinen zu Schrott zerdrücken, damit sie nach Pittsburgh in die Stahlwerke geliefert werden konnten. Cadillacs, Chryslers, Eisenhowers, Lincolns – alle Arten großer, neuer, starker Turbinenautos, die noch nicht einen Kilometer gefahren waren. Zwischen die Pressenkiefer schieben, dann knirsch! peng! – Schrott für Hüttenöfen.

Mir tat es anfangs weh, weil ich immer noch mit den Gleitbahnen zur Arbeit kommen mußte und mir nicht einmal einen Schwerkraftwagen leisten konnte. Ich gab meiner Meinung Ausdruck und hätte beinahe meinen Posten verloren ... bis dem Schichtführer einfiel, daß ich ein Schläfer und somit nicht ganz zurechnungsfähig war.

Наверное, мне было бы в чем-то легче, если бы я обосновался где-нибудь в Омске, Сантьяго или Джакарте. В чужом городе и в чужой стране обычаи заведомо должны быть другими, чем дома. Но в Большом Лос-Анджелесе я подсознательно ожидал, что все осталось по-прежнему, хотя я и видел, что многое изменилось. Конечно, тридцать лет – срок небольшой; даже в течение жизни одного человека на свете успевает измениться немало. Но вот так, одним глотком, – это совсем другое дело... Как-то, например, я совершенно невинно употребил одно словечко. Присутствовавшая при это дама оскорбилась, а ее муж уже был готов врезать мне в зубы – только мои торопливые объяснения, что я сонник, остановили его. Я не стану приводить это слово здесь. А впрочем, почему бы и нет? Я же делаю это, чтобы объяснить вам: когда я был мальчишкой, это слово считалось совершенно приличным. Не верите на слово – загляните в какой-нибудь старый словарь. В мое время никто не писал это слово мелом на заборах. Слово это – «ломка». Были и другие слова, которые я и по сей день употребляю с опаской. Это не обязательно слова, ставшие нецензурными, – просто изменившие смысл. Например, «преемник»: раньше это слово означало человека, который изучил то или иное дело, чтобы заменить другого, более старого человека. И никакого отношения к уровню рождаемости оно не имело... Но в целом я справлялся. Работу я нашел такую: я пускал под пресс новехонькие лимузины, и их увозили обратно в Питсбург – там принимали металлом. «Кадиллаки», «крайслеры», «линкольны» и «Эйзенхауэры» – самые разные машины, новенькие, красивые, мощные, не набегавшие еще ни километра. Я загонял их между стальными челюстями пресса и – ба! трах! хрр-рум!.. металлом к переплавке готов.

Сперва мне было просто больно смотреть на это – сам-то я ездил на работу на ленте, потому что денег у меня не было даже на грависок. Однажды я высказал свое мнение на этот счет, и меня чуть не вышибли с работы. Слава богу, мастер вспомнил, что я – сонник и действительно не понимаю.

"Das ist eine ganz einfache Wirtschaftlichkeitsrechnung. Die überschüssigen Fahrzeuge hat die Regierung als Sicherheit für Preisstütz-Darlehen angenommen. Sie sind jetzt zwei Jahre alt und können nie verkauft werden ... also verschrottet die Regierung die Fahrzeuge und verkauft sie wieder der Stahlindustrie. Man kann einen Hüttenofen nicht nur mit Erz betreiben; er braucht auch Schrott. Das müßten sogar Sie als Schläfer wissen. Tatsächlich wird bei dem herrschenden Mangel an hochwertigen Erzen der Bedarf an Schrott immer größer. Die Stahlindustrie hat diese Autos bitter nötig."

"Aber warum werden sie denn überhaupt gebaut, wenn man sie nicht verkaufen kann? Das sieht doch nach Verschwendungen aus."

"Es sieht nur so aus. Wollen Sie Arbeitslosigkeit? Soll der Lebensstandard sinken?"

"Na ja, warum exportiert man dann die Fahrzeuge nicht? Auf dem freien Markt im Ausland müßte doch mehr dafür zu erzielen sein als der Schrottewert."

"Was! – und den Exportmarkt kaputtmachen? Wenn wir Fahrzeuge in großen Mengen ins Ausland exportieren, würde man außerdem sehr böse auf uns werden – Japan, Frankreich, Deutschland, Großasien, alle Länder. Was haben Sie vor? Wollen Sie einen Krieg anfangen?" Er seufzte und fuhr in väterlichem Ton fort: "Gehen Sie in die Stadtbibliothek und holen Sie sich ein paar Bücher. Sie haben kein Recht auf eine eigene Meinung über diese Angelegenheiten, bis Sie sich genau informiert haben."

— Это же элементарная экономика, сынок. Это — сверхнормативные машины, которые правительство приняло в залог под выданные дотации на погашение разницы в ценах. Им уже добрых два года, и продать их не удастся. Поэтому правительство прессует их и продает металлом сталелитейной компании. Сталь нельзя плавить только из руды: надо непременно добавлять и металлом. Тебе бы следовало это знать, хоть ты и сонник. А теперь, когда хорошая руда вообще редкость, спрос на металлом весьма высок. Стальпавильщикам очень нужны эти машины.

— Но зачем же их делать, если нельзя их продать? Это выглядит расточительством.

— Это только выглядит расточительством. Ты что же, хочешь, чтобы люди остались без работы? Чтобы уровень жизни упал?

— Тогда почему бы не продавать их за рубеж? Мне кажется, на внешнем рынке за них можно выручить больше, чем за металлом.

— Что? И загубить внешний рынок? Да, кроме того, если мы начнем их экспортствовать, то испортим отношения с Японией, Францией, Германией, с Великой Азией, да со всеми. Ты что, хочешь развязать войну? — Он вздохнул и сказал отеческим тоном: — Ступай-ка в библиотеку да почитай.

Какое ты имеешь право рассуждать об этом, если ничего не знаешь?

Ich hielt den Mund. Ich sagte ihm nicht, daß ich meine ganze Freizeit in der Stadt- oder Universitätsbibliothek verbrachte. Ich hatte bisher nirgends zugegeben, daß ich – jedenfalls früher – Ingenieur war – das jetzt zu behaupten wäre dasselbe gewesen, als hätte ich mich bei Du Pont eingefunden, um zu erklären: "Herr, Ihr seht einen Alchimisten vor Euch. Könnt Ihr meine Dienste gebrauchen?" Ich kam noch einmal auf das Thema zu sprechen, weil mir auffiel, daß nur sehr wenige der zu verschrottenden Autos wirklich fahrbereit waren. Die Verarbeitung zeigte erhebliche Mängel, und oft fehlten Armaturen und Klimaanlagen. Aber als ich eines Tages ein Fahrzeug entdeckte, bei dem man sogar die Turbinen vergessen hatte, machte ich den Mund auf.

Der Schichtführer starrte mich an.

"Du lieber Himmel, Sie verlangen doch wohl nicht, daß man bei Überschuß-Fahrzeugen beste Handwerksarbeit liefert? Diese Autos waren als Sicherheit gedacht, bevor sie überhaupt vom Fließband gingen."

Diesmal hielt ich endgültig den Mund. Ich würde gut daran tun, mich auf Ingenieurtechnik zu beschränken; von Wirtschaftstheorie verstand ich nichts. Aber ich hatte sehr viel Zeit zum Nachdenken. Mein Posten war für mich keine richtige Stellung; die ganze Arbeit leistete ›Vielzweck-Frank‹ in seinen verschiedenen Verkleidungen. ›Frank‹ und seine Brüder steuerten die Presse, schoben die Autos an die richtige Stelle, fuhren den Schrott an, zählten und wogen die Ladungen; meine Aufgabe bestand nur darin, auf einer kleinen Plattform zu stehen – sitzen durfte ich nicht – und einen Schalter zu bewachen, mit dem die ganze Anlage stillgelegt werden konnte, sobald irgend etwas schiefging. Das kam nie vor, aber ich stellte bald fest, daß ich in jeder Schicht mindestens einen Defekt entdeckte, alles abstellen und eine Reparaturmannschaft auf den Weg schicken mußte.

Das erwartete man von mir. Nun ja, ich verdiente einundzwanzig Dollar am Tag und konnte mich wenigstens ernähren.

Я промолчал и не стал говорить ему, что все свое свободное время провожу в библиотеке Лос-Анджелесского университета или в публичной библиотеке; промолчал я и о том, что когда-то был инженером.

А сказать просто «я – инженер» было бы все равно что прийти к Дюпону и сказать: «Досточтимый сударь, я алхимик. Не угодно ли испытать мое искусство?» Еще раз я затеял разговор на эту тему, заметив, что большинство предназначенных к переплавке машин были не готовы к тому, чтобы на них ездили: кое-где видны были дефекты сборки, а в некоторых отсутствовали необходимые части: приборы на щитке управления или кондиционеры. А уж когда я увидел, что у идущей под пресс машины вообще нет силового агрегата, меня прорвало.

Начальник смены выкатил глаза:

— Господи ты боже мой! Сынок, а с чего ты взял, что под пресс обязательно пустят самые лучшие машины? Это же излишки. Дотация в них была заложена еще до того, как они сошли с конвейера!

После этого я заткнулся надолго. Лучше уж я ограничу свой интерес техникой: экономика для меня – темный лес... Но времени на размышления у меня хватало. По моим понятиям, моя работа работой, в сущности, и не была: всю работу делали «Салли» в разных обличьях. «Салли» управляла прессом; ее «сестры» подгоняли под него машины, оттаскивали в сторону спрессованные, считали и взвешивали их. Моя же работа заключалась в следующем: я стоял на небольшом возвышении (сидеть не полагалось) и держался рукой за рубильник, останавливающий все операции, если что-то пойдет не так. Все всегда шло «так», но мне дали понять, что хотя бы раз в смену я должен был уличить автоматику в какой-нибудь погрешности, остановить работу и вызвать ремонтников.

Ну что ж...

За это платили двадцать один доллар в день – на еду хватало. Все-таки самые важные вопросы надо решать в первую очередь.

Nach Abzug von Sozialversicherung, Gewerkschaftsbeitrag, Einkommensteuer, Verteidigungssteuer, Krankenkasse und Wohlfahrtsfonds konnte ich ungefähr sechzehn davon heimtragen. Mr. Doughty hatte nicht recht gehabt, als er eine Mahlzeit zehn Dollar kosten ließ. Man bekam ein sehr anständiges Mittagessen schon für drei Dollar, wenn man nicht auf echtem Fleisch bestand, und kein Mensch kennt den Unterschied zwischen einem synthetischen und einem echten Hacksteak. Bei den vielen Gerüchten über geschmuggeltes Fleisch, von dem man radioaktiv verseucht werden konnte, war ich mit Ersatzprodukten sehr zufrieden.

Ein anderes Problem war es gewesen, ein Zimmer zu finden. Seit Los Angeles der Slumbeseitigung im Sechswöchigen Krieg entgangen war, hatte sich dort eine erstaunliche Anzahl von Flüchtlingen eingefunden – ich mußte mich wohl dazuzählen, obwohl ich mich damals nicht dafür gehalten hatte –, und offensichtlich war auch nicht ein einziger davon wieder heimgefahren, selbst Leute nicht, deren Häuser noch standen. Die Stadt – wenn man Groß-Los-Angeles noch eine Stadt nennen konnte, sie ist eher ein Zustand – war schon zu meiner Zeit am Ersticken gewesen; jetzt platzte sie aus allen Nähten. Vielleicht war es ein Fehler, den Smog zu beseitigen; in den sechziger Jahren suchten wenigstens jedes Jahr ein paar Leute wegen Asthma das Weite.

Jetzt schien überhaupt kein Mensch mehr wegzuziehen.

Am Tag nach meiner Entlassung aus dem Sanktum war ich mit mehreren Problemen beschäftigt, nämlich wie ich 1. eine Stellung, 2. ein Zimmer finden, 3. die Entwicklung in meinem Beruf aufholen, 4.

Ricky finden, 5. wieder in meinen Beruf zurückkehren, 6.

После всех отчислений (социальное страхование, профсоюзные взносы, подоходный налог, оборонный налог, медицинская страховка и «добровольные пожертвования») у меня оставалось шестнадцать долларов. Мистер Доути был не прав, когда утверждал, что обед стоит десять долларов: вполне приличный обед можно было получить и за три доллара, если не ставить целью обязательно отведать натурального мяса. Я лично и сейчас уверен, что никто из вас не отличит, какое мясо паслось на пастбище, а какое росло в баке с питательным раствором. А наслушавшись разговоров о контрабандном мясе, от которого может быть лучевая болезнь, я решил удовлетворяться заменителями.

С жильем было посложнее. Поскольку во время Шестинедельной войны Лос-Анджелес не вошел в зону сноса ветхого жилого фонда ускоренным и широкозахватным способом (ему не досталось ни одной атомной бомбы), то туда понаехали поразительное число беженцев. Наверное, в определенном смысле я тоже был одним из них, хотя в то время я так о себе не думал. И похоже, никто из них не спешил возвращаться домой – даже те, чьи дома уцелели. Город – если Лос-Анджелес вообще город (по-моему, это следует называть «среда обитания») – задыхался еще тогда, когда я отправился спать в 1970-м. А теперь он был набит битком, как дамская сумочка. Возможно, избавление от смога было в некотором роде ошибкой: в шестидесятые годы довольно много народа уезжало из города из-за хронического синусита.

Теперь, очевидно, не уезжал никто.

В тот день, когда я покинул Хранилище, у меня уже созрел определенный план: 1) найти работу; 2) найти кров; 3) наверстать упущенное по инженерно-технической части;

4) найти Рики; 5) вернуться к занятиям конструированием (если это вообще в человеческих силах);

Betty und Miles aufspüren und ihnen alles heimzahlen sollte – ohne im Gefängnis zu landen, und 7. Diverses erledigen konnte, zum Beispiel die Nachforschung nach dem Originalpatent für den ›Eifrigen Erich‹ betreiben und den Nachweis für meine Vermutung erbringen, daß es sich in Wirklichkeit um ›Vielzweck-Frank‹ handelte. Wichtig war das allerdings nicht, ich wollte nur meine Neugier befriedigen.

Obiges habe ich in der tatsächlichen Rangordnung wiedergegeben, weil mir schon vor Jahren klargeworden war, daß man schön der Reihe nach vorgehen muß, wenn man nicht auf dem trockenen sitzen will. Manches lief natürlich parallel; ich hatte vor, Ricky sowie Betty und Konsorten zu suchen, während ich alles Greifbare über meinen Berufszweig verschlang. Eine Stellung zu finden trat schließlich an die erste Stelle, weil Dollars der Schlüssel zu allem und jedem sind ... und vor allem, wenn man sie nicht hat.

Nachdem man mich sechsmal hintereinander abgewiesen hatte, war ich einer Anzeige bis hinaus nach San Bernardino gefolgt, nur um dort zehn Minuten zu spät zu kommen. Ich hätte mir sofort eine billige Schlafstelle mieten müssen; statt dessen hielt ich mich für besonders schlau und fuhr in die Innenstadt zurück, wo ich ein Zimmer finden, am nächsten Morgen sehr früh aufstehen und als erster bei einem künftigen Arbeitgeber erscheinen wollte. Woher sollte ich mich auskennen? Ich ließ meinen Namen auf die Warteliste von vier Personen setzen und landete im Park. Ich ging dort bis Mitternacht spazieren, um mich warm zu halten, dann gab ich es auf – der Winter in Los Angeles ist subtropisch mit starker Betonung auf sub.

Ich flüchtete mich in eine der Stationen am Wilshire-Boulevard ... und gegen zwei Uhr morgens wurde ich mit den anderen Landstreichern zusammen festgenommen.

Die Gefängnisse waren schöner geworden. Hier war es wenigstens warm, und von den Schaben verlangte man immerhin, daß sie sich die Füße abputzten.

Ich wurde wegen Landstreicherei angezeigt. Der Richter, ein junger Mann, sah nicht einmal von seiner Zeitung auf, als er fragte: "Alle zum erstenmal straffällig?"

6) разыскать Беллу и Майлса и разобраться с ними, не угодив при этом в тюрьму; и 7) еще много разных дел: например, найти первый патент на «Трудягу Тедди» — проверить свои подозрения (а я сильно подозревал), что это не что иное, как «Универсальная Салли»; не то чтобы это имело теперь значение — так, из любопытства. Надо бы и историю корпорации «Золушка» выяснить. Ну и так далее.

Перечисленные выше дела я расположил в порядке их срочности и важности, потому что много лет назад (чуть не завалив экзамены на первом курсе в институте) понял, что без этого можно потерять очень многое. Правда, некоторые пункты можно было выполнять параллельно: например, я рассчитывал найти Рики и при этом — Беллу и компанию тоже, пока грызу гранит новой инженерной науки. Но дела надо делать по порядку: сперва надо найти работу, а потом уже подыскивать чулок для хранения денег. Деньги — это ключ ко всему остальному... если их нет.

Когда меня раз шесть завернули в городе, я поехал по объявлению аж в Сан-Бернардино — и опоздал буквально на 10 минут. Тут бы мне сразу поискать ночлег, но я решил, что будет гораздо умнее, если я поеду обратно в центр, сниму там номер в гостинице, встану с утра пораньше и первым посплю по утренним объявлениям. Кто же знал?.. Я записался в очередь в четырех отелях — и кончил на скамейке в парке. Время от времени я вставал и прогуливался, чтобы немного согреться, но потом, ближе к полуночи, сдался: зимы в Большом Лос-Анджелесе можно назвать субтропическими, только очень налегая на «суб».

Я укрылся на станции ленточной дороги Уилшир, в зале ожидания, и часа в два ночи попал в облаву вместе с другими бездомными.

Тюрьмы стали заметно лучше. В этой было тепло, и мне показалось, что тараканов тут приучили вытираять ноги.

Обвинение гласило: слоняжничество. Судья — молодой человек, ни разу не поднявший глаз от лежавшей перед ним газеты, — сказал только: — Эти все по первому разу?

"Ja, Euer Ehren."

— Да, ваша честь.

"Dreißig Tage oder Arbeitsverpflichtung. Die nächsten."

Man begann, uns hinauszutreiben, aber ich rührte mich nicht vom Fleck.

"Einen Augenblick, Euer Ehren."

"Was? Paßt Ihnen etwas nicht? Sind Sie schuldig oder nicht?"

"Äh – das kann ich wirklich nicht sagen, weil ich nicht weiß, was ich getan habe. Sehen Sie ..." "Wollen Sie einen Pflichtverteidiger? Dann müssen wir Sie einsperren, bis einer frei ist. Eine Woche dauert das der Rückstände wegen auf jeden Fall ... aber Sie haben ein Anrecht darauf." "Ich komme nicht mit."

Velleicht möchte ich doch lieber eine Arbeitsverpflichtung, obwohl ich mich da auch nicht auskenne. Eigentlich hätte ich von Euer Ehren gerne einen Rat, wenn das möglich ist." Der Richter sagte zum Gerichtsdienner: "Führen Sie die anderen hinaus."

Er wandte sich wieder an mich.

"Dann heraus damit. Aber ich sage Ihnen gleich, daß Ihnen mein Rat nicht gefallen wird. Ich bin lange genug in meinem Beruf, um alle denkbaren Erklärungen zu kennen und sie zu verachten."

"Ja, Sir. Meine Geschichte ist kein Schwindel; sie läßt sich leicht nachprüfen. Sehen Sie, ich bin gestern erst nach dem Langen Schlaf entlassen worden, und ..." Aber er machte ein angewidertes Gesicht.

— Тридцать дней. Или пусть с работы пришлют бумажку, что их берут на поруки. Следующий.

Нас начали выдворять в коридор, но я уперся.

— Одну минуту, Ваша честь.

— А? Что вас смущает? Вы признаете себя виновным или нет?

— Э-э, я, право, не знаю; ну что я такого сделал? Понимаете, я... — Хотите защитника? Тогда отправляйтесь в камеру и ждите, пока кто-нибудь не освободится и не займется вашим делом. По-моему, сейчас у них завал дней на шесть... Но это — ваше право.

— Э-э, я, честное слово, не знаю. Может быть, я хотел бы, чтобы меня взяли на поруки... хотя я не знаю, кто бы мог это сделать. По-моему, мне нужен совет Суда, если Суд позволит.

Судья велел судебному исполнителю вывести остальных и повернулся ко мне.

— Выкладывайте. Но имейте в виду: мой совет вряд ли придется вам по вкусу. Работаю я давно, всяких сказок наслушался досыта, и большинство из них вызывает у меня глубокое отвращение.

— Да, сэр. Но у меня — не сказки: это легко проверить. Видите ли, я вчера вернулся из Долгого Сна и... На лице у него появилась гримаса отвращения.

"Zu diesen Leuten gehören Sie? Ich habe mich oft gefragt, was unsere Großeltern dazu bewog, uns ihr ganzes Pack aufzuhalsen. Was diese Stadt am allerwenigsten braucht, sind mehr Menschen ... vor allem solche, die nicht einmal in ihrer eigenen Zeit zurechgekommen sind. Am liebsten würde ich Sie mit der Nachricht zurückschicken, daß die Zukunft, von der man dort träumt, nicht mit Gold gepflastert ist." Er seufzte. "Aber das würde wohl kaum etwas nützen. Nun, was erwarten Sie von mir? Daß ich Ihnen noch einmal eine Chance gebe? Damit Sie in einer Woche hier wieder auftauchen?"

"Das ist wenig wahrscheinlich. Ich habe Geld genug, um mich über Wasser zu halten, bis ich eine Stellung finde und ..." "Was? Warum treiben Sie sich dann herum, wenn Sie Geld haben?"

"Ich bin da ganz unschuldig hineingeschlittert."

Diesmal ließ er mich reden. Als ich ihm erklärte, wie ich von der ›Master-Versicherungsgesellschaft‹ hereingelegt worden war, änderte sich sein Verhalten von Grund auf.

"Diese Banditen! Meine Mutter zahlte zwanzig Jahre lang treu und brav ihre Prämie und bekam nicht einen Cent. Warum haben Sie mir das nicht gleich gesagt?" Er nahm eine Karte aus der Tasche, schrieb etwas darauf und sagte: "Gehen Sie damit zum Einstellungsbüro bei der Überschuß- und Schrott-Behörde. Wenn Sie keine Stellung bekommen, melden Sie sich heute nachmittag wieder bei mir. Aber lassen Sie sich nicht mehr beim Streunen erwischen. Das erzeugt nicht nur Verbrechen und Unmoral. Sie laufen auch große Gefahr, einem ›Geisterdrogen‹-Händler in die Klauen zu geraten."

Auf diese Weise bekam ich eine Stellung als Auto-Verschrotter. Aber ich glaubte immer noch, keinen Fehler begangen zu haben, als ich mich zuerst für die Stellungssuche entschied. Ein Mann mit dicker Brieftasche ist überall zu Hause – die Polizeibeamten lassen ihn in Ruhe.

— Один из этих, да? Я все в толк не возьму: с чего это наши дедушки решили, что могут сплавлять своих выморозков к нам? Уж чего этому городу надо меньше всего – так это лишних людей. Особенно таких, которые и в своем-то времени не могли устроиться. Будь моя воля – я бы вышиб вас всех в тот год, откуда вы явились, да еще дал бы с собою записку к тем, кто там живет, что будущее, о котором они так мечтают, не вымощено золотом, ясно? — Он вздохнул. — Впрочем, толку от этого, я уверен, было бы немного. Ну, и что вы от меня хотите? Чтобы я дал вам шанс? И через неделю вы опять свалитесь на мою голову?..

— Ваша честь, я не думаю, что это должно случиться. У меня достаточно денег, чтобы протянуть до тех пор, пока я не найду работу и... — Да? Если у вас есть деньги, чего же вы слоняжничали?

— Ваша честь, я даже не знаю, что означает это слово.

На этот раз он позволил объяснить ему ситуацию. И когда я дошел до той части, как меня облапошила «Мастер иншуранс», он резко переменил отношение ко мне.

— Вот свиньи! Мою мать они надули после того, как она лет двадцать платила страховые взносы. Что же вы мне этого сразу не сказали? — Он вынул визитную карточку, что-то на ней написал и протянул мне. — Ступайте с этой запиской в отдел по найму Комиссии по утилизации излишков и вторичным ресурсам. Если там не выгорит с работой – приходите утром снова. Только чтоб больше не слоняжничать. Я уж не говорю о том, что это прямая дорога к преступности и падению нравов. Но лично вы имеете отличный шанс отведать зомбина. Ночью, в темном переулке, это – раз плюнуть.

Вот так я и стал пускать под пресс новенькие автомобили. И все же я считаю, что поступил правильно, начав именно с поиска работы. Если у человека есть денежки, он везде как дома. И с полицией трений не будет.

Ich fand auch ein anständiges Zimmer in einer Gegend West-Los-Angeles', die vom Neuen Plan nicht berührt worden war. Früher konnte es höchstens als Besenkammer gedient haben.

Ich möchte keineswegs den Eindruck erwecken, das Jahr 2000 habe mir im Vergleich zu 1970 mißfallen. Es paßte mir ebensogut wie 2001, das wenige Wochen nach meiner Wiedererweckung das alte Jahr ablöste. Trotz häufig auftretender Heimwehanfälle hielt ich Groß-Los-Angeles zu Beginn des dritten Jahrhunderts bei weitem für die großartigste Stadt, die ich je gesehen hatte. Tempo, Sauberkeit und eine ungemein erregende Atmosphäre, trotz der Überfüllung ... und selbst ihr rückte man auf grandiose Weise zu Leibe. Die nach dem Neuen Plan umgemodelten Stadtreihen erfreuten das Herz jedes Technikers. Wenn die Stadtverwaltung berechtigt gewesen wäre, für zehn Jahre jeden Neuzuzug zu verbieten, hätte sich das Wohnungsproblem lösen lassen.

Da das aber nicht in ihrer Macht stand, muß man eben versuchen, mit den über die Sierras heranziehenden Schwärmen so gut wie möglich fertig zu werden ... und diese Leistung ließ sich kaum überbieten. Sogar die Mißerfolge waren kolossaler Natur.

Es lohnte sich, dreißig Jahre geschlafen zu haben, um zu einer Zeit zu erwachen, da der Katarrh besiegt war und kein Mensch mehr mit tropfender Nase herumlief. Das bedeutete mir mehr als die Forschungskolonie auf der Venus.

Zwei Dinge beeindruckten mich am allermeisten, ein wichtiges und ein nebensächliches. Das wichtige war natürlich die Null-Schwerkraft. Im Jahre 1970 hatte ich zwar von den Schwerkraft-Forschungen des Babson-Instituts gehört, aber keine verwertbaren Resultate erwartet – mit Recht; die grundlegende Theorie wurde in der Universität von Edinburgh entwickelt. Aber schon in der Schule hatte ich gelernt, daß die Schwerkraft unbeeinflußt bleiben mußte, weil sie ein Prädikat des Raumes sei.

А вскоре я сумел снять приличную — и по карману — комнату в той части Западного Лос-Анджелеса, которую еще не успели снести и перестроить по Новому плану. Раньше эта комната, по-моему, была гардеробной.

Я бы не хотел, чтобы у вас сложилось впечатление, что мне не понравился двухтысячный год. По сравнению с 1970-м он был вполне... И следующий, 2001-й, наступивший через пару недель после моего пробуждения, — тоже. И несмотря на подкатывавшие временами приступы ностальгии, я считаю, что на пороге третьего тысячелетия Большой Лос-Анджелес был самым замечательным местом на свете.

В городе было чисто и так здорово... ну, может, малость многовато народу. Но и эта проблема решалась грандиозно, с размахом. Я глядел на те части города, что подверглись реконструкции по Новому плану, и у меня просто сердце радовалось. Будь у городского управления возможность лет на десять приостановить иммиграцию, они наверняка смогли бы решить жилищную проблему. Но поскольку такой возможности у них не было, то им не оставалось ничего другого, как пытаться обеспечить жильем ту лавину, что катилась через горы Сьерра-Невада. Они делали все, что в их силах. На это стоило посмотреть: зрелище было впечатляющее. Даже то, что не удалось, вызывало невольное уважение.

Ей-богу, стоило проспать тридцать лет, чтобы проснуться в такое время, когда справились с обычной простудой и никто не страдает от насморка. Для меня это в некотором смысле означало не меньше, чем исследовательская станция на Венере.

Больше всего на меня произвели впечатление две вещи — одна крупная, а другая мелкая. Крупной была, разумеется, антигравитация. Я еще там, в семидесятом, слышал про эксперименты Бэбсоновского института с гравитацией, но считал, что у них из этого ничего не выйдет. Ничего и не вышло. Базисная теория поля, на которой основано развитие антигравитации, разработана в Эдинбурге. Но в школе меня учили, что гравитация — это такая штука, с которой уж ничего не поделаешь, потому что она заложена непосредственно в форму пространства.

Man ändert also die Struktur des Raumes. Nur zeitweise und örtlich begrenzt, versteht sich, aber mehr ist für die Bewegung eines schweren Gegenstandes auch nicht nötig. Er muß mit Mutter Erde trotzdem in Feldbeziehung bleiben, so daß die Theorie für Raumschiffe nicht verwendbar ist – im Jahre 2001 jedenfalls. Wetten auf die Zukunft gehe ich nicht mehr ein. Ich erfuhr, daß man zur Hebung eines Objektes immer noch Energie aufwenden mußte, um das Schwerkraftpotential zu überwinden. Im umgekehrten Fall benötigte man einen Energieverwerter, wenn man etwas herabsinken lassen wollte, damit die Kilopond untergebracht werden konnten, sonst hätte es kräftig gedonnert. Aber um ein Objekt, sagen wir, von San Franzisko nach Groß-Los-Angeles in horizontaler Linie zu befördern, brauchte man es nur in die Höhe zu bringen und dann dahintreiben zu lassen, ohne weiteren Energieaufwand.

Großartig!

Ich versuchte die Theorie zu studieren, aber die mathematischen Formeln beginnen bei den Endresultaten der Tensorrechnung; da kann ich nicht mehr mit. Ingenieure sind allerdings selten theoretische Mathematiker; das ist auch nicht nötig. Sie brauchen nur das Prinzip einigermaßen begriffen zu haben, um praktische Anwendungsmöglichkeiten zu finden – sie mußten nicht mehr als die Arbeitshypothesen kennen, und die ließen sich erlernen.

Das Nebensächliche, von dem ich vorhin sprach, waren die Veränderungen in der Damenmode durch die ›Engsitzstoffe‹. Nackte Haut in den Strandbädern konnte mich nicht erschüttern; diese Entwicklung war schon 1970 zu ahnen gewesen. Aber die tollen Dinge, die das weibliche Geschlecht mit ›Engsitz‹ anstellte, benahmen einem schon manchmal den Atem. Mein Großvater war 1890 geboren; einige Modeerscheinungen von 1970 hätten wohl auch auf ihn gewirkt.

Aber mir gefiel diese neue Welt, und ich hätte mich in ihr glücklich fühlen können, wenn ich nicht die meiste Zeit einsam gewesen wäre. Es gab Stunden – vor allem mitten in der Nacht –, da hätte ich alles für einen lädierten Kater oder Chance, die kleine Ricky einmal in den Zoo führen zu können, hergegeben ... auch für die Kameradschaft zwischen Miles und mir, als wir noch nichts als harte Arbeit und Hoffnungen vor uns gehabt hatten.

Пришлось, естественно, менять форму пространства. Конечно, только временно и в отдельных местах, но для того, чтобы переместить тяжелый предмет, этого достаточно. Феномен так или иначе остается связан с матушкой-Землей, так что для космических кораблей он не пригодился. Во всяком случае, в 2001-м – насчет будущего я уже перестал загадывать. Чтобы поднять объект, как я выяснил, надо приложить энергию для преодоления гравитационного потенциала. И наоборот, чтобы что-то опустить, надо иметь накопитель энергии для всех этих килограммометров, иначе может рвануть. А вот чтобы переместить что-нибудь по горизонтали, скажем, из Сан-Франциско в Большой Лос-Анджелес, достаточно поднять этот предмет в воздух, слегка подтолкнуть – и он устремляется вперед легко и без сопротивления, как пушинка, как разогнавшийся и скользящий по льду конькобежец.

Прелесть!

Я попытался разобраться в теории вопроса, но математика начинается там, где кончается тензорное исчисление; это не для меня. Ведь инженеру вообще редко приходится быть физматиком, да и не надо: он должен усекать, как вещь работает, – тогда он разберется и в том, как эту вещь применять. Просто надо знать рабочие параметры. Это-то мне было по силам.

Ну, а мелочью, о которой я упомянул, оказались изменения в женской моде, ставшие возможными благодаря тканям и замкам «стиктайт». Вид женщин, купающихся на пляже в одной только собственной коже, меня не шокировал: и у нас, в семидесятом, существовал нудизм. Но когда я увидел, что вытворяют женщины из «стиктайт», у меня просто челюсть отвисла. Мой дедуля родился в 1890-м; полагаю, некоторые зрелицы 1970-го повлияли бы на него аналогичным образом.

Но мне нравился этот динамичный новый мир, и я был бы счастлив в нем, если бы не был почти все время одинок. Я был... неприкаянный. Иногда (обычно посреди ночи) я просыпался и чувствовал, что с радостью отдал бы весь этот мир за одного драного, облезлого кота. Или за возможность хоть на полдня сводить маленькую Рики в зоопарк... Или за дружбу, что была между мною и Майлсом, когда у нас всего было, что тяжелая работа да надежда.

2001 war noch nicht alt, und ich hatte kaum die Hälfte des beabsichtigten Pensums durchgeackert, als es mich schon juckte, meinen angenehmen Job aufzugeben und ans Zeichenbrett zurückzukehren. In meinem Beruf waren so viele Dinge möglich geworden, die man 1970 noch als phantastisch verschrien hatte; ich wollte mich an die Arbeit machen und ein paar Dutzend Ideen ausprobieren.

Beispielsweise hatte ich erwartet, daß der Gebrauch von automatischen Sekretärrinnen üblich sein würde – ich meine damit eine Maschine, der man diktieren kann, wofür man dann einen Geschäftsbrief ausgespuckt bekommt, der in Orthographie, Interpunktions und Einteilung fehlerlos ist, ohne daß sich damit ein menschliches Wesen zu befassen brauchte. Aber es gab sie nicht. Gewiß, irgend jemand hatte eine Maschine erfunden, die tippen konnte, aber sie war nur für eine phonetische Sprache wie Esperanto geeignet und vermochte mit Ausspracheähnlichkeiten bei Sinnunterschied nicht fertig zu werden. Die Menschen geben aber die unlogischen Gesetze des Englischen zugunsten eines Erfinders nicht auf. Der Berg muß zum Propheten kommen. Wenn eine Oberschülerin die komplizierten Regeln der englischen Aussprache zu erlernen und im allgemeinen das Richtige niederguschreiben vermag, wie läßt sich das einer Maschine beibringen? Unmöglich – das war die übliche Antwort. Für solche Aufgaben sei menschliches Urteils- und Begriffsvermögen erforderlich.

Aber eine Erfindung ist bis zu dem Tag, an dem sie gemacht wird, immer unmöglich – deswegen werden ja Patente erteilt.

В начале 2001-го, когда я еще и наполовину не подогнал свои хвосты по инженерному делу, я начал чувствовать зуд: бросить свою сачковую работу и опять засесть за кульман. Теперь, при современном уровне развития техники, стали возможны очень многие вещи, о которых в 1970-м и мечтать не приходилось; и мне захотелось спроектировать десяток-другой.

Например, я думал, что в ходу уже должны быть автоматические секретари. Я имею в виду машину, которой можно продиктовать текст и получить деловое письмо без грамматических ошибок, со знаками препинания, идеально отпечатанное – и все это без участия рук человеческих. Но таких пока не было.
Кто-то придумал машину, что могла печатать с голоса, но она годилась только для фонетических языков, вроде эсперанто, и совершенно не подходила для английского языка с его многочисленными немыми буквами и кучей исключений из массы правил. Получалось «ничиво не папишишь, братетс!»... Люди не согласны отказаться от нелогичного английского правописания только ради удобства изобретателя. Но если гора не идет к Магомету... Выпускнице колледжа иногда удается разобрать чудное правописание английского языка и правильно написать то или иное слово; но спрашивается: как научить этому машину? Обычно на такие вопросы отвечают: это невозможно. Для этого требуются человеческий разум и понятливость.

Но изобретение – это именно то, что было невозможно до того. Поэтому-то правительство и выдает на него патент.

Mit den jetzt zur Verfügung stehenden Gedächtnisspeicherröhren und der hochentwickelten Mikrotechnik – hinsichtlich der vielfältigen Verwendung des Goldes für technische Zwecke hatte ich übrigens richtig geraten – mußte es doch ein leichtes sein, hunderttausend Ton-Codes in einen Kubikzoll zu pressen ... mit anderen Worten, jedes Wort eines mittelgroßen Wörterbuches auf gesprochene Befehle hin zu verschlüsseln. Aber das war gar nicht nötig; zehntausend würden mehr als genug sein. Wer verlangt von einer Stenotypistin, daß sie Worte wie ›Tetrapodie‹ und ›Pyrophyllit‹ beherrscht? Solche Wörter muß man ihr eben vorbuchstabieren, wenn sie auftreten. Na schön, wir kodieren die Maschine, im gegebenen Fall auch Buchstabierung zu verarbeiten. Wir konstruieren Ton-Code-Leistungen für Interpunktions ... und für verschiedene Briefformate ... zum Heraussuchen von Adressen aller Art aus einer Kartei ... zur Fertigung beliebig vieler Durchschriften ... und sehen mindestens tausend leere Wort-Codes vor für ein Sondervokabular, das dem jeweiligen Beruf typisch ist – und stellen das Gerät so ein, daß der Besitzer-Klient die Sonderausdrücke selbst einprogrammieren kann; ein Wort wie ›Stenobentisch‹ bei niedergedrückter Gedächtnisspeichertaste einmal buchstabiert und für immer eingespielt.

Alles ganz einfach. Es handelt sich nur darum, bereits auf dem Markt vorhandene Geräte zusammenzubauen und zu einem Serienmodell zu glätten.

Ein schweres Problem stellten nur die Homonyme dar.

Gab es in der Stadtbibliothek ein Wörterbuch englischer Homonyme? Gewiß ... und ich begann die unvermeidbaren Homonym-Paare zu zählen, um herauszufinden, wie viele davon sich mit der Informationstheorie verarbeiten ließen und wie viele Sonderkodierung benötigten.

Благодаря ячейкам памяти и современному уровню миниатюризации (я оказался прав насчет применения золота в технике) стало возможным затолкать в кубический фут сотни тысяч закодированных звуков. Другими словами, закодировать каждое слово в Университетском словаре Вебстера. Только это даже и не обязательно: с избытком хватит десяти тысяч слов. Ну зачем, в самом деле, надо, чтобы секретарь умел стенографировать слова вроде «остервенение» или «растранжириТЬ»? Ну, уж если что-нибудь этакое когда-то и приспичит — можно же продиктовать по буквам.

Ага, значит, надо, чтобы машина понимала и такой способ диктовки! А еще надо закодировать знаки препинания... разные форматы... количество копий в закладке... и чтобы сама отыскивала в памяти нужный адрес... и сортировала почту перед отправкой... и предусмотреть не менее тысячи свободных ячеек для специальных терминов, применяемых в данной отрасли бизнеса или техники. И сделать так, чтобы клиент-владелец мог вводить эти слова сам: нажал клавишу «память», напечатал слово вроде «педипальпы», — и уже никогда не придется диктовать его по буквам.

Все просто. Надо только состыковать компоненты, уже имеющиеся в продаже, и превратить это сочетание в производственную модель.

Вот с омонимами — беда... Над сочетаниями вроде «писчий счетчик» наша «Стенографистка Стелла» даже на секунду не задумается — ведь все эти слова с трудным написанием звучат по-разному. А вот выбрать из нескольких слов, которые звучат одинаково, но пишутся по-разному, ей будет нелегко.

Интересно, а словарь омонимов в публичной библиотеке в городе есть? Оказалось, есть. Я начал подсчитывать пары омонимов, с которыми неизбежно придется сталкиваться, и прикидывать, сколько из них можно сделать различимыми с помощью теории информации, анализа контекста, а сколько потребуют специального кодирования.

Ich wurde ganz nervös. Ich verschwendete nicht nur dreißig Stunden wöchentlich an eine völlig nutzlose Arbeit; in einer Bibliothek konnte ich auch nichts Richtiges leisten. Ich brauchte eine Werkstatt, wo ich die Schwierigkeiten ausbügeln, Kataloge, Zeitschriften, Rechenmaschinen und alles andere unbedingt erforderliche ausleihen konnte.

Ich entschied, daß ich zumindest in einen verwandten Beruf umsteigen mußte. So dumm war ich nicht, daß ich mich schon wieder für einen Ingenieur gehalten hätte; es gab zuviel, wovon ich noch keine Ahnung hatte – wiederholt fiel mir eine Methode, ein neuer Weg ein, worauf ich in der Bibliothek feststellen mußte, daß jemand dieses Problem klarer, besser und billiger zehn oder fünfzehn Jahre vorher gelöst hatte.

Ich mußte in ein Ingenieurbüro und das allgemeine Wissen durch tägliche Erfahrung in mich aufnehmen. Ich hoffte, eine Stellung als technischer Anfangszeichner zu finden.

Daß man jetzt motorbetriebene halbautomatische Zeichenmaschinen benützte, war mir bekannt; ich hatte Bilder davon gesehen, wenn mir auch die Gelegenheit, eines dieser Geräte selbst auszuprobieren, bisher versagt geblieben war. Aber nach meinem Gefühl mußte ich die Bedienung in zwanzig Minuten erlernen können, denn sie entsprach weitgehend einer meiner früheren Ideen; es handelte sich um eine Maschine, die in derselben Beziehung zum altmodischen Zeichenbrett plus Winkel stand wie eine Schreibmaschine zur Handschrift.

Ich hatte mir ausgedacht, gerade oder geschwungene Linien nur durch Tastendruck auf eine Bildfläche zu zaubern.

Я стал нервничать и злиться по пустякам: я не только тратил по тридцать часов в неделю на совершенно бесполезную, бессмысленную работу, но и не мог, в самом деле, заниматься настоящим конструированием в публичной библиотеке! Мне была нужна мастерская с кульманом — чертить, вылавливать мелкие дефекты. Мне нужны были каталоги торговых фирм, профессиональные журналы, счетная техника и т. д.

Я решил, что надо искать хотя бы полупрофессиональную работу. Я был не настолько глуп, чтобы полагать, что я уже инженер: слишком много было еще всякого такого, что я не успел прочесть. Я уже несколько раз сидел, ломая голову, как сделать то или иное устройство, воспользовавшись моими новыми познаниями, — а потом, придя в библиотеку, обнаруживал, что кто-то уже решил эту проблему лучше, дешевле и изящнее меня и лет десять-пятнадцать назад.

Мне надо было пойти работать в конструкторское бюро, чтобы все эти новинки стали мне близкими и родными. Я решил, что с работой младшего чертежника я справлюсь.

Я знал, что теперь используются электрические чертежные полуавтоматы, — видел на картинках, хотя сам еще не пользовался. Но научиться ими пользоваться, по-моему, можно за двадцать минут, если бы такой случай представился, — они были очень похожи на то устройство, что я когда-то выдумал, — устройство, имеющее не больше общего со старомодным чертежным столом с параллелограммом, чем пишущая машинка — с письмом каллиграфической вязью.

Я все продумал: как можно чертить прямые и кривые в любом месте чертежной доски легкими нажатиями на клавиши.

In diesem Fall war ich mir aber sicher, daß meine Erfindung nicht gestohlen worden war, im Gegensatz zum ›Vielzweck-Frank‹, weil meine Zeichenmaschine nur in meinem Kopf existiert hatte. Jemand war auf die gleiche Idee gekommen und hatte sie logisch weiterentwickelt. Wenn es an der Zeit ist, Eisenbahnen zu bauen, werden sie gebaut. Die Aladin-Leute, dieselbe Firma, bei der man den ›Eifrigen Erich‹ herstellte, machten auch eine der besten Zeichenmaschinen, den ›Mal-Max‹. Ich griff meine Ersparnisse an, kaufte mir einen guten Anzug und eine gebrauchte Aktentasche, stopfte sie mit Zeitungen voll und stellte mich mit dem Wunsch, eine dieser Maschinen zu kaufen, in einem Verkaufsbüro von ›Aladin‹ ein. Ich bat um eine Vorführung.

Als ich dann endlich an ein Modell von ›Mal-Max‹ herankonnte, passierte mir etwas Merkwürdiges. ›Deja vu‹ nennen die Psychologen das – ich bin schon einmal hier gewesen. Das verdammte Ding war genauso entwickelt worden, wie ich es getan hätte, wenn mir die Zeit dazu geblieben wäre ... anstatt in den Langen Schlaf versenkt zu werden.

Fragen Sie mich nicht, warum ich das in diesem Augenblick so deutlich spürte. Man kennt doch seinen eigenen Arbeitsstil. Ein Kunstkritiker wird einen Rubens von einem Rembrandt an der Pinselführung, der Lichtverteilung, der Komposition und ähnlichem unterscheiden. Bei unserem Beruf handelt es sich nicht um Wissenschaft, sondern um Kunst, und bei der Behandlung technischer Probleme gibt es immer mindestens ein Dutzend verschiedener Lösungswege. Ein Konstrukteur ›signiert‹ durch die Auswahl seine Werke genauso wie ein Maler.

›Mal-Max‹ schien so unbestreitbar mein eigen Geistes Kind, daß ich einige Zeit völlig verwirrt war. Ich begann mich zu fragen, ob man die Telepathie doch nicht einfach in Grund und Boden verdammen durfte.

Однако тут я был уверен, что мою идею не украли (как украли «Универсальную Салли») – ведь моя чертежная машина существовала только в моем мозгу. Значит, кому-то в голову пришла аналогичная идея, которую он сумел довести до логического завершения. Когда приходит время железных дорог, начинают делать паровозы... Фирма «Аладдин» – та же, что выпускала «Трудягу Тедди», – делала одну из лучших чертежных машин – «Чертежника Дэна». Я поскреб по сусекам, купил костюм поприличнее и подержанный «дипломат», набил последний газетами и явился в «Аладдин», в их фирменный магазин, якобы собираясь приобрести такую машину. Я попросил продемонстрировать, как она работает.

И тут меня ждало потрясение. Я подошел к демонстрационному экземпляру «Чертежника Дэна», и... психиатры называют это «deja vu». Проклятая машина была сделана точно так, как сделал бы ее я, если бы меня не запихали в хранилище на Долгий Сон.

Не спрашивайте меня, почему я так решил: человек может узнать свою собственную работу. Знаток живописи может определить, что это – Рубенс, или Рембрандт: по мазку, по блику, по композиции, по подбору красок, по десятку других признаков. Конструирование – не наука. Это – искусство, в нем всегда есть широкий выбор, как решить ту или иную техническую проблему. Выбирая эти способы, конструктор оставляет не менее отчетливый «автограф», чем художник.

У «Чертежника Дэна» был такой сильный привкус моей собственной техники дизайна, что меня прямо взбудоражило. Я почти начал верить в телепатию.

Ich versäumte nicht, die Nummer des ersten Patents in Erfahrung zu bringen. In meinem Zustand war ich nicht überrascht, als Datum dafür das Jahr 1970 zu finden. Ich beschloß, den Erfinder herauszubekommen. Vielleicht war es einer meiner eigenen Lehrer, von dem ich unbewußt einiges übernommen hatte. Oder es handelte sich um einen Ingenieur, mit dem ich irgendwann einmal zusammengearbeitet hatte. Vielleicht lebte der Erfinder noch. In diesem Fall gedachte ich ihn einmal aufzusuchen, um mich mit dem Mann bekannt zu machen, dessen Verstand auf den Bahnen des meinigen lief.

Es gelang mir jedoch, mich zusammenzunehmen und mir das Gerät vom Verkäufer vorführen zu lassen. Er hätte sich kaum zu bemühen brauchen; ›Mal-Max‹ und ich waren füreinander geschaffen. Nach zehn Minuten konnte ich besser damit umgehen als er. Endlich hörte ich widerstrebend auf, hübsche Bilder zu zeichnen, ließ mir Preislisten, Rabattangebote, Kundendiensthinweise und so weiter geben, dann verschwand ich mit der Bemerkung, ich würde mich wieder melden, als er mir gerade den Federhalter zum Unterschreiben reichte. Pech für ihn, aber ich hatte ihm ja nicht mehr gestohlen als eine Stunde Zeit.

Von dort ging ich zum Hauptwerk der ›Dienstboten-AG‹ und bewarb mich um eine Stellung.

Ich wußte, daß Miles und Betty mit dieser Firma nichts mehr zu tun hatten. In der knapp bemessenen Zeit zwischen meiner Arbeit und der drängenden Notwendigkeit, Berufswissen aufzuholen, hatte ich nach Miles und Betty und ganz besonders nach Ricky geforscht. Nicht einer von ihnen war im Telefonbuch aufgeführt, noch sonst irgendwo in den Vereinigten Staaten, denn ich hatte im Zentralbüro in Cleveland für eine Gesamtnachforschung im ganzen Land bezahlt. Gegen vierfaches Honorar, denn Betty ließ sich weder unter ›Gentry‹ noch unter ›Darkin‹ finden.

Beim Wählerverzeichnis für den Bezirk Los Angeles hatte ich auch kein Glück.

Я незаметно глянул на табличку с номерами патентов. В том состоянии, в котором я был, я даже не удивился, обнаружив, что первый из них тоже датирован семидесятым годом. Я твердо решил узнать, кто же изобрел его. Может быть, кто-то из моих учителей, от которых я и набрался своих методов, своего стиля? Или кто-нибудь из инженеров, с которыми я когда-то вместе работал... Может быть, изобретатель еще жив. Тогда я обязательно разыщу его: надо познакомиться с человеком, который мыслит точь-в-точь как я.

Я взял себя в руки и попросил продавца показать машину в работе. Особенно распинаться ему не пришлось: мы с «Дэном» оказались буквально созданы друг для друга. Через десять минут я уже обращался с ним проворнее, чем он сам. Наконец я оторвался от машины и стал отступать: попросил проспект с фотографиями, спросил о цене и возможных скидках, о техническом обслуживании и... ушел, сказав, что еще позвоню, как раз в тот момент, когда продавец уже собирался протянуть мне на подпись бланк заказа. Грязный трюк — но ведь, кроме часа времени, я у них ничего не украл.

Прямо оттуда я пошел в фирму «Золушка» наниматься на работу на их фабрику.

Я уже выяснил, что ни Белла, ни Майлс там больше не работают. Все время, которое я мог урвать от сна и отдыха — между работой и наверстыванием упущенного в библиотеках, — я искал Беллу, Майлса и в особенности Рики. В телефонных справочниках Большого Лос-Анджелеса не значился ни один из троих, равно как и во всех Соединенных Штатах: я оплатил «информационный поиск» в национальном бюро в Кливленде. С меня взяли вчетверо больше обычного: Беллу пришлось искать и под фамилией Джентри, и под «Даркин».

Пробовал я искать их и в списках избирателей, в избирательной комиссии графства Лос-Анджелес — тот же результат.

Die ›Dienstboten-AG‹ gab in einem Schreiben, unterzeichnet vom siebzehnten Vizepräsidenten für die Beantwortung alberner Fragen, verklausuliert zu, daß vor dreißig Jahren einmal Leute jenes Namens dort beschäftigt gewesen waren, man mir aber jetzt nicht weiterhelfen könne.

Eine dreißig Jahr alte Spur wieder aufzunehmen ist nicht die richtige Aufgabe für einen Amateur mit wenig Zeit und noch weniger Geld. Ich verfügte nicht über ihre Fingerabdrücke, sonst hätte ich mich an das FBI gewandt. Ich kannte die Nummern ihrer Sozialversicherungskarten nicht. Mein Land war nie bereit gewesen, Polizeistaat-Methoden einzuführen, also gab es kein Amt, das für jeden Bürger eine Akte führte, noch wäre ich in der Lage gewesen, an solche Unterlagen heranzukommen, wenn es sie auch gegeben hätte.

Eine gutbezahlte Privatdetektei hätte vielleicht in E-Werk-Unterlagen, Zeitungsarchiven und weiß Gott was noch herumkramen und sie aufspüren können. Dazu hatte ich weder das nötige Kleingeld noch die Begabung und Zeit, es selber zu machen.

Bei Miles und Betty gab ich schließlich auf, während ich mir versprach, Ricky durch beruflich dazu prädestinierte Leute suchen zu lassen, sobald meine Finanzen es gestatteten. Ich war bereits zu dem Schluß gelangt, daß sie keine Aktien der ›Dienstboten-AG‹ besaß; ich hatte auch der Bank of America geschrieben und mich erkundigt, ob man dort jemals treuhänderisch irgendeinen Besitz für sie verwaltet hatte. Ich bekam einen Formularbrief, dem ich entnehmen konnte, daß derartiges vertraulich ist, also hatte ich erwidert, daß ich ein Schläfer sei und sie als einzige Verwandte suchte. Darauf erhielt ich einen neuen Brief, unterschrieben von einem der Treuhandbeamten, der mir mitteilte, daß er bedaure, nicht einmal in meinem Fall von den Vorschriften abgehen zu können. Er fühle sich jedoch berechtigt, mir die negative Information zukommen zu lassen, daß zugunsten einer Frederica Virginia Gentry in keiner der Zweigstellen jemals ein Treuhandfonds errichtet worden sei. Das schien jedenfalls eine Streitfrage zu klären.

В письме из «Золушки Инк.», подписанном каким-то семнадцатым вице-президентом (вероятно, его и держат специально для того, чтобы отвечать на дурацкие вопросы), мне уклончиво сообщили, что тридцать лет назад лица с указанными фамилиями действительно служили в фирме, но что в настоящее время фирма ничем не может помочь мне относительно их координат.

Для детектива-любителя, у которого мало времени и еще меньше денег, распутывать следы тридцатилетней давности — занятие безнадежное. Будь у меня их отпечатки пальцев — я бы обратился в ФБР. Номеров их карточек социального страхования я не знал. Власть предержащие в этой стране, похоже, не опустились до создания полицейского государства, имеющего досье на каждого гражданина. Да и существуй такие досье, мне до них не добраться: кто я такой?

Возможно, щедро субсидируемое детективное агентство могло бы, перекопав горы муниципальных регистрационных книг, газетных подшивок и бог знает чего еще, отыскать их следы. Но у меня не было ни средств на щедрые субсидии, ни таланта и времени искать их.

В конце концов, я махнул рукой на Беллу и Майлса, но дал себе слово, что обязательно найду профессионалов для розыска Рики, как только это станет мне по карману. Я уже выяснил, что акций «Золушки» у нее нет. Тогда я написал в «Бэнк оф Америка» — узнать, нет ли у них (или не было ли раньше, когда-либо) на доверительном хранении акций на ее имя. В ответ я получил стандартный бланк: подобная информация является конфиденциальной и т. д. Пришлось писать снова: я объяснил, что я — сонник, что она — моя единственная родственница. На этот раз я получил вполне личное письмо, подписанное сотрудником траст-отдела. К сожалению, писал он, информация о подопечных траст-отдела не подлежит разглашению даже в таких исключительных ситуациях, но он считает возможным сообщить, что ни сейчас, ни ранее ни одно из отделений банка не принимало на доверительное хранение ценных бумаг на имя Frederiki Virginius Djentri.

Irgendwie war es den beiden Gaunern gelungen, der kleinen Ricky die Aktien abzunehmen. Meine Überschreibung mußte durch die Bank of America gegangen sein. Aber dazu war es nicht gekommen. Arme Ricky! Wir waren beide ausgeraubt worden. Ich unternahm einen letzten Versuch. Das Archiv der Schulbehörde in Mojave besaß Unterlagen über eine Schülerin namens Frederica Virginia Gentry ... aber die erwähnte Schülerin sei 1971 von dort verzogen. Über den weiteren Aufenthalt könne man mir nichts mitteilen.

Es war mir schon ein Trost, daß man überhaupt zugab, Ricky habe existiert. Aber die Auswahl an Schulen in den Vereinigten Staaten war riesengroß. Wie lange würde es dauern, bis ich jede einzelne davon angeschrieben hätte? Und ließ sich die gewünschte Antwort aus den dortigen Unterlagen überhaupt geben, vorausgesetzt, man war bereit, sie mir zu erteilen?

In einer Viertelmilliarde Menschen verschwindet ein kleines Mädchen wie ein Kieselstein im Ozean.

Der Mißerfolg meiner Nachforschungen ließ mir jedoch freie Hand, bei der ›Dienstboten-AG‹ um eine Stellung einzukommen, nun, da ich wußte, daß Miles und Betty dort nichts mehr zu schaffen hatten. Ich hätte natürlich bei hundert anderen Automationsfirmen vorsprechen können, aber die ›Dienstboten-AG‹ und ›Aladin‹ waren die großen Namen, auf ihrem Gebiet so wichtig wie Ford und General Motors zur Hoch-Zeit der Bodenfahrzeuge. Die ›Dienstboten-AG‹ wählte ich aus gefühlsmäßigen Gründen; ich wollte sehen, wozu sich mein alter Laden entwickelt hatte.

Am Montag, dem 5. März 2001, betrat ich das Personalbüro, stellte mich in die Reihe für Angestellte, füllte ein Dutzend Formulare aus, die nichts mit meinem Beruf zu tun hatten, und eines, das damit in Zusammenhang stand ... und erhielt den Bescheid, mich nicht wieder zu melden, man würde mich verständigen.

Ich trieb mich dort herum und arbeitete mich schließlich bis zu einem stellvertretenden Hilfspersonalsachberater vor. Er besah sich widerstreitend das eine entscheidende Formular und erklärte mir dann, mein Examen habe nichts zu sagen, weil seit meiner letzten vergleichbaren Tätigkeit dreißig Jahre ins Land gegangen seien.

Из этого было ясно одно: каким-то образом наши пташечки сумели увести у Рики акции. Распоряжение о переуступке я составил так, что оно могло сработать только через «Бэнк оф Америка». Значит, не сработало. Бедная Рики! Они ограбили нас обоих... Я сделал еще одну попытку. В архиве отдела образования в Мохаве нашлась запись об ученице по имени Фредерика Вирджиния Джентри — но ее забрали из той школы в 1971-м. Куда именно — не было указано.

Приятно было узнать, что где-то кто-то подтверждает, что Рики вообще существовала на свете. Но ведь она могла перейти в любую из тысяч и тысяч средних школ в Соединенных Штатах. Сколько нужно времени, чтобы написать в каждую? И смогут ли они ответить, даже если представить себе, что они захотят это сделать, — хранят ли они такие данные?

В четверти миллиарда людей одна девочка может исчезнуть, как песчинка на пляже.

Но провал моих поисков позволял мне спокойно заниматься в «Золушку Инк.», зная, что Майлс и Белла там больше не хозяева. Я бы мог обратиться в любую из сотни автомостроительных компаний, но «Аладдин» и «Золушка» были фирмы солидные, известные, как «Форд» и «Дженерал моторз» в те времена, когда процветало автомобилестроение. «Золушку» я выбрал отчасти из сентиментальности: интересно было взглянуть, во что превратился мой «свежной заводик».

Пятого марта 2001 года я пришел в их бюро по найму, выстоял очередь к тому окошечку, где принимали инженеров и техников, заполнил десяток анкет, не имевших никакого отношения к технике, и одну, имевшую к ней некоторое касательство, и... «не трудитесь, мы сами вам позвоним...».

Поошивавшись немного в зале, я проскользнул к одному из младших кадровиков. Он с неохотой заглянул в одну из заполненных мною бумажек, не имеющую, на мой взгляд, ни смысла, ни значения, и заявил, что мое образование теперь ничего не значит — у меня большой перерыв в работе.

Ich machte ihm begreiflich, daß ich ein Schläfer sei.

Я сказал, что я — сонник.

"Noch schlimmer.

Außerdem stellen wir Leute über fünfundvierzig Jahre grundsätzlich nicht ein."

"Aber ich bin doch nicht fünfundvierzig, sondern dreißig."

"Sie sind 1940 geboren. Tut mir leid."

— Тогда ваши дела еще хуже.

Да и вообще мы не принимаем на работу людей старше сорока пяти лет.

— Но мне нет сорока пяти — мне всего тридцать.

"Was soll ich denn anfangen? Mich erschießen?"

— Вы родились в тысяча девятьсот сороковом году. Прошу прощения.

Er zuckte die Achseln.

— Ну, и что же мне прикажете делать?

Застрелиться?

Он пожал плечами.

— На вашем месте я бы попробовал получить пенсию по старости... Я постарался выйти быстрее, чем успею сказать ему, куда бы ему пойти с его советами. Обойдя метров восемьсот вокруг корпуса, я вошел в главный вход. Фамилия управляющего была Кертис. Я спросил, как его найти. Первые два слова я пробил, просто сказав с деловым видом, что у меня к нему дело. «Золушка Инк.» не пользовалась своими автоматами в качестве секретарей: их секретарши были из плоти и крови. Кое-как я пробился на несколько этажей вверх и (я так думаю) где-то за две двери до босса застрял, наткнувшись на такую ниппель-даму, потребовавшую, чтобы я сказал ей, что у меня за дело к ее шефу.

Я огляделся. Большая комната; человек сорок людей и еще разные машины.

Она резко повторила:

— Ну, сообщите мне цель вашего прихода, и я справлюсь у секретаря мистера Кертиса, ведающего приемом посетителей.

Я ответил достаточно громко, чтобы меня услышали все присутствующие: — Я хочу знать, намерен ли он оставить в покое мою жену?!

Через сорок секунд я был в его кабинете. Он поднял глаза от бумаг.

Sagen Sie, was Sie wünschen, dann erkundige ich mich bei Mr. Curtis' Terminsekretärin."

Mit lauter Stimme sagte ich: "Ich möchte wissen, wie er sich das mit meiner Frau vorstellt!"

Sechzig Sekunden später war ich in seinem Privatbüro. Er hob den Kopf.

"Nun? Was, zum Teufel, soll dieser Unsinn bedeuten?"

— Ну? Что еще за ерунда?

Ich brauchte eine halbe Stunde und eine Menge alter Unterlagen, um ihn davon zu überzeugen, daß ich keine Frau hatte, dafür aber der eigentliche Gründer der Firma sei. Dann wurde es bei Whisky und Zigarren gemütlich, und ich lernte den Verkaufsleiter, den Chefingenieur und andere Abteilungsdirektoren kennen.

"Wir haben Sie für tot gehalten", erklärte mir Curtis. "Tatsächlich steht das auch in der amtlichen Geschichte unserer Gesellschaft."

"Ein Gerücht. Das muß irgendein anderer D. B. Davis sein."

Der Verkaufsleiter, Jack Galloway, sagte plötzlich: "Was treiben Sie jetzt eigentlich, Mr. Davis?"

"Nichts besonders Aufregendes. Ich ... ich war im Autogeschäft. Aber ich steige aus. Warum?"

"Warum?"

Ist das nicht sonnenklar?" Er wandte sich an den Chefingenieur, Mr. McBee. "Hast du das gehört, Mac? Ihr Ingenieure seid alle gleich; ein Verkaufsargument überseht ihr einfach. »Warum?« Weil Sie großartige Verkaufsreklame sind, deshalb! Weil Sie die romantische Note ins Spiel bringen. Gründer der Firma kommt aus dem Grab, um sein Werk zu besuchen. Erfinder des ersten Haushaltsroboters besichtigt Früchte seines Genies."

Hastig fuhr ich dazwischen.

"Einen Augenblick mal – ich bin kein Reklamemodell und kein Filmstar. Ich möchte meine Ruhe haben. Ich bin wegen einer Stellung hier ... als Ingenieur."

Mr. McBees Augenbrauen schossen in die Höhe, aber er schwieg.

Потребовалось полчаса времени и рытья в старых бумагах, чтобы он убедился, что я не женат и что я — основатель фирмы. С этого момента дела пошли мирно — джин, тоник, сигареты; меня представили главному инженеру, начальнику отдела сбыта, другим заведующим отделами.

— А мы думали, что вы умерли, — сказал мне Кертис. — В официальной истории нашей фирмы так и написано.

— Это все слухи. Наверное, какой-нибудь другой Д. Б. Дэвис.

Заведующий отделом сбыта Джек Гэллоуэй вдруг спросил: — А что вы сейчас поделываете, мистер Дэвис?

— Да ничего особенного. Работал, э-э, в автомобильной промышленности. Но собираюсь уйти оттуда. А что?

— Что? Да разве не понятно? — он повернулся к главному инженеру, Макби. — Слыши, Мак, а? Все вы, инженеры, одинаковы: к вам, можно сказать, ангел-хранитель сбыта слетел и даже облобызкал, а вам и невдомек. «А что?» А вот что, мистер Дэвис! Вы же — ходячая реклама. От вас же веет романтикой, очарованием старины. Слушайте: ОСНОВАТЕЛЬ ФИРМЫ ВОССТАЛ ИЗ МЕРТВЫХ, ЧТОБЫ УВИДЕТЬ СВОЕ ДЕТИЩЕ! ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ПЕРВОГО РОБОТА-СЛУГИ ВИДИТ ПЛОДЫ СВОЕГО ТАЛАНТА! Ну и так далее.

Я торопливо возразил:

— Минуточку, мистер Гэллоуэй. Я не рекламная модель и не кинозвезда. Шумиха эта мне ни к чему. Я сюда не за этим пришел. Я хочу работать у вас... инженером.

Мистер Макби поднял брови, но промолчал.

Wir diskutierten hitzig. Galloway versuchte mir beizubringen, daß meine Pflicht gegenüber der von mir gegründeten Firma diesen kleinen Liebesdienst einfach fordere. Mr. McBee sagte wenig, aber es war klar, daß er mich nicht als wünschbaren Zugang für seine Abteilung hielt – einmal fragte er mich sogar, was ich von der Konstruktion von Feststoff-Schaltungen verstände. Ich mußte zugeben, daß ich mein geringes Wissen darüber aus bescheidener Lektüre geschöpft hatte.

Curtis schlug schließlich einen Kompromiß vor.

"Hören Sie, Mr. Davis, Sie sind wirklich in einer einzigartigen Lage. Man könnte beinahe sagen, daß Sie nicht nur dieses Unternehmen, sondern den ganzen Industriezweig ins Leben gerufen haben. Trotzdem hat sich, seit Sie den Langen Schlaf antraten, einiges verändert, wie Mr. McBee andeutete. Was sagen Sie dazu, wenn wir Sie mit dem Titel eines ... äh, >Forschungsingenieur Emeritus< übernehmen?"

Ich zögerte.

"Was würde das bedeuten?"

"Was Sie daraus zu machen belieben. Ich sage Ihnen aber gleich ganz ehrlich, daß Sie sich mit Mr. Galloway arrangieren müssen. Wir machen diese Geräte nicht nur, wir müssen sie auch verkaufen."

"Äh – hätte ich vielleicht eine Chance, irgend etwas zu planen und zu entwerfen?"

"Das hängt von Ihnen ab. Sie bekommen alle erforderlichen Einrichtungen und können tun, was Sie wollen."

"Werkstättenanlagen auch?"

Curtis sah McBee an. "Gewiß, gewiß", sagte der Chefingenieur.

"Im Rahmen natürlich."

Мы начали пререкаться. Гэллоуэй стал говорить, что это просто мой долг перед фирмой, которую я создал. Макби больше молчал, но было ясно, что мысль о моем появлении в его отделе не вызывает у него восторга. Он даже спросил меня, что я знаю об интегральных схемах. Я честно признался, что то немногое, что мне известно, я почерпнул из руководств, на которых отсутствовал гриф «секретно».

Наконец Кертис предложил компромисс:

— Видите ли, какая штука, мистер Дэвис: вы сейчас в очень необычном положении. Можно сказать, что вы основали не только фирму, но и всю нашу отрасль промышленности. Тем не менее, как заметил тут мистер Макби, с тех пор как вы ушли в Долгий Сон, эта отрасль несколько продвинулась вперед. Давайте мы зачислим вас в штат в качестве консультанта... и присвоим титул почетного инженера-исследователя, скажем.

Я колебался.

— А что это будет значить по сути?

— А что захотите. Однако скажу честно: мы бы хотели, чтобы вы сотрудничали с мистером Гэллоуэем. Мы ведь не только производим эту технику: нам еще надо ее продавать.

— Ну, а конструировать я при этом смогу?

— А это на ваше усмотрение. Возможность такую мы вам предоставим, а дальше делайте, что хотите.

— И возможность пользоваться мастерскими?

Кертис посмотрел на Макби. Главный инженер ответил:

— Ну, разумеется... в пределах разумного, конечно.

"Das wäre also erledigt", meinte Galloway. "Mich entschuldigen Sie wohl, B. J.? Laufen Sie nicht davon, Mr. Davis – wir möchten Sie zusammen mit dem ersten Dienstmädchen aufnehmen."

Wir wurden fotografiert. Ich freute mich, die Maschine wiederzusehen, die ich mit eigenen Händen und mit manchen Schweißtropfen zusammengebaut hatte. Ich wollte feststellen, ob sie noch funktionierte, aber McBee war nicht einverstanden – er glaubte wohl nicht recht, daß ich wirklich mit ihr umgehen konnte.

Den ganzen März und April hindurch fühlte ich mich in meiner Firma sehr wohl. Ich verfügte über alle erdenklichen Geräte, technischen Zeitschriften, Kataloge, eine Handbücherei, einen ›Mal-Max‹ – eine Zeichenmaschine wurde im Werk selbst nicht hergestellt, also nahm man das Beste, was auf dem Markt war –, und ich konnte mit Berufskollegen diskutieren ... das war Musik für meine Ohren.

Vor allem freundete ich mich mit Chuck Freudenberg an, dem Stellvertreter McBees. Für mich war er der einzige richtige Ingenieur im Betrieb; alle anderen waren hochnäsige Mechaniker ... einschließlich McBee. Nachdem wir uns näher kennengelernt hatten, gab Chuck zu, daß er derselben Meinung war.

"Mac will mit neuen Dingen in Wirklichkeit gar nichts zu tun haben. Er ist hoffnungslos altmodisch."

"Was leistet er denn eigentlich in seiner Stellung?"

Гэллоуэй быстро вмешался: — Значит, решили. Вы позовите, Би-Джей? Не уходите, пожалуйста, мистер Дэвис: я хочу, чтобы вы сфотографировались рядом с самой первой моделью «Золушки».

Затеяли съемку. Я был рад увидеть ее — первую машину, которую я сам, своими руками собрал, над которой столько попотел. Я хотел попробовать, работает ли она, но Макби не дал мне включить ее. Мне показалось, что он опасался за машину: вдруг я не знаю, как с ней обращаться...

Весь март и апрель мне было очень недурно в «Золушке». В моем распоряжении были всевозможные инструменты, технические журналы, незаменимые коммерческие каталоги, техническая библиотека, «Чертежник Дэн» (своих чертежных автоматов «Золушка» не производила, поэтому пользовалась лучшими из имеющихся в продаже — а это была продукция «Аладдина»). А главное, в моих ушах музыкой звучали разговоры профессионалов!

Особенно близко я сошелся с Чаком Фриденбергом — заместителем главного инженера по комплектующим. По моему мнению, Чак был в этой конторе единственным инженером, стоившим своей зарплаты. Остальные были просто техники с дипломами, включая и Макби. Чтобы стать инженером, диплома и шотландского акцента маловато. Когда мы узнали друг друга получше, Чак как-то признался, что придерживается такого же мнения.

— Мак не любит новинок. Он предпочитает все делать так, как его дедушка когда-то на берегах своего разлюбезного Клайда.

— А что же он тут делает?

Freudenbergs kannte die Einzelheiten nicht, aber es hatte den Anschein, als sei die jetzt existierende Gesellschaft eine Herstellerfirma gewesen, die sich von der ›Dienstboten-AG‹ nur die Nutzungsrechte an den Patenten hatte übertragen lassen.

Dann war vor zwanzig Jahren einer jener steuersparenden Zusammenschlüsse erfolgt, wobei Aktien der ›Dienstboten-AG‹ gegen solche der Herstellerfirma ausgetauscht wurden, während die neue Firma den Namen der von mir gegründeten Gesellschaft annahm. Chuck vermutete, daß McBee damals eingestellt worden war. "Er ist wohl beteiligt."

Chuck und ich saßen oft abends bei einem Glas Bier und sprachen über berufliche Dinge. Ursprünglich hatte er sich für mich interessiert, weil ich ein Schläfer war. Zu viele Leute zeigten eine morbide Neugier für Schläfer, und ich vermied in der Regel, von meiner Erfahrung zu sprechen.

Chuck war jedoch vom Zeitsprung fasziniert, und er interessierte sich ernsthaft für die Welt vor seiner Geburt.

Dafür war er auch bereit, die Konstruktionen zu kritisieren, die mir immer einfieelen, und mich zu bremsen, wenn ich Probleme wälzte, die längst als alte Hüte galten ... im Jahre 2001. Unter seiner gutmütigen Anleitung wurde ich zu einem modernen Ingenieur.

Als ich ihm aber eines Aprilabends die Idee zu meiner Automatik-Sekretärin auseinandersetzte, sagte er langsam: "Dan, hast du daran während der Dienstzeit gearbeitet?"

"Was? Nein, eigentlich nicht. Warum?"

"Wie ist dein Vertrag formuliert?" "Ich habe gar keinen. Curtis hat mich eingestellt, Galloway fotografiert; das war alles."

"Mmmm ... ich würde da lieber nichts unternehmen, bis du genau weißt, wo du stehst. Das ist wirklich etwas ganz Neuartiges. Und ich habe das Gefühl, daß du es schaffen könntest."

Фриденберг не знал точно, но вроде нынешняя фирма раньше была просто производственной компанией, которая купила лицензии на патенты (мои патенты!) у «Золушки Инк.». А лет двадцать назад, чтобы сэкономить на налогах, фирмы слились, и новая фирма взяла название старой, которую основал я. Вот в это время, как полагал Чак, и наняли Макби. Ему же достался, вероятно, и хороший кусок акций.

По вечерам мы с Чаком обсуждали за пивом, что надо фирме, что почем, и вообще говорили за жизнь. Вначале его интересовало мое прошлое — прошлое сонника. Я уже знал, что очень многие испытывают нездоровое любопытство, как будто сонники — уроды какие-нибудь.

Но Чака интересовал сам прыжок во времени — это был вполне здоровый интерес: каким был мир до его рождения, причем в восприятии человека, который помнит этот мир «как будто только вчера».

Он всегда был готов раздражонить новую машину, которую я только что выдумал, и много разставил меня на место, если я придумывал что-нибудь давно известное в 2001-м. Под его товарищеским руководством я быстро наверстывал знания, восполняя свои пробелы и становясь настоящим инженером.

Но когда однажды, теплым апрельским вечером, я обрисовал ему свою идею автомата-секретаря, он произнес медленно: — Дэн, ты это придумал в рабочее время или как?

— А? Да нет, не совсем. А что?

— А что у тебя за контракт? — Контракт? А у меня нет контракта. Кертис назначил мне жалованье, а Гэллоуэй заставляет фотографироваться и отвечать нанятому для этого рекламному автору на дурацкие вопросы, что и как было.

— Хм... знаешь, дружище, я бы не стал ничего предпринимать, не уточнив своей юридической позиции. Это действительно что-то новенькое. И, по-моему, у тебя эта штука будет работать.

"So habe ich das noch gar nicht gesehen." "Laß das mal auf sich beruhen. Du weißt, wie die Firma im Augenblick steht. Sie verdient Geld, und wir produzieren ordentliche Geräte. Aber in den letzten fünf Jahren haben wir außer lizenzierten Artikeln nichts Neues herausgebracht. Ich kann an Mac nichts Neues vorbeischmuggeln. Aber du könntest Mac umgehen und dich an den Chef selbst wenden. Und das laß lieber bleiben ... außer, du möchtest die Maschine nur fürs Gehalt an die Firma übergeben."

Ich befolgte seinen Rat und plante weiter, verbrannte aber alle Zeichnungen, die mir gelungen erschienen. Sobald ich sie einmal im Kopf hatte, brauchte ich die Zeichnungen nicht mehr. Mein Gewissen beschwerte das nicht; ich war schließlich nicht als Ingenieur, sondern nur als Aushängeschild für Galloway eingestellt worden. Sobald mein Werbewert ausgenützt war, würde man mir ein Monatsgehalt und ein Dankschreiben aushändigen und mich hinauskomplimentieren.

Aber dann' war ich endlich wieder auf dem laufenden und konnte meinen eigenen Laden aufmachen. Wenn Chuck etwas riskieren wollte, gedachte ich ihn mitzunehmen.

Statt meine Lebensgeschichte an die Presse weiterzugeben, schlachtete Jack Galloway sie stufenweise für die großen Magazine aus; ›Life‹ sollte im Anschluß an den Bildbericht ›Vor dreißig Jahren‹ wieder eine große Sache über mich bringen. ›Life‹ ließ sich darauf nicht ein, aber er plazierte die Geschichte in mehreren anderen Zeitschriften. Ich überlegte mir schon, ob ich mir einen Bart wachsen lassen sollte.

Dann wurde mir klar, daß mich kein Mensch erkennen würde und ich für niemanden interessant war. Ich bekam eine gewisse Anzahl von sonderbaren Briefen, einschließlich eines Schreibens, in dem mir ein Unbekannter versicherte, ich müßte ewig in der Hölle braten, weil ich Gottes Pläne für mein Leben durchkreuzt habe. Im übrigen ließ man mich ungeschoren.

— Я как-то не думал о формальностях...

— Тогда отложи это дело пока. Ты же знаешь, как у фирмы обстоят дела: товары мы делаем хорошие, денежки идут. Но все новинки, которые мы выпустили за последние пять лет, — лицензионные. Я ничего не могу протолкнуть через голову Мака. А ты можешь обойти Мака и показать это боссу. Так вот, не делай этого. Если, конечно, не собираешься подарить это фирме просто за зарплату.

Советом я воспользовался. Я продолжал конструировать, но скигал все чертежи, стоявшие внимания, — мне они были не нужны: все это уже было у меня в голове. Чувства вины я не испытывал: фирма не захотела нанять меня в качестве инженера. Они предпочли взять меня на роль манекена для Гэллоуэя. А когда моя рекламная ценность истощится до нуля, мне заплатят месячное жалованье, скажут спасибо и выставят вон.

Но к тому времени я стану настоящим инженером и смогу открыть собственное дело. И если Чак решит уйти со мной — я возьму его в долю.

Джек Гэллоуэй не продал историю обо мне газетчикам. Вместо этого он стал заигрывать с крупными журналами. Он хотел, чтобы «Лайф» сделал обо мне разворот, связав его с тем, старым, тридцатилетней давности — о первой модели «Золушки». «Лайф» на это не клонул, но в нескольких других журналах в ту весну кое-что появилось в блоке с рекламой. Я хотел отрастить бороду, но потом решил, что меня, во-первых, никто не узнает, а во-вторых, мне наплевать, даже если и узнают.

Иногда я получал дурацкие письма. Например, один тип написал мне, что я буду вечно гореть в адском пламени за то, что посягнул на Божественные предначертания относительно моей судьбы. Я кинул письмо в корзину и подумал, что, если бы Богу действительно было это неугодно, он бы никогда не допустил появления Холодного Сна. Во всех остальных отношениях меня не беспокоили.

Aber am Donnerstag, dem 3. Mai 2001, bekam ich einen Anruf. "Mrs. Schultz ist in der Leitung, Sir. Wollen Sie sie sprechen?" Schultz? Verdammt, ich hatte Doughty bei unserem letzten Gespräch versprochen, das zu erledigen. Aber ich schob es immer wieder hinaus. Mrs. Schultz war sicher eine von den Verrückten, die sich auf Schläfer spezialisiert hatten.

Aber laut Doughty hatte sie seit meiner Entlassung mehrmals angerufen. Man gab ihr meine Anschrift nicht und erklärte sich nur bereit, mich zu verständigen.

Nun, ich war es Doughty wohl schuldig, sie endlich abzuwimmeln. "Stellen Sie durch."

"Ist dort Danny Davis?" Mein Bürotelefon besaß keinen Bildschirm. Sie konnte mich nicht sehen.

"Am Apparat. Sie heißen Schultz?"

"Oh, Danny, Liebling, wie gut, daß ich endlich wieder deine Stimme höre!"

Ich sagte eine Weile nichts. Sie fuhr fort: "Kennst du mich denn nicht?"

Ich kannte sie recht gut. Es war Betty Gentry.

Но третьего мая 2001 года мой телефон зазвонил. «Миссис Шульц на линии, сэр. Вы ответите?» Шульц? Вот черт: я же обещал Доути, когда звонил ему в прошлый раз, что разберусь с этим. Но так и не занялся — не хотелось. Я был уверен, что это одна из тех чудачек, что пристают к сонникам с глупыми вопросами.

Но ведь Доути сказал, что она звонила несколько раз с тех пор, как я вышел из хранилища в декабре. В соответствии со своими правилами хранилище не сообщало ей моего адреса, согласившись только передать, что она звонила.

Ну что ж, ради Доути... «Соедините, пожалуйста».

— Хэлло! Это Дэнни Дэвис? — Экрана в моем офисе не было, и она не могла меня видеть.

— Да. Ваше имя Шульц?

— Ах, Дэнни, милый, как я рада слышать твой голос!

Я не ответил. Она заговорила опять: — Ты что, не узнал меня?

Узнал. Еще как узнал... Это была Белла Джентри.

Глава 7

•

Ich verabredete mich mit ihr.

Mein erster Gedanke war, sie zum Teufel zu wünschen und aufzulegen. Seit langem hatte ich erkannt, wie kindisch Rache war. Sie würde mir Pete nicht zurückbringen, und ich könnte höchstens im Gefängnis landen, wenn ich Gleiches mit Gleichem heimzahlte. Seit ich die Suche nach Miles und Betty aufgegeben hatte, dachte ich kaum noch an die beiden.

Aber Betty wußte vielleicht, wo Ricky war. Ich ließ mich also dazu herbei, ein Treffen zu vereinbaren.

Ich sollte sie zum Essen ausführen, aber da machte ich nicht mit. Ich bin kein Pedant in Etikettefragen, aber essen ist etwas, das man nur mit Freunden tun soll. Ich war bereit, sie zu sehen, hatte aber nicht die Absicht, mit ihr zu essen oder zu trinken. Ich ließ mir ihre Adresse geben und versprach, am Abend gegen acht Uhr dort zu erscheinen.

Sie hatte eine kleine Wohnung in einem billigen Mietshaus. Bevor ich läutete, wußte ich schon, daß ihr von der Beute nichts geblieben war, sonst hätte sie nicht dort gewohnt. Als ich sie dann sah, wurde mir klar, daß jede Rache zu spät kam und die Jahre mir die Mühe abgenommen hatten.

Я согласился встретиться с нею.

Первым моим побуждением было послать ее ко всем чертям и повесить трубку. Но я давно понял, что мстить глупо. Пита местью не вернешь, а если отомстить удачно, то и в тюрьму угодить недолго. Да я и не думал про Беллу с Майлсом с тех пор, как перестал их разыскивать.

Но Белла почти наверняка знала, где Рики. Я решил встретиться с нею.

Она хотела, чтобы я пригласил ее пообедать. Я решил этого не делать: я не очень внимателен к тонкостям этикета, но еду, трапезу можно делить только с друзьями. Встретиться — пожалуйста, но есть и пить с нею у меня не было никакого желания. Я спросил ее адрес и сказал, что приеду вечером.

Это оказалась дешевая меблирашка в той части города, которая еще не вошла в Новый план. Квартира была на последнем этаже. Еще не дойдя до ее двери, я понял, что от моих акций проку ей было немного, иначе она бы тут не жила. Я позвонил. Когда я увидел ее лицо, то понял, что месть моя опоздала. Годы и она сама отомстили лучше, чем я сумел бы это сделать.

Betty war nicht weniger als dreiundfünfzig Jahre alt, wenn das von ihr damals angegebene Alter stimmte, wahrscheinlich aber schon nahe den Sechzigern. Mit Hilfe der modernen Methoden mochte es einer Frau gelingen, dreißig Jahre lang wie dreißig auszusehen, und viele schafften das auch. Es gab Filmstars, die sich als Großmutter rühmen ließen, während sie jugendliche Heldinnen mimten.

Betty hatte sich so viel Mühe nicht gegeben.

Sie war dick, schrill und neckisch. Man sah deutlich, daß sie ihren Körper noch immer für ihr größtes Kapital hielt, denn sie trug ein »Engsitz-Neglige«, das nicht nur zuviel zeigte, sondern auch bewies, daß sie weiblichen Geschlechts war, der Rasse der Säugetiere angehörte, zuviel aß und sich zuwenig bewegte.

Sie merkte nichts von alledem. Das einst so exakt arbeitende Gehirn hatte der Zeit Tribut gezollt; geblieben waren nur ihre Überheblichkeit und ihr unglaubliches Selbstvertrauen. Sie warf sich mir mit spitzen Freudenschreien an den Hals und hätte mich beinahe geküßt, bevor ich ihr entrinnen konnte.

Ich schob sie weg.

"Läß das, Betty."

"Aber Liebling! Ich bin so glücklich, dich wiederzusehen!"

"Das kann ich mir vorstellen." Ich war mit dem festen Entschluß hingegangen, meine Beherrschung nicht zu verlieren ... ich wollte nur hören, was mich interessierte, und dann sofort wieder verschwinden. Aber es fiel mir schwer. "Erinnerst du dich vielleicht noch, wie du mich beim letztenmal gesehen hast? Mit Drogen vollgepumpt, damit ich in den Kaltschlaf versetzt werden konnte."

Sie sah mich verwirrt und tief gekränkt an.

"Aber das haben wir doch nur um deinewegen getan, Süßer! Du bist ja so krank gewesen!" Ich nehme an, daß sie das wirklich glaubte.

Если даже поверить тому, что она сама когда-то говорила о своем возрасте, то ей было не меньше пятидесяти пяти. А на самом деле, пожалуй, — ближе к шестидесяти. Если женщина возьмет на себя труд побеспокоиться о себе, то, благодаря гериатрии и эндокринологии, может выглядеть на тридцать еще лет тридцать после того, как ей сравняется тридцать. Некоторые звезды нынешнего завлекино играют роли юных девушек, хотя у них уже внуки.

Белла об этом не позабыла.

Толстая, оплывшая, с визгливым голосом и манерами котенка, она, похоже, до сих пор считала свое тело своим главным достоянием: одета она была в неглиже из «стиктейт», что позволяло безошибочно определить в ней существование женского пола, принадлежащее к отряду млекопитающих, перекормленное и страдающее малоподвижностью.

Она же ничего этого, похоже, не замечала. Некогда острый ум потерял четкость восприятия; осталась только ее всепожирающая самоуверенность. С радостным воплем она кинулась мне на шею, и, наверное, поцеловала бы, не вырвясь я вовремя из ее объятий.

Я успел схватить ее за руки.

— Спокойнее, Белла.

— Но, милый! Я так рада, так счастлива! Так безумно рада видеть тебя!

— Да уж, могу себе представить.

— Я шел к ней с твердой решимостью держать себя в руках, выяснить только то, что меня интересовало, и уйти восвояси. Похоже, это будет нелегко. — А помнишь, каким ты видела меня в последний раз? По уши накачанным зомбионом, чтобы ты могла засунуть меня в хранилище?

Она удивилась и даже обиделась.

— Но, милый, это же было для твоей пользы! Ты же был так болен. — Похоже, она успела сама в это поверить.

"Schon gut. Wo ist Miles? Du bist jetzt Mrs. Schultz?"

Ihre Augen weiteten sich.

"Weißt du denn nichts?"

"Was soll ich wissen?"

"Der arme Miles ... der arme liebe Miles. Er lebte noch zwei Jahre, nachdem du uns verlassen hastest." Ihr Gesichtsausdruck veränderte sich plötzlich. "Der Dreckskerl hat mich betrogen!"

"Traurig."

Ich fragte mich, woran er wohl gestorben war. Arsen? Strychnin?

Ich beschloß, mich an das Wesentliche zu halten, bevor sie vom Thema abkam.

"Was ist aus Ricky geworden?"

"Ricky?"

"Miles' Stieftochter, Frederica."

"Ach, dieses kleine Biest! Woher soll ich das wissen? Sie zog zu ihrer Großmutter."

"Wohin? Wie hieß ihre Großmutter?"

"Wo? Tucson – oder Yuma – oder irgendeine andere trostlose Stadt. Vielleicht auch Indio. Liebling, ich will nichts von diesem unmöglichen Kind wissen – nur von uns beiden!"

"Gleich. Wie hieß ihre Großmutter?"

"Danny, Liebling, du bist langweilig. Wie soll ich mich daran noch erinnern können?"

"Wie hieß sie?"

— Окей, окей. А где Майлс? Ты вроде теперь миссис Шульц?

Глаза у нее стали круглыми от удивления.

— А разве ты не знаешь?

— О чём?

— Бедный Майлс... ах, бедный мой Майлс. После того как ты нас покинул, Дэнни, он протянул меньше двух лет. — Лицо ее внезапно исказила гримаса злобы. — Обманул меня, гадина!

— Ай-яй-яй... Интересно, подумал я, как он умер? Сам упал или подтолкнули? Или мышьяк в суп?

Я решил не отвлекаться от главного, пока у нее игла совсем с дорожки не соскочила.

— А что стало с Рики?

— Рики?

— Ну, с Фредерикой, падчерицей Майлса.

— А, с той паршивкой? Откуда я знаю! Она уехала к бабке жить.

— А куда? Как звали бабушку?

— Куда? В Тусон. Или в Юму?.. Ну, куда-то в те края. А может, в Индио. Милый, я не хочу про нее, про эту противную девчонку. Я хочу поговорить с тобой о нас.

— Сейчас, минуточку. Как все-таки фамилия ее бабушки?

— Ах, Дэнни, ну какой ты нудный! Ну откуда мне помнить, как звали ее бабку?

— Как ее фамилия?!

"Oh, Hanolon ... oder Haney ... Heinz. Vielleicht auch Hinckley. Sei kein Frosch, Liebster. Laß uns etwas trinken. Auf unser glückliches Wiedersehen."

Ich schüttelte den Kopf.

"Ich trinke nicht."

Das war beinahe die reine Wahrheit. Nachdem ich entdeckt hatte, daß der Alkohol in Krisenlagen ein unsicherer Freund ist, beschränkte ich mich gewöhnlich auf ein Bierchen mit Chuck Freudenberg.

"Wie langweilig. Es macht dir aber sicher nichts aus, wenn ich mir einen genehmige."

Sie goß sich schon ein – Gin, den Tröster einsamer Mädchen. Bevor sie ihn hinunterkippte, nahm sie eine Kunststoffflasche aus der Tasche und schüttete zwei Pillen auf die Handfläche.

"Willst du auch eine?"

Ich las das Etikett – »Euphorin«. Man hielt es für ungiftig, aber die Meinungen widersprachen einander. Es gab Bestrebungen, es in die Klasse der Betäubungsmittel einzustufen.

"Danke. Ich bin schon glücklich."

"Fein."

Sie schluckte die Pillen und jagte den Gin hinterher.

Wenn ich etwas in Erfahrung bringen wollte, mußte ich mich beeilen; bald würde sie nur noch dümmlich kichern.

Ich nahm sie beim Arm und drückte sie aufs Sofa, dann setzte ich mich ihr gegenüber.

"Betty, erzähle mir von dir. Wie seid ihr beiden mit den Mannix-Leuten zurechtgekommen?"

– Ну, Хенлон. Хейни. Нет, Хайнц. А может, Хинкли?.. Ой, да ладно тебе, милый. Давай выпьем. Выпьем за наше счастливое воссоединение.

Я покачал головой.

– Не употребляю.

И это было почти правда. Обнаружив, что спиртное – ненадежный друг в тяжелую минуту, я теперь ограничивался пивом в компании Чака Фриденберга.

– Ой, как это скучно, милый! Ну, ты не против, если я немного приму?

Она уже наливалась себе. Чистый джин, заметил я, услада одинокой девицы. Но прежде чем выпить, она взяла пластиковый флакончик и вытряхнула на ладонь пару таблеток.

– Будешь?

Я узнал полосатые таблетки: эйфорин. Говорили, что он нетоксичен и не вызывает привыкания, но мнения были разные. Кое-кто считал, что его надо зачислить в одну группу с морфием и барбитуратами.

– Спасибо. Я и так счастлив.

– Ну, прекрасно.

Она кинула в рот обе, запила джином.

Стало ясно, что если я хочу что-нибудь выяснить, то надо поторапливаться. Скоро от нее уже ничего не добьешься, кроме смешочеков и хихиканья.

Я взял ее под руку и усадил на кушетку. Потом сел напротив.

– Белла, расскажи мне о себе. Ну, чтобы я был в курсе. Как вы с Майлсом сторговались с «Манникс»?

"Was? Überhaupt nicht." Sie brauste plötzlich auf.
"Das war deine Schuld!"

— A? Да никак! — Она вдруг обозлилась. —
Это все ты виноват!

"Wie? Meine Schuld? Ich bin ja gar nicht
dabeigewesen."

— Как я? Меня же там не было!

"Natürlich war das deine Schuld. Diesen
scheußlichen Apparat, der aus einem alten Rollstuhl
zusammengebaut war ... darauf hatten sie es abgesehen.
Und dann war er weg."

— Конечно, ты. Им же нужна была та штука... то
чудовище на колесиках, что ты слепил из
инвалидного кресла. А оно пропало.

"Weg? Wieso?"

— Пропало? А где оно стояло?

Sie sah mich argwöhnisch an.

Она недоверчиво вперила в меня свои
поросячьи глазки.

"Das mußt du doch wissen. Du hast ihn ja
mitgenommen."

— Тебе лучше знать. Ты же его спер.

"Ich? Betty, bist du verrückt? Ich konnte gar
nichts mitnehmen. Ich lag im Kaltschlaf. Wo ist das
Gerät hingekommen? Und wann verschwand es?"

— Я? Ты что, Белла, с ума сошла? Что я мог
взять? Я же лежал в Холодном Сне, как сурок в
спячке. Где та машина стояла?
И когда она пропала?

Es paßte zu meiner Vermutung, daß jemand
»Vielzweck-Frank« entwendet hatte, wenn Miles und
Betty damit nicht zu Großverdienern geworden waren.
Von allen Menschen auf dieser Erdkugel war ich der
einige, der damit nichts zu tun haben konnte.
Seit jener gräßlichen Nacht, als ich überstimmt worden
war, hatte ich ihn nicht mehr zu Gesicht bekommen.

По моим понятиям, кто-то и вправду увел
«Салли», раз Белла с Майлсом не смогли ею
воспользоваться. Но из миллионов людей на всем
земном шаре я был самым распоследним, кто мог это
сделать. С того страшного вечера, когда они
подловили меня на голосовании, я больше «Салли» не
видел.

"Erzähl schon, Betty. Wo war er? Und wie kommst
du auf die Idee, ich könnte ihn mitgenommen haben?"

— Расскажи-ка, Белла: где все-таки она стояла?
И почему ты решила, что это я ее стащил?

"Du mußt es gewesen sein. Sonst wußte ja
niemand, daß er wichtig war. Dieses Gerumpel! Ich
habe Miles noch davor gewarnt, das Ding in die Garage
214 zu stellen."

— А кто же, кроме тебя?! Больше никто и не
знал, что это за вещь. Так, куча железок! Говорила я
Майлсу: не ставь ее в гараж!

"Aber selbst wenn jemand die Maschine gestohlen
haben sollte, ließ sich kaum etwas damit anfangen.
Zeichnungen, Pläne und Notizen waren doch in eurem
Besitz."

— Но если ее кто-то украл, то я сомневаюсь, что
этот «кто-то» смог бы заставить ее работать.
Ведь вся документация, все инструкции-то остались у
вас.

"Nein, Miles hatte sie in die Maschine gesteckt, als wir sie abholen mußten, um sie in Sicherheit zu bringen."

Ich ging auf den letzten Satz nicht ein. Ich wollte gerade sagen, daß er wohl kaum ein paar Stöße Papier in den ›Vielzweck-Frank‹ hätte stopfen können, als mir einfiel, daß ich am Rollstuhlrahmen vorübergehend ein Abladebrett angebracht hatte, das mein Werkzeug aufnehmen mußte, wenn ich an der Maschine arbeitete.

Unwichtig. Das Verbrechen lag dreißig Jahre zurück. Ich wollte in Erfahrung bringen, wie ihnen die ›Dienstboten-AG‹ aus den Händen gegliitten war.

"Was habt ihr mit der Firma angefangen, nachdem der Handel mit Mannix platzte?"

"Wir haben sie natürlich weitergeführt. Als Jake kündigte, meinte Miles, wir müßten schließen. Miles war ein Schwächling ... und diesen Jake Schmidt konnte ich nie leiden. Ein heimtückischer Kerl. Dauernd fragte er, warum du Schluß gemacht hättest ... als hätten wir dich halten können! Ich wollte einen guten Produktionsleiter anstellen und weitermachen. Die Firma hätte an Wert gewonnen. Aber Miles blieb stur." "Was geschah dann?"

"Tja, wir vergaben die Baulizenzen an Geary. Das weißt du doch. Du arbeitest ja jetzt dort."

Ich wußte es wirklich. Der volle Name der ›Dienstboten-AG‹ lautete jetzt ›Dienstboten-Geräte und Geary-Fabrikations-AG‹, obwohl auf den Schildern nur ›Dienstmädchen‹ stand. Ich schien alles herausgefunden zu haben, was sich dieser alten Scharteke entlocken ließ.

Aber meine Neugier war noch nicht ganz befriedigt.

"Nach der Lizenzvergabe an Geary habt ihr eure Aktien verkauft?"

— Да нет же! Майлс, дубина, сунул их в машину, когда мы решили перепрятать ее, чтобы ты ее не украл.

«Украд» я пропустил мимо ушей и собрался возразить, что Майлс никак не мог затолкать пять фунтов бумаг в «Салли»: она и без того была плотно нашпигована, словно рождественский гусь. Но тут я вспомнил, что приделал полку-времянку в нижней части колесного шасси — складывать инструменты во время работы. В попыхах Майлс мог сунуть мои бумаги туда.

А, не имеет значения. Все эти преступления совершены тридцать лет назад. Я захотел узнать, как у них из рук выскользнула «Золушка Инк.».

— А когда сделка с «Манникс» не выгорела, что вы стали делать?

— Да ничего. Потом ушел Джейк, и Майлс сказал, что придется закрываться. Слабак он был... А Джейк Шмидт мне всегда не нравился. Все вынюхивал... Все спрашивал: почему это ты ушел? Как будто мы могли тебя непустить! Я-то хотела, чтобы мы наняли хорошего мастера и работали дальше. Фирма стоила дороже. Но Майлс так настаивал... — Ну, и что дальше?

— Так мы же продали лицензии фирме «Джири мэньюфекчуринг». Разве ты не знаешь? Ты же у них работаешь!

Действительно, полное название нынешней «Золушки Инк.» звучало теперь так: «Бытовые устройства "Золушка" и производственные мастерские "Джири", Инк.», хотя товарный знак по-прежнему был просто «Золушка». Похоже, я выяснил все, что эта дряхлая развалина могла мне сообщить.

Но мне было интересно другое.

— А после того как вы продали лицензии «Джири», вы продали свои акции?

"Was? Wie kommst du denn auf diese Idee?" Ihr Gesicht verzerrte sich, und sie begann zu heulen, bis ihr die Tränen über die Wangen liefen. "Er hat mich betrogen! Er hat mich betrogen! Der dreckige Gauner hat mich betrogen." Sie schnupfte und fügte hinzu: "Ihr habt mich alle betrogen ... und du warst der Schlimmste, Danny."

Mir schien das Euphorin seinen Preis nicht wert zu sein. Vielleicht weinte sie gerne.

"Wieso hat er dich betrogen, Betty?"

"Was? Na, du weißt doch Bescheid. Er hinterließ alles diesem Biest von Tochter ... nach all den Versprechungen ... nachdem ich ihn gepflegt und umsorgt hatte. Dabei war sie nicht einmal seine eigene Tochter. Das ist Beweis genug."

Zum erstenmal an diesem Abend gute Nachrichten. Anscheinend hatte Ricky wenigstens einmal Glück gehabt, wenn sie ihr zu Anfang auch meine Aktien abgenommen hatten. Ich kam wieder aufs Thema zurück.

"Betty, wie hieß Rickys Großmutter?
Und wo haben sie gewohnt?"

"Wo hat wer gewohnt?"

"Ricky's Großmutter."

"Wer ist Ricky?"

"Miles' Tochter. Denk doch mal nach, Betty. Es ist wichtig."

Das wirkte wie ein Startschuß. Sie wies mit dem Finger auf mich und kreischte: "Ich kenne dich."

Du bist in sie verliebt gewesen.
Dieses kleine Luder ... sie und ihre gräßliche Katze."

— A? Кто это тебе такую глупость сказал? —
Новая смена выражения лица, и вот она уже всхлипывает, роется в сумочке в поисках платка, потом бросает это занятие, и слезы текут по ее щекам. — Он обманул меня! Пьянь несчастная...
Обманул меня!.. Кинул... — Она шмыгнула носом и добавила задумчиво: — Вы все меня надули. А ты, Дэнни, — сильнее всех. Я так к тебе относилась, а ты... — Она опять начала хлюпать носом.

Я решил, что эйфорин не стоит таких денег.
Или, может, она счастлива, когда плачет?

— А как он тебя обманул, Белла?

— Как, как... Уж ты-то должен знать. Он ведь все оставил этой своей девчонке... а ведь обещал мне!.. я же его прямо нянчила, когда он болел...
А она ему даже и не дочка вовсе. Вот.

Это была первая приятная новость, которую я услышал за весь вечер. Видно, Рики все-таки хоть в чем-то повезло, даже если они и выманили у нее до этого мой сертификат.

Я опять вернулся к главному:

— Белла, а как фамилия бабушки Рики? И где они жили?

— Кто?

— Бабушка Рики.

— Рики? А кто это — Рики?

— Дочка Майлса. Подумай, Белла. Это важно.

Тут она зевнула.
Она замахала руками, визжа:

— Все, я поняла: ты ее любил, вот что. Эту пронырливую дрянь... ее и ее паршивого кота.

Als sie Pete erwähnte, schoß der Zorn in mir hoch.
Aber ich versuchte, ihn zu unterdrücken. Ich packte sie bei den Schultern und schüttelte sie ein bißchen.

"Reiß dich zusammen, Betty. Ich will nur das eine wissen: Wo wohnen sie? Welche Adresse schrieb Miles auf die Briefe?"

Sie stieß mit den Füßen nach mir.

"Mit dir will ich überhaupt nicht reden! Du bist ganz gemein zu mir." Dann schien sie von einem Augenblick auf den anderen nüchtern zu werden. Ruhig sagte sie: "Ich weiß es nicht. Die Großmutter hieß Hanecker oder so ähnlich. Ich habe sie nur einmal bei Gericht gesehen, als sie wegen des Testaments kamen."

"Wann war das?"

"Gleich nach Miles' Tod natürlich."

"Wann ist Miles gestorben, Betty?"

Sie schaltete wieder um.

"Du willst zuviel wissen. Du bist wie die Polizei ... Fragen, Fragen, Fragen!" Dann hob sie den Kopf und sagte bittend: "Vergessen wir doch das alles. Jetzt gibt es nur noch dich und mich ... und wir haben das ganze Leben noch vor uns, Liebster. Eine Frau mit neununddreißig ist nicht alt ... Schultz sagte immer, ich sei das jüngste Frauenzimmer, dem er je begegnet sei – und der alte Bock kannte Weiber genug, glaub mir! Wir könnten miteinander so glücklich sein, Liebster. Wir ..." Ich hatte mehr als genug, auch vom Detektivspielen.

"Ich muß gehen, Betty."

"Was? Aber es ist doch noch ganz früh ... und wir haben die ganze Nacht für uns allein. Ich dachte ..." "Mir ist egal, was du gedacht hast. Ich muß sofort weg."

При упоминании о Пите я почувствовал прилив злобы. Но я попытался подавить ее. Я просто сгреб Беллу за плечи и чуток тряхнул.

— Соберись, Белла. Я хочу знать только одно: где они жили? Куда Майлс посыпал письма, когда писал им?

Она попыталась лягнуть меня.

— Я с тобой не разговариваю, вонючка противная! — Потом она как-то внезапно почтипротрезвела и тихо сказала: — Не помню. Фамилия бабки была что-то вроде Ханнекер, как-то так... Я ее и видела-то всего один раз — в суде, когда прочли завещание.

— Когда это было?

— А как Майлс умер, так вскоре.

— А когда он умер, Белла?

Она опять завелась.

— Больно много ты хочешь знать. Чего ты все выспрашиваешь — прямо шериф какой-то! — Потом она взглянула на меня примирительно и сказала: — Давай забудем все. Здесь только ты и я, дорогой... а у нас еще вся жизнь впереди. Я же еще не старуха, мне всего тридцать девять... Мой Шульц говорил, что я такая молоденькая — моложе он и не видывал. А уж этот старый козел такого насмотрелся, я тебе скажу... Мы были бы так счастливы, милый. Мы... Все, что я мог вынести, я уже получил. Даже игру в детектива.

— Мне пора, Белла.

— Как, милый? Еще так рано... у нас еще вся ночь впереди. Я думала... — Да плевать мне, что ты думала. Я пошел.

"Ach, Liebster! Wie traurig. Wann sehen wir uns wieder? Morgen?

Ich bin zwar sehr beschäftigt, aber für dich lasse ich alle Verabredungen auffliegen und ..." "Dir möchte ich nie mehr begegnen, Betty." Ich ging.

Ich sah sie tatsächlich nie mehr.

Zu Hause badete ich sofort ganz heiß und schrubpte mich von Kopf bis Fuß ab. Dann setzte ich mich hin und versuchte zu addieren, was ich herausgefunden hatte. Betty schien zu glauben, daß der Name von Rikkys Großmutter mit „H“ anfing und daß sie in einer Wüstenstadt in Arizona oder möglicherweise auch Kalifornien gewohnt hatte. Na ja, vielleicht konnten geschulte Leute damit etwas anfangen.

Vielleicht auch nicht. Auf jeden Fall würde die Arbeit mühsam sein und viel Geld verschlingen; ich mußte warten, bis ich mir das leisten konnte.

Wußte ich sonst noch etwas von Bedeutung?

Miles war nach Bettys Bericht 1972 gestorben. Wenn er in diesem Bezirk das Zeitliche gesegnet hatte, mußte ich das genaue Datum finden und dann den Tag der Testamentseröffnung in Erfahrung bringen können ... wenn sie tatsächlich stattgefunden hatte. Dadurch mochte es vielleicht gelingen, Rickys damaligen Wohnort ausfindig zu machen. Wenn die Gerichte solches überhaupt aufbewahrten – das wußte ich nicht. Wenn ich etwas damit gewann, dann die Lücke auf achtundzwanzig Jahre zu verkürzen und die Stadt zu bestimmen, in der sie damals gewohnt hatte.

— Ach, милый! Как жалко. А когда мы увидимся? Завтра? Я ужасно занята завтра, но я все отменю и... — Мы больше не увидимся, Белла. — Я вышел.

Больше я ее не видел.

Придя домой, я сразу же влез в ванну и хорошенько вымылся с мочалкой. Потом присел и попытался оценить свой улов. Судя по всему, фамилия бабушки начиналась с буквы X – если памяти Беллы можно доверять в этом вопросе, — и жили они где-то либо в Аризоне, либо в Калифорнии. Есть какое-то агентство, специализирующееся на розыске сбежавших супругов. Может, профессионалы сумеют что-то извлечь из такой информации?

А может, и нет. В любом случае это будет долго и дорого. Я не могу ждать, пока это станет мне по карману.

Известно ли мне что-нибудь еще, за что можно зацепиться?

Майлс, по словам Беллы, умер где-то в семьдесят втором. Если он умер здесь, в США, то я сумею уточнить дату смерти, потратив на поиски пару часов, после чего смогу найти и сведения о слушании его завещания в суде, если таковое было. Благодаря этим сведениям я выясню, где жила Рики в то время. Если в судах хранятся такие сведения (я не был в этом уверен). Вот только много ли будет проку в том, что я найду городишко, где она жила двадцать восемь лет назад?..

Wenn es überhaupt einen Sinn hatte, nach einer Frau zu suchen, die jetzt einundvierzig Jahre alt, sicher verheiratet war und Kinder hatte. Das Wrack, zu dem Betty Darkin geworden war, hatte mich erschüttert; ich begann zu begreifen, was dreißig Jahre bedeuten konnten. Nicht, daß ich befürchtete, Ricky könnte als erwachsene Frau anders denn graziös und gut sein ... aber würde sie sich denn an mich erinnern? Oh, ganz vergessen hatte sie mich sicher nicht, aber sprach nicht manches dafür, daß ich für sie ein gesichtloses Wesen sein mußte, der Mann, den sie einmal ›Onkel Danny‹ genannt und der eine nette Katze gehabt hatte? Lebte ich nicht, genau wie Betty, in einer Scheinwelt? Immerhin, es konnte nicht schaden, nach ihr zu forschen. Zumindest würden wir jedes Jahr Weihnachtsgrüße austauschen können. Dagegen konnte ihr Mann doch nichts einwenden.

И вообще, есть ли смысл искать сорокалетнюю женщину, которая наверняка замужем и имеет семью... Увидев развалину, которая когда-то была Беллой Даркин, я был потрясен. Я начал понимать, что такое тридцать лет. Конечно, Рики и взрослая все равно такая же хорошая и добрая... вот только помнит ли она еще меня? Я, конечно, не думаю, что она забыла меня совершенно. Просто я давно стал для нее безликой фигурой, человеком, которого она когда-то звала «дядя Дэнни» и у которого был такой славный котище... А не живу ли и я, подобно Белле, фантазиями и воспоминаниями о прошлом? А, ладно, ничего страшного не случится — можно попробовать поискать ее еще разок. Ну, будем посыпать друг другу к Рождеству поздравительные открытки. Вряд ли ее муж будет сильно возражать против этого.

Глава 8

•

Am nächsten Morgen war Freitag, der 4. Mai. Statt ins Büro zu gehen, fuhr ich zum Bezirksarchiv. Man zog gerade um und bat mich, nächsten Monat wiederzukommen.

Ich fuhr also zum Verlagsgebäude der ›Times‹ und zog mir mit einem Lesegerät einen steifen Hals zu. Aber ich fand heraus, daß Miles, falls er innerhalb von einem bis drei Jahren nach meiner Einlieferung zum Kaltschlaf krank geworden, bestimmt nicht im Bezirk Groß-Los-Angeles gestorben war, wenn die Todesanzeigen keine Lücken aufwiesen.

Natürlich gab es kein Gesetz, das ihn verpflichtete, in Los Angeles zu sterben. Dafür gibt es keine Vorschriften.

Vielleicht führte man im Staatsarchiv in Sacramento Unterlagen darüber. Ich entschied, daß ich dort einmal vorsprechen mußte, bedankte mich beim Archivar der ›Times‹, ging zum Mittagessen und fand mich schließlich wieder im Betrieb ein.

Zwei Anrufe und ein Brief von Betty erwarteten mich. Ich las den Brief bis zur Anrede ›liebster Danny‹, dann zerriß ich ihn und wies die Vermittlung an, keine Anrufe von Mrs. Schultz mehr entgegenzunehmen. Ich ging zur Buchhaltung und erkundigte mich beim Abteilungsleiter danach, ob es möglich sei, die früheren Besitzverhältnisse bei eingezogenen Aktien zu ermitteln. Er versprach mir, sich darum zu kümmern, und ich gab ihm aus dem Gedächtnis die Nummern der ›Dienstboten-AG‹-Aktien, die mir einmal gehört hatten. Das war keineswegs eine großartige Leistung. Wir hatten zu Anfang genau tausend Aktien ausgegeben, und ich besaß die ersten fünfhundertzehn Stück; Bettys ›Verlobungsgeschenk‹ war von den ersten Nummernserien abgezwackt worden.

На другой день — в пятницу, четвертого мая, — вместо конторы я поехал в центральный архив графства. У них был ремонт, и мне велели приехать через месяц. Тогда я поехал в редакцию «Таймс» и просидел над микросканнером, читая микрофильмы, пока у меня в шею не вступило. Но мне удалось выяснить, что если Майлс умер в семьдесят втором или семьдесят третьем, то наверняка сделал это не в графстве Лос-Анджелес, если, конечно, объявления о смерти точны.

Разумеется, нет такого закона, чтобы обязательно помирать в Лос-Анджелесе. Майлс мог умереть где ему заблагорассудилось. Этот процесс властям пока упорядочить не удалось.

Возможно, в Сакramento есть сводный архив штата. Я решил, что придется и туда съездить, поблагодарил библиотекаршу редакции, поехал пообедать, а потом все-таки отправился на работу.

Там меня ждали записка и два телефонных звонка — все от Беллы. Я прочитал только слова «Дорогой Дэн», порвал записку, позвонил телефонисткам и велел не соединять меня с миссис Шульц. Потом пошел в бухгалтерию и спросил начальника отдела, нельзя ли узнать, кто владел старыми, погашенными акциями компании. Он сказал, что попытается выяснить, и я продиктовал ему наизусть номера акций той, первой «Золушки Инк.», которые когда-то мне принадлежали. Мне не пришлось сильно напрягать память: для начала мы выпустили ровно тысячу акций, я взял первых пятьсот десять, а Белле достались в качестве «обручального подарка» самые начальные номера.

Ich ging in mein Büro zurück, wo McBee auf mich wartete.

"Wo sind Sie gewesen?" fragte er mich.

"Unterwegs. Warum?"

"Das ist keine ausreichende Antwort. Mr. Galloway war schon zweimal hier. Ich mußte ihm sagen, daß ich nicht weiß, wo Sie sind."

"Ach du meine Güte!

Wenn Galloway mich braucht, findet er mich schon. Brächte er nur die Hälfte der Zeit, in der er sich neue Reklametricks ausdenkt, damit zu, die Geräte nach ihrem eigenen Wert zu verkaufen, dann ginge es der Firma besser."

Galloway begann mich zu ärgern. Er war zwar Verkaufsleiter, schien aber nur darauf bedacht zu sein, den Werbeagenturen, die für uns arbeiteten, ins Handwerk zu pfuschen. Aber ich bin voreingenommen; mich interessiert nur das Technische. Alles übrige halte ich für unnötigen Papierkram.

Ich wußte, wozu mich Galloway brauchte, und war ihm gerade deswegen ausgewichen. Er wollte mich in Kostüme aus dem Jahr 1900 stecken und Aufnahmen machen. Ich hatte ihm erklärt, daß ich mich in der Kleidung von 1970 fotografieren lassen wollte, sooft er das verlangte, aber 1900, das war immerhin zwölf Jahre vor der Geburt meines Vaters gewesen. Er meinte, daß das keinem Menschen auffallen würde, also wurde ich deutlicher. Er sagte, ich brächte nicht die richtige Einstellung mit.

"Sie haben nicht die richtige Einstellung", erklärte mir McBee.

"So? Tut mir leid."

Я вернулся к себе в конуру и обнаружил, что меня ждет Макби.

— Где вы были? — поинтересовался он.

— Да так, ходил тут по делу. А что?

— Вряд ли такой ответ можно считать удовлетворительным. Мистер Гэллоуэй уже дважды приходил, разыскивая вас. Мне пришлось сказать ему, что я не знаю, где вы шатаетесь.

— О господи! Да если я нужен Гэллоуэю, он меня все равно разыщет. Если бы он так старался рекламировать нашу продукцию за ее достоинства, как он ищет разные «интересные рекламные аспекты», то фирме было бы больше проку.

Гэллоуэй начинал меня раздражать. Он числился ответственным за сбыт, но мне кажется, что свои основные усилия он сосредоточил на том, что морочил голову нашему рекламному агентству. Но я, наверное, необъективен: мне ведь только бы конструировать. Все остальные, кроме конструкторов, по-моему, просто перекладывают бумажки с места на место.

Честно говоря, я знал, зачем я нужен Гэллоуэю, и нарочно шел помедленнее. Он хотел устроить фотосъемку, нарядив меня в одежду 1900 года. Я ему говорил, что в костюмах 1970 года — пожалуйста, сколько угодно, пока плёнка не кончится, но 1900 год — это за двенадцать лет до того, как родился мой отец. Он сказал, что никто даже не заметит разницы, а я ответил ему, что яйца курицу не учат. Тогда он заявил, что у меня неправильное отношение к делу.

Эти генераторы иллюзий, дурачащие публику, полагают, что люди сами не умеют ни читать, ни писать. Макби сказал: — Вы неправильно относитесь к работе, мистер Дэвис.

— Да? Весьма сожалею.

"Sie sind in einer eigenartigen Lage. Sie unterstehen meiner Abteilung, aber ich muß Sie jederzeit an die Verkaufs- und Werbeabteilung abstellen. Von jetzt ab werden Sie wohl besser die Stechuhr benützen, wie alle anderen Betriebsangehörigen auch... und wenn den Sie sich zuerst an mich, wenn Sie das Büro während der Dienststunden verlassen wollen. Bitte halten Sie sich daran."

Ich zählte ganz langsam bis zehn.

"Mac, benützen Sie die Stechuhr?"

"Was? Natürlich nicht. Ich bin der Chefingenieur."

"Allerdings. Das steht an Ihrer Tür. Aber passen Sie einmal auf, Mac, ich war in diesem Kramladen Chefingenieur, bevor Sie mit dem Rasieren angefangen haben. Glauben Sie wirklich, daß ich mir das mit der Stechuhr bieten lasse?"

Das Blut schoß ihm ins Gesicht.

"Vielleicht nicht. Aber das eine kann ich Ihnen sagen: Wenn Sie es nicht tun, wird Ihr Gehalt gesperrt."

"So? Sie haben mich nicht eingestellt, Sie können mich auch nicht hinauswerfen."

"Mmmm ... das werden wir ja sehen. Auf jeden Fall kann ich Sie aus meiner Abteilung versetzen, hinüber zur Werbung, wohin Sie gehören. Wenn überhaupt irgendwohin." Er warf einen Blick auf meine Zeichenmaschine. "Bei mir leisten Sie jedenfalls nichts. Ich denke nicht daran, die wertvolle Maschine hier noch länger herumstehen zu lassen." Er nickte kurz. "Guten Tag."

Ich ging hinter ihm hinaus. Ein ›Bürojunge‹ rollte herein und legte einen großen Umschlag auf meinen Schreibtisch, aber ich kümmerte mich nicht darum. Ich ging zum Kasino und schäumte innerlich. Wie die meisten engstirnigen Menschen glaubte Mac, schöpferische Arbeit ließe sich nach Stunden abmessen. Kein Wunder, daß die Firma seit Jahren nichts Neues herausgebracht hatte.

— Вы в необычном положении. Числитесь по моему отделу, но я должен отдавать вас в распоряжение отдела сбыта и рекламы, когда им надо. Мне кажется, что с нынешнего дня вам следует отмечаться на проходной, как и всем остальным. А когда уходите из конторы в рабочее время, предупреждайте меня. Не забудьте.

Я медленно, пользуясь двоичной записью, сосчитал в уме до десяти.

— Мак, а вы отмечаетесь на проходной?

— Что? Нет, конечно. Я главный инженер.

— Разумеется. У вас и на двери кабинета так написано. Но вот какая штука, Мак: я был главным инженером этого ящика с винтиками, когда вы еще не брились. Вы что, всерьез полагаете, что я буду пробивать время в карточке на проходной?

Он побагровел.

— Может, и нет. Но я вас предупреждаю: не будете — не получите зарплату.

— Да ну? Нанимали меня не вы, и не вам меня увольнять.

— Ммм... посмотрим. Но уже перевести вас из своего отдела в рекламный я, по крайней мере, сумею — ваше место там.

Если, конечно, ваше место вообще на нашей фабрике.

— Он взглянул на мою чертежную машину. — Здесь от вас толку никакого. Я не желаю, чтобы дорогая машина простоявала и дальше. — Он слегка поклонился. — Всего наилучшего.

Я проводил его до двери. Робот-рассыльный привез пакет и кинул его в корзинку у моей двери, но я на него даже не взглянул.

Я пошел в наш кафетерий и уселся там, выпуская пар. Будучи человеком примитивно-прямолинейным, Мак полагал, что открытия делаются числом, а не талантом. Ничего удивительного, что фирма не выдала ни одной новой разработки за многие годы.

Zum Teufel mit ihm. Ich hatte sowieso nicht vor, noch recht lange hierzubleiben.

Etwa eine Stunde später schlenderte ich wieder hinauf und fand in meinem Eingangskorb einen Hausbrief. Ich schlitzte ihn auf, weil ich McBees Rache erwartet hatte.

Aber der Brief kam von der Buchhaltung. Er lautete:

Lieber Mr. Davis, Betrifft: die Aktien, nach denen Sie sich erkundigt haben.

Dividenden für das größere Paket wurden vom ersten Quartal 1971 bis zum zweiten Quartal 1980 zugunsten einer Person namens Heinicke auf ein Treuhandkonto bezahlt. 1980 fand die Neuorganisation unseres Unternehmens statt; aus den Unterlagen läßt sich ersehen, daß die Anteilscheine der ›Cosmopolitan Versicherungsgesellschaft‹ verkauft wurden, in deren Besitz sie noch sind.

Das kleinere Aktienpaket gehörte, wie Sie richtig vermutet haben, bis 1972 Betty D. Gentry. Dann wurde es an die Sierra-Wechselbank übereignet, die es stückweise über den Ladentisch verkauft. Das weitere Schicksal jedes einzelnen Anteilscheines nach der Neuorganisation könnte notfalls geklärt werden, das dauert aber seine Zeit.

Wir stehen Ihnen selbstverständlich auch in Zukunft gern zu Diensten.

Y. E. Reuther, Prok.

Ich rief Reuther an, bedankte mich und sagte ihm, daß die Information ausreichend sei. Ich wußte jetzt, daß meine Überschreibung an Ricky nie wirksam geworden war. Da der in den Unterlagen vermerkte Eigentumsübergang betrügerisch war, roch das Ganze sehr nach Betty; die dritte Person mußte entweder eine ihrer Marionetten oder auch ein fingierter Name sein – sie plante damals wohl schon den Betrug an Miles.

Ну и черт с ними: я и так не собирался торчать тут всю жизнь.

Через час я вернулся в свой кабинет и обнаружил в корзинке для почты конверт с фирменной символикой. Я решил, что Мак уже прислал мне извещение об увольнении, не затягивая дело.

Но письмо оказалось из бухгалтерии. Оно гласило:

Уважаемый мистер Дэвис! Касательно акций, которыми Вы интересовались, могу сообщить следующее:

Дивиденды по большему блоку выплачивались с первого квартала 1971 по второй квартал 1980 года по первоначально выпущенным акциям и переводились на счет траст-фонда на имя некоего Хайнеке. В 1980 году произошла наша реорганизация, и дальнейшая имеющаяся информация довольно туманна, но, насколько можно судить, вновь изданные эквивалентные акции были проданы фирме «Космополитан иншуранс групп», которая владеет ими и сейчас.

Меньший блок акций, как Вы и полагали, принадлежал Белле Д. Джентри до 1972 года, а затем был передан во владение «Сьерра аксептанс корпорейшн», которая распродала их в розницу. Дальнейшую историю каждой акции можно уточнить, если желаете, однако это потребует времени.

Если наш отдел может еще в чем-либо оказать Вам помощь – мы к Вашим услугам.

И. Е. Рейзер, гл. бухг.

Я позвонил Рейзеру, поблагодарил его и сказал, что получил всю информацию, которую хотел. Я узнал, что Рики так и не получила моих акций. Поскольку переуступка моих акций, отраженная в архиве фирмы, была явной подделкой, дело пахло Беллой. Этот Хайнеке мог быть либо ее подставным лицом, либо вообще фигурант вымышленной. Наверное, она уже пораскинула к тому времени мозгами, как надуть Майлса.

Anscheinend war ihr nach Miles' Tod das Bargeld knapp geworden, so daß sie das kleine Aktienpaket verkaufen mußte. Ich interessierte mich aber nicht dafür, was aus den Anteilscheinen nach dem Verkauf durch Betty geworden war. Ich hatte vergessen, Reuther um Nachforschungen über Miles' Aktienbesitz zu bitten ... dadurch müßte sich eine Spur zu Ricky ergeben, auch wenn sie die Aktien nicht mehr besaß.

Aber es war schon spät; ich nahm mir vor, ihn am Montag wieder anzurufen. Jetzt wollte ich den großen Umschlag öffnen, der auf meinem Schreibtisch lag, denn ich hatte den Absender schon erspäht.

Anfang März schrieb ich das Patentamt wegen der Originalpatente für ›Eifriger Erich‹ und ›Mal-Max‹ an. Meine Überzeugung, daß ›Eifriger Erich‹ nur ein anderer Name für ›Vielzweck-Frank‹ sei, wurde durch meine erste erregende Erfahrung mit ›Mal-Max‹ etwas erschüttert; ich hatte schon an die Möglichkeit gedacht, dasselbe unbekannte Genie, dem ›Mal-Max‹ eingefallen war, wie ich ihn mir ausgedacht hatte, könnte vielleicht auch ein Äquivalent zu ›Vielzweck-Frank‹ entwickelt haben. Diese Theorie wurde noch durch die Tatsache gestützt, daß beide Patente im selben Jahr erteilt worden waren und sich im Besitz einer Gesellschaft befanden – jedenfalls bis zu ihrem Erlöschen – nämlich bei ›Aladin‹.

Aber ich mußte Gewißheit haben. Wenn dieser Erfinder noch lebte, wollte ich ihn kennenlernen. Er konnte mir noch einiges beibringen.

Auf mein erstes Schreiben erhielt ich vom Patentamt eine vorgedruckte Mitteilung, wonach sich alle Unterlagen über erloschene Patente jetzt im Nationalarchiv in den Carlsbader Höhlen befanden. Ich schrieb das Archiv an und erhielt einen Formbrief nebst Gebührenliste. Ich schrieb also ein drittes Mal und legte eine Postanweisung für die Anfertigung von Kopien aller Unterlagen bei – Beschreibungen, Anträge, Zeichnungen.

In diesem dicken Umschlag mußte sich die Antwort befinden.

Очевидно, после смерти Майлса у нее было туто с наличными, и она продала меньший блок. Чтосталось с этими акциями потом, мне уже было совершенно не интересно. Я забыл попросить Рейзера проследить и судьбу акций Майлса: это тоже могло быть ниточкой к Рики, даже если потом она и упустила эти акции. Но был уже вечер пятницы. Спрошу в понедельник, решил я. Сейчас мне нетерпелось вскрыть ожидавший меня большой пакет – я увидел обратный адрес.

Еще в начале марта я написал в патентное управление насчет первых патентов на «Трудягу Тедди» и на «Чертежника Дэна». Мое убеждение, что «Трудяга Тедди» – просто псевдоним «Универсальной Салли», было несколько поколеблено после моей встречи с «Чертежником Дэном»: я уж начал подумывать, что если какой-то безвестный гений сумел придумать «Дэна» так близко к моим замыслам, то, наверное, он мог создать и столь же близкое подобие «Универсальной Салли». Моя теория подкреплялась тем, что оба патента были выданы в один год и оба принадлежали (по крайней мере до тех пор, пока их действие не истекло) одной компании – «Аладдину».

Но мне хотелось знать наверняка. И если изобретатель еще жив, то я хотел бы с ним встретиться: у этого парня наверняка есть чему поучиться.

Сначала я написал в патентное управление и получил от них только извещение, что вся информация о патентах, утративших силу ввиду истечения срока действия, хранится в национальном архиве в Карлсбадских пещерах. Я написал в архив и получил... бланк заказа и прейскурант. Пришлось писать в третий раз. Я отправил почтовый перевод и заказ на ксерокопии полных текстов обоих патентов – описания, формулы изобретений, чертежи.

Похоже, что в толстом пакете – ответ на мои вопросы.

Obenauf lag Patent 4307909, das Erstpatent für Eifriger Erich. Ich wandte mich den Zeichnungen zu und ließ zunächst Beschreibung und Antrag unbeachtet. Anträge sind höchstens vor Gericht von Bedeutung; das Grundprinzip ist natürlich, mit den umfassendsten Ausdrücken die ganze Welt mit einzuschließen und sich dann von den Prüfern einschränken zu lassen – deswegen gibt es Patentanwälte. Die Beschreibungen dagegen müssen den Tatsachen entsprechen, aber ich kann Zeichnungen weit schneller lesen als lange Texte.

Ich mußte zugeben, daß die Ähnlichkeit mit »Vielzweck-Frank« nicht besonders groß war. Das Gerät war wesentlich besser; es leistete mehr und kam mit einfacheren Schaltungen aus. Die Grundidee war dieselbe, aber das war ja unvermeidlich.

Ich konnte mich beinahe bei der Planung eines solchen Geräts sehen ... eines hochentwickelten »Vielzweck-Franks«. Etwas Ähnliches hatte ich tatsächlich vorgehabt – »Frank« ohne Beschränkungen auf Haushaltarbeiten zu konstruieren.

Ich fand endlich Gelegenheit, den Namen des Erfinders auf Antrag und Beschreibung zu lesen.

Ich erkannte ihn sofort. Er lautete: D. B. Davis.

Ich starrte ihn an, während ich langsam und falsch vor mich hin pfiff. Betty hatte also wieder einmal gelogen. Ich fragte mich, ob von ihrem ganzen Geschwätz auch nur ein einziges Wort, stimmte. Natürlich war Betty eine pathologische Lügnerin, aber ich hatte irgendwo gelesen, daß auch solche Menschen ein gewisses System bevorzugen. Sie beginnen mit der Wahrheit und schmücken sie aus, statt irgendwo ins Blaue hineinzuschwindeln. Mein Modell von »Vielzweck-Frank« war überhaupt nie gestohlen worden. Man hatte es vielmehr einem anderen Ingenieur zur Verfeinerung übergeben und dann den Patentierungsantrag in meinem Namen gestellt.

Первым шел № 4 307 909 — патент на «Трудягу Тедди». Пропустив описание и формулу изобретения, я полез в чертежи. Формула вообще не имеет никакого значения нигде, кроме патентного суда: формулу пишут, включая в состав изобретения весь белый свет, а там уж дело экспертов-патентоведов обкусывать края, оставляя суть. Вот откуда и берутся патентные поверенные. А вот описание должно быть реалистическим. Но чертежи я умею читать быстрее, чем описания.

Мне пришлось признать, что «Тедди» отличается от «Салли». Он был лучше «Салли»: он умел делать больше, а некоторые узлы оказались проще. Основной принцип конструкции был тот же, но это естественно: любое устройство, созданное на ячейках Торсена и раньше «Салли», но с той же целью, должно было базироваться на тех же принципах, что я заложил в свою «Салли».

Я представил, что это я создаю такую машину... как будто это улучшенная модель «Салли». Мне ведь как-то приходила в голову такая мысль — создать «Салли» без этих бытовых ограничений, свойственных ей изначально.

Наконец я добрался до последней страницы и нашел имя изобретателя.

Я сразу узнал его: это был Д. Б. Дэвис.

Медленно и фальшиво насвистывая «Сейнт-Луи Блюз», я тупо глядел на свою фамилию на последней странице патента. Значит, Белла опять солгала. Интересно, подумал я, сказала ли она мне за всю нашу недолгую историю хоть слово правды? Конечно, Белла была патологической лгуньей, но я читал, что у патологических лгунов обычно есть какой-то стереотип: они начинают, отталкиваясь от правды, но затем приукрашивают ее, а не выдумывают что-то от начала до конца. Значит, мою модель «Салли» не украли, а отдали другому инженеру, который «пригладил» конструкцию, а потом подали заявку на изобретение на мое имя.

Aber der Vertrag mit Mannix war nie zustande gekommen. Das stand fest, weil ich es aus den Unterlagen der Firma ersehen konnte. Aber Betty hatte behauptet, ihr Versäumnis, ›Vielzweck-Frank‹ vertragsgemäß zu produzieren, habe den Handel mit Mannix auffliegen lassen.

Hatte Miles sich ›Frank‹ unter den Nagel gerissen und Betty glauben gemacht, die Maschine sei gestohlen worden? In diesem Fall ... ich gab das Raten auf. Vielleicht mußte ich eine Stellung bei ›Aladin‹ annehmen, bevor ich herausfinden konnte, woher sie das Originalpaket bekommen hatten und wer dafür entschädigt worden war. Vermutlich lohnte es sich nicht, weil das Patent erloschen, Miles tot war, und Betty, selbst wenn sie dabei zu Geld gekommen war, es längst zum Fenster hinausgeworfen hatte. Die für mich wichtige Frage war geklärt, nämlich, daß ich der Erfinder war. Mein Berufsstolz konnte sich beruhigen, und wer braucht Geld, wenn drei Mahlzeiten am Tag gesichert sind? Ich nicht.

Ich beschäftigte mich also mit Patent 4307910, dem ersten ›Mal-Max‹. Die Zeichnungen waren eine reine Freude. Ich hätte sie nicht besser machen können; dieser Junge war wirklich auf Draht.

Er hatte sogar für seine Tastatur eine elektrische Schreibmaschine verwendet und auf eine IBM-Patentserie in den Zeichnungen hingewiesen. Das war klug, das war vernünftig; nie etwas neu erfinden, das im Laden nebenan zu kaufen ist.

Ich mußte erfahren, wer dieser begabte Junge war, also schlug ich den Antrag auf.

Es war D. B. Davis.

Nach geraumer Zeit rief ich Dr. Albrecht an. Man holte ihn herbei, und ich stellte mich vor, weil mein Telefon nicht mit Bildschirm ausgerüstet war.

„Ich habe Sie schon an der Stimme erkannt“, erwiderte er. „Freut mich sehr, daß Sie anrufen. Wie kommen Sie in Ihrer neuen Stellung zurecht?“

Но ведь сделка с «Манникс» не прошла. В этом я был уверен, так как знал это из архивов фирмы. Да, но Белла сказала, что они не смогли выпускать «Салли», как собирались, и сделка расстроилась из-за этого.

Может, Майлс припрятал «Салли» для себя, а Белле сказал, что ее украли? (То есть не украли, а... «переукрали»?) Но тогда... Я плюнул и перестал гадать. Это было явно безнадежное дело; еще более безнадежное, чем поиски Рики. Да я быстрее смог устроиться в «Аладдин» на работу, чем разберусь, как к ним попали исходные патенты и кому от этого какая выгода. Дело это явно нестоящее: сроки действия патентов истекли, Майлс умер, а Белла, если и погрела на этом руки, выручив доллар-другой, то давно уже просадила их. Я удовлетворился единственным важным для себя обстоятельством, которое и требовалось доказать: изобретателем оказался я сам. Моей профессиональной гордости это льстило, а деньги — да кто о них беспокоится, если три раза в день на еду хватает?

Так что я перешел к второму патенту — № 4 307 910, на первого «Чертежника Дэна». Чертежи были — загляденье. Я и сам бы их не сумел сделать лучше. Ей-богу, тот парень оказался молодцом. Я поразился, увидев, как экономно были сделаны связи, и как число цепей осталось прежним, а вот количество движущихся частей сведено к минимуму.

Он даже применил клавиатуру от электрической пишущей машинки, а в чертежах указал ссылки на соответствующие патенты Ай-Би-Эм. Вот это умно. Это — класс: никогда не изобретай то, что можно купить на каждом углу.

Мне стало интересно, кто этот башковитый малый, и я заглянул на последнюю страницу.

Оказалось, это некий Д. Б. Дэвис.

Очень нескоро, но я все же позвонил доктору Альбрехту. Его разыскали, и я назвался — у меня в конторе не было видеотелефона.

— А я узнал голос, — ответил он. — Привет, старина. Как у тебя там дела с новой работой?

"Es geht. Einen Anteil am Geschäft haben sie mir bisher noch nicht angeboten."

"Sie müssen den Leuten Zeit lassen. Sind Sie sonst zufrieden? Haben Sie sich eingelebt?"

"Ja, und ob! Wenn ich gewußt hätte, wie großartig es hier ist, ich hätte mir den Schlaf schon früher gegönnt. Sie brächten mich nicht dazu, ins Jahr 1972 zurückzukehren."

"Na, hören Sie mal! Ich erinnere mich sehr gut an dieses Jahr. Damals war ich auf einer Farm in Nebraska. Ich ging auf die Jagd und angelte. Ich hatte sehr viel Spaß. Mehr als jetzt."

"Na ja, jeder nach seinem Geschmack. Mir gefällt es jetzt. Aber hören Sie, Doktor, ich rufe nicht an, um mit Ihnen zu philosophieren; ich schlage mich mit einem kleinen Problem herum." "Na, dann heraus damit. Das ist mal eine Abwechslung; die meisten Leute haben große Probleme."

"Doktor?
Ist es auch nur im entferntesten möglich, daß der lange Schlaf Amnesie bewirkt?"

Er zögerte.

"Denken läßt sich das immerhin. Ich kann aber nicht sagen, daß mir ein solcher Fall schon begegnet wäre. Ich meine, ohne Zusammenhang mit anderen Ursachen."

"Wodurch kann Amnesie im allgemeinen entstehen?"

— Да ничего, недурно. Стать совладельцем фирмы, правда, пока не предлагают.

— Ну, дай им подумать. Они вот так, сразу, не могут. А в остальном все в порядке? В жизнь вписался?

— Ну, еще бы! Если бы я знал, как здесь — то есть «сейчас» — здорово, я бы купил себе Холодный Сон раньше. Я бы теперь ни за какие деньги не согласился вернуться в тысяча девятьсот семидесятый.

— Да ладно, брось! Я это время прекрасно помню. Я тогда был мальчишкой, жил в Небраске, на ферме. Ловил рыбу, охотился. Хорошо тогда было. Лучше, чем теперь.

— Ну, каждому свое. Мне тут нравится. Но...
Док, я тут звоню не просто, чтобы пофилософствовать.
У меня назрела одна проблема. Небольшая проблема.

— Ну, выкладывай. Небольшая — это хорошо: у большинства тут возникают большие проблемы. —
Док, может Долгий Сон вызывать амнезию?

Он помедлил с ответом.

— Вообще-то, наверное, возможно. Лично я таких случаев не видел. Я имею в виду, без каких-то иных причин.

— А какие причины вызывают потерю памяти?

"Durch eine ganze Reihe von Ursachen. Am häufigsten ist wohl der eigene unterbewußte Wunsch des Patienten. Er vergißt viele Geschehnisse oder formt sie um, weil ihm die Wahrheit unerträglich ist. Das ist eine funktionelle Amnesie in Reinkultur. Dann gibt es den althergebrachten Schlag aufs Haupt – Amnesie auf traumatischer Grundlage. Oder Amnesie durch Suggestion ... mit Hilfe von Drogen oder Hypnose. Was ist denn eigentlich los? Finden Sie Ihr Scheckbuch nicht mehr?"

"Das ist es nicht. Soweit ich es beurteilen kann, ist bei mir alles in Ordnung, aber ich finde mich bei den Ereignissen vor dem Schlaf nicht ganz zurecht ... und das macht mir Sorgen."

"Gibt es irgendwelche Hinweise auf eine der vorhin erwähnten Möglichkeiten?"

"Ja", sagte ich langsam. "Äh – eigentlich treffen ja alle zu, abgesehen vom Schlag aufs Haupt ... und selbst dazu kann es gekommen sein, als ich betrunken war."

"Ich habe den häufigsten vorübergehenden Gedächtnisschwund vergessen", meinte er trocken. "... Amnesie unter Alkoholeinfluß. Passen Sie auf, warum kommen Sie nicht herüber, damit wir das näher besprechen? Wenn ich nicht finde, wo Sie der Schuh drückt – Sie wissen ja, ich bin kein Psychiater –, schicke ich Sie zu einem Hypno-Analytiker, der Ihre Erinnerung wie eine Zwiebel abschält und Ihnen sagen kann, warum Sie am 2. Februar 1954 die Schule geschwänzt haben. Aber er ist nicht billig."

Warum versuchen Sie es nicht zuerst mit mir?"

"Herrgott, Doktor, ich habe Sie schon genug belästigt ... und Sie sind immer so eigensinnig, wenn es um Geld geht."

"Ich interessiere mich eben für meine Patienten. Ich habe sonst keine Familie." Ich wich ihm aus und sagte, ich wolle ihn nächste Woche anrufen, wenn ich bis dahin nicht selbst damit zurechtgekommen sei. Ich wollte zuerst in Ruhe nachdenken.

— Да разные. Самая частая — подсознательное желание самого пациента. Он забывает последовательность событий либо меняет их местами, потому что сами события для него непереносимы. Это — функциональная амнезия в чистом виде. Потом есть еще традиционный удар по голове — амнезия вследствие травмы. Еще может быть амнезия от внушения: либо под воздействием психотропных препаратов, либо под гипнозом. А в чем дело, старина? Забыл, куда засунул чековую книжку?

— Да нет. Насколько я знаю, с чековой книжкой у меня все в порядке. Но я никак не разберусь с некоторыми вещами, случившимися до того, как я завалился в Сон... и это меня беспокоит.

— Хм... а из тех причин, что я перечислил, что-нибудь подходит?

— Да, — медленно сказал я. — Любая подходит, кроме разве что удара по голове. Да и это могло случиться, когда я был пьян.

— Я еще забыл упомянуть, — сухо сказал он, — о потере памяти под воздействием алкоголя. Слушайка, сынок, давай приезжай ко мне, обсудим это дело. А если я не смогу разобраться, что с тобою (я ведь не психиатр), то отправлю тебя к гипноаналитику, который очистит твою память, как луковицу, и скажет тебе все, даже почему ты опоздал в школу четвертого февраля, когда учился во втором классе. Но это довольно дорого, так что давай вначале я сам попробую.

Я сказал:

— Док, я и так столько надоедал вам... А насчет вознаграждения вы человек щепетильный.

— Сынок, мои больные — это моя семья. Другой у меня нет. Поэтому вы все меня очень интересуете. Я еле отдался от приглашения, сказав, что позову в начале следующей недели, если до тех пор не разберусь сам. Я решил еще подумать над этим.

Es wurde überall dunkel; nur in meinem Büro brannte noch Licht; ›Dienstmädchen‹, Typ Scheuerfrau, kam herein, sah, daß das Zimmer noch besetzt war, und rollte lautlos davon. Ich saß immer noch da.

Nach einer Weile steckte Chuck Freudenberg den Kopf herein und sagte: "Ich dachte, du wärst schon weg. Wach auf und schlaf zu Hause weiter."

Ich hob den Kopf.

"Chuck, ich habe eine großartige Idee. Wir kaufen uns ein Faß Bier und zwei Trinkhalme."

Er überlegte lange.

"Na ja, heute ist Freitag ... und ich habe montags gerne einen Brummschädel."

"Einstimmig angenommen. Ich muß nur noch ein paar Sachen in diese Aktentasche stopfen."

Wir tranken ein paar Glas Bier, dann aßen wir zu Abend, dann tranken wir in einem Lokal mit guter Musik wieder Bier, und schließlich zogen wir in ein Lokal um, wo es keine Musik gab, die Nischen mit schallschluckenden Wänden versehen waren und man in Ruhe gelassen wurde, wenn man jede Stunde einmal etwas bestellte. Wir unterhielten uns. Ich zeigte ihm die Patentschriften.

Chuck sah sich den Prototyp vom ›Eiffrigen Erich‹ an.

"Das ist wirklich allerhand, Dan. Ich bin stolz auf dich. Bekomme ich ein Autogramm?"

"Schau dir das an." Ich gab ihm die Patentunterlagen über die Zeichenmaschine.

"Irgendwie ist das sogar noch besser. Dan, ist dir klar, daß du auf die Technik unserer Zeit vermutlich mehr Einfluß ausübst als seinerzeit Edison? Weißt du das?"

Большинство кабинетов уже опустело. У меня горел свет. Заглянула «Золушка»-уборщица, «увидела», что помещение занято, и молча выкатилась вон. Я остался сидеть.

Через некоторое время в дверь просунулась голова Чака Фриденберга. — А я думал, ты давно ушел. Вставай, дома доспиши.

Я поднял голову.

— Чак, есть идея. Давай купим бочку пива и две соломинки.

Он подумал.

— А что... Сегодня пятница. А по понедельникам я люблю, чтобы голова немножко гудела: помогает вспомнить, какой день недели на календаре.

— Решено и подписано. Подожди секунду: мне надо кое-что упихать в портфель.

Мы зашли выпить пива, потом в другой бар — поесть. Потом опять попили пива в одном баре с хорошей музыкой и перебрались в другой, уже без всякой музыки, где в кабинках была шумопоглощающая обивка, и нас не трогали, только надо было раз в час что-нибудь заказывать. Мы смогли поговорить. Я показал Чаку отиски патентов.

Чак внимательно рассмотрел прототип «Трудяги Тедди».

— Это работа, Дэн! Я тобой горжусь, парень. Даешь автограф?

— Лучше посмотри на этот. — Я протянул ему патент на чертежную машину.

— В некотором смысле этот даже лучше. Дэн, ты отдаешь себе отчет в том, что, вероятно, оказал большее влияние на современный уровень развития техники, чем, скажем, в свое время Эдисон? Ты это понимаешь, парень?

"Hör auf damit, Chuck. Ich meine es ernst." Ich deutete auf den Stoß von Fotokopien. "Na schön, ich bin also für eine dieser Maschinen verantwortlich. Aber mit der anderen kann ich nichts zu tun haben. Ich habe sie nicht entworfen ... oder ich habe einige Ereignisse vor dem Schlaf völlig vergessen. Oder ich leide an Amnesie."

"Davon redest du jetzt geschlagene zwanzig Minuten. Aber eine Schraube scheint bei dir nicht locker zu sein. Du bist nicht verrückter, als es bei einem Ingenieur normal ist."

Ich schlug mit der Faust auf den Tisch, daß die Krüge tanzten.

"Ich muß einfach dahinterkommen."

"Nimm dich zusammen. Was willst du tun?"

"Was?" Ich dachte nach. "Ich werde einem Psychiater Geld in den Rachen werfen, damit er es aus mir herausfischt."

Er seufzte.

"Das habe ich mir gedacht. Jetzt hör einmal gut zu, Dan. Nehmen wir einmal an, du bezahlst diesen Gehirnmechaniker, und er stellt fest, daß nichts defekt ist, daß deine Erinnerung lückenlos funktioniert und alle Tassen im Schrank sind. Was dann?"

"Ausgeschlossen."

"Kolumbus hat man das auch entgegengehalten. Du kommst nicht auf die wahrscheinlichste Erklärung."

"Und die wäre?"

Ohne mich einer Antwort zu würdigen, winkte er dem Kellner und wies den Automaten an, uns das große Telefonbuch zu bringen. "Was ist denn?" fragte ich.

— Брось, Чак. Это все серьезно. — Я ткнул пальцем в кучу ксерокопий на столе перед нами. — Окей, одна из этих машин — моя работа. Но я никак не могу быть автором второй — если, конечно, я не перепутал все на свете насчет своей жизни до того, как я завалился и эту спячку. Если я не страдаю амнезией.

— Ты твердишь это уже двадцать минут. Но, по-моему, у тебя в голове нет никаких коротких замыканий. Ты сумасшедший не больше, чем вообще требуется, чтобы стать инженером.

Я стукнул кулаком по столу, звякнули кружки.

— Я должен знать!

— А ну спокойнее. Что ты собираешься предпринять?

— Что? — Я задумался. — Собираюсь заплатить психиатру, пусть выкопает ответ из моей башки.

Он вздохнул.

— Этого я и ожидал. Ну, давай предположим, что ты заплатишь этому мозгокруту и он скажет, что память у тебя в порядке и что все реле разомкнуты. Что тогда?

— Но этого не может быть!

— Вот и Колумбу то же самое говорили... Ты даже не упомянул самого простого и наиболее вероятного объяснения.

— Какого?

Не ответив, он поманил официанта и велел принести телефонный справочник города и пригородов. Я спросил:

"Rufst du jetzt vielleicht die Feuerwehr an?"

— Что, карету мне вызвать решил?

"Noch nicht." Er blätterte in dem riesigen Buch und sagte dann: "Dan, schau dir das an."

Ich sah hin. Er hatte seinen Finger auf ›Davis‹ gelegt. Es gab viele. Aber wo sein Finger lag, standen ein Dutzend ›D. B. Davises‹ – von ›Dabney‹ bis ›Duncan‹.

Es gab drei ›Daniel B. Davises‹.
Einer von ihnen war ich.

"Und das bei nicht ganz sieben Millionen Menschen", sagte er. "Willst du dein Glück bei über zweihundertfünfzig Millionen versuchen?"

"Das beweist gar nichts", protestierte ich schwach.

"Nein, das nicht", gab er zu. "Es wäre wirklich mehr als Zufall, wenn zwei Ingenieure mit ähnlichen Talenten zur selben Zeit an derselben Sache arbeiten und auch noch denselben Namen und dieselben Anfangsbuchstaben hätten. Nach der Wahrscheinlichkeitsberechnung könnten wir ungefähr abschätzen, wie groß die Chancen sind, daß so etwas nicht vorkommt. Aber die Leute – vor allem solche, die es eigentlich besser wissen müßten, wie du – vergessen, daß die statistischen Gesetze zwar zeigen, wie unwahrscheinlich ein solches Zusammentreffen ist, gleichzeitig aber auch ebenso klar ausdrücken, daß solche Zufälle wirklich vorkommen."

Hier sieht es danach aus. Mir gefällt das wesentlich besser als der Gedanke, daß mein Saufbruder übergescannt ist. Gute Saufbrüder findet man selten."

"Was sollte ich deiner Meinung nach tun?"

— Нет еще, — он пролистнул страницы в толстенной книге, остановился и сказал: — Глянь-ка сюда.

Я глянул.

Он держал палец на колонке «Дэвис». Колонок было много, и в каждой были сплошь одни Дэвисы. Но в той, куда он показывал, была дюжина Д. Б. Дэвисов – от Дабни Дэвиса до Дункана Дэвиса.

Было там и три Дэниэла Б. Дэвиса. Один из них — я.

— Это из семи миллионов людей. Хочешь прикинуть, сколько наберется из двухсот пятидесяти миллионов?

— Это ничего не доказывает, — слабо возразил я.

— Да, — согласился он, — не доказывает. Было бы, надо признать, чистейшим совпадением, если бы два инженера, одинаково способных, работали бы в одном направлении, над одной машиной, одновременно, и имели бы при этом одинаковые фамилии и инициалы. Пользуясь теорией вероятности, мы могли бы подсчитать, насколько мизерно мала вероятность такого совпадения. Но люди склонны забывать — особенно те, кому следовало бы помнить, вроде тебя, — что хотя теория вероятности и позволяет определить, сколь маловероятно подобное событие, она, тем не менее, с полной определенностью утверждает, что такие совпадения могут быть. Похоже, здесь как раз такой случай. И такое объяснение мне гораздо больше по душе, чем предположение, что мой собутыльник по пиву свихнулся с резьбы. Хорошие собутыльники попадаются чертовски редко.

— И что, ты считаешь, я должен делать?

"Zuallererst Zeit und Geld nicht an einen Psychiater verschwenden, bis du das Zweite getan hast. Das Zweite ist, den Vornamen dieses ›D. B. Davis‹ herauszufinden, der diese Patente beantragt hat. Das kann nicht so schwer sein. Er könnte etwa ›Dexter‹ heißen oder auch ›Dorothy‹, aber schnapp nicht über, wenn er ›Daniel‹ heißt, weil sein zweiter Vorname dann sicher ›Berzowski‹ lautet. Und das Dritte ist, das Ganze jetzt zu vergessen und eine neue Runde zu bestellen."

Das taten wir auch, und wir sprachen von anderen Dingen, vor allem über Frauen.

Chuck hatte eine Theorie entwickelt, wonach eine enge Verwandtschaft zwischen Frauen und Maschine bestünde, die beide nach logischen Gesichtspunkten unvorhersehbare Reaktionen zeigten. Er zeichnete mit Bier Diagramme auf die Tischplatte, um seine These zu beweisen.

Einige Zeit danach sagte ich plötzlich: "Wenn es wirklich Zeitreisen gäbe, wüßte ich, was ich tun müßte."

"Was? Wovon sprichst du überhaupt?"

"Von meinem Problem. Schau mal, Chuck, ich bin auf einer Art halbgaren, primitiven Zeitreise hierhergekommen. Aber das Dumme ist, daß ich nicht zurück kann. Alles, was mich bedrückt, ist vor dreißig Jahren passiert. Ich würde zurückgehen und die Wahrheit herausfinden ... wenn es so etwas wie echte Zeitreisen gäbe."

Er fuhr zusammen.

"Aber die gibt es."

"Was?!"

Er wurde plötzlich nüchtern.

"Das hätte ich nicht sagen sollen."

— Во-первых, не тратить время и деньги на психиатров, пока не попробуешь сделать другое. Узнай имя этого Д. Б. Дэвиса, который оформил заявку на этот патент. Это наверняка несложно. Вполне вероятно, его зовут Декстер. Или даже Дороти. И не спеша сходить с ума, если это даже Дэниэл: у него второе имя — «Б» — может быть «Бриггс», а номер карточки социального страхования совсем другой. И третью, что тебе надо сделать. Или, вернее, первое — на время забыть обо всем этом и заказать еще по кружке.

Так мы и сделали и стали говорить о другом, в основном о женщинах. Чак выдвинул теорию, что между женщиной и машиной много общего: и та и другая непредсказуемы в поведении. Он стал рисовать пивом на крышке стола диаграммы, подтверждающие его соображения.

Спустя какое-то время я вдруг сказал: — Эх, вот если бы существовали путешествия во времени, я знаю, что бы я сделал.

— А? Ты о чем?

— О своих проблемах. Смотри, Чак: я попал сюда — я имею в виду, попал в «сейчас», — путешествуя во времени на скрипучей телеге. Но беда в том, что я не могу попасть обратно. Все, что так тревожит меня, случилось тридцать лет назад. Я бы вернулся обратно и выяснил бы правду... если бы существовали настоящие путешествия во времени.

Он посмотрел на меня.

— Но они существуют.

— Что?

Он внезапно прозрел.

— Упс... Зря я это брякнул. Я сказал:

"Möglich, aber es ist dir nun einmal herausgerutscht. Schieß los, bevor ich dich mit dem Krug behämmere."

— Может, и зря, но ты уже брякнул. Так что объясни мне, что ты имел в виду, прежде чем я опрокину тебе на голову эту кружку.

"Lassen wir's, Dan. Ich kann nichts sagen."

— Извини, Дэн. Сорвалось.

"Los, fang an!"

— Говори!

"Ich darf doch nicht!" Er sah sich um. In unserer Nähe war niemand. "Das ist geheim."

— Вот этого-то я сделать и не могу. — Он оглянулся по сторонам.
Поблизости никого не было. — Это засекречено.

"Zeitreisen geheim? Aber warum denn, in drei Teufels Namen?"

"Mein Gott, hast du denn nie für den Staat gearbeitet? Dort würde man Sex als geheim klassifizieren, wenn es ginge. Einen Grund braucht man dazu nicht; das ist einfach die beherrschende Einstellung. Aber geheim ist geheim, und ich muß den Mund halten. Laß mich in Ruhe."

"Aber – hör doch mit dem Blödsinn auf, Chuck. Das ist ungeheuer wichtig für mich." Als er eigensinnig schwieg, sagte ich: "Mir kannst du's ruhig sagen. Du lieber Himmel, ich war in Klasse ›Q‹ eingestuft, ohne jede Einschränkung. Ich arbeite heute nur eben nicht mehr für den Staat."

"Was ist Klasse ›Q‹?"

— Путешествия во времени засекречены?
Господи, почему?

— Черт побери, парень, ты что, никогда на правительство не работал? Да они бы и секс засекретили, если б могли. Какие тут нужны «почему»? Это просто их политика. Но поскольку это все-таки засекречено, извини; не могу. Так что отстань.

Ich erklärte es ihm.

— Но... не дури, Чак, мне же это очень важно.
Ужасно важно.

Er nickte. "Du meinst die Klassifizierung ›Alpha‹. Du mußt ganz schön auf Draht gewesen sein. Ich habe es nur bis ›Beta‹ gebracht."

— Он упрямо смотрел на свою пустую кружку. Я добавил: — Ну, мне-то ты можешь рассказать. У меня как-никак был допуск «СС». И меня никто его не лишил. Просто я больше не работаю на правительство.

"Warum kannst du es mir dann nicht sagen?"

— А что такое «допуск "СС"»?

"Was?"

Я объяснил, и он наконец кивнул.

Das weißt du doch. Ungeachtet deiner Bewertung verfügst du nicht über die nötige Interessenqualifikation." "Quatsch!"

— Ясно. У нас это называется «статус Альфа». Да, парень, ты, видно, был на горячей работенке. У меня и то только «Бета».

— Тогда почему ты не можешь мне рассказать?

Но он заупрямился, и тогда я сказал презрительно:

— Я думаю, что такого быть не может. Это ты просто рыгнул с перепою. Ну, бывает!..

Wenn jemand daran interessiert sein kann, dann bin das ich." Aber er ließ sich nicht beeindrucken. Nach einer Weile sagte ich verärgert: "Ich glaube nicht, daß es so etwas überhaupt gibt."

"Du hast dich bloß wichtig machen wollen." Er starrte mich einige Zeit ernsthaft an, dann sagte er: "Danny."

"Was?"

"Ich erzähle es dir. Aber vergiß deine ›Alpha-Bewertung nicht. Ich sage dir Bescheid, weil das nicht schaden kann, und ich möchte dir klarmachen, daß du nichts damit anfangen könntest. Es handelt sich um Zeitreisen, gewiß, aber sie lassen sich nicht in der Praxis durchführen. Du kannst nichts damit anfangen."

"Warum nicht?"

"Laß mich doch zuerst einmal erzählen. Man hat die Schwierigkeiten nie ausbügeln können, und eine Lösung dafür zeichnet sich nicht einmal theoretisch ab. Selbst für Forschungszwecke hat die Methode keinerlei praktischen Wert. Sie ist ein bloßes Nebenprodukt der Null-Schwerkraft, deswegen hat man sie auch zur Geheimsache erklärt."

"Aber die Null-Schwerkraft unterliegt doch nicht der Geheimhaltung!"

"Was hat denn das damit zu tun? Wenn diese Theorie wirtschaftlich verwertbar wäre, würde man sie vielleicht auch bekanntgeben. Aber sei jetzt mal eine Weile ruhig."

Ich schaffte es leider nicht so recht, aber ich will das Ganze lieber so erzählen, als hätte ich ihn nie unterbrochen.

Он некоторое время торжественно смотрел на меня. Потом сказал:

— Дэнни?

— А?

— Я тебе расскажу. Только помни про свой статус Альфа, парень. А расскажу я тебе потому, что это никому не повредит. Я хочу, чтобы ты понял: для тебя и твоих проблем в этом деле решения нет. Это действительно путешествие во времени, да только применить его практически тебе вряд ли удастся.

— Почему?

— Дай досказать, а? Установка не отлажена, и нет никакой надежды, что ее когда-нибудь отладят. Она не имеет никакого практического значения, даже для исследователей. Это просто побочный продукт исследований в области антигравитации, вот поэтому его и засекретили.

— Но ведь антигравитацию-то, черт возьми, рассекретили!

— Ну и что из этого? Если бы это можно было применять в коммерческих целях — тогда, может быть, это тоже рассекретили бы. Так что молчи.

Боюсь, что я еще что-то говорил, но лучше уж я скажу, что сразу же приумолк.

Während des letzten Studienjahres an der Universität von Colorado hatte Chuck sich als Laborgehilfe ein Taschengeld hinzuverdient. Man betrieb dort ein großes Kälteforschungslabor, und zu Anfang arbeitete er dort. Aber die Hochschule bekam einen saftigen Auftrag vom Verteidigungsministerium über die Edinburghsche Feldtheorie, und man baute im Gebirge außerhalb der Stadt ein großes neues Physiklabor. Chuck wurde Professor Twitchell zugeteilt – Dr. Hubert Twitchell, der um ein Haar den Nobelpreis bekommen hätte und seinem Unmut ziemlich freien Lauf ließ.

"Twitch kam auf die Idee, daß sich das Schwerfeld umkehren statt aufheben ließe, wenn es um eine andere Achse polarisierte. Dabei kam nichts heraus. Er programmierte alles wieder in den Elektronenrechner ein und wurde beinahe vom Schlag getroffen, als er die Resultate sah. Mir hat er sie nie gezeigt. Er legte zwei silberne Dollarstücke in den Testkorb – damals war noch Hartgeld im Umlauf –, nachdem ich sie angeritzt hatte. Er drückte die Selenoid-Taste, und sie verschwanden.

Das ist ja eigentlich kein besonders ausgefallener Trick", fuhr Chuck fort. "Von Rechts wegen hätte er sie aus der Nase eines kleinen Jungen holen müssen, der freiwillig auf die Bühne gebracht wird. Aber er schien zufrieden zu sein, also war ich es auch – ich bekam ja Stundenlohn.

Eine Woche später tauchte einer der Dollars wieder auf. Nur einer. Aber vorher, als ich eines Nachmittags nach seinem Weggang saubermachte, erschien im Testkorb ein Meerschweinchen. Es gehörte nicht ins Labor, und ich hatte es dort auch noch nie gesehen. Auf dem Heimweg brachte ich es zum Biologie-Labor. Man zählte nach und stellte fest, daß kein Meerschweinchen fehlte, obwohl sich das bei diesen Tieren nie genau sagen läßt. Ich nahm es also mit nach Hause und zog es auf.

Nachdem der einzelne Dollar zurückgekommen war, regte sich Twitch so auf, daß er das Rasieren vergaß. Beim nächstenmal verwendete er zwei Meerschweinchen aus dem Biolabor. Eines davon kam mir sehr bekannt vor, aber ich sah es nicht lange, weil er auf den Knopf drückte und die beiden Tiere verschwanden.

Когда Чак учился на последнем курсе в Колорадском университете, в Боулдере, он подрабатывал техником-лаборантом.

У них там была большая криогенная лаборатория, и сперва он работал в ней. Но университет отхватил жирный кусок — подписал с военными контракт на исследования, связанные с эдинбургской теорией поля. В горах, за городом, построили новую большую физическую лабораторию. Чака перевели туда, в распоряжение профессора Твитчела — Хьюберта Твитчела, который чуть не получил Нобелевскую премию, и это «чуть» его крепко задело.

— Твитчу нашему взбрело в голову, что если бы он дал поляризацию по другой оси, то мог бы не только довести гравитационное поле до нуля, но и изменить его знак! Ничего не вышло. Тогда данные эксперимента он загрузил в компьютер. Увидев результаты, он выкатил глаза. Мне он их, ясное дело, не показал. В тест-камеру установки — тогда в тех краях еще были в обращении металлические деньги — он сунул два серебряных доллара, заставив меня перед этим пометить их. Он нажал на кнопку соленоида, и они исчезли.

Не то чтобы трюк был необыкновенный, — продолжал Чак. — Для полного эффекта надо было бы, чтобы он достал их из уха или из носа какого-нибудь мальчишки, согласившегося выйти на сцену. Но его, видимо, результаты опыта устраивали. Меня тоже — мне платили повременно.

Через неделю один из этих долларов появился в камере снова. Только один. Но еще до этого как-то раз во время уборки — шефа не было, — в камере появилась морская свинка. У нас в лаборатории таких не было, раньше я ее там не видел, поэтому захватил с собой и на обратном пути показал нашим биологам. Они сосчитали своих: вроде все были на месте, хотя с морскими свинками, сам знаешь, полной уверенности нет. Тогда я взял ее домой — пусть поживет.

После возвращения того единственного доллара Твич навалился на работу так, что даже бриться перестал. В другой раз он поставил такой же эксперимент на двух свинках из биологической лаборатории. Одна из них показалась мне очень знакомой, но получше рассмотреть ее я не успел: он нажал свою красную кнопку, и свинки исчезли.

Als eines davon etwa zehn Tage später wieder auftauchte – das Tier, das meinem nicht glich –, wußte Twitch endgültig, daß er es geschafft hatte. Der zuständige Offizier aus dem Verteidigungsministerium – ein Büro-Oberst, der von Beruf Botaniker und Professor war – kam herüber. Durch und durch Soldat ... Twitch konnte ihn nicht leiden. Dieser Oberst verpflichtete uns beide zu unverbrüchlichem Stillschweigen. Er schien zu glauben, daß er das Tollste gefunden hatte, was es seit der Erfindung des Kohlepapiers auf militärischem Gebiet gab.

Er stellte sich vor, wir könnten Divisionen vorwärts oder rückwärts zu einer Schlacht schicken, die wir verloren hatten oder verlieren würden, um damit den Sieg zu retten. Der Feind könnte nie dahinterkommen, was geschehen sei. Er war natürlich völlig übergeschnappt ... und den Stern, nach dem er sich sehnte, bekam er nicht. Aber die ›Streng-geheim-Klassifizierung blieb haften, und sie dürfte heute noch gelten.“

"Vielleicht wäre die Methode militärisch doch nützlich", wandte ich ein, "wenn man eine ganze Division damit verschieben könnte. Nein, einen Augenblick, ich habe den Fehler schon gesehen. Ihr habt immer Paare verwendet. Man müßte zwei Divisionen nehmen, wovon eine vorwärts-, die andere zurückgeschickt würde. Eine Division würde man dann immer verlieren ... Da wäre es sicher wesentlich einfacher, nur eine Division zur rechten Zeit an die rechte Stelle zu bringen."

"Du hast recht, aber diese Begründung ist falsch. Man muß nicht zwei Divisionen oder zwei Meerschweinchen oder irgendein anderes Paar nehmen. Die Massen müssen ganz einfach ausbalanciert werden. Man könnte eine Division und einen Felshaufen nehmen, der genauso viel wiegt. Es handelt sich um eine Aktion-Reaktion-Lage, vergleichbar mit Newtons Drittem Gesetz." Er begann wieder in der Bierpfütze zu malen. "Mv gleich mv ... die Grundformel für Raketen. Die gleichwertige Zeitreiseformel lautet: mv gleich mt."

"Ich sehe den Haken immer noch nicht. Gestein ist doch billig."

Когда одна из них – та, что не была похожа на мою, – вернулась дней через десять, Твич понял, что дело в шляпе.

Тут заявил тип из оборонного отдела – этакий штабист-полковник. Оказалось, тоже профессор. Ботаник.

Очень кадровый тип. Твичу он был нужен, как... Но этот полковник заставил нас принести еще одну присягу, сверх наших допусков. Он решил, что наткнулся на величайшее изобретение в военном искусстве с тех времен, как Цезарь изобрел копировальную бумагу.

Что он придумал: берешь дивизию, посылаешь ее в прошлое или будущее, на то сражение, которое проиграл либо проиграешь, – и победа за нами. Противник даже не догадывается, что произошло. Это все, конечно, была сущая галиматья, и генеральскую звезду за это дело он не получил. Но гриф «совершенно секретно», который он на это дело поставил, пристал и стоит, насколько мне известно, по сию пору: о рассекречивании я не слышал.

— Для военных нужд это вполне можно использовать, — возразил я, — как мне кажется, если придумать камеру, способную отправлять в путешествие сразу дивизию солдат. Нет, погоди минутку: я понял, в чем тут собака зарыта. Они у вас всегда шли парами. Значит, нужны две дивизии: одна пойдет в прошлое, другая — в будущее. Одну вы, естественно, просто теряете... По-моему, умнее всего просто иметь дивизию в нужном месте и в нужное время.

— Ты прав, хотя рассуждаешь и неверно. Совсем не обязательно посыпать в разные стороны две дивизии или двух свинок, вообще два одинаковых объекта. Надо просто уравнять массы. Можно послать дивизию солдат и кучу камней, которые весят столько же. Это же просто правило действия и противодействия — третий закон Ньютона. — Он опять начал рисовать по столу пролитым пивом. — MV равняется MV... базисная формула реактивного движения. Производная формула путешествий во времени — MT = mt.

— Все равно не понимаю, в чем я не прав. Камни — штука недорогая.

"Denk mal nach, Danny. Ein Raumschiff kann man zielen. Aber in welcher Richtung liegt vergangene Woche? Stell ein Gerät darauf ein. Versuch es nur einmal. Du hast nicht die geringste Ahnung, welche Masse zurück- und welche vorwärtsgetrieben wird. Es gibt keine Möglichkeit, das Gewünschte in die erforderliche Richtung zu lenken."

Ich verstummte. Es mußte für einen General höchst peinlich sein, wenn er eine Division frischer Truppen erwartete und nichts als einen Schuttberg dafür bekam. Kein Wunder, daß der ehemalige Professor nie Brigadegeneral geworden war. Aber Chuck redete immer noch:

"Man behandelt die beiden Massen wie die Platten eines Kondensators und bringt sie auf das gleiche Zeitpotential. Dann entlädt man sie auf einer Dämpfungskurve, die effektiv vertikal verläuft. Peng! – eine davon saust zur Mitte nächsten Jahres, die andere wird Geschichte. Aber man weiß nie, welche das sein wird. Dabei ist das nicht einmal das Schlimmste; man kann nicht mehr zurück." "Was?"

Wer will denn zurück?"

"Na hör mal! Was hat die Forschung davon, wenn man nicht zurückkommen kann? Oder die Wirtschaft? Wohin du auch springst, dein Geld ist nichts wert, und du kannst mit dem Ausgangspunkt nicht mehr in Verbindung treten. Keine Geräte – und glaub mir, daß man sehr viele Anlagen und Energie benötigt. Wir haben die Energie aus den Arco-Reaktoren bezogen. Sehr teuer ... das ist ein weiterer Nachteil."

"Man könnte im Kaltschlaf zurückkommen", erklärte ich.

— Пошевели мозгами, Дэнни. Ракету можно на что-то нацелить, ядри ее в дюзы. А как целиться в прошлую неделю? Ну-ка, покажи, где она сейчас? Никакого понятия, которая из масс отправится вперед, а которая — назад. Способа ориентировать оборудование во времени мы еще не нашли.

Я примолк в тряпочку. Действительно, может получиться неловко, если генералу вместо дивизии солдат забросят кучу камней. Неудивительно, что экс-профессор так и не стал генералом. Чак тем временем продолжал:

— Тут надо рассматривать две массы как пластины конденсатора, заряженные до одинакового темпорального потенциала. Потом происходит разряд: шмяк! — одна из них направляется в середину будущего года, а вторая — в историю. Вот только жаль, что никогда не знаешь, какая куда. Но худшее — не это. Ты же не сможешь вернуться.

— А кто собирается возвращаться?

— Ну смотри, какой в этом смысл для исследователя, если нельзя вернуться? Или для коммерческого применения? В какую бы сторону ты ни прыгнул, деньги твои там — не деньги, а связаться с тем временем, откуда ты прибыл, ты не сможешь. Нет оборудования. А оборудования и энергии на это надо много, уж ты мне поверь. Мы, например, получали энергию от генераторов Арко. Дорогое удовольствие... Это — еще один недостаток.

— А ведь вернуться можно, — предположил я, — с помощью Холодного Сна.

"Was? Wenn du überhaupt in der Vergangenheit landest. Es könnte ja auch umgekehrt laufen; da ist man nie sicher. Wenn du nur so weit zurückgehst, daß man den Kaltschlaf schon kennt ... also nicht weiter als zum Krieg. Aber wo liegt da der Sinn? Du möchtest, sagen wir, etwas über 1980 wissen, dann fragst du irgendeinen Menschen oder du liest es in einer alten Zeitung nach. Wenn es eine Möglichkeit gäbe, die Kreuzigung zu fotografieren ... aber die gibt es nicht. Das ist völlig ausgeschlossen. Du könntest nicht nur nicht zurückkehren, es gibt auf dieser Erdkugel auch nicht genug Energie dafür!"

"Trotzdem, manche Leute würden es rein um des Abenteuers willen riskieren. Hat sich denn nie jemand darangewagt?"

Chuck schaute sich wieder um.

"Ich habe schon zuviel geredet."
"Ein bißchen mehr kann auch nichts schaden."

"Ich glaube, daß drei Personen es versucht haben. Das nehme ich nur an, ich weiß es nicht. Einer davon war Dozent. Ich hielt mich gerade im Labor auf, als Twitch und dieser Leo Vincent hereinkamen; Twitch schickte mich nach Hause. Ich trieb mich draußen herum. Nach einer Weile kam Twitch heraus, ohne Vincent. Soviel ich weiß, ist er immer noch im Labor. In der Universität hat er danach jedenfalls keine Vorlesungen mehr gehalten."

"Und die anderen beiden?"

"Studenten. Sie gingen zu dritt hinein; nur Twitch kam heraus. Aber einer von ihnen war am nächsten Tag im Hörsaal, während der andere eine Woche lang fehlte. Rechne es dir selbst aus."

"Hast du dich nie verlockt gefühlt?"

"Ich? Bin ich verrückt? Twitch meinte, es sei beinahe meine Pflicht, im Interesse der Wissenschaft freiwillig mitzumachen. Ich sagte: ›Danke, nein; ein kleines Bierchen ist mir lieber ... aber für Sie drücke ich gerne auf die Taste.‹ Er machte nicht mit."

— Да? Это если попадешь в прошлое. Можешь ведь ненароком попасть и в другую сторону — заранее-то не угадаешь. Да и то, если попадешь в достаточно недалекое прошлое, скажем, не глубже войны. Но какой смысл? Хочешь узнать что-то про тысяча девятьсот восемьдесятый год, скажем, — возьми да спроси или поройся в старых газетах. Это если бы можно было как-то сфотографировать распятие Христа... Да только нельзя. Не только потому, что обратно не вернешься: туда тоже не попадешь. Просто на всем земном шаре не наберется столько энергии. Здесь тоже действует обратно пропорциональная квадратичная зависимость.

— И все равно нашлись бы люди, готовые попробовать ради самого эксперимента. Неужели никто не рискнул?

Чак опять огляделся по сторонам.

— Я и так наболтал тут лишнего... — Ну, так еще чуть-чуть уже не повредит.

— Я думаю, что рискнули трое. Я думаю. Первым стал один преподаватель. Я был в лаборатории, когда пришел Твичт с этим гусем, Лео Винсентом. Твичт сказал, что я могу идти домой. Я поошивался на улице, и вскоре Твичт вышел, а этот Лео Винсент — нет. Насколько мне известно, он еще там. В Боулдере он после этого не преподавал, это точно.

— А еще двое?

— Студенты. Вошли они все вместе, а вышел один Твичт. Но один студент явился в аудиторию на другой день, а второго не было целую неделю. Вот сам и прикинь.

— Ну, а ты сам не чувствуешь искушения?

— Я? У меня что, голова квадратная? Твичт настаивал, говорил, что это просто мой долг перед наукой. Но я сказал: нет уж, спасибо, благодарю покорно, я лучше пойду пивка попью. Вот если он захочет — я что ж, я пожалуйста: на кнопочку-то я нажму с удовольствием.

"Ich würde es riskieren. Ich könnte nachprüfen, was mir Sorgen macht ... und im Kaltschlaf wiederkommen. Es würde sich lohnen."

Chuck seufzte tief.

"Du bekommst kein Bier mehr, mein Freund: Du bist besoffen. Zugehört hast du auch nicht. Erstens ...", er begann Zeichen auf den Tisch zu malen, "weißt du nie genau, ob du zurückgeschickt wirst: Du kannst ebensogut in die Zukunft geschleudert werden."

"Dieses Risiko gehe ich ein.

Mir gefällt die Jetzzeit wesentlich besser als die meinige; vielleicht wäre mir die Welt in weiteren dreißig Jahren noch sympathischer." "Na schön, dann zurück zum Kaltschlaf, das ist sicherer. Oder bleib und warte, bis es soweit ist; das mache ich jedenfalls. Aber unterbrich mich nicht dauernd. Zweitens, selbst wenn du zurückgebracht wirst, könntest du 1970 weit verfehlten. Soviel ich weiß, hat Twitch einfach aufs Geratewohl gezielt. Aber ich war ja nur Lakai. Drittens, das Labor stand in einem Pinienwald und wurde 1980 gebaut. Angenommen, du kommst zehn Jahre vor dem Bau mitten im Stamm einer Pinie heraus? Das würde eine Explosion wie bei einer Kobaltbombe geben, was? Aber du merkst natürlich nichts mehr davon."

"Aber – ich sehe überhaupt nicht ein, warum man in der Nähe des Labors auftauchen muß. Warum nicht an dem Punkt im Weltraum, wo das Labor gewesen – ich meine, wo es war ... oder vielmehr ..."

"Du meinst gar nichts. Man bleibt doch auf der Erde. Zerbrich dir den Kopf nicht über die mathematischen Formeln; vergiß nicht, was aus dem Meerschweinchen geworden ist. Aber wenn du in die Zeit vor der Errichtung des Labors zurückkommst, sitzt du vielleicht hoch oben auf einem Baum. Viertens, wie könntest du, auch mit Kaltschlaf, hierher zurückkommen, selbst wenn du den richtigen Weg betrittst, zur rechten Zeit an kommst und es überstehst?"

— А я бы рискнул. Я бы разобрался в том, что меня мучает... а потом вернулся бы с помощью Холодного Сна. По-моему, дело того стоит.

Чак глубоко вздохнул.

— Все, дружок, хватит тебе пива на сегодня, больше не получишь: ты уже пьян. Ты меня совсем не слушаешь. Во-первых, — он начал рисовать большие цифры пивом по столу, — неизвестно, попадешь ли ты в прошлое. Вместо этого можешь залететь в будущее.

— Ну что ж, риск — дело благородное.

Нынешнее время нравится мне гораздо больше, чем то, мое. Может, лет через тридцать понравится еще больше... — Окей, можешь опять воспользоваться Долгим Сном: это безопасней. Или просто сиди, не дергайся и жди, пока это время наступит. Я так и собираюсь сделать. Только перестань перебивать. Во-вторых, даже если тебя забросит в прошлое, ты можешь здорово промахнуться по тысяча девятьсот семидесятому: насколько я понимаю, Твич работал вслепую, никакой калибровки у него не было. Я, правда, был просто подай-принеси... В-третьих, лаборатория эта построена в восьмидесятом на том месте, где раньше была сосновая роща. Предположим, что очутишься в этом месте десятью годами раньше, чем она была построена, прямо на том месте, где торчит ствол одной из сосен? Взрыв будет — как от кобальтовой бомбы. Жаль, что ты этого не увидишь.

— Но... Я вообще не уверен, что появлюсь вблизи лаборатории. Не исключено, что я попаду в космос, в то место, где была раньше эта лаборатория в то время, когда Земля... то есть... ну, ты понял.

— Я-то понял, а вот ты — нет. Ты останешься в том же пространственно-временном континууме, в котором был.

Про математику не беспокойся: просто вспомни, что было с морскими свинками. Но если попадешь туда, где была лаборатория, то можешь устроить фейерверк. И в-четвертых: как ты собираешься возвращаться сюда, пусть даже посредством Холодного Сна, даже если ты попадешь в нужную сторону и в нужное время и живым?

"Wieso?

Ich habe es einmal geschafft, warum nicht ein zweites Mal?"

"Gewiß. Aber woher nimmst du das Geld?"

Ich machte den Mund auf und klappte ihn wieder zu. Jetzt war ich in die Falle getappt. Ich hatte das Geld einmal gehabt, aber jetzt war es weg.

Selbst das Gesparte – es reichte bei weitem nicht – konnte ich nicht mitnehmen – du lieber Himmel, auch wenn ich eine Bank ausraubte – wozu mir das Talent fehlte – und eine Million kassierte, konnte ich das Geld 1970 nicht ausgeben. Ich würde wegen Verbreitung von Falschgeld im Gefängnis landen. Man hatte sogar das Format, nicht nur Nummernserien, Daten, Farben und Entwürfe verändert.

"Vielleicht muß ich eben so lange sparen."

"Brav, brav. Und während du sparst, würdest du hier wahrscheinlich mühelos auftauchen ... aber ohne Haare und Zähne."

"Schon gut.

Aber befassen wir uns noch einmal mit dem letzten Punkt. Hat es an jener Stelle jemals eine große Explosion gegeben? Beim Labor?"

"Nein, ich glaube nicht."

"Dann kann ich auch nicht mitten in einem Raum herauskommen – weil ich eben nicht herausgekommen bin. Kannst du mir folgen?"

"Ich bin dir ein paar Schritte voraus.

Wieder einmal das alte Zeitparadox, aber das nehme ich dir nicht ab. Ich habe mir auch über die Theorie der Zeit Gedanken gemacht, vielleicht mehr als du. Du zäumst den Gaul vom Schwanz her auf. Es gab keine Explosion, und du landest nicht in einem Baum ... weil du den Sprung nie machen wirst. Kannst du mir folgen?"

"Aber nehmen wir einmal an, ich täte es doch?"

— А что? Один раз я уже сделал это. Что мне помешает сделать это во второй раз?

— Ну да. Только где ты возьмешь на это денег?

Я открыл рот — и закрыл его. Этот аргументставил меня в дурацкое положение. Когда-то деньги у меня были. Теперь — не было. Даже то немногое (и явно недостаточное), что мне удалось скопить, я не мог бы взять с собой. Да если бы я даже ограбил банк (а я об этом ремесле знал маловато...), украл миллион и взял с собой, то истратить его в 1970-м я все равно не смог бы: дело кончилось бы тюрьмой. Фальшивомонетчиков в семидесятом не жаловали... Не говоря уже о номерах и рисунке, у нынешних денег даже цвета были другие.

— Попробую накопить там, в семидесятом.

— Умница. Только пока копишь, рискуешь оказаться здесь снова, только уже естественным путем — без шевелюры и зубов.

— Окей, окей. Давай вернемся к тому, последнему моменту. Был ли там когда-нибудь большой взрыв?
Там, где теперь стоит лаборатория?

— По-моему, не было.

— Значит, я не окажусь на месте дерева, потому что я не оказался там. Ты понял?

— Я тебя понял раньше, чем ты открыл рот. Опять старый добрый парадокс времени. Только я на это не куплюсь. Я тоже немало поломал голову над теорией пространства-времени. Может, побольше твоего. Все наоборот. Взрыва не было, и ты не окажешься в том месте, где стоит дерево... потому что ты никогда не совершишь этот прыжок во времени. Ты понял меня?

— А если все-таки совершу?

"Du tust es nicht. Des fünften Punktes wegen.

Damit versetze ich dir den K.O.-Schlag, also paß genau auf. Du wirst den Sprung nicht machen, weil die ganze Sache geheim ist und du nicht zugelassen wirst. Sie erlauben es dir nicht. Vergiß es lieber, Danny. Der Abend war sehr interessant, und morgen früh sucht mich das FBI. Trinken wir noch eine Runde, und wenn ich Montag morgen nicht im Gefängnis sitze, rufe ich den Chefingenieur von ›Aladin‹ an und erkundige mich nach dem Vornamen dieses anderen ›D. B. Davis‹. Vielleicht arbeitet er sogar dort, dann essen wir mit ihm zu Mittag. Du mußt Springer, den Chef von ›Aladin‹ sowieso kennenlernen; er ist ein netter Kerl. Ich hätte nicht davon anfangen sollen ... und wenn du jemals davon sprichst, bestreite ich alles.

Vielleicht brauche ich meine Klassifizierung eines Tages noch."

— Не совершишь. Из-за моего «в-пятых».

Слушай внимательно: сейчас я тебя добью окончательно. Ты никуда не прыгнешь, потому что эта штука засекречена, и ты просто не сумеешь к ней подойти. Тебя не подпустят. Так что, Дэнни, давай забудем об этом деле. У нас получился очень интересный, прямо-таки интеллектуальный вечерок. Утром ФБР уже станет меня искать. Так что давай еще по одной, и если в понедельник я случайно буду на свободе, я позвоню главному инженеру «Аладдина» и узнаю, как этого Д. Б. Дэвиса звали или зовут: может, он и сейчас у них работает. Тогда мы можем позвать его пообедать и поболтать с нами про технику.

Да и вообще я бы хотел познакомить тебя со Спрингером, их главным инженером: он очень славный малый. И забудь ты эту чушь с путешествиями во времени: сроду им эту штуку до ума не довести. Не следовало мне вообще рассказывать тебе о ней... и если ты скажешь кому-нибудь, что я тебе это говорил, то я посмотрю тебе прямо в глаза и заявлю, что ты врешь. Мой допуск еще может мне когда-нибудь пригодиться.

Wir tranken noch ein Bier. Nachdem ich zu Hause angekommen war, mich geduscht und mir die Zähne geputzt hatte, war mir klargeworden, daß er recht hatte. Eine Zeitreise war für meine Probleme eine Lösung, als schnitte man sich die Kehle durch, um Kopfschmerzen loszuwerden. Was noch wichtiger war, Chuck würde bei Mr. Springer spielend herausfinden, was ich wissen wollte, ohne Anstrengung, Kosten oder Risiko. Und mir gefiel das Jahr, in dem ich lebte.

Als ich ins Bett ging, zog ich mir den Stapel Zeitungen der ganzen Woche heran. Die ›Times‹ wurde mir mit Rohrpost zugeschickt, seit ich wieder ein solider Bürger war. Ich las sie nicht sehr oft, weil ich mit den Tagesereignissen nicht viel anfangen konnte, wenn ich mit einem technischen Problem beschäftigt war.

Тут мы взяли еще по одной. Пока я добрался до дома и влез под душ, я понял, что он прав. Пытаться решить мои проблемы, прыгая из времени в другое время, — это все равно, что лечить перхоть гильотиной. А главное, Чак скорее всего сумеет узнать все, что меня интересует, у Спрингера за рюмочкой виски: без суety, без нервотрепки, без затрат и риска. А нынешнее время мне нравится.

Забравшись в кровать, я протянул руку и взял накопившиеся за неделю газеты. С тех пор как я стал солидным, добропорядочным гражданином, я начал получать «Таймс» ежедневно, пневмопочтой. Я не очень ею зачитывался: голова у меня постоянно была занята какими-нибудь инженерными проблемами, и мелькание газетных новостей либо раздражало меня своей занудностью, либо, наоборот, попадалось что-то интересное и отвлекало от работы.

Trotzdem warf ich keine Zeitung weg, bevor ich nicht mindestens die Schlagzeilen überflogen und die Personalanzeigen gelesen hatte, nicht jene über Geburten, Heiraten und Todesfälle, sondern über »Entlassungen« junger Leute, die im Kaltschlaf gelegen hatten. Ich hatte ein Gefühl, daß ich eines Tages den Namen eines Menschen dort lesen würde, den ich früher gekannt hatte. Dann wollte ich zu ihm gehen, ihn begrüßen und fragen, ob ich ihm irgendwie behilflich sein konnte. Alles sprach natürlich dagegen, aber ich führte das weiter, und es verlieh mir immer ein Gefühl der Befriedigung.

Unbewußt betrachtete ich wohl alle Schläfer als meine »Verwandten«, wie man sich mit allen Leuten einer Einheit beim Militär verbunden fühlt, wenigstens so weit, daß es zu einem gemeinsamen Drink reicht.

In den Zeitungen stand nicht viel Interessantes, abgesehen von der Nachricht, daß das Raumschiff zwischen Erde und Mars immer noch vermißt wurde. Unter den neu erwachten Schläfern fand ich keinen bekannten Namen. Ich legte mich hin und wartete, bis das Licht erlosch.

Gegen drei Uhr morgens fuhr ich plötzlich hoch. Das Licht flammte auf, und ich blinzelte. Ich hatte einen sehr merkwürdigen Traum gehabt, worin ich die kleine Ricky in den Sanktumanzeigen übersehen hatte.

Ich wußte, daß mir das nicht passiert war. Als ich mich aber zur Seite drehte und den Stoß Zeitungen sah, war ich doch sehr erleichtert; ich hatte schon befürchtet, sie vor dem Einschlafen in den Müllschlucker geworfen zu haben.

Однако я никогда не выкидывал газету до тех пор, пока хотя бы не просмотрю заголовки и тот раздел объявлений, где помещена личная информация. Нет, не о рожданиях и смертях, не о браках и разводах — о «пробуждениях», то есть о проснувшихся сонниках. Мне все казалось, что однажды я наткнулся на знакомую фамилию, и тогда я поеду встретить человека, которого знал до Сна, чтобы сказать ему доброе слово и, может быть, чем-нибудь помочь. Вряд ли такое могло случиться, но я продолжал искать, и этот поиск давал мне какое-то удовлетворение.

Наверное, подсознательно я воспринимал всех сонников как свою «родню». Ну, это как служба в одном подразделении: если ты служил там, пусть даже не со мною, а в другое время, значит, ты мой друг, по крайней мере до такой степени, что за это стоит выпить по рюмочке.

Особых новостей в газетах не было, кроме космического корабля, по-прежнему числившегося пропавшим без вести где-то между Землей и Марсом. Но это скорее была не новость, а ее прискорбное отсутствие. Не нашел я и имен старых знакомых среди недавно проснувшихся сонников. Я лег и стал ждать, когда погаснет свет.

Около трех ночи я вдруг проснулся и сел. Автомат включил свет, и я заморгал, щурясь. Мне приснился страшный сон — не кошмар, но почти — будто бы я не заметил в объявлении среди других имен имени Рики.

Я знал, что этого быть не могло. И все равно, увидев, что скопившаяся за неделю стопка газет лежит на прежнем месте, я почувствовал огромное облегчение. Я ведь мог запихать их в шахту мусоропровода, как я частенько делал.

Ich legte die Zeitungen wieder aufs Bett und begann die Anzeigen von neuem durchzulesen. Diesmal ließ ich keine Kategorie aus, Geburten, Todesfälle, Heiraten, Scheidungen, Adoptionen, Namensänderungen und Entlassungen, denn ich konnte Rickys Namen übersehen haben. Vielleicht hatte Ricky geheiratet oder ein Kind bekommen. Ich hätte beinahe übersehen, was mir diesen gräßlichen Traum bescherte. Es stand in der »Times« vom 2. Mai 2001. Die Entlassungen vom Dienstag in der Mittwochausgabe: "Riverside-Sanktum ... E V Heinicke."

"F. V Heinicke!"

»Heinicke« hieß Rickys Großmutter ... ich wußte es, ich war überzeugt davon! Ich wußte nicht, warum ich es wußte, aber ich fühlte, daß das in meiner Erinnerung verborgen gewesen und nicht wieder aufgetaucht war, bis ich den Namen jetzt las. Wahrscheinlich war er von Ricky oder Miles einmal erwähnt worden; unter Umständen hatte ich die alte Dame in Sandia auch einmal kennengelernt. Gleichgültig, der Name in der »Times« hatte ein vergessenes Informationsteilchen in das Puzzle-Spiel eingefügt, und jetzt wußte ich Bescheid.

Nur müßte ich es noch beweisen. Ich mußte nachweisen, daß »F. V. Heinicke« in Wirklichkeit »Frederica Heinicke« hieß.

Ich zitterte vor Aufregung, Vorfreude und Angst. Trotz der längst Gewohnheit gewordenen Handgriffe versuchte ich, die Verschlüsse hochzuziehen, statt die Säume aneinanderzulegen, so daß ich doppelt so lange zum Anziehen brauchte wie sonst.

Aber wenige Minuten später war ich unten in der Halle bei der Telefonzelle – ich hatte keinen Apparat im Zimmer, sonst hätte ich ihn benutzt. Als ich feststellte, daß ich meine Telefon-Kreditkarte vergessen hatte, mußte ich wieder hinauf laufen – ich war völlig durcheinander.

Als ich sie endlich hatte, zitterte ich so sehr, daß ich sie kaum in den Schlitz stecken konnte. Aber es gelang mir schließlich, und ich wählte die Vermittlung.

Притащив их опять в кровать, я стал снова просматривать объявления. Теперь я читал все подряд: рождения, смерти, браки, разводы, усыновления, погружения и пробуждения, потому что мне подумалось: возможно, мой взгляд зацепился за имя Рики неосознанно, когда я краем глаза видел другие колонки, просматривая «пробуждения». Может, Рики вышла замуж или у нее родился ребенок... Я чуть не пропустил то, что вызвало этот неприятный сон. В номере от второго мая 2001 года среди состоявшихся накануне, во вторник, пробуждений было: «Хранилище Риверсайд... Ф. В. Хайнеке».

Ф. В. Хайнеке?

Хайнеке была фамилия бабушки Фредерики, я это теперь знал точно. Я просто был в этом убежден. Не знаю, почему я был так уверен. Но она была глубоко спрятана где-то в глухом уголке моей памяти и не вспыльчала, пока я не наткнулся на нее в газете. Когда-то я наверняка слышал эту фамилию от Майлса и Рики, а может быть, и встречался с почтенной бабулей в Сандии. Так или иначе, попавшаяся на глаза в «Таймс» фамилия нашла свою ячейку в моей памяти, и я вспомнил.

Оставалось только доказать это. Мне надо было убедиться, что «Ф. В. Хайнеке» – это и есть Рики.

Меня трясло от волнения, от страха и предвкушения. И хотя новые, современные привычки у меня уже вполне сформировались, я начал застегивать одежду, вместо того чтобы просто сложить швы вместе и надавить. Одевание превратилось в пытку. Но уже через несколько минут я спустился в вестибюль, где у нас был телефон-автомат (в моей комнате телефона не было; номер в справочнике – это номер этого самого автомата). Тут выяснилось, что придется опять бежать наверх: свою карточку с номером кредитного счета на телефон я оставил в комнате. Вот как я развелся.

Когда я принес ее вниз, у меня так тряслись руки, что я еле попал карточкой в прорезь. Воткнув наконец ее в щель, я набрал служебный номер.

"Nummer bitte?" "Äh, ich möchte mit dem Riverside-Sanktum verbunden werden. Das ist im Stadtteil Riverside."

"Augenblick."

Der Bildschirm wurde endlich hell, und ein Mann sah mich mürrisch an.

"Sie müssen in der falschen Leitung sein. Hier ist das Sanktum. Wir haben nachts geschlossen."

"Hängen Sie bitte nicht ein", sagte ich. "Ich habe schon richtig gewählt, wenn dort des Riverside-Sanktum ist."

"Was wollen Sie zu dieser Zeit?"

"Sie haben eine Klientin, F. V Heinicke, eine Entlassung. Ich möchte wissen ..." Er schüttelte den Kopf.

"Wir geben über Klienten keine telefonischen Auskünfte. Schon gar nicht mitten in der Nacht. Rufen Sie morgen früh nach zehn Uhr an. Oder kommen Sie selbst her, das ist besser."

"Das mache ich. Aber ich möchte nur das eine wissen: Wofür stehen die Initialen ›F.V.‹?"

"Ich habe Ihnen eben erklärt ..." "Hören Sie mich doch an, ich will keine Schwierigkeiten machen, ich bin selbst Schläfer. Sawtelle. Erst vor kurzem entlassen. Ich weiß also genauestens Bescheid. Sie und ich wissen, daß die Sanktum-Institute der Presse die vollen Namen der entlassenen Kaltschlaf-Klienten geben ... aber dort bringt man aus Gründen der Platzersparnis nur die Anfangsbuchstaben. Stimmt das etwa nicht?"

Er dachte nach.

"Kann sein."

"Was kann es dann schaden, wenn Sie mir sagen, wofür die Initialen stehen?"

— Слушаю. Что вам угодно? — Э-э, я... мне надо храмилище Риверсайд. Это в Риверсайде.

— Ищу... нашла... линия свободна. Ждите ответа.

Наконец осветился экран, и на меня взглянул заспанный, угрюмый человек.

— Вы, должно быть, набрали не тот номер. Это храмилище. У нас ночью закрыто.

Я поспешил сказать: — Не отключайтесь, пожалуйста. Если это храмилище Риверсайд, то мне именно оно и нужно.

— Ну, и чего вам надо? В этакий-то час?

— У вас есть клиент. Ф. В. Хайнке. Из недавно пробудившихся. Я хотел узнать... Он покачал головой.

— Мы не даем по телефону информацию о наших клиентах. И уж во всяком случае, не посреди ночи. Позвоните после десяти утра. А еще лучше — приезжайте.

— Обязательно. Но я хочу узнать только одно: как расшифровываются инициалы Ф. В.?

— Я же вам сказал. Мы... — Дослушайте меня, ради Бога! Я не собираюсь врываться к вам. Я сам сонник. Соутел. Тоже недавно пробудился. Так что я прекрасно знаю все про заботу о покое клиентов и все правила. Но вы уже опубликовали имя клиента в газете. Мы оба — и вы, и я — знаем, что храмилища обычно дают в газеты полные имена погруженных в сон и пробужденных. А газеты для экономии места урезают их до инициалов. Так?

Он чуть подумал.

— Возможно.

— Тогда что случится, если вы сообщите мне полное имя вместо инициалов «Ф. В.»?

Er zögerte immer noch.

Он поколебался мгновение.

"Nichts, wenn Sie nicht mehr wissen wollen. Mehr sage ich Ihnen jedenfalls nicht.
Bleiben Sie am Apparat."

— Пожалуй, что ничего страшного, если это все, что вас интересует. Но больше я вам ничего не сообщу. Ждите.

Er verschwand vom Bildschirm, blieb eine Ewigkeit weg, wie mir schien, und tauchte mit einer Karte in der Hand wieder auf.

Он исчез с экрана, и мне показалось, что его не было целый час.

"Das Licht ist schlecht hier", meinte er, während er sie anstarnte. ›Frances‹ – nein, ›Frederica‹. ›Frederica Virginias‹."

— Света маловато, — сказал он, щурясь и взглядываясь в карточку.
— Фрэнсис. Нет, Фредерика.
Фредерика Вирджиния.

In meinen Ohren dröhnte es, und ich wäre beinahe ohnmächtig geworden.

В ушах у меня зазвенело, и я чуть не упал в обморок.

"Gott sei Dank!"

— Слава Богу!

"Fühlen Sie sich nicht wohl?"

— Эй, с вами все в порядке?

"Doch. Danke, ich danke Ihnen von ganzem Herzen. Doch, ich fühle mich wohl."

— Да. Спасибо... Спасибо вам от всего сердца!
Да, я в полном порядке.

"Es macht wohl nichts, wenn ich Ihnen noch etwas sage. Sie sparen sich eine Fahrt. Die Klientin hat das Institut schon verlassen."

— Хм-мм... Наверное, беды не будет, если я скажу вам еще одно: может, не поедете зря. Она уже выбыла.

Глава 9

Я бы мог добраться скорее, взяв такси до Риверсайда, но с наличными у меня было тяжело. Жил я в Западном Голливуде; ближайший круглосуточный банк был в центре, в районе Большого Кольца Ленты. Пришлось ехать на ленте в центр и зайти в банк за наличными. Одним из серьезных элементов прогресса, который я еще не успел до этого оценить, оказалась единая банковская система: одна ЭВМ на весь город и радиоизотопный код на моей чековой книжке позволили мне получить на руки наличные так же быстро, как в ближайшем ко мне отделении сберегательного банка, напротив «Золушки Инк.».

Потом я перебрался на экспресс-ленту до Риверсайда. Когда я добрался туда, светало.

Кроме ночного техника, с которым я разговаривал, и его жены, работавшей там же дежурной медсестрой, там еще никого не было. Боюсь, что я произвел на них плохое впечатление: безумные глаза, сутонная щетина на щеках, запах пива. И отсутствие убедительной версии — я не успел придумать, что бы им наврать.

И тем не менее миссис Ларриган, дежурная сестра, оказалась очень доброжелательной. Она достала из папки фотографию. — Это ваша кузина, мистер Дэвис?

Это была Рики. Вне всякого сомнения, это была Рики! Ну, не та Рики, которую я знал когда-то, — это была уже не девочка, а молодая женщина, лет двадцати с небольшим, с взрослой прической, очень красивая. Она улыбалась.

Ich hätte Zeit sparen können, wenn ich mir ein Taxi zum Riverside-Sanktum genommen hätte, aber ich besaß nicht genug Bargeld. Ich wohnte in West Hollywood; die nächstgelegene Tag-und-Nacht-Bank war in der Innenstadt am Grand Circle. Zuerst fuhr ich also auf der Gleitbahn hinein und holte mir in der Bank Bargeld. Eine Verbesserung, deren Wert ich bis dahin nicht richtig begriffen hatte, war das Universal-Scheckbuch-System; durch ein einziges Elektronengehirn als Girozentrale für die ganze Stadt und mit radioaktiven Markierungen auf meinem Scheckbuch bekam ich so schnell Bargeld wie in meiner Hausbank gegenüber der ›Dienstboten-AG‹.

Dann fuhr ich mit der Expressbahn nach Riverside. Als ich das Sanktum erreichte, wurde es gerade hell.

Außer dem Nachttechniker und seiner Frau, der Nachtschwester, war niemand anwesend. Ich machte wohl keinen sehr guten Eindruck. Ich war unrasiert, entsetzlich aufgereggt, roch nach Bier und hatte mir keine überzeugenden Lügen zurechtgelegt.

Trotzdem war Mrs. Larrigan, die Nachtschwester, mitfühlend und hilfsbereit. Sie holte ein Foto aus dem Archiv und sagte: "Ist das Ihre Cousine, Mr. Davis?"

Es war Ricky. Kein Zweifel, es war Ricky! Oh, nicht die Ricky, wie ich sie gekannt hatte, denn ich sah kein kleines Mädchen, sondern eine reife junge Frau um die Zwanzig, mit damenhafter Frisur, mit erwachsenem und sehr schönem Gesicht. Sie lächelte.

— Aber ihre Augen waren unverändert. Trotz allem, es war dasselbe Gesicht, gereift, wunderschön, aber unverwechselbar.

Das Bild verschwamm vor meinem Blick; meine Augen standen voll Tränen.

— „Ja“, sagte ich mit erstickter Stimme. „Das ist Ricky.“

— „Nancy, du hättest es ihm nicht zeigen sollen“, sagte Mr. Larrigan.

— „Hank, warum denn nicht?“ — „Du kennst die Vorschriften.“

Er wandte sich an mich. — „Mister, wie ich schon am Telefon sagte, dürfen wir über unsere Klienten nichts mitteilen. Kommen Sie um zehn Uhr wieder, wenn das Verwaltungsbüro geöffnet hat.“

— „Oder Sie könnten um acht wiederkommen“, fügte seine Frau hinzu. — „Inzwischen wird Dr. Bernstein hier sein.“

— „Misch dich nicht ein, Nancy. Wenn er etwas wissen will, soll er sich an den Direktor wenden. Bernstein darf auch nichts sagen. Außerdem war sie nicht einmal seine Patientin.“

— „Hank, sei doch nicht so kleinlich. Ihr Männer mit euren Vorschriften! Wenn er es sehr eilig hat, kann er schon um zehn in Brawley sein.“ Sie wandte sich an mich. — „Kommen Sie um acht wieder vorbei. Das ist am besten.“

— „Was ist mit Brawley? Ist sie nach Brawley gefahren?“

Но ее глаза не изменились, и какая-то неуловимая привлекательная черточка, делавшая ее когда-то таким очаровательным ребенком, тоже осталась в ней. Это было то же лицо: зрелое, наполненное женственностью, красивое, но безошибочно — то же самое.

Стереофото вдруг потеряло объемность и резкость: на мои глаза набежали слезы.

— Да, — выдавил я из себя. Голос у меня прерывался. — Да. Это Рики.

Мистер Ларриган сказал: — Напрасно ты показываешь ему это.

— Тыфу ты, Хэнк, да пусть себе смотрит! — Тоже беда!

— Ты знаешь правила, — он повернулся ко мне. — Я же сказал вам по телефону, мистер: мы не даем информацию о наших клиентах. Приходите в десять, когда откроется административное здание.

— Или в восемь, — добавила его жена. — Доктор Бернстайн уже придет.

— Ну, Нэнси, тебе бы помалкивать. Если хочет получить информацию — пусть идет к директору. Делать доктору Бернстайну больше нечего, кроме как на вопросы отвечать. Да она, кстати, была вовсе и не его пациенткой.

— Ну чего ты, Хэнк! Вы, мужчины, любите правила ради правил. Раз он так спешит ее увидеть, к десяти он может быть уже в Броули. — Она повернулась в мою сторону: — Приходите лучше всего к восьми. Мы с мужем действительно ничего больше не можем вам сказать.

— А что вы сказали насчет Броули? Она что, поехала туда?

Sie hätte mir sicher mehr erzählt, wenn ihr Mann nicht dabei gewesen wäre. Er machte ein grimmiges Gesicht.

"Sprechen Sie mit Dr. Bernstein. Wenn Sie noch nicht gefrühstückt haben, unten an der Ecke gibt es ein nettes Lokal."

Ich ging also hin – es war wirklich ordentlich –, frühstückte, ging in den Waschraum, holte mir eine Tube >Bartweg< aus dem Automaten, ein frisches Hemd aus einem anderen und warf das getragene fort. Als ich zum Sanktum zurückkam, konnte ich mich einigermaßen sehen lassen.

Aber Larrigan schien Dr. Bernstein gegen mich eingenommen zu haben.

Er war ein junger Mann, befand sich offensichtlich noch in der Ausbildung und war nicht im geringsten zu beeindrucken.

"Mr. Davis, Sie behaupten, selbst Schläfer gewesen zu sein. Sie wissen also sicherlich, daß es Verbrecher gibt, die die Leichtgläubigkeit und Arglosigkeit von neuerweckten Schläfern ausnützen.

Die meisten Schläfer verfügen über ein beträchtliches Vermögen, alle finden sich zunächst in der neuen Welt nicht zurecht, sie sind meist einsam und verängstigt – die ideale Beute für die Gauner."

"Aber ich will doch nur wissen, wohin sie gefahren ist! Ich bin ihr Cousin. Und ich habe mich vor ihr dem Schlaf unterzogen, deswegen wußte ich nicht, daß sie das auch tun würde."

"Ein Verwandtschaftsverhältnis wird immer behauptet." Er sah mich scharf an. "Habe ich Sie nicht schon einmal gesehen?"

"Das möchte ich bezweifeln.

Vielleicht sind wir uns auf der Bahn irgendwo begegnet. Die meisten Leute glauben immer, mich schon einmal gesehen zu haben; ich besitze eines der zwölf Standard-Gesichter, das sich in nichts von Hunderttausenden anderen unterscheidet. Doktor, warum rufen Sie nicht Dr. Albrecht am Sawtelle-Sanktum an und prüfen nach, was ich Ihnen gesagt habe?"

Не будь рядом ее мужа, она, наверное, сказала бы мне и про это. Но только она открыла рот, он посмотрел на нее так выразительно, что ее решительность куда-то исчезла. Она ответила только:

— Вы поговорите с доктором Бернстайном. Если вы еще не завтракали, то совсем рядом есть очень хорошее кафе.

Пришлось идти в «очень хорошее кафе» (что оказалось сущей правдой), где, помимо завтрака, я смог купить в туалетной комнате в одном автомате свежую сорочку, а в другом – тюбик пасты «брадобрей». Я умылся, привел себя в порядок и, сменив сорочку, выкинул старую в урну. Когда я вернулся в хранилище, я выглядел вполне респектабельно.

Но Ларриган, похоже, успел уже нашептать про меня доктору Бернстайну. Он оказался молод (видимо, недавно окончил институт) и очень официален.

— Мистер Дэвис, вы утверждаете, что вы тоже сонник. Тогда вам должно быть известно, что многие преступники пользуются доверчивостью и дезориентированностью недавно пробудившихся сонников. У большинства сонников есть немалые средства; они обычно немного не в своей тарелке; одиночество и боязнь нового окружения делают их легкой добычей для мошенников и проходимцев.

— Но я только хочу узнать, куда она уехала. Я ее кузен. Но я купил себе Холодный Сон раньше нее и даже не предполагал, что она тоже собирается это сделать.

— Вот и все так обычно говорят – утверждают, что родственники. — Он пристально на меня взглянул. — А я нигде не мог видеть вас раньше?

— Сильно сомневаюсь. Разве что на ленте, где-нибудь в городе – могли случайно ехать рядом. — Люди часто принимают меня за кого-то знакомого: у меня очень стандартное лицо, лишенное уникальности, словно горошина в банке с горохом. — А может, доктор, вы позовите в Соутел и справитесь обо мне у доктора Альбрехта?

Er machte ein mürrisches Gesicht.

"Kommen Sie später wieder und sprechen Sie mit dem Direktor. Er kann dort anrufen ... oder die Polizei verständigen, wie er es für richtig hält."

Ich ging. Dann unterlief mir ein Fehler. Statt mit dem Direktor zu sprechen, mietete ich ein Taxi und raste sofort nach Brawley.

Dort ihre Spur aufzunehmen, dauerte gewiß drei Tage. Gewiß, sie hatte dort gewohnt, zusammen mit ihrer Großmutter; das fand ich sehr schnell heraus. Aber die Großmutter war vor zwanzig Jahren gestorben, und Ricky hatte sich dem Kaltschlaf unterzogen. Brawley besaß im Vergleich zu den sieben Millionen Einwohnern von Groß-Los-Angeles nur hunderttausend Bewohner; die zwanzig Jahre alten Unterlagen waren nicht schwer zu finden. Nur die noch nicht einmal eine Woche alte Spur machte mir Schwierigkeiten.

Das lag zum Teil daran, daß sie sich in Begleitung befand; ich hatte nach einer alleinstehenden jungen Dame gesucht. Als ich herausfand, daß ein Mann bei ihr war, dachte ich besorgt an die Betrüger, über die mir Bernstein einen Vortrag gehalten hatte.

Ich folgte einer falschen Spur nach Calexico, fuhr nach Brawley zurück und begann von neuem, fand die Fährte wieder und verfolgte sie bis Yuma.

In Yuma gab ich die Nachforschungen auf, weil Ricky geheiratet hatte. Was ich im Register des Standesamtes sah, schockierte mich so, daß ich aufgab und mit der nächsten Maschine nach Denver flog. Chuck schickte ich eine Karte mit der Bitte, meinen Schreibtisch auszuräumen und die Sachen in meinem Zimmer einzupacken.

Он посмотрел на меня, словно судья на подсудимого.

— Ступайте к директору, когда тот придет. Пусть он и звонит в Соутел... или в полицию — как сочтет нужным.

Я ушел. И тут я, наверное, сделал ошибку. Вместо того чтобы пойти к директору и, вполне вероятно, получить от него всю необходимую информацию (думаю, доктор Альбрехт поручился бы за меня), я схватил гравитакси и двинул прямиком в Броули.

Чтобы отыскать ее след в Броули, понадобилось три дня. Да, она тут жила. Да, у нее была бабушка. Но бабушка умерла двадцать лет тому назад, а Рики воспользовалась Сном. Броули не Лос-Анджелес: тут всего сто тысяч жителей — пустяки в сравнении с семьёй миллионами. Отыскать в архивах информацию двадцатилетней давности было достаточно просто. А вот свежие, недельной давности следы отыскать было гораздо труднее.

Отчасти это объяснялось тем, что я искал одинокую молодую женщину; с нею, как оказалось, был спутник. Узнав об этом, я вспомнил лекцию доктора Бернстайна о жуликах, обирающих сонников-новичков, и заспешил еще сильнее.

Я поехал за ними в Калексико: ошибка. Пустышка. Вернулся обратно в Броули. Начал сначала, опять нашел след и проследил их путь до самой Юмы.

В Юме я прекратил поиски: Рики вышла замуж. Запись в журнале, который мне показали в конторе местного управления, так поразила меня, что я бросил все и немедленно махнул в Денвер, успев только бросить открытку Чаку с просьбой выгrestи все пожитки из моего стола и отвезти ко мне домой.

In Denver blieb ich lange genug, um eine Firma für zahntechnische Artikel aufzusuchen. Seit man Denver zur Hauptstadt gemacht hatte, war ich nicht mehr dort gewesen, und die Stadt erschreckte mich. Ich konnte nicht einmal die Colfax Avenue finden.

Soviel ich wußte, waren alle Regierungsstellen tief unter den Rocky Mountains angelegt worden. Falls das zutraf, befand sich allerhand Unwichtiges über der Erde; hier schien es noch voller zu sein als in Groß-Los-Angeles.

Bei der Großhandelsfirma kaufte ich zehn Kilogramm Gold, Isotop 197, in Form von Vierzehner-Draht.

Ich bezahlte pro Kilogramm einundachtzig Dollar zehn, was entschieden zuviel war, da man Gold für technische Zwecke für etwa siebzig Dollar pro Kilo bekam und der Kauf meinen einzigen Tausend-Dollar-Schein schwer in Mitleidenschaft zog. Aber technisches Gold gibt es nur in Legierungen, die in der Natur nicht vorkommen, oder mit den Isotopen 197 oder 198 oder mit beiden zusammen, je nach Anwendungszweck. Ich brauchte Feingold, das sich in nichts von auf natürlichem Weg gewonnenem Gold unterscheiden durfte.

Ich wickelte mir das Gold um die Hüften und fuhr nach Boulder hinaus.

Zehn Kilogramm – das ist etwa das Gewicht eines gut gefüllten Wochenend-Koffers, und diese Menge Gold nimmt ungefähr soviel Platz ein wie ein Liter Milch. Aber der Draht benötigte mehr Raum als ein Goldblock; ich kann ihn als Gürtel nicht empfehlen. Goldklumpen wären aber noch schwerer zu tragen gewesen. Auf diese Weise konnte ich es jedenfalls immer bei mir haben. Dr. Twitchell wohnte noch in der Universität, wenn er auch nicht mehr lehrte; er war Professor Emeritus und verbrachte die meiste Zeit in der Bar des Fakultätsklubs. Es dauerte vier Tage, bis ich ihn in einer anderen Bar erwischte, denn der Uni-Club war Fremden nicht zugänglich. Als ich es aber endlich geschafft hatte, war es sehr einfach, ihn zu einem Drink einzuladen.

В Денвере я остановился ровно на столько, чтобы посетить магазин зубоврачебных принадлежностей. Я не бывал в Денвере с тех пор, как он стал столицей: после Шестинедельной войны мы с Майлсом сразу уехали в Калифорнию. Город меня ошеломил: я даже не сумел отыскать Колфаксавеню. Я знал, что все важные правительственные учреждения и службы теперь упрятаны глубоко в отрогах Скалистых гор. Но если так, то в городе осталось еще навалом неважных: столпотворение было — почтище, чем в Большом Лос-Анджелесе.

В магазине я купил десять килограммов золота, изотоп 197, в виде трехмиллиметровой проволоки. Заплатил за него по восемьдесят шесть долларов — десять центов за килограмм — явно переплатил, учитывая, что техническое золото шло долларов по семьдесят; приобретение нанесло огромный моральный ущерб единственной тысячедолларовой банкноте в моем кармане. Но техническое золото идет в продажу в таких сплавах, которых в природе не бывает, либо включает изотопы 196 и 198, либо — по индивидуальным заявкам лабораторий — имеет и то и другое. Мне для моих надобностей требовалось золото, неотличимое от выплавленного из натуральных золотых самородков. Кроме того, после облучения в Сандии я с большой опаской относился к радиации и не хотел иметь дела с радиоактивными изотопами.

Я обмотал золото вокруг себя и отправился в Боулдер. Десять килограммов золота — это, в сущности, вес собранной для пикника сумки. А по объему оно занимает не больше, чем квarta молока. Правда, в виде проволоки оно более громоздко, чем в слитке: в общем, в качестве корсета рекомендовать не могу. Но так оно было всегда при мне. А носить при себе слитки было бы еще труднее. Доктор Твитчел по-прежнему жил там же, в Боулдере, хотя и не работал: он теперь был почетным профессором-консультантом и проводил большую часть того времени, что не спал, в баре факультетского клуба. Четыре дня я караулил его, чтобы поговорить в каком-нибудь другом баре: в факультетский бар чужаков вроде меня не пускали. Поймав же, обнаружил, что угостить его выпивкой совсем не сложно.

Er war eine tragische Gestalt im klassischen Sinn, ein großer, sehr großer Mann, der zerbrochen war. Er hätte sich auf einer Ebene mit Einstein, Bohr und Newton befinden müssen; aber nur ein paar Spezialisten auf dem Gebiet der Feldtheorie kannten den Wert seiner Arbeit. Bei unserer Begegnung fand ich einen enttäuschten, gealterten und vom Alkohol gezeichneten Mann. Es war, als besuchte man die Ruine eines grandiosen Tempels, nachdem das Dach eingestürzt und die Säulen geborsten waren.

Trotzdem war er in seinem Zustand noch zehnmal intelligenter als ich in meinen besten Stunden. Ich bin immerhin klarsichtig genug, echtes Genie zu erkennen, wenn ich es sehe.

Als ich ihm zum erstenmal gegenüber trat, sah er auf, starrte mich an und sagte: "Sie schon wieder." "Sir?"

"Sie haben doch bei mir studiert, oder nicht?"

"Nein, Sir, diese Ehre hatte ich leider nicht." Wenn Leute behaupten, sie hätten mich schon einmal getroffen, winke ich meistens ab, hier beschloß ich, dieses nicht zu tun und meine Chance auszunutzen. "Vielleicht meinen Sie meinen Cousin, Professor, Klasse 86. Er hat einmal bei Ihnen studiert."

"Möglich. Welches Examen?"

"Er mußte leider von der Hochschule abgehen, Sir. Aber er hat Sie immer sehr bewundert. Allen Leuten erzählte er, daß er Ihr Schüler gewesen sei."

Man kann sich eine Mutter nicht zum Feind machen, der man erzählt, ihr Kind sei wunderschön. Dr. Twitchell ließ mich Platz nehmen und bald darauf zu einem Drink einladen. Die größte Schwäche dieses grandiosen Alten war seine berufliche Eitelkeit. Ich hatte die vier Wartetage zum Teil damit verbracht, mir alles einzuprägen, was ich in der Universitätsbibliothek über ihn finden konnte. Ich wußte also, welche Titel er besaß und welche Bücher er geschrieben hatte. In eines davon steckte ich meine Nase, aber auf Seite neun kam ich schon nicht mehr mit. Nur ein paar Fachausdrücke konnte ich mir merken.

Он был фигурой трагической в классическом древнегреческом смысле: большой — великий! — человек, потерпевший крах. Его место было в одном ряду с Эйнштейном, Бором и Ньютона. А вышло так, что лишь несколько специалистов по теории поля понимали истинное значение его работ. Когда я с ним познакомился, оказалось, что его блестящий ум затуманен разочарованием, возрастом и алкоголем. Как будто смотришь на развалины прекрасного храма: крыша рухнула, упали многие колонны, и все эти руины обвил плющ.

И все равно он и теперь, на закате дней своих, был умнее, чем я в свои лучшие годы. Я и сам не дурак и могу оценить настоящего гения, если с ним сводит судьба.

Когда я впервые увидел его, он поднял голову, посмотрел прямо на меня и сказал: — Это опять вы... — Сэр?

— Вы были одним из моих студентов, не так ли?

— О нет, сэр, не имел такой чести. — Обычно, когда люди говорят, что мы встречались, я отмахиваюсь. На этот раз я решил этим воспользоваться, насколько удастся. — Вы, наверное, приняли меня за моего кузена, доктор. Выпуск шестьдесят шестого года. Он одно время у вас учился.

— Возможно. В чем он специализировался?

— Он ушел из колледжа, не получив степени. Но он всегда восхищался вами. Он никогда не упускал случая упомянуть, что учился у вас.

Если сказать матери, что у нее красивый ребенок, вряд ли она обидится. Твитчел разрешил мне присесть за его столик, а потом — и заказать на двоих выпивку. Величайшей слабостью почтенного старца было его профессиональное тщеславие. Те четыре дня, что я пытался поймать его, я прилежно учил наизусть то, что удалось найти про него в университетской библиотеке, так что знал теперь, какие работы он написал и где выступал с докладами, какими почетными степенями награжден и какие книги выпустил. Одну из его книг я попробовал осилить, но уже на девятой странице сдался: базы не хватало. Хотя кой-каких словечек поднабрался.

Ich ließ ihn wissen, daß ich selbst ein Jünger der Wissenschaft sei; zur Zeit sammle ich Material zu einem Buch: ›Unbekannte-Genies.‹

"Worüber soll es denn sein?"

Ich gab schüchtern zu, daß ich es für angebracht hielte, das Buch mit einer volkstümlichen Beschreibung seines Lebens und seiner Werke zu beginnen ... vorausgesetzt, er sei ein wenig zugänglich.

Ich benötigte natürlich sehr viel Material von ihm. Er hielt das Ganze für Blödsinn und wollte sich darauf nicht einlassen. Ich erklärte ihm jedoch, daß er der Nachwelt verpflichtet sei, und er meinte, er würde es sich überlegen. Am nächsten Tag unterstellte er einfach, daß ich seine Biographie schreiben würde nicht einfach ein Kapitel, nein, ein ganzes Buch. Von da an redete und redete er, und ich schrieb mit ... ich getraute mich nicht zu schwindeln, weil er mich manchmal bat, ihm Abschnitte vorzulesen.

Я намекнул ему, что занимаюсь науковедением: собираю материал для книги «Невоспетые гении».

— А о чём будет эта книга?

Я робко признался, что хотел бы начать книгу с рассказа о его жизни и трудах... если, конечно, он согласится немного изменить своей привычке избегать популярности.

Я бы очень хотел получить от него некоторые сведения...

Он заявил, что это дребедень, что он даже слушать об этом не желает. Но я заметил, что это его долг перед будущими поколениями, и он согласился подумать. На другой день он уже решил, что я собираюсь написать его биографию, а не просто включить главу о нем в книгу. С этого момента он заговорил, и все говорил... говорил... я еле успевал записывать. Записывал я всерьез: я бы не рискнул делать вид, что записываю. Время от времени он просил меня прочитать ему, что он там наговорил, а я написал.

Aber von der Zeitreise sprach er nie.

Ich sagte schließlich: "Professor, trifft es nicht zu, daß Sie den Nobelpreis bekommen hätten, wenn nicht ein hier stationierter Colonel dies vereitelt hätte?"

Er fluchte drei Minuten lang, ohne sich auch nur ein einziges Mal zu wiederholen.

"Wer hat Ihnen davon erzählt?"

"Professor, als ich für das Verteidigungsministerium Material sammelte – davon habe ich doch gesprochen, nicht wahr?"

"Nein."

"Nun, damals hörte ich die ganze Geschichte von einem jungen Doktor aus einer anderen Abteilung. Er hatte den Bericht gelesen und meinte, Sie wären zweifellos der berühmteste Physiker aller Zeiten ... wenn man Ihnen erlaubt hätte, Ihre Arbeiten zu veröffentlichen."

Но про путешествия во времени он не обмолвился ни словечком.

Наконец я рискнул: — Доктор, а правда, что если бы не некий полковник, что был тут когда-то расквартирован, то Нобелевскую премию вам бы на блюдечке принесли?

Он виртуозно матерился минуты три подряд.

— А кто вам сказал?

— Видите ли, доктор, когда я проводил одно фактографическое исследование для министерства обороны... я не говорил вам об этом?

— Нет.

— Ну, так вот, когда я там работал, я узнал всю эту историю от одного молодого ученого из соседнего сектора. Он читал весь доклад и сказал: совершенно очевидно, что вы были бы самым известным ученым в современной физике, если бы вам разрешили опубликовать вашу работу.

"Das stimmt!" "Aber ich war der Meinung, das Material sei als geheim deklariert worden ... auf Anweisung dieses Colonel ..."

Plushbottom." "Trushbotham. Trushbotham, Sir. Ein fetter, fauler vertrottelter Kerl, der seinen eigenen Hut nicht gefunden hätte, wenn er auf seinem Schädel gewesen wäre."

"Ich finde das sehr bedauerlich."

"Was ist bedauerlich, Sir? Daß Trushbotham ein Narr war? Das lag nicht an mir."

"Ich finde es sehr traurig, daß man der Welt diese Leistung vorenthält. Ich habe gehört, daß Sie nicht davon reden dürfen."

"Wieso? Ich sage, was mir paßt!"

"Entschuldigen Sie, Sir, aber ich habe das von meinem Freund im Verteidigungsministerium erfahren."

"Mein Gott!"

Das war alles, was ich an jenem Abend aus ihm herausbrachte. Es dauerte eine Weile, bis er sich entschloß, mir sein Labor zu zeigen.

Das Gebäude diente jetzt zum größten Teil anderen Forschern, aber sein Zeit-Labor hatte er nie herausgerückt, obwohl er es nicht mehr benützte, er verwies auf die Geheimhaltungspflicht und weigerte sich, andere Leute heranzulassen oder die Anlage zu demontieren. Als er die Tür öffnete und mich eintreten ließ, empfing mich ein Geruch wie aus einem Grabgewölbe.

— Хрр-ммм... Пока все так. — Но я понял, что она была засекречена с подачи этого полковника... э-э, Флэшботэма.

— Трэшботэма. Трэшботэма, сэр. Идиот толстозадый. Он бы не нашел свою шляпу, если бы она была прибита у него к голове. Чего, кстати, он вполне был достоин.

— Да, очень прискорбно.

— Что? Что Трэшботэм был дурак? Так это природа виновата, а не я.

— Очень прискорбно, что мир лишился исторического открытия. Насколько я понимаю, вам не положено об этом рассказывать?

— Кто вам сказал? Я могу рассказывать все, что мне угодно!

— Я так понял, сэр, из рассказа моего знакомого из министерства.

— Хрр-ммм!..

Это было все, что мне удалось в тот вечер от него услышать. Чтобы он решился показать мне лабораторию, понадобилась еще неделя.

Большую часть здания занимали теперь другие исследователи, но свою лабораторию он так и не отдал, хотя и не пользовался ею больше. Он заявил, что она засекреченная, и никого близко к ней не подпускал. Не дал он и демонтировать свою установку. Когда он отпер дверь и впустил меня внутрь, в лаборатории пахло, как в склепе, который не открывали много лет.

Er hatte gerade genug getrunken, um ohne Hemmungen zu sein, aber nicht so viel, daß er nicht mehr aufrecht stehen konnte. Er vertrug allerhand. Er hielt mir einen Vortrag über die mathematischen Grundlagen der Zeittheorie und Zeitverdrängung – er gebrauchte das Wort ‚Zeitreisen‘ nie –, verbot mir aber, Notizen zu machen. Das hätte mir auch gar nichts geholfen, weil er einen Absatz mit den Worten begann: "Es steht daher fest ...", um dann Dinge zu entwickeln, die vielleicht für ihn und den lieben Gott feststanden, aber für niemand sonst.

Als er eine Pause machte, meinte ich: "Den Erzählungen meines Freundes hatte ich entnommen, daß Ihnen eine genaue Meßeinteilung nicht gelungen sei, daß Sie also die genaue Größe der Zeitverdrängung nicht bestimmen könnten."

"Was? Dummes Geschwätz! Junger Mann, was man nicht messen kann, hat mit Wissenschaft nichts zu tun."

Er brodelte ein bißchen wie ein Wasserkessel, dann fuhr er fort: "Hier. Ich werde es Ihnen schon zeigen." Er drehte sich um und begann an den Knöpfen herumzudrehen. Von der Anlage war nur zu sehen, was er die ‚Zeit-Ort-Bühne‘ nannte – eine niedrige Plattform mit einem Käfig rundherum – und eine Schalttafel. Ich bin überzeugt davon, daß ich die Bedienung der Knöpfe hätte erlernen können, wenn ich mit ihnen allein gelassen worden wäre, aber er hatte mir sofort verboten, sie zu berühren. Ich sah einen Braunschen Registrierapparat, einige Hochleistungssolenoid-Schalter und ein Dutzend ähnlich vertrauter Geräte, aber ohne die Schaltungssysteme ließ sich nichts anfangen.

Er wandte sich mir wieder zu und herrschte mich an: "Haben Sie Kleingeld in der Tasche?"

Ich holte eine Handvoll Münzen hervor. Er sah sie an und nahm zwei Fünf-Dollar-Stücke, frisch geprägt, die hübschen grünen Hexagonalmünzen, die neu ausgegeben worden waren. Eigentlich hätte er ja auch kleinere Münzen nehmen können, weil mir langsam das Geld ausging.

"Haben Sie ein Messer?"

Ему было нипочем: он уже успел достаточно выпить.

Вообще емкость на выпивку у него еще была о-го-го. Он стал читать мне лекцию по математическому обоснованию теории времени и темпорального смещения (слов «путешествие во времени» он не употреблял), но предупредил, чтобы я не записывал. Не послушайся я его, мало что изменилось бы: он начинал абзац словами «Отсюда очевидно, что...» и переходил к таким сложным материям, которые были очевидны, я думаю, только господу Богу да ему самому, но уж никак не нам, простым смертным. В одну из пауз я сумел вклиниваться:

— Мой друг сказал мне, что вам так и не удалось откалибровать установку. Значит, вы не можете заранее определить точную величину предполагаемого темпорального смещения?

— Что? Чушь собачья! Молодой человек, если это нельзя измерить – это не наука. — Он немного побулькал, как кипящий чайник. Потом продолжал: — Вот, смотрите. Я вам покажу. — Он отвернулся и стал крутить ручки. От его оборудования на виду были только «темпоральный локализатор» – просто невысокая платформа, окруженная металлической сеткой, – да пульт управления, вроде тех, что используются для автоклавов или вакуумных камер. Наверное, если бы мне дали подойти к пульту поближе, я смог бы разобраться, как им управлять. Но мне было довольно резко велено держаться в сторонке. Я увидел восьмиканальный рекордер Брауна, несколько мощных соленоидных пускателей и еще полдюжины других, тоже хорошо известных устройств, но без схемы прибора толку от них было ноль.

Он повернулся ко мне и решительно спросил: — Есть у вас какая-нибудь мелочь в карманах?

Я достал из кармана пригоршню монет. Он порылся в ней и выбрал две пятидолларовые монеты – два новеньких, симпатичных пластиковых шестиугольника, выпущенных в этом году. «Лучше бы он взял монеты помельче, – подумал я, – у меня уже маловато их остается».

— Нож у вас найдется?

"Ja, Sir."

— Да, сэр.

"Ritzen Sie Ihre Anfangsbuchstaben in beide Münzen."

Ich tat es. Dann mußte ich sie nebeneinander in den Käfig legen.

"Notieren Sie die genaue Zeit. Ich habe die Verdrängung auf genau eine Woche, minus oder plus sechs Sekunden eingestellt."

Ich schaute auf meine Uhr. Dr. Twitchell sagte: "Fünf ... vier ... drei ... zwei ... eins ... jetzt!"

Ich sah von meiner Uhr auf. Die Münzen waren verschwunden.

Ich brauchte nicht so zu tun, als triebe es mir die Augen aus den Höhlen.

Chuck hatte mir von einer solchen Vorführung berichtet, sie mitzuerleben war doch etwas ganz anderes.

Dr. Twitchell sagte forsch: "Wir kommen heute abend in einer Woche wieder hierher und warten, bis eine der Münzen wieder auftaucht. Was die andere angeht — Sie haben sie beide im Käfig liegen sehen? Sie haben sie selbst hingelegt?"

"Ja, Sir."

"Wo war ich?"

"An der Bedienungstafel, Sir." Er war gut dreieinhalb Meter vom Käfig entfernt gewesen und hatte sich ihm seither nicht genähert.

"Gut. Kommen Sie her."

Ich gehorchte, und er griff in die Tasche. "Hier ist eine von Ihren Münzen. Die andere bekommen Sie in einer Woche wieder." Er überreichte mir eine grüne Fünf-Dollar-Münze; sie trug meine Initialen.

— Нацарапайте на каждой монете свои инициалы.

Что я и сделал.

Потом он велел мне положить их рядышком в камере.

— Заметьте время.

Я установил смещение ровно на одну неделю, плюс минус шесть секунд.

Я посмотрел на часы. Доктор Твитчел сосчитал:

— Пять... четыре... три... два... один... пошел!

Я взглянул на платформу. Монет не было. Мне не пришлось делать вид, будто у меня глаза на лоб полезли: одно дело — услышать об этом опыте от Чака, и совсем другое — увидеть самому.

Доктор Твитчел отрывисто сказал:

— Вернемся сюда через неделю, и вы увидите, как появится одна из них. А вторая... Вы видели на платформе обе? Вы сами их туда положили?

— Да, сэр.

— А где был я?

— У пульта управления, сэр. — Он действительно был в добрых пяти метрах от огораживающей платформу сетки и не приближался к ней ни на шаг.

— Отлично. Идите сюда. — Он сунул руку в карман. — Вот одна из ваших монет. Вторую получите через неделю. — Он вручил мне зеленую пятидолларовую монету. На ней были мои инициалы.

Ich sagte nichts, weil ich mit herabhängendem Unterkiefer schlecht sprechen konnte.

Er fuhr fort: "Ihre Bemerkungen von vergangener Woche haben mich gestört. Ich besuchte das Labor am Mittwoch, was ich seit – oh, über einem Jahr nicht mehr getan habe, und diese Münze fand ich im Käfig. Ich wußte also, daß ich das Gerät wieder benützen würde. Ich konnte Ihnen die Vorführung demnach erst heute geben."

Ich sah die Münze an und befuhrte sie.

"Sie war in Ihrer Tasche, als wir heute hierherkamen?"

"Gewiß."

"Aber wie konnte sie zugleich in meiner und in Ihrer Tasche sein?"

"Lieber Gott, Mann, haben Sie denn keine Augen? Kein Gehirn zum Denken? Können Sie eine einfache Tatsache nicht begreifen, weil sie außerhalb Ihres trostlosen Daseins liegt? Sie haben sie heute in Ihrer Tasche hierhergetragen – und wir stießen sie in die vergangene Woche zurück. Das haben Sie gesehen. Vor einigen Tagen fand ich sie hier. Ich steckte sie in die Tasche. Ich brachte sie heute her. Dieselbe Münze ... oder, um genau zu sein, ein späteres Segment ihres Raum-Zeit-Gefüges, um eine Woche mehr verbraucht, um eine Woche mehr abgenutzt – aber ›dieselbe‹ Münze. Allerdings nicht mehr identisch mit ihr als ein Baby mit dem Mann, zu dem es heranwächst. Alter eben."

Ich sah die Münze an.

"Professor ... versetzen Sie mich um eine Woche zurück."

Er starrte mich zornig an.

"Ausgeschlossen!"

"Warum nicht? Funktioniert das bei Menschen nicht?"

Я ничего не сказал: трудно говорить, когда у тебя отвисла челюсть.

Он продолжал: — Вы рассердили меня своими замечаниями на прошлой неделе. В среду я заглянул сюда (а я не был тут уже больше года) и обнаружил на платформе эту монету. Тут я понял, что установка была в действии. То есть будет. Вот я и решал целую неделю, показать ее вам или нет.

Я посмотрел на монету. Пощупал ее.

— Значит, когда мы пришли сюда, она уже была у вас в кармане?

— Разумеется.

— Получается, что она была одновременно и у меня в кармане, и у вас? Как же это может быть?

— Господи, у вас что, глаз нет, молодой человек? У вас голова на плечах натуральная или муляж? Неужели вы не можете осмыслить простой факт только потому, что он лежит за пределами привычного? Сегодня вы принесли эту монету с собою, и мы зашвырнули ее на неделю назад: вы сами видели. Неделю назад я ее здесь нашел. Положил в карман. Принес сегодня сюда. Ту же самую монету... точнее, более позднюю репликацию ее пространственно-временной структуры: на неделю старше, старее. Но обыватель назвал бы ее «та же самая». Хотя сходства между ними не больше, чем между младенцем и взрослым человеком, который из него вырос.

Я взглянул на него:

— Доктор, отправьте меня в прошлое. На неделю назад!

Он взглянул сердито:

— И речи быть не может!

— Почему? Разве на людях эта штука не работает?

"Was? Natürlich funktioniert es da auch!"

— Что? Разумеется, работает.

"Warum wollen Sie es dann nicht versuchen? Ich habe keine Angst. Und stellen Sie sich vor, wie großartig das für Ihr Buch wäre ... wenn ich aus eigenem Wissen bezeugen könnte, daß die Twitchellsche Zeitverdrängungstheorie tatsächlich richtig ist."

"Sie können sie aus eigenem Wissen bestätigen, Sie waren ja eben Zeuge."

"Ja", meinte ich zögernd, "aber niemand wird mir glauben. Diese Sache mit den Münzen ... ich habe sie gesehen und glaube daran. Aber die Leser würden annehmen, ich sei leichtgläubig, und Sie hätten mich mit einer Taschenspielerei hereingelegt."

"Hören Sie mal!"

"Das sage nicht ich, das sagen andere. Man könnte einfach nicht glauben, daß ich das Berichtete wirklich gesehen habe. Aber wenn Sie mich nur um eine Woche zurückversetzen, könnte ich aus eigenem Erleben bezeugen ..." "Setzen Sie sich. Hören Sie zu."

Er nahm Platz. Für mich gab es keinen Stuhl, aber das schien er nicht zu bemerken.

"Ich habe vor langer Zeit mit Menschen experimentiert, aber damit ist endgültig Schluß."

"Warum? Sind die Leute ums Leben gekommen?"

"Was? Lassen Sie den Blödsinn." Er sah mich scharf an und fügte hinzu: "Das dürfen Sie in Ihrem Buch nicht bringen."

"Wie Sie wünschen, Sir."

— Тогда почему нет? Я не боюсь.

И представьте только, как это было бы здорово для будущей книги... если бы я мог на собственном опыте убедиться и подтвердить, что темпоральный сдвиг Твитчела действует.

— Вы уже убедились на собственном опыте.

Можете так и написать.

— Пожалуй, — задумчиво произнес я, — но мне же не поверят. Этот опыт с монетами... Я верю, потому что я видел его. Но любой, кто прочтет мои записки, решит, что я просто подвергся внушению, что меня надули каким-то ловким трюком.

— Вот черт бы вас подрал, сэр!

— Так это же не я — люди скажут. Они не поверят, что я действительно видел то, что описываю. Вот если бы вы отправили меня на неделю назад, я бы мог описать свои собственные ощущения и... — Сядьте. И выслушайте меня.

Он сел; мне сесть было некуда, но он этого не заметил.

— Я уже ставил эксперименты на людях, давным-давно. И именно поэтому я решил никогда больше этого не делать.

— Почему? Они погибли?

— Что? Не порите чушь! — Он посмотрел на меня угрожающе и добавил: — И не смейте ни о чем таком писать в своей книге.

— Как скажете, сэр.

"Einige kleine Experimente zeigten, daß lebende Wesen die Zeitverdrängung ohne Schaden überstehen. Ich hatte mich einem Kollegen anvertraut, einem jungen Mann, der in der Architekturklasse Zeichnen und Malen lehrte. Eigentlich war er mehr Techniker als Wissenschaftler, aber ich mochte ihn; er hatte einen wachen Verstand. Dieser junge Mann – es kann nicht schaden, wenn ich Ihnen seinen Namen sage: Leonard Vincent – wollte es um jeden Preis versuchen ... im Ernst versuchen; er wollte sich einer großen Veränderung unterziehen, fünfhundert Jahre. Ich war nicht hart genug. Ich ließ es zu."

"Was geschah dann?"

"Woher soll ich das wissen? Fünfhundert Jahre, Mann! Ich werde nie erfahren, was aus ihm geworden ist!" "Aber Sie glauben, daß er fünfhundert Jahre in die Zukunft vorrückte?"

"Oder in die Vergangenheit zurück. Vielleicht ist er im fünfzehnten Jahrhundert gelandet. Oder im fünfundzwanzigsten. Die Chancen stehen genau gleich. Es gibt eine Unbestimbarkeit – symmetrische Gleichungen. Ich habe mir manchmal überlegt ... nein, das ist nur eine zufällige Ähnlichkeit der Namen."

Ich fragte nicht, was er damit meinte, weil ich die Ähnlichkeit plötzlich selbst sah und mir die Haare zu Berge standen. Dann schob ich diesen Gedanken beiseite: Ich hatte andere Probleme. Außerdem – es handelte sich bestimmt nur um eine zufällige Namensähnlichkeit – konnte ein Mann nicht von Colorado nach Italien gelangen, nicht im fünfzehnten Jahrhundert. "Aber ich habe mich fest entschlossen, der Versuchung nie mehr nachzugeben. Das war nicht wissenschaftlich, man konnte nicht das geringste daraus lernen. Wenn er in die Zukunft geschickt wurde, gut. Aber wenn er rückwärts transportiert worden ist ... habe ich meinen Freund vielleicht in die Hände von Wilden geliefert.

Oder wilden Tieren vorgeworfen." Vielleicht war er auch ein ›Großer Weißer Vater‹ geworden, dachte ich.

Ich behielt das für mich. "Aber bei mir müßte man doch eine so große Verdrängung nicht einstellen."

"Reden wir nicht mehr davon, Sir."

— Эксперименты показали, что живые существа переносят темпоральное перемещение без вреда. Я доверился коллеге — молодому преподавателю, который вел у нас рисование и другие подобные предметы на архитектурном факультете. Он, пожалуй, был больше инженером, нежели ученым, но мне он нравился: у него был очень живой ум. Этого молодого человека — ничего, наверное, не случится, если я скажу вам его имя, — звали Леонард Винсент; он так жаждал испробовать это... Он хотел испытать Большое Перемещение — на пятьсот лет. Я не сумел отказать. Я уступил.

— И что произошло?

— А откуда я знаю? Пятьсот лет! Мне никогда не узнать... — Вы думаете, он попал на пятьсот лет в будущее?

— Или в прошлое. Он мог очутиться в пятнадцатом веке. Или в двадцать пятом. Шансы совершенно равные. Принцип неопределенности, симметричное уравнение... Я даже иногда думаю... да нет, не может быть. Так, случайное сходство имен.

Я не стал спрашивать, что он имеет в виду, потому что в этот момент вдруг тоже обнаружил это сходство имен, и волосы у меня на голове встали дыбом. Но я быстро выбросил это из головы: у меня были другие проблемы. Да, кроме того, это и было наверняка лишь случайное сходство: не мог же человек в пятнадцатом веке попасть из Колорадо в Италию... — И я решил впредь не поддаваться подобному искущению. Это ведь не наука: это ничего не добавляет к знанию. Если он попал в будущее — на доброе здоровье. А вот если в прошлое... тогда, получается, я отправил своего друга на расправу варварам, а может, и на съедение диким зверям.

«А может быть, — подумал я, — вы обрекли его на участь Великого Белого Бога». Но я промолчал.

— Я ведь не прошу, чтобы вы отправили меня слишком далеко. То есть надолго.

— Давайте больше не будем об этом, прошу вас.

"Wie Sie wünschen, Professor." Aber ich mußte wieder davon anfangen. "Äh, darf ich einen Vorschlag machen?"

"Was? Reden Sie."

"Wir könnten beinahe dasselbe Ergebnis durch eine Probe gewinnen."

"Wie meinen Sie das?"

"Eine komplette Generalprobe, in der alles genauso ausgeführt wird, als wollten Sie ein Lebewesen in der Zeit versetzen – diese Rolle übernehme ich. Wir machen alles genauso, als wollten Sie mich durch die Zeit senden, bis zu dem Punkt, an dem Sie auf den Knopf dort drücken. Dann verstehe ich die Prozedur ... über die ich mir jetzt noch nicht ganz klar bin."

Er brummelte ein bißchen, aber er wollte sein Spielzeug doch nur allzu gerne vorführen. Er wog und legte Metallgewichte aufeinander, die genau meinen hundertsechzig Pfund entsprachen.

"Das sind dieselben Gewichte, die ich bei dem armen Vincent benützt habe."

Wir legten sie in den Käfig.

"Welche Zeiteinstellung nehmen wir?" fragte er. "Sie haben freie Hand."

"Sie sagten, die Einstellung sei sehr genau möglich?"

"Allerdings. Bezweifeln Sie das?"

"O nein, nein! Eine Sekunde – heute ist der vierundzwanzigste Mai – angenommen wir ... wie war's mit, sagen wir, einunddreißig Jahren, drei Wochen, einem Tag, sieben Stunden, dreizehn Minuten und fünfundzwanzig Sekunden?"

— Как скажете, доктор. — Но я был не в силах остановиться. — Э-э, позвольте сделать одно предложение?

— Ну? Высказывайтесь.

— Мы могли бы получить почти тот же результат простой имитацией.

— Что вы имеете в виду?

— Совсем понарошу: сделаем все так, как будто мы действительно собирались переместить во времени живой объект – объектом буду я – вплоть до того момента, когда надо нажать кнопку. Тогда я смогу понять смысл процедуры. Пока, честно говоря, я его не вполне понимаю.

Он немного поворчал, но ему так хотелось

продемонстрировать мне свою игрушку...

Он взвесил меня и отобрал металлические гири, равные моему весу: сто семьдесят фунтов.

— Это те же самые весы, на которых я взвешивал беднягу Винсента.

Вдвоем мы уложили грузы на одном краю платформы.

— Какое время установим? — спросил он.

— Вам решать.

— Э-э, вы сказали, что время можно установить точно?

— Да, сэр, именно так я и сказал. А вы сомневаетесь?

— Нет-нет-нет! Ну-с, так. Сегодня двадцать четвертое мая... Предположим, мы... Как, скажем, насчет такого смещения: тридцать один год, три недели, один день, семь часов, тринадцать минут и двадцать пять секунд?

"Sehr witzig."

Als ich von ›genau‹ sprach, meinte ich bis zu einer Präzision von eins zu hunderttausend, nicht von eins zu neunhundert Millionen."

"Oh, Sie sehen selbst, Professor, wie wichtig eine Generalprobe für mich ist, weil ich wirklich sehr wenig davon verstehe. Na, nehmen wir also einunddreißig Jahre und drei Wochen. Oder ist das noch zuviel verlangt?"

"Keineswegs. Die Abweichung dürfte im Höchstfall zwei Stunden betragen." Er stellte die Apparatur ein. "Sie können jetzt in den Käfig steigen."

"Das ist alles?"

"Ja. Nur die Energiezufuhr fehlt. Ich könnte diese Verdrängung mit dem Normalstrom nicht bewältigen, der für die Münzen ausreichte. Aber das spielt ja keine Rolle, weil wir nur so tun als ob."

Ich machte ein enttäuschtes Gesicht.

"Dann haben Sie also gar nicht alles zur Verfügung, was für eine derartige Veränderung erforderlich wäre? Das Ganze war theoretisch gemeint?"

"Nein, zum Teufel. Ich habe es nicht theoretisch gemeint."

"Aber wenn Ihnen die nötige Energie fehlt ..." "Ich kann sie besorgen, wenn Sie darauf bestehen. Warten Sie."

Er ging in eine Ecke des Labors und nahm den Telefonhörer ab. Der Apparat mußte beim Bau des Labors aufgestellt worden sein; seit meinem Erwachen hatte ich so etwas nicht mehr gesehen.

— Бледно, молодой человек. Когда я говорю

«точно», то имею в виду «с точностью до одной стотысячной». У меня просто не было возможности откалибровать установку с точностью до одной стомиллионной.

— Да?.. Понимаете, профессор, мне очень важно,

чтобы все было как на самом деле — я ведь так мало об этом знаю. Ну, давайте просто поставим тридцать один год и три недели. Или это тоже — излишество?

— Ничуть. Максимальная ошибка не превысит двух часов. — Он опять что-то повернулся. — Может занять свое место на сцене, юноша.

— И это — все?

— Все. Все, кроме энергии. Конечно, с сетевым напряжением, которого хватило на перемещение двух монет на неделю, я бы не смог совершить такого броска. Но, поскольку мы не собираемся включать установку на самом деле, это не имеет значения.

Я был разочарован. Наверное, и вид у меня был соответствующий.

— Значит, у вас нет всего необходимого, чтобы выполнить подобное перемещение? Значит, все это только теоретически?..

— Черт подери, сэр! Ничуть не теоретически.

— Так у вас же нет достаточной энергии... — Раз вы так настаиваете, будет и энергия. Подождите.

Он ушел в угол и снял трубку телефона.

Телефон, похоже, установили, когда лаборатория еще была новенькая: с тех пор, как я вышел из хранилища, такого старого аппарата я не видел.

Es kam zu einem kurzen Gespräch mit dem Nachtaufseher des Elektrizitätswerks der Universität. Dr. Twitchell benötigte keine Schimpfworte; er konnte sie weglassen und doch schärfer sein als mancher Grobian.

"Ihre Ansichten interessieren mich nicht im geringsten, mein lieber Mann. Lesen Sie Ihre Dienstanweisung. Ich kann zu jeder Zeit volle Unterstützung beanspruchen. Sie können doch lesen? Treffen wir uns morgen früh um zehn Uhr mit dem Präsidenten und soll er sie Ihnen vorlesen? Ach so? Sie können lesen? Vielleicht auch noch schreiben? Oder sind Ihre Talente schon erschöpft? Dann schreiben Sie auf: ›Volle Energiezufuhr auf die Sammelleitschiene des Thornton-Labors in genau acht Minuten.‹ Wiederholen Sie das."

Er legte den Hörer auf die Gabel.

"Esel!"

Er ging zur Schalttafel, drehte ein wenig an den Knöpfen und wartete. Dann konnte ich sogar von meinem Platz im Käfig aus die Zeiger von drei Skalenreihen hochschwingen sehen.

Und oben an der Tafel leuchtete eine rote Lampe auf: "Der Strom ist da", verkündete er.

"Und was geschieht jetzt?"

"Nichts."

"Das habe ich mir gedacht."

"Was soll das heißen?" "Was ich gesagt habe.

Nichts wird geschehen."

Последовала беседа с дежурным электриком.

На повышенных тонах. Нецензурной бранью профессор не воспользовался: он прекрасно обходился без нее, но при этом хлестал языком гораздо больнее, чем те «артисты», мастера жанра, которые пользуются обычными ругательствами.

— Меня не интересует, что вы думаете, почтеннейший. Прочтите свою инструкцию. Я имею право получить все возможности лабораторного корпуса в свое распоряжение. В любое время, когда захочу. Читать умеете? Или мы встретимся завтра в десять в кабинете ректора, чтобы он прочел вам ваши обязанности? Ах, вы умеете читать? Может, и писать тоже? Или ваши таланты исчерпываются чтением? Тогда запишите: полную аварийную мощность на высоковольтные шины Мемориальной Лаборатории Торнтона ровно через восемь минут. Повторите!

Он положил трубку.

— Вот люди!..

Подойдя к пульте, он что-то поправил. Потекли минуты. Вдруг я даже с того места, где стоял, увидел, как стрелки приборов метнулись вправо, а наверху загорелась красная лампочка.

— Вот и энергия, — объявил он.

— И что теперь?

— Ничего.

— Я так и думал.

— Что вы хотите сказать?

— То, что сказал: ничего не будет.

"Ich fürchte, ich verstehe Sie nicht ganz.
Hoffentlich nicht. Was ich meine, war, daß nichts geschieht, wenn ich diesen Hebel nicht umlege. Täte ich das, dann wären Sie genau um einunddreißig Jahre und drei Wochen in der Zeit versetzt."

"Und ich sage immer noch, daß nichts passieren würde."

Sein Gesicht wurde blutrot.

"Ich habe den Eindruck, daß Sie mich beleidigen wollen, Sir."

"Nennen Sie es, wie Sie wollen, Professor. Ich bin hergekommen, um einem Gerücht nachzugehen. Nun, das habe ich getan. Ich habe eine Schalttafel mit hübschen Lämpchen gesehen; sie sieht aus wie eine Anlage für einen wahnsinnigen Wissenschaftler in einem Grusel-Film. Ich habe eine Taschenspielerei mit zwei Münzen miterlebt. Der Trick ist übrigens nicht besonders gut, da Sie die Münzen selbst ausgewählt und mir gesagt haben, wie ich sie markieren muß; jeder Amateurzauberer kann das besser. Ich habe viel Gerede angehört. Aber reden kostet ja nichts. Was Sie als Ihre Entdeckung ausgeben, ist unausführbar. Übrigens weiß man das im Ministerium auch. Ihr Bericht ist nicht unterdrückt worden; man hat ihn einfach bei den anderen unsinnigen Briefen abgelegt. Ab und zu holt ihn jemand heraus, damit es etwas zu lachen gibt."

Ich dachte schon, der arme alte Knabe würde auf der Stelle vom Schlag getroffen werden. Aber ich mußte ihn durch den einzigen Reflex packen, der ihm geblieben war, seine Eitelkeit.

"Kommen Sie sofort heraus. Ich schlage Sie kaputt. Ich mache Sie mit bloßen Händen fertig."

In seinem Zorn hätte er es vielleicht sogar fertiggebracht, trotz der Unterschiede in Alter, Gewicht und körperlicher Verfassung. Aber ich erwiderete: "Sie machen mir keine Angst. Dieser lächerliche Knopf auch nicht. Drücken Sie ihn doch."

— Боюсь, что не вполне вас понимаю. Более того: я надеюсь, что неправильно вас понял. Я имел в виду, что если я не нажму кнопку, то ничего не произойдет. Но если я нажму ее, то вы переместитесь ровно на тридцать один год и три недели.

— А я говорю, что ничего не будет.

Его лицо потемнело.

— Сэр, я полагаю, что вы намеренно ведете себя столь оскорбительно.

— Считайте как хотите, доктор. Я приехал сюда проверить правдивость дошедших до меня слухов. И я их проверил. Я увидел пульт управления с красивыми лампочками. Похоже на декорацию для фильма ужасов про сумасшедшего профессора. Я увидел салонный фокус с парой монеток. Фокус слабый, надо заметить: монеты вы выбирали сами, а я пометил их так, как вы велели. Да любой циркач может показать этот фокус лучше вас. Я выслушал долгую лекцию. Но разговоры — штука дешевая. То, что вы якобы изобрели, невозможно. Кстати, в министерстве это знают. Ваш доклад никто не запрещал: его просто подшили в ту папку, куда складывают все проекты вечных двигателей. Наверняка время от времени его достают почитать смеха ради.

Я думал, старикана хватит удар не сходя с места. Но единственным рефлексом, который у него остался, на который я мог рассчитывать, было его тщеславие. Надо было дожимать старика.

— Спускайтесь, сэр. Выходите. Я сейчас выпорю вас. Выдеру голыми руками.

Я думаю, он был так разъярен, что, пожалуй, мог бы и выпороть, несмотря на разницу в возрасте, весе и физической силе. Но я ответил: — Я тебя не боюсь, папаша.

И твоей фальшивой красной кнопки тоже не боюсь. Валяй, нажимай!

Er sah mich an, sah den Knopf an, aber er unternahm immer noch nichts. Ich kicherte und sagte: "Schwindel, genau, wie die Kollegen behauptet haben. Twitch, Sie sind ein aufgeblasener alter Schwindler, ein Angeber. Colonel Thrushbotham hatte recht."

Das genügte.

Он взглянул на меня. На кнопку. Но не двинулся с места. Тогда я хихикнул и сказал: — Правильно ребята говорили: ложная тревога. Твич, вы напыщенный старый обманщик. Полковник Трэшботэм был прав.

Это сработало.

Глава 10

•

Während sein Finger auf den Knopf zuschnellte, versuchte ich ihm zuzuschreien, daß er es nicht tun sollte. Aber es war zu spät; ich stürzte bereits. Mein letzter Gedanke war der flehende Wunsch, alles ungeschehen machen zu können. Ich hatte alles weggeworfen und einen armen alten Mann beinahe zu Tode gequält – und ich wußte nicht einmal, in welche Richtung ich versetzt würde.

Schlimmer noch, ich wußte nicht einmal, ob ich dort ankommen würde. Dann prallte ich auf.

Mehr als eineinhalb Meter tief kann ich nicht gefallen sein, aber ich war nicht darauf vorbereitet.

Ich brach zusammen wie ein Sack.

Dann sagte jemand: "Wo, zum Teufel, kommen Sie denn her?"

Ein Mann um die Vierzig, glatzköpfig, aber gut gebaut und schlank, stand vor mir, die Arme in die Hüften gestemmt. Er sah sehr intelligent aus, und sein Gesicht war nicht häßlich, wenn man davon absah, daß er zornig auf mich war.

Ich setzte mich auf und stellte fest, daß ich auf Kies und Tannennadeln saß. Neben dem Mann stand eine Frau, eine nette, hübsche Frau, die etwas jünger zu sein schien als er. Sie sah mich mit großen Augen an, sagte aber nichts.

Он с размаху ударил по кнопке. Я хотел крикнуть ему: «Не надо!» — но было поздно. Я уже куда-то падал. Последней судорожной мыслью было: я не хочу! Я все выкинул на ветер. Я довел почти до апоплексического удара несчастного старика, не сделавшего мне ничего худого. И я даже не знал, в какую сторону двигаюсь. Хуже того, я вообще не был уверен, попаду ли я туда, куда хочу попасть... И тут я упал.

Свалился я, наверное, с высоты не более метра-полутора, но был совершенно не готов к этому падению и рухнул, как куль.

И тут же кто-то спросил:

— Откуда это вы свалились, черт возьми?

Спрашивавший оказался мужчиной лет сорока, лысым, но крепким и поджарым. Он стоял, руки в боки, лицом ко мне.

Умное, интеллигентное лицо его было приятным, несмотря на то, что он явно был в этот момент на меня сердит.

Я сел. Оказалось, что сижу я на покрытой слоем опавшей хвои гранитной гальке. Рядом с мужчиной стояла женщина — привлекательная, даже красивая, немного моложе его, — смотрела на меня ошеломленно, но молчала.

"Wo bin ich?" fragte ich dümmlich. Ich hätte auch sagen können: "Wann bin ich?", aber das hätte noch alberner geklungen, und außerdem dachte ich nicht daran. Ein Blick genügte, und ich wußte, wann ich nicht war – ich befand mich nicht im Jahr 1970, auch im Jahr 2001 war ich nicht mehr. So etwas wäre nur am Strand möglich gewesen.

Ich mußte also in die falsche Richtung geraten sein.

Denn beide trugen nichts als eine angenehme Sonnenbräune. Nicht einmal »Engsitz«. Aber es schien ihnen zu genügen. Verlegen waren sie jedenfalls nicht.

"Alles der Reihe nach!" wandte er ein. "Ich habe Sie gefragt, wie Sie hergekommen sind." Er sah nach oben. "Ihr Fallschirm ist nicht am Baum hängengeblieben, wie? Was treiben Sie überhaupt hier? Das ist Privatgrund. Sie stören. Und was soll dieser Karnevalsaufzug bedeuten?"

Ich fand an meiner Kleidung nichts Ungewöhnliches – vor allem im Hinblick darauf, daß die beiden unbekleidet waren. Aber ich erwiderete nichts. Andere Zeiten, andere Sitten – ich merkte schon, daß ich Schwierigkeiten haben würde.

Sie legte ihm die Hand auf den Arm.

"Nicht, John", sagte sie leise. "Ich glaube, er hat sich verletzt."

Er warf ihr einen Blick zu und starrte mich dann scharf an.

"Sind Sie verletzt?"

Ich versuchte aufzustehen und schaffte es.

"Ich glaube nicht. Ein paar Blutergüsse vielleicht. Welchen Tag haben wir heute?"

"Was? Na, heute ist der erste Sonntag im Mai. Der dritte Mai, glaube ich. Stimmt's, Jenny?"

"Ja, Liebster."

— Где я? — спросил я самым дурацким манером. Мне следовало спросить «когда я?», но это прозвучало бы еще глупее, и вдобавок я об этом не подумал. Достаточно было взглянуть на них, и было ясно, куда я не попал: я был явно не в 1970-м. Но и не в 2001-м тоже: в 2001-м в таком виде ходили только на пляже. Похоже, меня занесло в другую сторону.

Потому что ничего, кроме ровного, густого загара, на них не было. Но им, видимо, этого хватало: они явно не чувствовали неловкости.

— Давайте по очереди, — возразил он. — Я спросил вас, как вы сюда попали. — Он взглянул вверх. — Парашиют в ветвях вроде не запутался, так? И вообще, что вы здесь делаете? Это — частные владения. Вы здесь явно без разрешения. И что это за маскарадный костюм вы напялили?

На мой взгляд, одет я был вполне нормально. Особенно по сравнению с ними. Но спорить я не стал: другие времена — иные нравы. Похоже, у меня тут будут неприятности.

Она положила руку ему на плечо.

— Не надо, Джон, — сказала она ласково. — По-моему, он ушибся.

Он глянул на нее и снова уперся своим острым взглядом мне в лицо.

— Вы ушиблись?

Я попытался встать — это у меня получилось.

— По-моему, нет. Так, пара синяков будет. А какое сегодня число?

— А? Число? Сегодня первое воскресенье мая. Третье мая, по-моему. Так, Дженн?

— Да, милый.

"Hören Sie", sagte ich flehend, "ich habe mir den Schädel ganz schön angeschlagen. Ich bin völlig durcheinander. Welches Datum? Ich meine das ganze Datum."

"Wie bitte?"

Ich hätte den Mund halten sollen, bis ich das Datum von irgendeinem Kalender oder einer Zeitung hätte ablesen können. Aber ich mußte sofort Bescheid wissen. Ich hielt das Warten nicht aus.

"Welches Jahr?"

"Na, Sie hat es aber ganz ordentlich erwischt. Wir schreiben 1970."

Ich sah ihn wieder meine Kleidung anstarren.

Meine Erleichterung war nicht zu beschreiben. Ich hatte es geschafft, ich hatte es geschafft! Ich war nicht zu spät gekommen.

"Danke", sagte ich. "Vielen, vielen Dank. Sie wissen ja nichts." Er sah immer noch aus, als wolle er gleich Verstärkung herbeiholen, deswegen fügte ich nervös hinzu: "Ich leide oft an plötzlichem Gedächtnisverlust. Einmal vergaß ich – äh fünf Jahre auf einmal."

"Das muß sehr unangenehm sein", meinte er schleppend. "Fühlen Sie sich imstande, meine Fragen zu beantworten?"

"Läßt ihn doch in Ruhe", ermahnte sie ihn. "Er scheint ein anständiger Mensch zu sein. Ich glaube, daß er nur einen Fehler gemacht hat."

"Das werden wir ja sehen. Nun?"

"Ich fühle mich ganz in Ordnung ... jetzt. Aber eine Weile war ich durcheinander."

"Na schön, wie sind Sie hierhergekommen? Und warum tragen Sie diese Kleidung?"

— Слушайте, — сказал я торопливо, — я сильно ушиб голову. Наверное, я потерял ориентировку. Какое сегодня число? Только полностью — месяц и год?

— Что?

Мне бы лучше было помалкивать, пока я не узнаю год сам — из газеты или с настенного календаря. Но я больше не в силах был ждать: я должен был узнать это немедленно.

— Какой год?!

— Крепко тебя, браток, тряхнуло.
Семидесятый.

Он опять уставился на мою одежду.

Облегчение мое было безмерным. Получилось! Я попал куда следует! Я не опоздал!

— Спасибо, — сказал я. — Огромное вам спасибо. Вы даже не представляете... — Он все еще смотрел на меня так, словно решал, не пора ли вызвать подкрепление, и я поспешил добавить: — У меня бывают внезапные приступы потери памяти. Однажды я так потерял... целых пять лет.

— Я думаю, это очень неприятно, — процедил он.
— Теперь вам лучше? На вопросы отвечать можете?

— Ну что ты пристал к человеку, милый? — ласково сказала она. — По-моему, он славный. Наверное, он просто ушибся.

— Посмотрим. Ну?

— Вроде бы сейчас я себя чувствую прилично. Но буквально минуту назад у меня еще все путалось.

— Окей. Как вы сюда попали? И почему вы так странно одеты?

"Um ganz ehrlich zu sein, wie ich hergekommen bin, weiß ich nicht genau. Und wo ich bin, erst recht nicht. Diese Anfälle treten ganz plötzlich auf. Und was meine Kleidung angeht ... nun, das können Sie Exzentrizität nennen. Äh ... so, wie Sie zum Beispiel angezogen sind ... oder nicht angezogen sind."

Er sah an sich hinunter und grinste.

"Ach ja, ich weiß natürlich, daß die Art, wie ich und meine Frau gekleidet ... oder nicht gekleidet sind ... unter gewissen Umständen eine Erklärung erforderlich machen würde, aber wir ziehen es vor, Unbefugte zur Rede zu stellen. Sehen Sie, Sie gehören hier nicht herein. Sie befinden sich auf dem Grundstück der Nudisten von Denver."

John und Jenny Sutton gehörten jener Sorte von weltklugen, freundlichen Menschen an, die sogar ein Erdbeben zum Tee bitten würden. John war mit meinen mageren Erklärungen offensichtlich nicht zufrieden und wollte mich ins Kreuzverhör nehmen, aber Jenny hielt ihn zurück. Ich blieb bei meiner Geschichte von den >Schwindelanfällen< und behauptete, mich nur noch an gestern abend erinnern zu können, als ich im New Brown Palace in Denver gewesen sei. Er meinte schließlich: "Nun, das ist ja sehr interessant, ja sogar aufregend. Jemand, der nach Boulder fährt, kann Sie dort absetzen. Mit dem Bus kommen Sie von dort nach Denver." Er sah mich wieder an. "Aber wenn ich Sie ins Klubhaus mitnehme, werden die Leute sehr, sehr neugierig sein."

Ich sah an mir herunter. Ich war schon reichlich verlegen, weil ich bekleidet war und sie nicht – ich meine, ich kam mir vor, als stimmte bei mir etwas nicht.

"John ... würde es die Sache vereinfachen, wenn ich mich ebenfalls auszöge?" Diese Aussicht schockierte mich nicht. Ich war zwar nie in einem Nudistencamp gewesen, weil ich darin keinen Sinn sah, aber wenn es sein mußte ...

Er nickte.

"Unbedingt."

— Честно говоря, я не совсем представляю, как я сюда попал. И уж точно не знаю, куда я попал. Эти приступы налетают так внезапно... А что касается моей одежды – можно сказать, что это просто некоторое чудачество. Ну... ну вот, скажем, вы тоже необычно одеты. Точнее, раздеты.

Он посмотрел на меня и ухмыльнулся.

— Да уж, при определенных обстоятельствах, наверное, наша одежда — точнее, ее отсутствие — тоже вызывала бы вопросы. Но мы предпочитаем, чтобы оправдывались незваные гости. Видите ли, вы здесь — чужой, одетый или раздетый. А вот мы — свои, независимо от одежды. Вы попали на территорию денверского клуба nudistов.

Джон и Дженнин Саттон оказались современными, невозмутимыми, дружелюбными людьми. Джона явно не удовлетворили мои скользкие объяснения. По-моему, он хотел устроить мне перекрестный допрос, но Дженнин удержала. Я крепко держался за свою байку про «приступы амнезии» и утверждал, будто бы последнее, что я помню, — вчерашний вечер, когда я был в Денвере, в Нью-Браун-Пэлас.

Наконец он сказал: — Ну что ж, все это очень интересно, просто увлекательно. Я думаю, кто-нибудь из наших, кто едет в Боулдер, захватит вас, а оттуда вы доберетесь до Денвера на автобусе. — Он опять глянул на меня. — Но если я приведу вас в клуб, то все это будет чертовски подозрительно.

Я оглядел свой костюм. Я испытывал неловкость от того, что я был одет, а они — нет. Я имею в виду, что не они, а именно я чувствовал себя не в своей тарелке.

— Джон, если я разденусь, это упростит проблему? — Такая перспектива меня не смущала. В nudistских клубах я раньше не бывал, — чего мне там делать? — но мы с Чаком пару раз ездили на выходные в Санта-Барбара, а на пляже кожа кажется естественной, а одежда — нет.

Он кивнул.

— Безусловно.

"Er könnte ja unser Guest sein, Liebling", meinte Jenny.

"Mmm ... ja. Du gehst am besten im Park herum, Liebste, und läßt die anderen Leute wissen, daß wir einen Guest erwarten, aus ... was schlagen Sie vor, Danny?"

"Ah, aus Kalifornien, Los Angeles. Von dort bin ich nämlich." Ich hätte beinahe »Groß-Los-Angeles« gesagt und beschloß, etwas vorsichtiger zu sein. "Aus Los Angeles. Das und 'Danny' genügt vollauf. Wir sprechen uns nicht mit den Familiennamen an, wenn das nicht ausdrücklich gewünscht wird. Liebling, sei so gut und versuche bei den anderen den Eindruck zu erwecken, als sei er jemand, den schon alle kennen. In einer halben Stunde müßtest du uns am Tor abholen. Statt dessen kommst du hierher. Und bring meine Tasche mit."

"Warum denn das?"

"Um dieses Kostüm zu verstecken. Es fällt auf, selbst für einen Menschen, der so exzentrisch ist, wie Danny von sich behauptet."

Ich stand auf und verschwand hinter dem Gebüsch, um mich auszuziehen. Sobald Jenny Sutton gegangen war, hätte ich keine Ausrede für meine Schamhaftigkeit mehr gehabt; ich konnte mich aber nicht ausziehen und zeigen, daß ich Gold im Wert von zwanzigtausend Dollar, wenn man den jetzigen Goldpreis zugrundelegte, um die Hüften gewickelt mit mir trug. Es dauerte nicht lange, weil ich aus dem Gold einen Gürtel gewunden hatte.

Als ich ausgezogen war, wickelte ich das Gold in meine Kleidung und versuchte so zu tun, als sei das Gewicht meines Bündels ganz normal. John Sutton warf einen Blick darauf, sagte aber nichts. Er bot mir eine Zigarette an – das Päckchen hatte er mit einem Riemen am Fußknöchel befestigt.

Ich wedelte damit herum, aber sie entzündete sich nicht. Dann ließ ich mir Feuer geben.

— Дорогой, — сказала Джени, — а ведь он может быть нашим гостем.

— Хм... пожалуй. Любимая, ты, наверное, греби к людям. А там побеседуй, дай понять, что мы ждем гостя из... откуда лучше сказать, Дэнни?

— Хм, из Калифорнии. Из Лос-Анджелеса. Я действительно оттуда.

— Я чуть не брякнул «Большой Лос-Анджелес» и понял, что придется следить за собой: кино опять «кино», а не «завлекино»...

— Ага, из Лос-Анджелеса.

Дэнни из Лос-Анджелеса – этого вполне достаточно. Мы зовем друг друга только по имени. Так что, милая, распусти слух, что мы ждем гостей. Да с таким видом, словно уже предупреждала об этом. А через полчаса скажи, что идешь к воротам встречать нас. И приходи сюда. Не забудь прихватить мою сумку.

— Сумку, милый? Зачем?

— Спрятать этот маскарадный костюм. Даже для чудаков вроде Дэнни он выглядит... необычно.

Я встал и пошел за кусты – Джени ушла, и предлога уйти в раздевалку у меня не было. А за кусты прятаться пришлось: не мог же я раздеться на виду у Джона, демонстрируя, что у меня вокруг талии обернуто золото на двадцать тысяч долларов (в семидесятом цена золота была где-то около шестидесяти долларов за унцию). Снял я это богатство быстро: вместо корсета я сделал из золота пояс, который было гораздо легче снимать и надевать при мытье – впереди я приделал шнурки для крепления.

Сняв одежду и пояс, я завернул золото в тряпки и попытался сделать вид, будто моя одежда весит ровно столько, сколько она должна весить. Джон посмотрел на сверток, но промолчал. Он предложил мне сигарету – пачка сигарет была у него прикреплена к лодыжке. Сигареты оказались такого сорта, который я уже и не мечтал когда-нибудь еще попробовать.

Я помахал ею в воздухе, но она не зажглась. Джон дал мне прикурить.

"Also", sagte er ruhig, "jetzt sind wir allein. Wollen Sie mir noch etwas mitteilen? Wenn ich Sie beim Club einführen soll, muß ich immerhin sicher sein, daß Sie nichts anstellen."

Ich sog den Rauch ein. Er kratzte in der Kehle.

"John, ich mache bestimmt keine Schwierigkeiten. Das ist das allerletzte, was ich brauchen könnte."

"Kann ich mir denken. Also nur ›Schwindelanfälle‹?"

Ich dachte nach. Die Situation war unmöglich. Der Mann hatte ein Recht darauf, die Wahrheit zu erfahren. Aber die Wahrheit würde er mir ganz gewiß nicht glauben ... jedenfalls hätte ich es an seiner Stelle nicht getan. Aber es war noch schlimmer, wenn er mir glaubte; das mußte zu dem Theater führen, das ich nicht wünschte. Wäre ich ein ehrlicher, echter Zeitreisender mit Forschungsaufgaben gewesen, dann hätte ich wohl die Öffentlichkeit gesucht, unwiderlegbare Beweise mitgebracht und Wissenschaftler um Untersuchungen gebeten.

Aber das war ich nicht; ich war ein einfacher und etwas abenteuerlicher Bürger, mit Dingen befaßt, auf die ich nicht die Aufmerksamkeit anderer Leute lenken wollte. Ich suchte ganz einfach nach meiner ›Tür zum Sommer‹, so unauffällig wie möglich. "John, Sie würden mir nicht glauben."

"Hm ... vielleicht. Immerhin, ich habe einen Mann vom Himmel fallen sehen ... aber er prallte nicht so hart auf, daß er sich verletzt hätte. Er trägt merkwürdige Kleidung. Er scheint nicht zu wissen, welches Datum wir schreiben oder wo er sich befindet. Danny, ich habe Charles Fort gelesen, wie die meisten Leute. Aber ich habe nie damit gerechnet, so etwas tatsächlich zu erleben. Natürlich rechne ich nicht mit einer einfachen Erklärung. Also?"

"John, Sie sagten vorhin etwas, das mich auf den Gedanken brachte, Sie könnten Rechtsanwalt sein." "Ja, das bin ich. Warum?"

— Ну, — тихо сказал он, — теперь мы одни. Ты ничего не хочешь мне сказать? Мне ведь придется поручиться за тебя в клубе, и я, по крайней мере, имею право убедиться, что от тебя не будет неприятностей.

Я сделал затяжку: вкус был грубый, я отвык от таких сигарет.

— Джон, чего-чего, а неприятностей от меня не будет. Неприятности — это то, чего я хочу меньше всего.

— Хм-мм... наверное. Значит, «приступы головокружения»?

Я задумался. Ситуация была совершенно невозможная. Джон имел право знать. Но он, безусловно, не поверил бы мне. Я бы на его месте не поверил. А если он поверит мне, будет еще хуже: начнется тот самый шум, которого я так хочу избежать. Наверное, если бы я был настоящим путешественником во времени, выполняющим научные исследования, то я бы стремился к известности, предъявляя бы доказательства и предлагал ученым исследовать себя.

Но я не был путешественником-ученым. Я был лицом сугубо частным и собирался при этом провернуть одно дельце, привлекать внимание к которому с моей стороны было бы глупо. Я просто тихо и незаметно искал свою Дверь в Лето...
— Джон, если я расскажу правду, то ты мне не поверишь.

— Ммм... наверное. И все же... прямо с неба падает человек. Но не расшибается в лепешку. На нем странная одежда. Он не знает, где он и какой сегодня день. Дэнни, я читал Чарльза Форта, как и большинство грамотных людей. Но я никогда не думал, что увижу что-то подобное своими глазами. Конечно, увидев, я не рассчитываю, что объяснение будет простым, как разгадка карточного фокуса. И все же?

— Джон, судя по тем оборотам, которые ты употребляешь, ты юрист. Я не ошибаюсь? — Нет. Я юрист. А что?

"Kann ich Ihnen etwas unter dem Siegel der Schweigepflicht erklären?"

— Могу я рассчитывать на конфиденциальность нашего разговора?

"Wollen Sie, daß ich Sie als Klienten akzeptiere?"

— Хмм... Ты что, хочешь стать моим клиентом?

"Wenn Sie es so ausdrücken wollen, ja. Ich brauche sowieso Rat."

— Если ты ставишь вопрос так, то да. Мне, похоже, потребуется совет юриста.

"Also, dann heraus damit. Ich bin ab sofort Ihr Anwalt."

— Выкладывай. Это конфиденциально.

"Fein. Ich komme aus der Zukunft. Zeitreise."

— Окей. Я из будущего. Путешественник во времени.

Er sagte eine Weile nichts. Wir lagen ausgestreckt in der Sonne. Ich tat es, um mich warm zu halten; der Mai in Colorado ist meistens schön, aber ziemlich kühl. John Sutton schien daran gewöhnt zu sein. Er faulenzte einfach und kaute an einer Tannennadel herum.

"Sie haben recht", sagte er schließlich. "Ich glaube es nicht. Bleiben wir lieber bei den ›Anfällen.‹"

Некоторое время он молчал. Мы лежали на песке: я — чтобы согреться (май в Колорадо солнечный, но прохладный), Джон, похоже, привык и просто загорал, размышая и жуя хвоинку.

"Ich habe es Ihnen ja gleich gesagt."

— Ты прав, — сказал он, — я не верю. Давай лучше держаться версии с приступами амнезии.

Er seufzte.

— А я тебе говорил, что ты не сможешь в это поверить.

Он вздохнул.

"Sagen wir, ich will es nicht glauben. Ich will auch nicht an Geister, Inkarnationen oder irgendeine andere Erscheinung dieser übersinnlichen Wahrnehmungen glauben. Ich mag einfache Dinge, die ich verstehen kann. Das ist bei den meisten Leuten so. Mein erster Rat wäre also, das für uns zu behalten. Sprechen Sie nirgends davon."

— Скажем так: не хочу. Я не хочу верить в переселение душ, в привидения и прочую такую чертовщину. Я люблю простые вещи — их я понимаю. Наверное, и большинство людей тоже. Так что мой тебе первый совет: пусть это останется нашей конфиденциальной беседой. Не раззванивай про это дело.

"Ich habe nichts dagegen."

— Это меня устраивает.

Er rollte sich auf den Bauch.

Он перевернулся на другой бок.

"Aber es dürfte wohl angebracht sein, diese Kleidung zu verbrennen.
Ich verschaffe Ihnen etwas zum Anziehen. Brennt das Zeug?"

— Я думаю, будет весьма разумно, если мы сожжем твою одежду. Я что-нибудь тебе подберу. Она горит?

"Nicht besonders gut. Es schmilzt."

— Вряд ли. Плавится, я думаю.

"Ziehen Sie lieber wieder Ihre Schuhe an. Wir tragen fast alle Schuhe hier, und damit müßten Sie durchkommen. Wenn Ihnen jemand Fragen stellt, sagen Sie, die Schuhe seien handgefertigt. Gesundheitsschuhe."

— И лучше обуйся. Мы тут обычно ходим в ботинках; твои сойдут. Если начнут спрашивать, говори — на заказ шил. Ортопедические, для улучшения походки.

"Das sind sie auch."

— А они действительно такие.

"Schön." Er begann mein Kleiderbündel auseinanderzurollen, bevor ich eingreifen konnte. "Donnerwetter!"

— Ну и окей. — Прежде чем я успел двинуться с места, он начал разворачивать мою одежду. — Что за чёрт?!

Es war zu spät.

Было уже поздно, пришлось разрешить ему развернуть узел.

"Danny", sagte er mit eigenartiger Stimme, "ist es das, was es zu sein scheint?"

— Дэнни, — спросил он подозрительным тоном, — это действительно то, на что это похоже?

"Was scheint es denn zu sein?"

— А на что это похоже?

"Gold."

— Смахивает на золото.

"Ja."

— Оно самое.

"Wo haben Sie es her?"

— Где ты его взял?

"Gekauft."

— Купил.

Er betastete das weiche Metall, dann hob er den Draht hoch.

Он пощупал золотой пояс, помял мертвый, податливый металл, взвесил его в руке.

"Donnerwetter! Danny ... hören Sie mir genau zu. Ich muß Ihnen eine Frage stellen. Überlegen Sie, bevor Sie antworten. Ich kann keinen Klienten gebrauchen, der mich belügt. Ich verzichte darauf. Und mit einer Straftat will ich auch nichts zu tun haben. Gehört Ihnen das rechtmäßig?"

— О господи... Дэнни, слушай внимательно. Я задам тебе один вопрос, и будь осторожен, когда станешь на него отвечать: клиенты, которые мне лгут, мне не нужны. Я им отказываю. А соучастником я быть не хочу. Ты приобрел это законным путем?

"Ja."

— Да.

"Vielleicht haben Sie vom Gesetz über Goldreserven 1968 noch nichts gehört?"

— Может быть, ты не знаешь Указа 1968 года о Золотом запасе?

"Doch. Ich habe das Gold auf gesetzlich erlaubtem Weg erworben. Ich beabsichtige, es der Denver Münzanstalt gegen Dollar zu verkaufen."

"Sind Sie etwa als Juwelier zugelassen?"

"Nein. John, ich habe Ihnen die reine Wahrheit gesagt, ob Sie mir glauben oder nicht. Dort, wo ich war, konnte ich es rechtmäßig über den Ladentisch kaufen. Jetzt will ich es so schnell wie möglich gegen Dollars umtauschen. Ich weiß, daß der Besitz von Gold gegen das Gesetz verstößt. Was kann man mir tun, wenn ich es in der Münzanstalt auf den Tisch lege und verlange, daß es gewogen wird?"

"Nichts, im Endeffekt ... wenn Sie bei Ihren Schwindelanfällen bleiben. Aber in der Zwischenzeit wird man Ihnen das Leben sauer machen." Er sah das Gold an. "Ich meine, Sie sollten ein bißchen Erde darüberstreuen."

"Es vergraben?"

"So weit brauchen Sie nicht zu gehen. Aber wenn das stimmt, was Sie eben sagten, haben Sie das Gold in den Bergen gefunden. Prospektoren stoßen dort oft auf Gold."

"Tja ... wenn Sie meinen. Ich habe nichts gegen ein paar Lügen."

"Aber ist das eine Lüge? Wann haben Sie dieses Gold zum erstenmal gesehen?"

Ich versuchte nachzudenken. Am selben Tag, als ich Yuma verlassen hatte, also im Mai 2001. Vor etwa zwei Wochen ... Was??!"

"So ausgedrückt, John ... das früheste Datum, an dem ich dieses Gold gesehen habe, war ... heute, am 3. Mai 1970!"

Er nickte.

"Sie haben es also im Gebirge gefunden."

— Знаю. Я приобрел это золото законно. Я намерен продать его Монетному двору в Денвере за доллары.

— Может, ты ювелир?

— Нет. Джон, я сказал тебе сущую правду; хочешь — верь, а хочешь — нет. Там, откуда я, это продают в магазине, совершенно законно. А теперь я хочу обратить это в доллары, и чем скорее, тем лучше. Я знаю, что хранить это запрещено. Что мне будет, если я приду в Монетный двор и попрошу взвесить это?

— В конечном итоге ничего. Если будешь держаться версии о своих «припадках». Но пока поверят, могут крепко помотать нервы. — Он взглянул на золото. — Наверное, лучше его пока припрятать.

— Закопать, что ли?

— Ну, до этого дело не дойдет. Но если ты сказал мне правду, то... Давай так: ты нашел это золото в горах. Там ведь обычно старатели находят золото.

— Ну... как скажешь. Я могу немножко и солгать, без злого умысла — золото-то действительно мое и куплено законным путем.

— Какая же это ложь? Когда ты впервые увидел это золото? Назови дату: когда ты стал владельцем этого золота?

Я стал вспоминать. Это было в тот день, когда я уехал из Юмы. Значит, где-то в мае 2001-го. Недели две назад. Назад? Тыфу!

— Ну, скажем так, Джон... впервые — это самая ранняя дата! — я увидел это золото сегодня, третьего мая тысяча девятьсот семидесятого года.

Он кивнул.

— Ну вот, значит, нашел в горах.

Die Suttons blieben bis Montag früh, und ich tat dasselbe. Die anderen Clubmitglieder waren sehr freundlich, ohne sich durch besondere Neugierde gegenüber meinen Privatangelegenheiten hervorzutun. Seither habe ich erfahren, daß das in Nudistenclubs Ehrensache ist, aber damals erschienen sie mir als die diskretesten und höflichsten Menschen, denen ich je begegnet war.

John und Jenny hatten ihren eigenen Bungalow, und ich schlief auf einem Feldbett im Übernachtungsraum des Klubhauses. Es war verteufelt kühl. Am nächsten Tag gab mir John ein Hemd und Bluejeans. Meine eigene Kleidung war, um das Gold gewickelt, in einer Tasche in seinem Wagen verstaut – einem Jaguar Imperator, was allein schon bewies, daß er kein Winkeladvokat sein konnte. Aber darüber war ich mir von Anfang an klar gewesen.

Dann übernachtete ich bei den beiden, und am Dienstag hatte ich schon etwas Geld in der Tasche. Ich bekam das Gold nie mehr zu Gesicht, aber im Laufe der nächsten Wochen übergab mir John den genauen Gegenwert in Dollars abzüglich der üblichen Goldkäufergebühren. Ich weiß, daß er mit der Münzanstalt nicht direkt verhandelte, weil er mir stets Quittungen von Goldkäufern brachte. Für seine eigenen Dienste verlangte er nichts. Er erzählte mir auch keine Einzelheiten.

Mir war das gleichgültig. Als ich wieder über Bargeld verfügte, machte ich mich an die Arbeit. An diesem ersten Dienstag, dem 5. Mai 1970, fuhr mich Jenny durch die Gegend, und ich mietete ein kleines Atelier. Ich stattete es mit einem Zeichentisch, einer Werkbank, einem Feldbett und sonst sehr wenig aus; Gas, Wasser und eine Toilette waren vorhanden. Mehr brauchte ich nicht; außerdem mußte ich jeden Cent zweimal umdrehen.

Саттоны не собирались уезжать до утра понедельника, и я тоже остался в клубе. Другие члены клуба были очень дружелюбны, но удивительно нелюбопытны — никто не совал нос в мои личные дела. Мне еще не доводилось бывать в таких компаниях. Потом-то я узнал, что это — стандартный признак хороших манер в нудистских клубах. Но тогда они показались мне самыми вежливыми и воспитанными людьми на свете.

У Джона и Дженни был отдельный домик. Я устроился на койке в клубном общежитии. Там было чертовски свежо. Наутро Джон раздобыл мне рубашку и пару джинсов. Моя одежда с завернутым в нее золотом была спрятана в багажник его машины — между прочим, «ягуар-император»; сразу видно, что хозяин — приличный человек, не рвань. Но это и так было ясно по его манерам.

Я заночевал у них, и ко вторнику у меня уже было немного денег. Золота я с тех пор не видел, но в течение следующих двух недель Джон вручил мне его точную стоимость за вычетом обычных комиссионных, что берут ювелиры. С Монетным двором он напрямую не стал связываться — я это знаю, потому что видел квитанции от скупщиков золота. За свои услуги он с меня ничего не взял и никаких подробностей не сообщил.

Меня они, впрочем, и не интересовали. Появились деньги — появились и дела. Еще в тот, первый вторник — пятого мая — мы с Дженни немного покрутились по округе на ее машине и нашли подходящую квартиру. Я привез туда кульман, верстак, армейскую койку и, пожалуй, почти ничего больше. Свет, газ, вода и туалет там были. Больше мне ничего и не надо, подумал я: надо было беречь каждый цент.

Es war sehr mühsam und außerdem Zeitverschwendungen, nach der alten Methode zu zeichnen, und mir blieb keine freie Minute. Ich baute also, bevor ich mich ›Vielzweck-Frank‹ zuwandte, den ›Mal-Max‹ neu. Diesmal wurde ›Vielzweck-Frank‹ allerdings zu ›Proteus-Pete‹, dem Allzweck-Automaten, der alle menschlichen Tätigkeiten ausführen konnte, wenn meine Thorsen-Röhren entsprechend programmiert waren. Ich wußte, daß ›Proteus-Pete‹ nicht so bleiben würde; seine Nachkommen mußten sich zu einer Horde spezialisierter Geräte entwickeln, aber ich wollte die Patentierungsgrundlagen so umfassend wie möglich gestalten.

Für einen Antrag auf Patentierung benötigt man keine Modelle, nur Zeichnungen und Beschreibungen. Ich brauchte aber gute Modelle, die fehlerlos arbeiteten und die jeder Mensch vorführen konnte, weil sich diese Geräte selbst verkaufen mußten und durch ihre praktische Konstruktion und Wirtschaftlichkeit zu zeigen hatten, daß sie nicht nur funktionierten, sondern auch eine gute Anlage darstellten; im Patentanwaltsbüro wimmelte es von Geräten, die zwar funktionierten, aber wirtschaftlich gesehen, wertlos sind.

Die Arbeit ging zugleich schnell und langsam vonstatten, schnell, weil ich genau wußte, was zu tun war, und langsam, weil es mir sowohl an einer richtigen Werkstätte wie an fachmännischer Unterstützung gebrauch. Nach einiger Zeit griff ich widerwillig meine kostbaren Geldreserven an, um Werkzeug zu kaufen, und von da ab lief alles besser. Ich arbeitete vom Frühstück bis zu völliger Erschöpfung, sieben Tage in der Woche, bis auf ein Wochenende pro Monat, wenn ich mit John und Jenny zum Klub hinausfuhr. Am ersten September funktionierten beide Modelle, und ich konnte mit den Zeichnungen und Beschreibungen anfangen. Ich entwarf hübsche marmorierte Deckplatten und ließ sie mir anfertigen, die beweglichen Teile wurden verchromt; das waren die einzigen Arbeiten, die ich andere Leute tun ließ, und die Ausgaben taten mir weh, aber ich hielt sie für notwendig. Ich hatte natürlich in weitestem Umfang gebräuchliche Teile verwendet, andernfalls hätte ich die Geräte weder bauen können, noch wären sie wirtschaftlich verwendbar gewesen. Aber ich gab nicht gern Geld für äußerliche Feinheiten aus.

Чертить на старомодном кульмане было долго и утомительно, а времени у меня было в обрез. Сначала я создал «Чертежника Дэна», а затем воссоздал «Салли», только на этот раз «Салли» стала «Питом» — многоцелевым автоматом, способным делать почти все, что может человек, при условии правильной накачки его торсоновских ячеек. Я знал, что «Пит» недолго останется таким: его потомки — целая орда! — станут устройствами специализированными. Просто я хотел максимально расширить формулу изобретения.

Для получения патента не надо действующих моделей — только чертежи и описания. Модели были нужны мне самому — такие модели, которые будут работать безупречно, которые сможет демонстрировать любой инженер. Они должны быть такими, чтобы было сразу видно — они практичны, они экономичны, их будут покупать, если начать их серийный выпуск, это выгодное помещение капитала. Патентное ведомство набито чертежами устройств, которые работают, но в коммерческом отношении никчемны.

Работа шла и быстро и медленно: быстро — потому что я точно знал, что я делаю; медленно — потому что у меня не было ни инструмента, ни помощников. Скрепя сердце я истратил немногие деньги на инструменты, и дело пошло живее. Работал я с утра и до упаду, семь дней в неделю, и только раз в месяц проводил уик-энд с Джоном и Дженниф в этом их голозадом клубе под Боулдером. К первому сентября обе модели у меня работали как надо, и я засел за описания и чертежи. Внешнюю отделку по своим чертежам я заказал в одной фирме; там же мне отхромировали все подвижные наружные части. Это было единственное, что я не стал делать сам, и хотя мне было очень жаль тратить на это деньги, это было необходимо. Разумеется, я на сто процентов использовал возможности каталогов готовых запасных частей: без стандартных компонентов я бы не сумел сделать свои игрушки, да и после этого их коммерческая ценность была бы невелика. Но я не любил тратить деньги на заказное украшательство.

Viel Zeit für andere Dinge blieb mir nicht, was vielleicht auch sein Gutes hatte. Als ich einmal einen Servomotor kaufte, traf ich einen Mann, den ich von Kalifornien her kannte. Er sprach mich an, und ich gab ihm Antwort, ohne richtig nachzudenken.

"He, Dan! Dan Davis! So ein Zufall. Ich dachte, Sie wären in Mojave!" Wir schüttelten uns die Hände.

"Nur eine kurze Geschäftsreise. Ich fahre in ein paar Tagen zurück."

"Ich fahre heute nachmittag heim. Ich werde Miles anrufen und ihm sagen, daß wir uns getroffen haben."

Ich machte ein besorgtes Gesicht, was mir nicht schwerfiel.

"Tun Sie das bitte nicht."

"Warum nicht? Seid ihr beiden nicht Geschäftspartner?"

"Das schon, aber ... passen Sie auf, Miles weiß nicht, daß ich hier bin. Ich sollte eigentlich in Albuquerque für die Firma geschäftliche Dinge erledigen. Ich habe aber aus privaten Gründen einen Abstecher gemacht. Verstehen Sie? Mit der Firma hat das nichts zu tun. Und mit Miles möchte ich nicht darüber sprechen."

Er sah mich vielsagend an.

"Weibergeschichten?" "Äh ... ja." "Ist sie verheiratet?"

"So ungefähr."

Er stieß mich in die Rippen und kniff ein Auge zu.

"Kapiert. Der alte Miles ist ein Puritaner, was? Na schön, ich halte Ihnen die Stange, und Sie tun dasselbe einmal für mich. Ist sie Klasse?"

На разъезды времени у меня почти не было, и слава Богу. Однажды, покупая сервомотор, я наткнулся на одного типа из Калифорнии. Он окликнул меня, и я ответил, не успев подумать.

— Эй, Дэн! Дэнни Дэвис! С ума сойти: встретить тебя здесь. А я думал, ты в Мохаве. — Мы обменялись рукопожатиями.

— Заехал ненадолго по делам. Через несколько дней вернусь.

— А я — сегодня к вечеру. Позвоню Майлсу, скажу, что виделся с тобой.

Моя тревога, видимо, отразилась на моем лице.

— Вот этого не надо.

— А чего? Вы же с Майлсом такие закадычные друзья — водой не разлить.

— Ну... знаешь, Морт, Майлс не знает, что я здесь. Мне сейчас положено быть в Альбукерке по делам фирмы. Но я на денек смотался потихоньку сюда, по сугубо личным делам. Усекаешь? К делам фирмы это не относится. И мне бы не хотелось обсуждать эти вопросы с Майлсом.

Он взглянул на меня понимающе.

— Женщина?

— Ммм... да. — Замужняя? — Ну, можно сказать, что так.

Он толкнул меня в бок локтем и подмигнул.

— Я усек. Старина Майлс у нас таких твердых правил, да? Окей, я тебя прикрою. Другой раз, глядишь, и ты меня прикроешь. Она как, ничего?

Hol dich der Teufel, dachte ich, alter Lüstling.

Mort gehörte zu der Sorte von Vertretern, die mehr Zeit damit zubringen, Kellnerinnen zu verführen, als ihre Ware an den Mann zu bringen – außerdem taugen seine Sachen nichts.

Ich lud ihn aber zu einem Drink ein, erzählte ihm ein Märchen über die ›verheiratete Frau‹ und hörte zu, während er mir von seinen grandiosen Erfahrungen berichtete. Dann schüttelte ich ihn ab.

Bei einer anderen Gelegenheit versuchte ich, Dr. Twitchell zu einem Drink einzuladen, das aber fehlschlug.

Ich hatte mich in einem Drugstore an der Champastreet neben ihm an die Theke gesetzt und im Spiegel plötzlich sein Gesicht erkannt. Mein erster Impuls war, unter die Theke zu kriechen.

Dann nahm ich mich zusammen und sah ein, daß von allen 1970 lebenden Menschen er der einzige war, über den ich mir keine Sorgen zu machen brauchte. Nichts konnte schiefgehen, weil nichts schiefgegangen war ... ich meine ›schiefehen würde‹. Nein – dann verzichtete ich auf weitere Formulierungen, weil mir klarwurde, daß die englische Grammatik neue Zeitformen einführen müßte, wenn Zeitreisen jemals aktuell werden sollten.

Auf jeden Fall, Vergangenheit, Zukunft oder sonstwas, Twitchell konnte mir nichts anhaben. Ich atmete auf.

«Я бы тебя лопатой прикрыл, трепло паршивое», — подумал я. Мортон был дрянной коммивояжер, потому что тратил больше времени, охмуря официанток, чем занимался своими прямыми обязанностями. Да и товар, который он пытался сбыть своим покупателям, был весь в него — такой же дрянной, совершенно не соответствующий тому, что написано в рекламе.

Но я поставил ему выпивку и потчевал разными байками про «замужнюю женщину». Пришлось выслушать и его похвальбу о его, я уверен, столь же вымышленных похождениях. Еле удалось от него отделаться.

В другой раз я попытался угостить выпивкой доктора Твитчела, и безуспешно.

Я случайно сел рядом с ним в баре на Чамп-стрит и увидел его лицо в зеркальной стене напротив. Первым моим желанием было спрятаться под стойку.

Потом я опомнился и сообразил, что из всех живущих в 1970-м его можно опасаться меньше всего. Все должно быть в порядке, потому что все было в порядке в 2001-м... то есть не было, а будет... нет, не так... Тут я бросил свои попытки сформулировать эту мысль: ясно, что если путешествия во времени станут явлением массовым, то к грамматике английского языка придется добавить еще несколько времен для передачи подобных ситуаций. По сравнению с такими сложными наклонениями латинский или литературный французский покажутся примитивными.

В любом случае, в будущем, в прошлом ли, Твитчела мне сейчас опасаться не приходилось. Можно было расслабиться.

Ich studierte sein Gesicht im Spiegel und fragte mich, ob ich von einer zufälligen Ähnlichkeit genarrt worden war. Aber nein, Twitchell hatte kein Durchschnittsgesicht wie ich; er besaß Strenge, Selbstsicherheit und ein wenig Arroganz verratende Züge, die gut zu einem Zeus gepaßt hätten. Ich erinnerte mich dieses Gesichts nur als Ruine, aber es gab keinen Zweifel – und ich schämte mich sehr, als ich an den alten Mann dachte und an die Art, wie ich mit ihm umgesprungen war. Ich grubelte nach, wie ich das gutmachen konnte.

Twitchell fing meinen Blick im Spiegel auf und drehte sich zu mir herüber.

"Ist irgend etwas?"

"Nein. Äh ... Sie sind doch Dr. Twitchell, nicht wahr? Von der Uni?"

"Universität von Denver, ja. Kennen wir uns?"

Beinahe wäre ich ausgerutscht, weil ich vergessen hatte, daß er in diesem Jahr noch an der Universität der Stadt lehrte. Sich in zwei Richtungen zu erinnern ist schwer.

"Nein, Doktor. Aber ich habe einige Ihrer Vorträge gehört. Ich bin sozusagen einer Ihrer Fans."

Er lächelte schwach, ging aber auf das Kompliment nicht ein. Daraus und aus anderen Dingen war zu erkennen, daß er Bewunderung noch nicht brauchte.

"Sind Sie sicher, daß Sie mich nicht mit irgendeinem Filmstar verwechseln?"

"Ganz sicher. Sie sind Dr. Hubert Twitchell ... der große Physiker."

Seine Mundwinkel zuckten wieder.

"Sagen wir lieber, daß ich Physiker bin. Oder jedenfalls sein möchte."

Я разглядывал его лицо в зеркале и думал, что, наверное, это просто похожее лицо. Но тут ошибки быть не могло: в отличие от меня, у Твичела было очень своеобразное лицо: решительное, уверенное, чуть надменное и очень привлекательное. Лицо Зевса. Я вспомнил, как изменилось это лицо за тридцать лет. Но сомнений быть не могло. Мне стало стыдно за то, как я обошелся со стариком. Как бы это... компенсировать?

Твичел заметил, что я рассматриваю его отражение в зеркале, и повернулся ко мне.

— В чем дело?

— Э-э... вы — доктор Твичел, не так ли? Из университета?

— Из Денверского университета, сэр. Мы встречались?

Я чуть не проболтался: я забыл, что в семидесятом он еще преподавал в городском университете. Трудно вспоминать сразу в две стороны.

— Нет, доктор. Но я был на ваших лекциях. Можно сказать, что я — один из ваших поклонников.

Он усмехнулся, но на лесть не поддался. Из этого — и некоторых других признаков — я сделал вывод, что у него пока не возникло настоятельной потребности в лести окружающих: он был уверен в себе, и его волновала только его самооценка.

— А вы уверены, что не приняли меня за какого-нибудь киноактера?

— Ну что вы! Нет! Вы — доктор Хьюберт Твичел. Великий физик.

Усмешка снова скривила уголки его рта.

— Физик. Скажем так. Просто физик. Во всяком случае, стараюсь быть физиком.

Wir unterhielten uns eine Weile, und ich versuchte, ihn einzuladen, nachdem er sein Sandwich verzehrt hatte. Er schüttelte den Kopf.

Мы немного поболтали о том о сем. Я попытался не отстать от него и после того, как он доел свой сэндвич. Я сказал, что буду очень польщен, если он позволит угостить его рюмочкой коньяка или виски. Он отрицательно покачал головой.

"Ich trinke kaum etwas, und vor dem Abend überhaupt nicht. Trotzdem vielen Dank. Hat mich sehr gefreut. Wenn Sie auf dem Gelände sind, können Sie mich ja einmal im Labor besuchen."

Ich sagte, daß ich es gerne tun würde.

Aber ich machte 1970 – beim zweitenmal also – nicht viele Fehler, weil ich diese Zeit verstand und auch die meisten Leute, die mich kennen konnten, in Kalifornien waren. Ich beschloß, ein eisiges und ablehnendes Gesicht aufzusetzen, falls mir noch einmal ein Bekannter über den Weg laufen sollte.

Aber Kleinigkeiten machen auch Ärger. Einmal klemmte ich mich in einem Reißverschluß ein, weil ich an die bequemen und weitaus sichereren ›Engsitz-Verschlüsse‹ gewöhnt war. Viele Nebensächlichkeiten dieser Art gingen mir sehr ab, nachdem ich zuerst sechs Monate gelernt hatte, sie für selbstverständlich zu halten. Rasieren – ich mußte wieder anfangen, mich zu rasieren! – Einmal schnappte ich sogar eine Erkältung auf. Dieser gräßliche Geist aus der Vergangenheit tauchte wieder auf, weil ich vergessen hatte, daß bei Regen Kleidung durch und durch naß wird. Diese feinen Ästheten, die über den Fortschritt schimpfen und von den grandiosen Schönheiten der Vergangenheit faseln, hätten das nur einmal miterleben sollen – Teller, auf denen das Essen kalt wird, Hemden, die man waschen muß, Badezimmerspiegel, die sich beschlagen, wenn man sie braucht, tropfende Nasen, Dreck am Boden und Schmutz in der Lunge – ich hatte mich an eine schönere Lebensweise gewöhnt, und 1970 brachte mir eine Reihe von Unannehmlichkeiten, bis ich wieder im eingefahrenen Gleis war.

— Я вообще мало пью, а уж в такую рань — никогда. Но все равно спасибо. Было очень приятно познакомиться.
Заглядывайте ко мне в лабораторию, если будете в университете.

Я сказал, что когда-нибудь непременно загляну.

Но вообще я не часто допускал подобные проколы в семидесятом (я имею в виду свое повторное пребывание в этом времени), потому что время было все-таки знакомое, понятное, а большинство из тех, кто мог узнать меня, жили в Калифорнии. Но я решил больше не рисковать: если я еще раз увижу знакомое лицо, то сделаю вид, что я — не я и что я его в упор не узнаю.

Но даже мелочи способны портить жизнь. Однажды я не мог застегнуть «молнию» — отвык. Застежки на «стиктайт» гораздо удобнее. Всего за шесть месяцев я так привык к многим мелочам 2001 года, что очень страдал от их отсутствия. Пришлось снова начать бриться. Однажды я простудился: это случилось из-за того, что я забыл о способности одежды промокать под дождем. Сюда бы этих эстетов-консерваторов, что вечно хают прогресс и восхваляют «добрые старые времена»: тарелки, в которых пища остывает; рубашки, которые надо гладить; зеркала ванных комнатах, которые запотевают именно тогда, когда надо в них посмотреться. Простуды. Грязь под ногами. Грязь в легких. Я уже привык жить лучше, и семидесятый год постоянно раздражал меня по мелочам.

Aber ein Hund gewöhnt sich an seine Flöhe, und so ging es mir auch. Denver 1970 war ein wunderlicher Ort mit altmodischem Gehabe; ich fühlte mich sehr wohl dort. Es glich in nichts dem Neuen-Plan-Labyrinth, das es gewesen war oder sein würde –, als ich von Yuma hier angekommen war – oder ankommen würde. Es hatte noch nicht einmal zwei Millionen Einwohner, es gab auf den Straßen noch Omnibusse und anderen Fahrzeugverkehr – es gab noch Straßen! Ich hatte nicht die geringsten Schwierigkeiten, die Colfax-Avenue zu finden.

Denver war immer noch im Gewöhnungsprozeß begriffen, sich als Hauptstadt des Landes zu fühlen, und es schien die Rolle nicht allzu gern zu spielen, wie ein junger Mann, der zum erstenmal einen Frack trägt. Denver sehnte sich immer noch nach Stiefeln und dem Western-Dialekt, obwohl es erwachsen und zu einer internationalen Metropole geworden war, mit Botschaften, Spionen und berühmten Feinschmeckerlokalen. Die Stadt hatte sich blindlings in alle Richtungen ausgedehnt, um für die Bürokraten, Lobbyisten, Kontaktleute und Schreibkräfte Platz zu schaffen; man ließ die Gebäude so rasch hochschnellen, daß jedesmal die Gefahr bestand, eine Kuh könne noch mit eingemauert werden. Trotzdem erstreckte sich die Stadt nur wenige Kilometer östlich vorbei an Aurora, nördlich nach Henderson und südlich ins Bergland hinauf, und die Bundesbehörden verkrochen sich unter dem Gebirge.

Mir gefiel Denver in seinem Bundesrausch. Trotzdem war ich nur darauf bedacht, in meine eigene Zeit zurückzukehren.

Es lag immer an den Kleinigkeiten. Ich hatte mir die Zähne kurz nach der Einstellung in die ›Dienstboten-AG‹ vollkommen reparieren lassen, als ich es mir zum erstenmal leisten konnte. Nie hatte ich erwartet, noch einmal einen Zahnarzt aufzusuchen zu müssen. Trotzdem, 1970 gab es keine Anti-Karies-Pillen, und ich bekam in einem Zahn ein Loch, das sehr weh tat. Ich ging also zu einem Dentisten. So wahr ich lebe, ich hatte vergessen, was er sehen würde, wenn er in meinen Mund schaute. Er riß die Augen auf, drehte seinen Spiegel und sagte: "Unglaublich! Wer ist Ihr Dentist?"

Но, как говорится, собака привыкает к своим блохам; привык и я. В 1970-м Денвер был своеобразным городом — изящным, со старомодным оттенком. Я даже полюбил его. Ничего похожего на те строения Нового плана, которые я увидел (или увижу?), когда приехал (или приеду!?) туда из Юмы. В городе еще было менее двух миллионов населения. По улицам (улицы еще были) ходили автобусы (автобусы тоже еще были!) и другой колесный транспорт. И Колфакс-авеню я нашел без труда.

Денвер еще только привыкал к своему новому статусу столицы, и чувствовалось, что ему эта роль не по нутру, словно подростку, впервые надевшему строгий вечерний костюм. Ему по-прежнему был по душе звон бубенчиков на высоких ковбойских ботинках, хотя город и чувствовал, что придется расти и становиться столицей огромной страны, метрополией, с посольствами, шпионами и изысканными ресторанами. Город рос во все стороны, как гриб после дождя, чтобы хватало места бюрократам и лоббистам, резидентам и машинисткам. Стены возводились с такой быстротой, что приходилось проверять, не попала ли в их кольцо случайно забредшая на стройплощадку с ближайшего пастбища корова. Но в ширину город не очень разросся: всего на несколько миль от Аврора-стрит на восток, от Хендерсон-авеню на север и от Литтлтон-бульвара на юг. Если ехать к Академии BBC, то до нее еще осталось несколько миль открытого пространства. На западе город, понятное дело, уходил в горы, и федеральные чиновники уже бродили по подземным туннелям.

Денвер периода федерального бума мне нравился. Но мне так не терпелось вернуться в свое время!

И все из-за мелочей. Вскоре после того, как я поступил на работу в «Золушку», я мог себе позволить залечить все зубы. Я уже думал, что мне никогда больше не придется идти к дентопластологу. Но тут, в семидесятом, у меня не было антикариесных таблеток, и вскоре в одном из зубов образовалось дупло. Зуб болел, а то бы я не обратил на это внимания. Пришлось идти к дантисту. Вот провалиться мне: я просто забыл, что он увидит у меня во рту. Он заморгал, завертел зеркальцем и воскликнул:

"Kaa hoo haak?" Er nahm die Hand aus meinem Mund.

— О господи! Кто вас лечил?!

"Wer hat das gemacht?

— Хо хы хохочихе?

Und wie hat er das gemacht?"

Он убрал свои лапы у меня изо рта.

"Was?"

— Кто занимался вашими зубами?

Sie meinen die Zähne? Ach, das ist Experimentalarbeit, wie sie jetzt in ... Indien betrieben wird."

— А? Ну, это в экспериментальном порядке, это... в Индии.

"Wie wird das gemacht?"

— Но как они это делают?!

"Woher soll ich das wissen?"

— А я откуда знаю?

"Hm ... einen Augenblick mal. Ich muß da ein paar Aufnahmen machen." Er begann an seiner Röntgen-Apparatur herumzudrehen.

— Хм-м... подождите минутку. Я сделаю снимок. — Он стал снимать чехол с трубки рентгеновского аппарата.

"Nein, nein", sagte ich. "Räumen Sie aus, füllen Sie das Loch mit irgend etwas und machen Sie Schluß."

— Э-э, нет, — запротестовал я. — Обработайте мне лучше полость в зубе, законопатьте его чем-нибудь, и я пошел.

"Aber ..." "Tut mir leid, Doktor. Ich habe es furchtbar eilig."

— Но... — Извините, доктор, но я страшно тороплюсь.

Er tat, was ich verlangte, nur von Zeit zu Zeit betrachtete er mein Gebiß. Ich bezahlte bar und hinterließ meinen Namen nicht. Ich hätte ihm eigentlich die Bilder gönnen sollen, aber ich konnte nicht mehr aus meiner Haut heraus, ich mußte alle Spuren verwischen. Es hätte sicher nicht geschadet, ihn die Aufnahmen anfertigen zu lassen, aber auch nichts genützt, weil aus den Röntgenaufnahmen nicht zu erkennen sein würde, wie die Regeneration vor sich ging; ich hätte ihm das auch nicht erklären können.

Он выполнил мою просьбу, то и дело отрываясь от работы, чтобы снова и снова взглянуть на мои зубы.

Я заплатил наличными, а не чеком, так что имя мое так и осталось ему неизвестно. Наверное, можно было разрешить ему сделать снимок, но осторожность уже вошла у меня в привычку. Никакого вреда бы не было, сделай он тот снимок. И пользы тоже: на снимке все равно не было бы видно, как была проведена регенерация моих зубов. А рассказать ему я не мог, потому что ничего в этом не понимаю.

Um etwas zu erledigen, gibt es keine bessere Zeit als die Vergangenheit. Während ich sechzehn Stunden am Tag über ›Mal-Max‹ und ›Proteus-Pete‹ schwitzte, erledigte ich mit der linken Hand nebenbei etwas anderes. Über Johns Kanzlei beauftragte ich anonym eine gute Detektei mit Nachforschungen über Bettys Vergangenheit. Ich steuerte ihre Anschrift, sowie Kennzeichen und Fabrikat ihres Wagens bei – von Lenkrädern kann man meist sehr gute Fingerabdrücke nehmen – und deutete an, sie könne hier und dort schon ein paarmal verheiratet gewesen und vielleicht auch vorbestraft sein. Ich mußte mit dem Geld vorsichtig umgehen; jene Art von Untersuchungen, wie man sie aus den Kriminalromanen kennt, war mir zu teuer.

Als ich nach zehn Tagen nichts gehört hatte, sagte ich meinem Geld Lebewohl, aber wenige Tage danach traf ein dicker Umschlag in Johns Anwaltskanzlei ein.

Betty war ein sehr tüchtiges Wesen. Sechs Jahre früher geboren, als sie zugab, war sie vor dem achtzehnten Lebensjahr schon zweimal verheiratet gewesen. Eine Ehe zählte nicht, weil der Mann schon eine Ehefrau hatte; ob sie vom zweiten geschieden war, ergab sich aus den Unterlagen nicht.

Seitdem hatte sie anscheinend noch viermal geheiratet, obwohl ein Fall nicht ganz belegt war; vielleicht handelte es sich um den ›Kriegerwitwen-Trick‹ mit Hilfe eines Mannes, der tot war und sich nicht wehren konnte. Sie war einmal geschieden worden, und einer ihrer Ehemänner hatte das Zeitliche gesegnet. Mit den anderen war sie vielleicht immer noch ›verheiratet‹.

Ihre Gastspiele vor der Polizei waren interessant, aber bestraft hatte man sie nur einmal, in Nebraska, und sie war damals mit Bewährungsfrist davongekommen. Beweis dafür waren nur die Fingerabdrücke, weil sie ihren Bewährungshelfern entschwand und ihren Namen wechselte. Die Detektei erkundigte sich, ob man die zuständige Behörde in Nebraska benachrichtigen sollte.

В собственном прошлом удивительно легко что-нибудь сделать. Пока я корпел по шестнадцать часов в день над «Дэном» и «Питом», я попутно сделал и еще одно важное дело. Анонимно, через юридическую фирму Джона, я заказал одному крупному детективному агентству провести проверку прошлого Беллы. Я дал им ее адрес, марку и номерной знак автомашины (на рулевом колесе хорошо сохраняются отпечатки пальцев) и высказал предположение, что она, вероятно, была уже замужем в разных местах и, возможно, за ней что-то числится у полиции. Настоящую проверку, вроде тех, про которые вы читали в книгах, я себе позволить не мог: приходилось беречь деньги.

Десять дней от них не было ни слуху ни духу, и я уже решил, что плакали мои денежки. Но еще через несколько дней Джону в контору принесли толстый пакет.

Оказалось, что Белла — девушка деловая. Она родилась на шесть лет раньше, чем сказала нам, к тому же успела пару раз выйти замуж еще до того, как ей стукнуло восемнадцать. Одно из этих замужеств, впрочем, было не в счет: у того типа уже была жена. Если она и развелась со вторым, то агентству это установить не удалось.

С тех пор она сходила замуж еще четырежды, хотя один из этих браков был сомнительным: скорее всего, она просто выдала себя за вдову погибшего на войне солдата (который был мертв и поэтому возразить не мог), чтобы получить соответствующие льготы. Еще один брак был расторгнут (она была ответчицей). Один из ее мужей умер. За остальными она, похоже, все еще числилась замужем.

В полиции на нее тоже имелось много интересного, но за уголовное преступление ее, как выяснилось, судили только однажды — в Небраске, и то срок не дали — выпустили под залог. Установить это удалось только по отпечаткам пальцев: она сбежала, сменила имя и завела новый номер в картотеке социального страхования. Агентство спрашивало, следует ли им сообщить обо всем этом полиции штата Небраска.

Ich verneinte; das hatte sich vor neun Jahren zugetragen, sie war nur wegen einer Glücksspielgeschichte verurteilt worden. Ich fragte mich, was ich wohl getan hätte, wenn man ihr Rauschgiftschmuggel hätte nachweisen können? Überlegte Entscheidungen haben ihre Komplikationen.

Ich war mit den Zeichnungen nicht ganz auf dem laufenden, und es wurde Oktober, bevor ich richtig zum Nachdenken kam. Ich hatte die Beschreibung noch immer nicht fertig, weil der Text mit den Zeichnungen parallel laufen mußte, und um die Anträge hatte ich mich überhaupt noch nicht gekümmert. Schlimmer noch, die Organisation war nicht vorbereitet; das konnte ich erst tun, sobald ich etwas Fertiges vorlegen konnte. Auch für die Aufnahme von Kontakten war noch keine Zeit geblieben. Ich begann zu glauben, daß ich einen Fehler gemacht hatte, als ich Dr. Twitchell nicht bat, mich um mindestens zweiunddreißig Jahre zurückzuschricken, statt um einunddreißig Jahre und drei lumpige Wochen; ich hatte die erforderliche Zeit unter- und meine Fähigkeit überschätzt.

Meinen Freunden, den Suttions, hatte ich die Geräte noch nicht gezeigt, nicht etwa, weil ich ihnen etwas verheimlichen wollte, sondern weil ich weder Gerede noch nutzlose Ratschläge brauchen konnte.

Am letzten Samstag im September sollte ich mit ihnen zum Club hinausfahren. Da ich schon im Verzug war, hatte ich die Nacht vorher durchgearbeitet und mich sehr früh von einem schrillen Wecker aus dem Schlaf reißen lassen, damit ich mich rasieren und fertigmachen konnte, bis sie vorbeikamen. Ich schaltete den ekelhaften Wecker ab und dankte dem Himmel, daß es im Jahre 2001 so etwas nicht mehr gab, dann nahm ich mich zusammen und wankte zum Drugstore an der Ecke, um anzurufen und mitzuteilen, daß ich nicht mitkommen könnte, ich müsse arbeiten.

Jenny sagte: "Danny, Sie übernehmen sich. Ein Wochenende im Freien wird Ihnen guttun."

"Ich kann nicht anders, Jenny. Ich muß das tun. Tut mir leid."

John meldete sich am zweiten Apparat und meinte: "Was soll denn dieser Unsinn?"

Я ответил, чтобы не беспокоились: она числилась в розыске уже девять лет, а обвинялась-то всего-навсего в том, что работала наводчицей у вымогателя. Интересно, подумал я: а что бы я ответил, будь это торговля наркотиками? Съездив в будущее, труднее принимать решения.

Я выбился из графика в работе над чертежами, и октябрь наступил быстрее, чем я рассчитывал. Описания я только набросал — они были тесно увязаны с чертежами, — а к формулам еще и не подступал. Хуже того: я еще не начал организовывать дело в целом, чтобы оно стало на ноги. Этого нельзя было сделать до тех пор, пока я не смогу продемонстрировать готовые действующие модели. На деловые контакты времени тоже не хватало. Я уже начал подумывать, что, наверное, зря не предложил доктору Твигчелу поставить регуляторы на тридцать два года вместо тридцати одного и жалких трех недель. Я недооценил необходимое мне время и переоценил свои силы.

Я не показывал свои игрушки Саттонам не потому, что хотел скрыть от них свою работу. Просто я не хотел бесконечных разговоров и бесполезных советов посреди незаконченной работы.

В последнюю субботу сентября мы договорились вместе поехать в клуб. Накануне, чувствуя, что не успеваю, я работал допоздна. Утром меня разбудил мучительный грохот будильника. Времени было в обрез, как раз чтобы побриться и собраться к тому времени, как они за мною заедут. Я нашарил кнопку будильника и нажал. Звон прекратился. Слава Богу, подумал я, что в 2001-м от таких дьявольских исчадий избавились. С трудом встав, я пошел в аптеку за угол — позвонить друзьям и предупредить, что я не могу поехать с ними: работать надо.

Ответила Дженн: — Дэнни, нельзя так вкалывать. Вот увидишь — после уик-енда на природе тебе станет лучше.

— Извини, Дженн, я не еду. Ничего не поделаешь, надо. Извини.

Джон снял трубку параллельного телефона и спросил: — Что за чушь?

"Ich muß arbeiten, John. Ich muß einfach.

Grüßen Sie die anderen schön von mir."

Ich ging wieder in mein Atelier, verbrannte einige Toastschnitten, briet ein paar Eier und machte mich wieder über ›Mal-Max‹ her.

Eine Stunde später hämmerten sie an meine Tür.

Keiner von uns dreien fuhr an diesem Wochenende aufs Land. Statt dessen führte ich beide Geräte vor. Jenny war von ›Mal-Max‹ nicht sehr beeindruckt – für Frauen, die nicht beruflich damit zu tun haben, ist das nicht das Richtige –, aber ›Proteus-Pete‹ verblüffte sie. Sie betrieb ihren Haushalt mit einem ›Dienstmädchen‹, Modell Zwei, und sah auf einen Blick, wieviel mehr mein Gerät leisten konnte.

Aber John erkannte die Bedeutung von ›Mal-Max‹ sofort. Als ich ihm zeigte, wie ich nur mit Hilfe von Tasten meine Unterschrift auf ein Blatt Papier setzen konnte, fanden seine Brauen kaum mehr nach unten.

"Du meine Güte, Sie werden ja Tausende von technischen Zeichnern damit auf die Straße werfen."

"Nein, ganz im Gegenteil. Der Mangel an Ingenieuren wird bei uns von Jahr zu Jahr deutlicher; dieses Gerät kann die Lücke ausfüllen helfen. In der nächsten Generation sehen Sie diese Maschine in jedem Ingenieur- und Architektenbüro im ganzen Land. Man wird dort ohne ›Mal-Max‹ so hilflos sein wie ein moderner Techniker ohne Maschinen."

"Sie reden ja, als wüßten Sie das alles schon ganz genau."

"Ich weiß es auch."

Er sah zu ›Proteus-Pete‹ hinüber – er hatte ihn beim Aufräumen meiner Werkstatt beobachten können –, dann wandte er sich wieder ›Mal-Max‹ zu.

"Danny ... manchmal glaube ich, daß Sie mir die Wahrheit gesagt haben, wissen Sie, als wir Sie kennenlernten."

– Джон, мне надо поработать. Просто никак не могу поехать. Привет ребятам.

Я вернулся домой, спалил пару тостов, подверг яичницу вулканизации и опять засел за «Чертежника Дэна».

Через час они забарабанили мне в дверь.

Ни один из нас в те выходные в клуб не попал. Вместо этого я устроил им демонстрацию своих произведений. «Чертежник Дэн» не произвел на Дженин большого впечатления (это не женская машина, если, конечно, женщина не инженер), но от «Пита» у нее были круглые глаза. Она ухаживала за домом с помощью «Золушки» второй модели и сразу увидела, насколько больше умеет моя машина.

Джон, напротив, сразу оценил значение «Дэна». А когда я показал ему, как я ставлю свою подпись, нажимая на клавиши, и подпись была явно моя (хотя, честно говоря, я тренировался), то он был просто в восторге.

– Дружище, ты же оставишь без работы тысячи чертежников!

– Не оставлю. Талантливых инженеров в этой стране все меньше с каждым годом. Моя машина просто поможет как-то заполнить эту брешь. Через одно поколение такие машины будут в каждой конструкторской или архитектурной конторе. По всей стране. И без этих машин люди будут как без рук. Как сегодня механик без электродрели.

– Ты говоришь так, словно знаешь наверняка.

– Я знаю наверняка.

Он взглянул на «Пита» – я отправил его убирать на моем верстаке, – перевел взгляд на «Дэна».

– Дэнни... иногда я думаю, что ты, наверное, сказал мне правду в тот день, когда мы встретились.

Ich zuckte die Achseln.

Я пожал плечами.

"Nennen Sie es Weitsicht, aber ich weiß Bescheid.
Ich bin mir ganz sicher. Spielt das eine Rolle?"

— Можешь назвать это даром предвидения... но я действительно знаю это. Я уверен. И разве это имеет значение?

"Wahrscheinlich nicht."

— Пожалуй, что нет. А что ты собираешься дальше делать с ними?

Ich runzelte die Stirn.

Я нахмурился.

"Das ist ja der Haken, John. Ich bin ein guter Ingenieur und ein ordentlicher Mechaniker, wenn es sein muß, aber kein Geschäftsmann; das habe ich schon bewiesen. Mit der Patentgesetzgebung haben Sie sich nie befaßt?"

— Вот в том-то и дело, Джон. Я хороший инженер; да и механик, когда приходится, неплохой. Но вот бизнесмен я никакой — уже проверено. Тебе патентным законодательством баловаться не доводилось?

"Das wissen Sie doch.
Hier nützt nur ein Fachmann etwas!"

— Я же тебе уже говорил. Это работа для специалиста.

"Kennen Sie einen ehrlichen Mann? Der außerdem noch äußerst geschickt ist? Ich kann nicht mehr so weitermachen. Ich muß auch eine Firma gründen und damit zurechtkommen und die Finanzierung ausarbeiten. Aber viel Zeit bleibt mir nicht. Ich habe es furchtbar eilig."

— А ты знаешь такого? Чтобы честный, но хитрый, как черт? Я теперь подошел к рубежу, когда мне нужен как раз такой. А еще мне надо учредить корпорацию, чтобы возиться со всем этим. И продумать вопросы финансирования. Но времени осталось немного: время меня просто поджимает.

"Warum?"

— Почему?

"Ich muß dorthin zurück, wo ich hergekommen bin."

— Пора возвращаться туда, откуда прибыл.

Er saß eine Weile da und schwieg. Schließlich meinte er: "Wie viel Zeit haben Sie?"

Довольно долго он сидел, не проронив ни слова. Наконец спросил: — Сколько у тебя есть времени?

"Äh, ungefähr neun Wochen. Neun Wochen vom kommenden Donnerstag ab, um genau zu sein."

— Ну, около девяти недель. Точнее, девять недель, начиная с ближайшего четверга.

Er sah zuerst die beiden Maschinen, dann wieder mich an.

Он посмотрел на мои машины, потом на меня.

"Revidieren Sie Ihre Pläne. Ich würde sagen, daß die Arbeit mindestens neun Monate in Anspruch nimmt. Selbst dann können Sie mit der Produktion noch nicht anfangen — oder gerade die ersten Geräte vom Fließband nehmen."

— Тебе придется пересмотреть свой график. Работы у тебя, по-моему, еще на девять месяцев. Да и то ты еще не сумеешь начать производство. Если повезет, ты только будешь готов его начинать.

"John, es geht nicht."

— Не могу, Джон.

"Eben."

— Прямо уж, не можешь!

"Ich meine, ich kann meine Pläne nicht ändern.
Das entzieht sich meiner Kontrolle ... jetzt jedenfalls."

— Я имею в виду, что этот график уже нельзя переделать. Это теперь не в моей власти.

Ich bedeckte das Gesicht mit den Händen. Ich war völlig erledigt, weil ich seit Tagen nicht mehr als fünf Stunden Schlaf gehabt hatte.

In meinem Zustand konnte ich beinahe glauben, daß das Schicksal unerbittlich war – daß man sich dagegen wehren, aber es nie besiegen kann.

Я уронил голову на руки. Я смертельно устал: в сутки мне удавалось спать часов пять, не больше. Я был так измотан, что уже был готов поверить в судьбу, в предзнаменование: бороться с судьбой можно, но победить — никогда.

Ich hob den Kopf.

Я поднял голову.

"Würden Sie das übernehmen?"

— Ты возьмешься за это дело?

"Ich? In welcher Beziehung?"

— А? За какую его часть?

"Alles. Ich habe getan, was ich konnte."

— За все. Я сделал все, что умел.

"Das ist eine große Sache, Dan. Ich könnte Sie bis aufs Hemd ausplündern. Das wissen Sie doch, nicht wahr? Sie haben vielleicht eine Goldgrube entdeckt."
"Das weiß ich."

— Это крупный заказ, Дэнни... А ведь я могу обчистить тебя. Ты это понимаешь?
Кстати, дело это может стать золотой жилой. —
Непременно окажется. Я знаю.

"Warum trauen Sie mir dann? Es wäre doch viel besser, Sie behielten mich als Anwalt, gegen Honorar."

— Тогда как же ты мне доверяешь? Тебе бы правильнее нанять меня консультантом, за определенное вознаграждение.

Ich versuchte nachzudenken, trotz der starken Kopfschmerzen. Ich hatte mir schon einmal einen Partner ausgesucht – aber man muß den Menschen doch einfach Vertrauen schenken, gleichgültig, wie oft man sich die Finger dabei verbrennt. Sonst wird man zum Eremiten in einer Höhle, der ein Auge nie ganz schließt, auch beim Schlafen nicht. Es gibt keine absolute Sicherheit; nur am Leben zu sein ist unheimlich gefährlich – ja, tödlich am Ende. "Mein Gott, John, Sie wissen die Antwort doch."

Голова болела и мешала мне думать.
Однажды я уже взял себе партнера и доверился ему. Но, черт возьми, сколько ни обжигайся, все равно надо верить людям. Иначе будешь спать с открытыми глазами, как заяц. Застраховаться от этого невозможно. Жить вообще смертельно опасно: от этого умирают. В конце.

Sie haben mir auch Vertrauen geschenkt. Jetzt brauche ich wieder Ihre Hilfe. Wollen Sie mir helfen?"
"Natürlich will er", sagte Jenny sanft.

— Господи, Джон, ты же знаешь ответ. Ты мне поверили. Теперь мне опять нужна твоя помощь. Я могу на нее рассчитывать?

"Obwohl ich nicht gehört habe, wovon ihr beiden sprecht. Danny, kann er Geschirr spülen? Alle Teller hier sind schmutzig."

"Was, Jenny? Na, sicher kann er das."

"Dann befehlen Sie ihm, bitte. Ich möchte es sehen."

"Oh, ich habe ihn nie darauf programmiert. Er schafft es, wenn Sie wollen. Aber das dauert ein paar Stunden.
Natürlich kann er es von diesem Augenblick an blind. Beim erstenmal dagegen ... nun, sehen Sie, beim Geschirrwaschen gibt es eine Menge von Alternativlösungen. Die Arbeit verlangt ›Urteilsvermögen‹, sie ist nicht so einfach und schematisch wie Mauern errichten oder einen Lastwagen steuern."

"Bravo! Ich bin froh, daß wenigstens ein Mann etwas vom Haushalt versteht. Hast du gehört, was er gesagt hat, Liebster? Aber bringen Sie es ihm jetzt nicht bei, Danny. Ich spüle selbst ab." Sie sah sich um.
"Danny, Sie haben sich wie ein Ferkel hier aufgeführt, um es milde auszudrücken."

Um ganz ehrlich zu sein, mir war nie eingefallen, daß ›Pete‹ auch für mich arbeiten konnte. Ich war in der Planung vergraben gewesen, wie er Arbeiten für andere Leute in ihren jeweiligen Berufen verrichten konnte, und brachte ihm das stufenweise bei, während ich den Schmutz in die Ecke kehrte oder einfach ignorierte.

Jetzt begann ich, ihm alle Haushaltstätigkeiten beizubringen, die ›Vielzweck-Frank‹ erlernt hatte; er besaß die Kapazität dafür, weil er dreimal soviel Thorsen-Röhren enthielt wie ›Frank‹. Ich hatte Zeit dazu, weil John sich an die Arbeit machte.

— Конечно, можешь, — мягко вклинилась, входя в комнату, Дженнини, — хотя я и не слышала, о чем вы тут говорили. Дэнни, а твоя машина может мыть посуду? Ни одной чистой тарелки нету.

— Что, Дженнини? Наверное, может. Ну конечно, может.

— Тогда скажи ей, пусть вымоет. Я хочу посмотреть.

— Ой... Я ее на это занятие не программировал. Сейчас сделаю, раз ты хочешь. Только чтобы сделать это как следует, понадобится несколько часов. После этого, конечно, «Пит» сможет это делать. А вот в первый раз... Понимаешь, мытье посуды требует принятия множества оперативных решений. Это — в определенной степени умственная работа, понимаешь? Это же не такая примитивная штука, как класть кирпичи или водить грузовик.

— Слышали?! Наконец-то нашелся мужчина, который понял, что такое домашняя работа. Ты слышал, что он сказал, дорогой? Не надо, Дэнни, не отвлекайся на его обучение сейчас. Я сама вымою.
— Она огляделась по сторонам. — Да, Дэнни, мягко говоря, живешь ты, как свинья.

Честно говоря, я совершенно упустил из виду, что «Пит» может работать и на меня. Я слишком увлекся, «обучая» его работать на других, заряжая его различными профессиональными навыками, а сам просто заметал мусор в угол или не обращал на грязь в доме внимания.

Теперь я начал учить его всяким домашним делам. Емкости его «мозга» на это хватало: я установил в него втрое больше торсеноовских ячеек, чем было у «Салли». И время у меня теперь на это было: дело взял в свои руки Джон.

Jenny tippte die Beschreibungen für uns; John warb einen Patentanwalt, der uns bei den Anträgen half. Ich weiß nicht, ob John in bar bezahlte oder ihm einen Anteil versprach; ich kümmerte mich nie darum. Ich überließ alles ihm, einschließlich der Aufteilung. Das gab mir nur freie Hand für meine Arbeit, ich sagte mir auch, daß er nie wie Miles in Versuchung geraten würde, wenn er solche Dinge selbst entschied. Offen gestanden war es mir auch egal; Geld an sich ist unwichtig. Entweder John und Jenny waren, wofür ich sie hielt, oder ich konnte mich gleich als Eremit in eine Höhle zurückziehen.

Nur auf zwei Einzelheiten bestand ich.

"John, ich glaube, wir sollten die Firma ›Die Aladin autotechnische Gesellschaft‹ nennen." "Kling ja recht ausgefallen."

Was hast du gegen ›Davis und Sutton‹?" "Ich muß darauf bestehen, John."

"So?

Spricht da auch deine Weitsicht aus dir?"

"Möglich, möglich. Wir verwenden ein Bild von Aladin beim Reiben seiner Lampe als Markenzeichen, mit aufsteigendem Geist dahinter. Ich mache einen Entwurf. Und noch eines: die Hauptniederlassung muß in Los Angeles sein."

"Was? Das geht aber doch zu weit, wenn ich den Laden leiten soll. Was paßt dir denn an Denver nicht?" "Ich habe gar nichts gegen Denver, die Stadt ist hübsch."

Дженни печатала нам описания. Джон нанял патентного поверенного — помочь составить формулы изобретений. Не знаю, заплатил ли ему Джон или дал участие в прибылях, — я не спрашивал. Я все оставил на его усмотрение, даже то, как разделить наши акции. Это не только позволяло мне заниматься своим делом. Я решил: если он сумеет по-честному решить этот вопрос, то уже никогда не поддастся искушению, как Майлс. И кроме того, я, честно говоря, не очень беспокоился об этом. Не настолько меня интересовали деньги сами по себе. Либо Джон и Дженни достойны моего доверия, либо придется подыскать себе пещеру и уйти в отшельники.

Я настаивал только на двух вещах.

— Джон, я считаю, что мы должны назвать корпорацию «Аладдин». Инженерно-конструкторская корпорация «Аладдин».

— Забавное название. А чем плохо «Дэвис энд Саттон»?

— Так надо, Джон.

— Что, опять твое предвидение тебе подсказывает?

— Возможно, возможно. Товарным знаком у нас будет изображение Аладдина, потирающего лампу, и появляющегося над нею джинна. Я тебе набросаю примерно. И еще одно: штаб-квартира корпорации пусть лучше будет в Лос-Анджелесе.

— Что? Это ты слишком уж многое хочешь. Если, конечно, ты хочешь, чтобы корпорацией управлял я. А чем тебе не подходит Денвер?

Aber für eine Fabrik als Standort eignet sie sich nicht! Such dir hier einen ordentlichen Platz aus, und eines schönen Morgens entdeckst du, daß die Bundesenklave dich überrollt hat und du aussteigen mußt, bis du ein neues Grundstück gefunden hast. Außerdem, die Arbeitskräfte sind hier rar. Rohstoffe müssen über Land herangeholt werden, Baumaterial bekommst du nur auf dem grauen Markt. In Los Angeles ist Personal unbegrenzt verfügbar, jeden Tag kommen neue Leute, Los Angeles ist ein großer Hafen, Los Angeles ist ..." "Und der Smog? Das lohnt sich nicht."

"Mit dem Smog wird man früher oder später fertig. Und ist dir noch nicht aufgefallen, daß Denver seinen eigenen Smog entwickelt?"

"Einen Augenblick, Dan. Du hast schon klargestellt, daß ich das Ganze leiten muß, während du dich irgendwohin verdrückst. Na schön, ich habe zugestimmt. Aber bei den Arbeitsbedingungen sollte ich doch auch ein Wörtchen mitzureden haben."

"Es ist einfach notwendig, John."

"Dan, niemand, der bei Verstand ist, zieht von Colorado nach Kalifornien. Ich war während des Krieges dort stationiert; ich kenne mich aus. Nimm bloß Jenny als Beispiel. Sie stammt aus Kalifornien, und sie schämt sich dessen. Du würdest sie nie dazu bringen, zurückzukehren. Hier gibt es einen Winter, veränderliche Jahreszeiten, eine angenehme Gebirgsluft, großartige ..." Jenny hob den Kopf.

"Oh, ich würde nicht so weit gehen, zu sagen, daß ich nie zurückgehen möchte."

"Was?"

Jenny hatte schweigend gestrickt; sie machte nie den Mund auf, wenn sie nicht wirklich etwas zu sagen hatte. Jetzt legte sie ihr Strickzeug weg, ein deutliches Zeichen.

— Да Денвер тут ни при чем. Отличный город.

Но фабрику тут открывать глупо: подберешь хорошее место для фабрики, построишь, а однажды этот федеральный анклав решит, что им это место нужнее, отберет, и ты остался без средств производства до тех пор, пока не построишь новую в другом месте. Кроме того, свободных рабочих рук мало, сырье возят за тридевять земель, строительные материалы можно купить только на черном рынке. А в Лос-Анджелесе квалифицированной рабочей силы хоть отбавляй, Лос-Анджелес — порт, Лос-Анджелес — это... — А как насчет смога?

Нет, мне это не по душе.

— Со смогом справится очень скоро. Поверь мне. А ты разве не заметил, что и в Денвере тоже появился смог?

— Ну, подожди минутку, Дэн. Я уже понял, что мне придется тут воевать, пока ты там где-то будешь проворачивать свои делишки. Окей, я согласен. Но у меня должно быть хотя бы право выбора решений, прежде всего — относительно условий труда!

— Так необходимо, Джон.

— Дэн, ни один человек в здравом уме не согласится переехать из Колорадо в Калифорнию. Наша часть стояла там во время войны, так что я знаю. Вот Джени, к примеру: она родилась в Калифорнии, это ее тайный позор. И она ни за какие деньги не согласится туда вернуться. Здесь есть зима, смена времен года, свежий горный воздух, прекрасные... Джени пристально посмотрела на него.

— Ну, я бы не стала утверждать столь категорично, что я никогда не соглашусь вернуться в Калифорнию.

— Что я слышу, дорогая?

Джени тихо вязала в уголке. Она никогда не открывала рта, если ей было нечего сказать. Сейчас она отложила вязанье — верный признак,

"Wenn wir umzögen, Liebling, könnten wir dem Oakdale-Klub beitreten. Dort kann man das ganze Jahr im Freien schwimmen."

Ich habe erst letztes Wochenende daran gedacht, als ich auf dem Schwimmbecken in Boulder Eis sah." Ich blieb bis zum Abend des 2. Dezember 1970, dem letzten möglichen Augenblick. Ich sah mich gezwungen, von John dreitausend Dollar auszuborgen – die Preise, die ich für Geräteteile gezahlt hatte, waren horrend –, aber ich bot ihm eine Aktienpfändung als Sicherheit an. Er ließ mich unterschreiben, dann zerriß er das Papier und warf die Fetzen in den Papierkorb.

"Bezahle, sobald du kannst."

"Das wird dreißig Jahre dauern, John."

"So lange?"

Ich überlegte.

Er hatte mich seit jenem Nachmittag vor sechs Monaten, als er zugab, das Entscheidende nicht glauben zu können, nie mehr gebeten, ihm meine ganze Geschichte zu erzählen.

Ich fand es jetzt an der Zeit, ihm alles zu berichten.

"Wecken wir Jenny? Sie hat auch ein Recht darauf, es zu hören."

"Mmm ... nein. Laß sie schlafen, bis du wegährst. Jenny ist ein sehr unkomplizierter Mensch, Dan. Es ist ihr egal, wer du bist oder woher du kommst, solange sie dich mag. Bescheid sagen kann ich ihr vielleicht auch später."

"Wie du meinst."

Er hörte sich alles an und füllte von Zeit zu Zeit die Gläser – das meine mit Ginger-Ale; ich hatte einen bestimmten Grund, keinen Alkohol anzurühren. Als ich bei der Landung auf einem Hügel außerhalb von Boulder angelangt war, machte ich eine Pause.

— Если бы мы перебрались туда, дорогой, то могли бы купить абонементы в клуб «Оукдейл». Там можно купаться в открытом бассейне круглый год. Когда в прошлые выходные я увидела ледок в бассейне в Боулдере, я подумала: как было бы здорово, если бы мы... Я оставался в Денвере до последней минуты – до второго декабря 1970 года. Мне пришлось занять у Джона три тысячи долларов: цены на компоненты были грабительские; но я предложил ему закладную на мои акции в обеспечение долга. Он подождал, пока я подпишу закладную, порвал ее и бросил клочки в мусорную корзинку.

— Вернешь, когда вернешься.

— Это будет только через тридцать лет, Джон.

— Так долго?!

Я задумался. Он ни разу не попросил меня рассказать ему все от начала до конца, с тех пор – шесть месяцев назад – когда заявил, что не верит в главное звено этого рассказа, но что все равно поручится за меня в клубе, несмотря на это.

Я сказал, что, по моему мнению, пора мне уже рассказать ему все как есть.

— Разбудим Джени? Она тоже имеет право знать.

— Ммм... нет. Пусть вздремнет, пока ты здесь. Разбудим, когда соберешься уходить. Джени – человек очень бесхитростный. Она не задается вопросами, кто ты и откуда, – ты ей понравился. Если ты считаешь, что ей надо знать все это, то я расскажу ей, когда она проснеться.

— Ну, как знаешь.

Он выслушал мой рассказ, не перебивая, только подливал в стаканы: мне – имбирного (у меня было основание не пить спиртного), себе – виски на донышке. Когда я добрался до места, как очутился на склоне горы в окрестностях Боулдера, я остановился.

"Das ist es", sagte ich schließlich. "Eine Weile kam ich da nicht ganz mit."

Ich habe mir die Stelle angesehen; mehr als einen dreiviertel Meter kann ich nicht hinuntergefallen sein. Wenn man den Boden tiefer ausgehoben hätte, wäre ich lebendig begraben worden. Wahrscheinlich hätte das auch euch beiden das Leben gekostet – wenn nicht die ganze Gegend in die Luft geflogen wäre. Ich weiß nicht genau, was passiert, wenn eine flache Welle sich dort in eine Masse zurückverwandelt, wo sich bereits eine andere Masse befindet."

John sog nachdenklich an seiner Zigarette.

"Na?" sagte ich. "Was hältst du davon?"

"Danny, du hast mir allerhand darüber erzählt, wie Los Angeles – ich meine ›Groß-Los-Angeles‹ – einmal aussehen wird. Ich sage dir Bescheid, wenn ich selbst sehen kann, wie genau deine Beschreibung zutrifft."

"Sehr genau, abgesehen von kleinen Irrtümern."

"Hm ... das klingt alles sehr logisch. Aber in der Zwischenzeit halte ich dich für den sympathischsten Irren, der mir je begegnet ist. Auf deine Fähigkeiten als Ingenieur hat das jedenfalls keinen Einfluß – auch nicht auf unsere Freundschaft. Ich mag dich."

Zu Weihnachten bekommst du eine neue Zwangsjacke von mir."

"Wie du meinst."

"Ich muß es mir so zurechtlegen. Die Alternative wäre, daß ich selbst total verrückt bin ... für Jenny ein schwieriges Problem." Er sah auf die Uhr. "Wir müssen sie jetzt aufwecken. Ich hätte nichts zu lachen, wenn ich dich gehen ließe, ohne daß ihr euch Lebewohl gesagt habt."

"Das würde ich auch nie tun."

Sie fuhren mich zum Flughafen von Denver, und Jenny gab mir einen Abschiedskuß. Ich bestieg die Elf-Uhr-Maschine nach Los Angeles.

— Вот, — сказал я. — Хотя я упустил из виду один момент. Я потом несколько раз смотрел на то место, куда свалился из будущего. Упал я с высоты не более полуметра. Если бы лабораторию построили – то есть если ее построят – чуть углубясь в гору, меня бы похоронило заживо. Вы оба при этом, наверное, тоже погибли бы. А может, и целый город: не представляю, что происходит, когда энергия превращается в массу в той точке, где уже есть другая масса.

Джон молча продолжал курить.

— Ну, — спросил я, — что ты думаешь?

— Дэнни, ты мне тут порассказал кучу вещей о том, каким станет Лос-Анджелес. То есть «Большой Лос-Анджелес». Когда мы увидимся, я скажу тебе, насколько верно ты угадал.

— Верно, не сомневайся. Разве что в мелочах память подвела.

— Хм... Звучит у тебя это логично. Но пока не увижу своими глазами, я буду считать, что ты — самый славный лунатик из тех, что мне доводилось видеть. Не сказать, чтобы ты от этого стал плохим инженером... или другом. Ты мне нравишься, парень. На Рождество я подарю тебе новую смирительную рубашку.

— Тебе виднее.

— А куда мне деваться? Иначе мне придется признать, что я сам начисто сошел с ума. А это будет очень неприятно Дженнин. — Он взглянул на часы. — Пожалуй, пора ее будить. Она с меня скальп снимет, если я отпущу тебя, не дав с нею попрощаться.

— Мне и в голову не пришло бы уехать, не попрощавшись с нею.

Они отвезли меня в Денверский международный аэропорт, и у ворот Дженнин поцеловала меня на прощание. Я успел на одиннадцатичасовой рейс на Лос-Анджелес.

Глава 11

•

Am folgenden Abend, dem 3. Dezember 1970, ließ ich mich von einem Taxi in der Nähe von Miles' Haus absetzen; ich ließ mir viel Zeit, weil ich nicht genau wußte, wann ich dort beim erstenmal angekommen war. Als ich mich dem Haus näherte, wurde es bereits dunkel, aber ich sah nur seinen Wagen am Randstein stehen. Ich zog mich etwas zurück und behielt die fragliche Stelle im Auge.

Zwei Zigarettenlängen später sah ich einen anderen Wagen dort halten und die Scheinwerfer löschen. Ich wartete noch einige Minuten, dann eilte ich hin. Es war mein eigener Wagen.

Ich hatte keinen Schlüssel, aber das war kein Hindernis; ich steckte immer bis über beide Ohren in technischen Problemen und vergaß oft meine Schlüssel; schon vor langer Zeit hatte ich mir angewöhnt, einen Ersatzschlüssel im Kofferraum aufzubewahren. Ich holte ihn hervor und setzte mich in den Wagen. Ich hatte an einer sanft abfallenden Stelle geparkt und konnte jetzt bis um die Ecke fahren, ohne Licht oder Motor einzuschalten. Erst als ich außer Sichtweite war, ließ ich den Motor an, fuhr zu dem kleinen Weg hinter Miles' Haus und parkte dort.

Miles' Garage war abgeschlossen. Ich starnte durch das schmutzige Fenster und sah einen mit Tüchern verdeckten Gegenstand. An den Umrissen konnte ich »Vielzweck-Frank« erkennen.

На другой день — третьего декабря 1970 года — таксист высадил меня за квартал от дома Майлса. Высадил достаточно загодя — я точно не знал, в котором часу я туда приехал в первый раз. Когда я подошел к дому, уже стемнело, но я разглядел, что у дома стоит только одна машина. Я остановился метрах в ста, в таком месте, откуда можно было наблюдать за этим участком улицы, и стал ждать.

Через пару сигарет я увидел, как подъехала другая машина, остановилась. Погасли фары. Я подождал для верности еще пару минут и поспешил к ней. Это была моя машина.

Ключей у меня не было, но это не беда: я так задумывался над своими техническими проблемами, что вечно терял или забывал ключи. Поэтому давным-давно я припрятал запасные в багажнике. Теперь я выудил их оттуда и влез в машину. Дорога в том месте, где стояла машина, шла немного под уклон. Не включая ни двигатель, ни фары, я выжал сцепление, и машина покатилась. Доехав до угла, я свернул, завел двигатель и, по-прежнему не включая фар, припарковал машину позади дома Майлса, рядом с воротами его гаража.

Гараж был заперт. Я заглянул в пыльное окошечко и увидел внутри какой-то предмет, накрытый брезентом. Судя по очертаниям, это была наша добрая старая «Салли».

Garagentüren vermögen einem entschlossenen Menschen kaum zu widerstehen – jedenfalls nicht im südlichen Kalifornien und im Jahre 1970. Ich schaffte es in wenigen Sekunden. ›Frank‹ in tragbare Teile zu zerlegen und in meinen Wagen zu verstauen, nahm längere Zeit in Anspruch. Aber zuerst schaute ich nach, ob die Notizen und Zeichnungen waren, wo ich sie vermutete – ich fand sie tatsächlich und warf sie auf den Wagenboden, dann nahm ich mir ›Frank‹ vor. Niemand wußte so gut wie ich, wie er zusammengesetzt war, und ich kam um so schneller vorwärts, als ich ohne Rücksicht auf Beschädigungen vorging; trotzdem war ich beinahe eine ganze Stunde beschäftigt.

Ich hatte eben das letzte Stück, das Rollstuhlchassis, im Kofferraum untergebracht und den Deckel heruntergelassen, als ich Pete heulen hörte. Ich verfluchte mich wegen der langen Zeitspanne, die mich ›Frank‹ gekostet hatte, lief um die Garage und erreichte den Garten hinter dem Haus. Dann begann das Schauspiel.

Ich hatte mir versprochen, jede Sekunde von Petes Triumph voll auszukosten. Aber ich sah nichts davon. Die hintere Eingangstür stand offen, und Licht strömte durch die Fliegengittertür, aber obwohl ich Laufschritte, Schreie, Petes Kriegsgebrüll und Poltern hörte, kamen sie nicht ein einziges Mal in mein Gesichtsfeld. Ich schlich also zur Gittertür in der Hoffnung, wenigstens einen Blick auf das Blutbad werfen zu können.

Die verdammte Tür war eingehängt. Bis auf diese Tatsache hatte bisher alles genau gestimmt. Fieberhaft suchte ich in meinen Taschen, brach mir einen Fingernagel beim Aufklappen des Messers an und konnte den Haken gerade noch rechtzeitig aus der Öse drücken, als Pete wie eine Rakete auf das Gitter zugeschossen kam.

Ich fiel über einen Rosenstrauch. Ich weiß nicht, ob Miles und Betty überhaupt versuchten, ihm ins Freie zu folgen; ich bezweifle es; an ihrer Stelle hätte ich es nicht riskiert. Aber ich war so damit beschäftigt, mich aufzuraffen, daß ich nichts bemerkte. Als ich wieder auf den Beinen war, lief ich, gedeckt von Sträuchern, zur anderen Seite des Hauses.

В 1970 году в Южной Калифорнии не строили гаражей, способных выстоять перед нападением человека, вооруженного монтировкой и решимостью открыть гаражную дверь. Больше минуты у меня это не отняло. А вот разобрать «Салли» на части и уложить в багажник моей машины оказалось делом куда более долгим. Но сперва я убедился, что мои чертежи и описания там, где я их оставил. Там они и были. Я кинул их на пол машины, потом занялся самой «Салли». Никто лучше меня не знал, как она собрана, а то, что я не очень боялся повредить ту или иную часть, заметно ускорило дело, и все равно я провозился, раскурочивая ее, почти час.

Я как раз сунул в багажник последнюю часть — шасси от кресла — и попытался закрыть крышку багажника (до конца ее закрыть не удалось), когда услышал, что Пит начал выть. Чертыхнувшись — долго провозился! — я обежал вокруг гаража и очутился на их заднем дворе. Тут-то и началось.

Я дал себе слово, что не упущу ни одного мгновения из триумфа Пита. Но оказалось, что увидеть это мне не удастся. Задняя дверь была открыта, и свет заливал сетчатую дверь от москитов, но, хотя я слышал топот, грохот, боевой клич Пита и визг Беллы, они ни разу не соизволили появиться в поле моего зрения. Тогда я подполз к сетке, надеясь хоть краем глаза глянуть на это кровопролитие.

Чертова дверь оказалась заперта! Это было единственным нарушением составленного мною расписания. Я лихорадочно достал складной нож, сломал ноготь, открывая его, прорезал сетку и успел отпереть задвижку как раз в тот момент, когда Пит с маxу влепился в сетку, как мотоциclist-каскадер в забор. Я еле успел отпрянуть.

Приземлился я на розовый куст. Не знаю, пытались ли Белла с Майлсом преследовать его во дворе. Сомневаюсь; я бы на их месте не рискнул. Но я был так занят, выпутываясь из куста, что даже не следил за этим.

Ich wollte von der offenen Tür wegkommen. Dann brauchte ich nur noch zu warten, bis Pete sich beruhigte. Ich hätte ihn in diesem Zustand nicht angerührt, bestimmt aber nicht versucht, ihn aufzuheben. Ich kenne Katzen.

Aber jedesmal, wenn er an mir vorbeikam, nach einem Zugang suchte und herausfordernd in die Nacht schrie, rief ich ihn leise an.

"Pete. Komm her, Pete. Sei still, mein Junge, alles ist in bester Ordnung." Er wußte, daß ich da war, und zweimal sah er mich an, im übrigen ließ er mich unbeachtet. Katzen konzentrieren sich immer nur auf eine Sache; er sah eine wichtige Aufgabe vor sich und hatte keine Zeit, mit mir zu spielen.

Aber ich wußte, daß er zu mir kommen würde, sobald sein Zorn abgeflaut war.

Während ich auf der Erde kauerte und wartete, hörte ich in den Badezimmern Wasser laufen. Sie hatten mich also im Wohnzimmer sitzen lassen und machten sich wieder passabel. Mir kam ein schrecklicher Gedanke: Was würde geschehen, wenn ich hineinschllich und meinem eigenen hilflosen Leib die Kehle durchschnitt? Aber ich unterdrückte den Einfall; so neugierig war ich darauf auch wieder nicht, und Selbstmord ist etwas Endgültiges, selbst wenn die Möglichkeiten mathematisch äußerst interessant sein mögen.

Aber ich bin nie dahintergekommen.

Außerdem wollte ich keinesfalls ins Haus. Ich konnte auf Miles treffen – und mit einem Toten wollte ich nichts zu schaffen haben.

Pete blieb schließlich vor mir stehen.

"Mrraurr?" sagte er – was hieß: "Geh'n wir zurück und räumen wir den Laden aus. Du schlägst oben, ich unten."

"Nein, mein Junge. Das Spiel ist vorbei."

Встав на ноги, я спрятался за кустами и прокрался к стене дома: я хотел убраться подальше от открытой двери и падающего через нее света. Теперь оставалось только дождаться, пока Пит присмиреет. В том состоянии, в каком он был в тот момент, я бы к нему не прикоснулся. А уж в руки не взял бы точно. Я котов знаю.

Но каждый раз, когда он проходил мимо меня в сторону двери, издавая утробное «а ну, выходи!», я тихонько звал его:

— Пит... Ну, иди сюда, Пит. Ну, тихо, тихо... Все в порядке... Ну, иди к папуле... Он узнал меня и даже дважды взглянул в мою сторону, но и только. У котов все идет своим чередом: раз у него есть срочное дело, значит, ему некогда терять головой о мои ноги. Но я твердо знал: когда его злость иссякнет, он придет.

Сидя в засаде, я услышал шум льющейся воды из ванных комнат. Значит, они ушли приводить себя в порядок и оставили меня — того, первого меня — одного в комнате. Тут меня посетила жуткая мысль: а что будет, если я сейчас влезу в комнату и перережу себе глотку? Тому, беспомощному? Но я отогнал ее: не настолько уж я любопытен, а самоубийство — эксперимент отчаянный, просто крайность, даже если обстоятельства теоретически заманчивы.

Но я так и не сумел просчитать это построение до конца.

Да и вообще заходить внутрь мне не хотелось, чтобы случайно не столкнуться с Майлсом. Дело могло кончиться трупом в кузове какого-нибудь грузовика.

Наконец Пит остановился, в метре от моей протянутой руки.

— Мрр-урр, — сказал он, что означало: «Пошли, зададим им трепку; ты — по верхам, а я снизу».

— Нет, малыш. Концерт окончен.

"Auwrr!"

— Ну, мур-рр!

"Zeit zum Nachhausegehen, Pete. Komm zu Danny."

Er setzte sich hin und begann sich zu putzen. Als er aufsah, streckte ich die Arme aus, und er sprang hinein. "Kwleerrt?" – "Wo, zum Teufel, warst du denn die ganze Zeit?" hieß das. Ich trug ihn zum Wagen und setzte ihn auf den Fahrersitz, weil alles andere belegt war. Er beroch die Geräteteile auf seinem gewohnten Platz und sah sich mißbilligend um.

"Du mußt auf meinem Schoß sitzen", sagte ich.
"Sei nicht so empfindlich."

Als wir die nächste Straße erreichten, schaltete ich das Licht ein. Dann bog ich nach Osten ab und fuhr Richtung Big Bear zum Pfadfinderlager. Ich hatte von »Frank« in den ersten zehn Minuten so viel hinausgeworfen, daß Pete seinen ihm rechtmäßig zustehenden Platz einnehmen konnte, was für beide Teile angenehmer war. Als der Wagenboden einige Kilometer später abgeräumt war, hielt ich an und warf alle Notizen und Zeichnungen in einen Gully. Das Rollstuhl-Chassis wurde ich erst im Gebirge los, wo ich es in eine Schlucht fallen ließ.

Gegen drei Uhr morgens bog ich in ein Motel ein und bezahlte zuviel für einen Bungalow – Pete hätte beinahe alles verdorben, weil er den Kopf herausstreckte und eine Bemerkung machte, als der Besitzer an den Wagen trat.

"Wann kommt die Morgenpost von Los Angeles hier heraus?" fragte ich.

"Der Hubschrauber trifft pünktlich um halb acht Uhr ein."

"Schön. Wecken Sie mich bitte um sieben."

— Домой пора, Пит. Ну, иди к Дэнни.

Он сел и стал умываться. Потом поднял голову, и я протянул ему руки. Он прыгнул мне в объятия и мурлыкнул, спрашивая: «Где же ты был, когда началась эта заваруха?» Я отнес его к машине и посадил на водительское место – это было единственное относительно свободное место в машине. Он понюхал железки на своем излюбленном заднем сиденье и укоризненно огляделся.

— Придется тебе ехать у меня на коленях, — сказал я ему. — И не возникай.

Фары я включил, только когда мы выехали на улицу. Я свернул на восток и поехал к Большому Медвежьему озеру – к скаутскому лагерю. За первые же десять минут я выкинул столько частей от «Салли», что для Пита появилось место на заднем сиденье. На своем законном месте он сразу пришел в хорошее настроение. А когда через несколько миль я добрался до лежащих на полу бумаг, то остановился, сгреб их и сунул в люк ливневого стока. Шасси я не стал выбрасывать до тех пор, пока мы не добрались до гор: кувыркаясь по склону, оно очень звонко и весело громыхало на прощанье.

Около трех ночи я остановился у мотеля рядом с поворотом к лагерю и снял комнату, изрядно переплатив из-за неурочного часа. Пит опять чуть не испортил всю обедню, высунув голову из сумки и что-то громко сказав, едва хозяин мотеля успел закрыть за собою дверь.

— В котором часу, — спросил я хозяина, догнав его за дверью, — приходит утром почта из Лос-Анджелеса?

— Вертолет садится в семь тринадцать вон на том пятачке.

— Отлично. Разбудите меня, пожалуйста, в семь.

"Mister, wenn Sie hier bis sieben Uhr schlafen können, haben Sie mehr Talent als ich.
Aber ich schreibe Sie ins Buch ein."

Um acht Uhr hatten Pete und ich gefrühstückt, und ich hatte mich geduscht und rasiert. Ich sah mir Pete bei Tageslicht an und fand, daß er, von ein oder zwei Kratzern abgesehen, heil davongekommen war. Wir verließen das Motel, und ich bog bald danach in den Privatweg zum Lager ein. Onkel Sams Postwagen tat dasselbe wenige hundert Meter vor mir; ich hatte einen glücklichen Tag erwischt.

In meinem ganzen Leben habe ich noch nicht so viele kleine Mädchen gesehen. Sie sausten herum wie junge Hunde, und in ihren grünen Uniformen sahen sie alle gleich aus. Die Mädchen, an denen ich vorbeikam, wollten Pete anschauen, obwohl mich die meisten nur schüchtern anstarrten und nicht näher kamen. Ich ging zu einem Bungalow mit dem Schild ›Hauptquartier‹, wo ich mit einer uniformierten Pfadfinderin sprach, die man keineswegs mehr als Mädchen bezeichnen konnte.

Sie war sehr argwöhnisch; fremde Männer, die kleine Mädchen besuchen wollen, sollten immer verdächtig sein.

Ich erklärte, ich sei der Onkel des Kindes, hieße Daniel B. Davis und hätte dem Kind eine Familiennachricht zu bringen. Sie konterte mit der Feststellung, daß, abgesehen von den Eltern, Besucher nur in Begleitung eines Elternteils zugelassen seien, im übrigen beginne die Besuchszeit um vier Uhr.

"Ich will Frederica nicht besuchen, sondern ihr etwas mitteilen. Es handelt sich um einen dringenden Fall."

"Dann schreiben Sie die Nachricht auf, und ich sage ihr Bescheid, sobald die Gymnastikstunde beendet ist."

Ich machte ein verzweifeltes Gesicht, was mir leichtfiel, und sagte: "Das möchte ich nicht tun. Es wäre viel besser, wenn ich es dem Kind selbst sagen könnte."

"Ein Todesfall?"

— Мистер, если вы можете в таких прекрасных местах спать до семи, то я вам завидую. Но я запишу.

К восьми утра мы с Питом позавтракали. Я, кроме того, побрился и принял душ. Осмотрев Пита при дневном свете, я убедился, что из битвы он вышел невредимым, разве что с парой ушибов. Мы расплатились и тронулись. Я свернул на дорогу к лагерю. Казенный грузовик — вероятно, почта — свернул на ту же дорогу прямо перед нами. Я решил, что день будет удачный.

В жизни не видел столько девчонок одновременно. Они резвились, как котята, такие одинаковые в своих формах цвета хаки. Когда я шел по лагерю, многие из них смотрели на Пита и, наверное, хотели его погладить, но не решались и смущенно отворачивались. Дойдя до домика с надписью «штаб», я обратился к даме в такой же зеленой униформе.

Она явно подозревала меня в дурных намерениях. Впрочем, когда незнакомые мужчины приезжают навестить девочек, которые вот-вот станут девушками, подозрительность объяснима.

Я объяснил бдительной dame, что я дядя одной девочки, Дэниэл Б. Дэвис, и что у меня для нее важное сообщение насчет семейных дел. В ответ она возразила, что все остальные посетители, кроме родителей, допускаются только вместе с родителями и что в любом случае время для посещений — только с четырех часов.

— Я не прошу разрешения побывать у Фредерики. Я должен только сообщить ей кое-что. Это очень срочно.

— В таком случае вы можете написать ей записку, а я передам ее девочке, когда у нее кончатся занятия ритмической гимнастикой.

Мое огорчение было неподдельным. — Я бы не хотел писать об этом. Лучше я сам, лично скажу девочке.

— Что, кто-то умер?

"Nicht ganz. Familiäre Schwierigkeiten, ja. Tut mir leid, aber ich kann es Fremden nicht erzählen. Es betrifft die Mutter meiner Nichte."

Sie zögerte, vermochte sich aber immer noch nicht zu entscheiden. Dann mischte sich Pete ins Gespräch. Ich hatte ihn auf meinem linken, abgewinkelten Arm getragen, weil ich ihn nicht im Wagen lassen wollte. Außerdem wollte ich ihn Ricky zeigen. Er lässt sich diese Art des Getragen-Werdens eine Weile gefallen, aber schon begann er sich zu langweilen.

"Krwarr?"

Sie sah ihn an und meinte: "Ein hübscher Kerl."

Ich habe einen kleinen Kater zu Hause, der aus demselben Wurf stammen könnte."

Ernsthaft sagte ich: "Das ist Fredericas Katze. Ich mußte sie mitbringen, weil ... es war notwendig. Niemand kann sich um ihn kümmern."

"Ach, der arme kleine Kerl!" Sie kraulte ihn unterm Kinn, in der richtigen Weise, Gott sei Dank, und Pete ließ sich das zum Glück gefallen, er reckte den Hals, schloß die Augen und machte ein beinahe unanständig zufriedenes Gesicht. Bei Fremden, deren Avancen ihm nicht genehm sind, kann er sonst sehr unhöflich werden.

Die Jugendführerin bat mich, an einem Tisch unter den Bäumen vor dem Bungalow Platz zu nehmen. Das war weit genug entfernt, um eine private Unterhaltung zu ermöglichen, aber sie konnte uns im Auge behalten. Ich bedankte mich und wartete.

Ich sah Ricky nicht herankommen. Ich hörte den Ausruf: "Onkel Danny!" und dann, als ich mich umdrehte: "Und du hast Pete mitgebracht! Wie schön!" Pete brummte begeistert und sprang in ihre Arme. Sie fing ihn auf, legte ihn sich zurecht, und dann ignorierte sie mich ein paar Sekunden, während sie den Forderungen des Katzenprotokolls Genüge tat. Dann sah sie auf und sagte ernst: "Onkel Danny, ich bin so froh, daß du gekommen bist."

— Не совсем. Но в семье неприятности. Простите, мэм, но я не могу вам рассказать. Это касается матери моей племянницы.

Она заколебалась, но еще держалась. Тут в разговор вступил Пит: я держал его на руках, как ребенка. Оставлять его в машине я не хотел — Рики наверняка захочет с ним повидаться. Он долго терпел подобное обращение, но теперь, видно, его терпению пришел конец:

— My-y-y-pp?!

Она посмотрела на него и сказала:

— А у меня дома такой же. Как из одного помета!

Я торжественно произнес: — Это кот Фредерики. Пришлось взять его с собою, потому что... ну, в общем, пришлось. О нем некому позаботиться.

— Ох ты, бедная зверюшка! — она почесала его под подбородком, сделав это — слава Богу! — как положено. Пит тоже воспринял ласку как положено (опять слава Богу!..): вытянул шею, закрыл глаза — сразу видно, что доволен. Он всегда очень сдержан и строг с чужими, если они неправильно себя ведут.

Попечительница юных дев велела мне сесть за столик под деревом, рядом с штабом. С одной стороны, вроде бы для частной беседы условия подходящие, а с другой — все-таки под ее присмотром. Я поблагодарил, сел и стал ждать.

Я не видел, как подошла Рики. Я только услышал: «Дядя Дэнни!» — а когда повернулся: «Ой, и Пит тут! Как здорово!!» Пит взмурлыкнул оглушительным муром и кинулся к ней. Она ловко поймала его на лету, усадила поудобнее и на несколько секунд начисто забыла про меня — у них был свой ритуал. Потом подняла глаза и сказала степенно: — Дядя Дэнни, я так рада, что ты приехал!

Ich gab ihr keinen Kuß; ich berührte sie überhaupt nicht. Ich bin nie für das Abknutschen von Kindern gewesen, und Ricky gehörte zu den kleinen Mädchen, die sich das nur gefallen lassen, wenn es gar nicht anders geht. Unsere Beziehung seit damals, als sie sechs Jahre alt gewesen war, beruhte auf gegenseitigem Respekt vor der Persönlichkeit und Würde des anderen.

Aber ich sah sie mir an. Knochige Knie, schlaksige Beine, nirgends gerundet. Die kurzen Hosen und das Uniformhemd, zusammen mit der sich ablösenden Haut, Kratzern, blauen Flecken und einer begreiflichen Menge Schmutz, addierten sich nicht zu weiblichem Liebreiz. Sie war eine halbfertige Skizze der Frau, die sie sein würde, und ihre füllenhafte Schlaksigkeit wurde nur durch die riesengroßen ernsthaften Augen und die elfenhafte Schönheit ihres schmalen Gesichtchens aufgewogen.

Sie sah liebenswert aus.

Ich sagte: "Und ich bin auch froh, daß ich hier bin, Ricky."

Sie griff mit einer Hand in eine Hosentasche, Pete auf dem anderen Arm balancierend.

"Ich bin auch überrascht. Erst vorhin habe ich einen Brief von dir bekommen – man zerrte mich vom Postempfang weg. Ich habe ihn noch nicht einmal aufmachen können. Steht in ihm, daß du heute kommst?"

Sie zog ihn heraus und glättete ihn.

"Nein, Ricky.
In dem Brief steht, daß ich wegfahren muß. Aber nachdem ich ihn zur Post getragen hatte, beschloß ich, mich persönlich zu verabschieden."

Sie machte ein trauriges Gesicht und senkte die Augen.

"Du fährst fort?"

Я не обнял ее. Я к ней пальцем не прикоснулся. Я вообще считаю, что лапать детей не надо, а Рики была такая строгая — она терпела все эти объятья только тогда, когда уж деваться было некуда. Наши отношения, с тех пор как ей сравнялось шесть, строились на взаимном уважении личности и достоинства другого.

Но я посмотрел на нее: голенастая, тощая, быстро вытянувшаяся, но еще не налившаяся соком юности, — маленькой девочонкой она была гораздо красивее. Ее шорты и футболка, ее облупившийся от загара нос, ссадины, синяки и грязные (в меру!) локти тоже не прибавляли женского очарования. От будущей женщины в ней были только наметки, только огромные серьезные глаза на худом, измазанном копотью лице.

Она была прекрасна.

Я ответил: — Я тоже очень рад тебя видеть, Рики.

Неуклюже поддерживая Пита одной рукой, другой она полезла в оттопыривающийся карман.

— А я так удивилась: мне только что отдали письмо от тебя.
Меня позвали сюда как раз с раздачи почты — я даже не успела прочитать его. Ты, наверное, пишешь, что приедешь сегодня?

Она достала скомканный в маленьком кармане конверт.

— Нет, Рики. Там сказано, что я уезжаю. Но потом, когда я отправил его, я решил, что надо самому заехать к тебе попрощаться.

Она погрустнела и опустила глаза.

— Уезжаешь?

"Ja, ich will es dir erklären, Ricky, aber es ist ziemlich kompliziert. Setzen wir uns hin, dann erzähle ich dir alles."

Wir setzten uns am Tisch unter den Bäumen nieder, und ich fing an. Pete lag zwischen uns und schnurrte glücklich vor sich hin.

Ich war sehr erleichtert zu hören, daß sie von Miles' Heirat mit Betty schon wußte – ich hatte mich nicht darauf gefreut, ihr das beibringen zu müssen. Sie sah auf, ließ sofort die Augen sinken und sagte ausdruckslos: "Ja, ich weiß. Daddy hat mir geschrieben."

"Oh. Aha." Sie sah plötzlich ganz grimmig und gar nicht mehr kindlich aus.

"Ich will nicht zurück zu ihnen, Danny. Ich will nicht."

"Aber – hör zu, Rickylein, ich weiß, wie das ist. Ich möchte auch nicht, daß du zurückgehst, am liebsten würde ich dich mitnehmen, wenn ich könnte. Aber was willst du sonst tun? Er ist dein Daddy, und du bist erstief."

"Ich muß nicht zurück. Er ist nicht mein richtiger Daddy. Meine Großmutter holt mich."

"Was? Wann kommt sie?"

"Morgen. Sie kommt von Brawley herüber. Ich habe ihr geschrieben und sie gefragt, ob ich bei ihr wohnen kann, weil ich nicht bei Daddy sein will, wenn sie da ist." Es gelang ihr, in dieses »sie« mehr Verachtung zu legen, als ein Erwachsener in meterlange Flüche gepreßt hätte. "Großmutter schrieb zurück, ich müßte nicht bei ihm bleiben, weil er mich nicht adoptiert hat und sie selbst mein Vormund sei." Sie hob besorgt den Kopf. "Das stimmt doch, nicht wahr? Sie können mich nicht zwingen?"

— Да. Я все объясню, Рики, только это долго. Давай присядем.

Мы уселись за стол под пондерозой, друг напротив друга, и я стал рассказывать. А Пит улегся между нами, положил лапы на лежащий на столе измятый конверт, изобразил этакого сфинкса и запел тихонько, словно шмель в клевере, щурясь от удовольствия.

Я испытал огромное облегчение, узнав, что она уже в курсе насчет женитьбы Майлса и Беллы, — мне очень не хотелось первым сообщать ей эту новость. Она на секунду подняла на меня глаза и сразу же опять уткнулась взглядом в стол. Совершенно без выражения она сказала: — Да, я знаю. Мне пapa об этом написал.

— Ах, вот оно что... Она вдруг как-то повзрослела; на лице набежала обида.

— Я туда больше не вернусь, Дэнни. Я к ним не поеду.

— Но... слушай, Рики-Тики, я тебя понимаю. Я тоже не хочу, чтобы ты туда возвращалась. Я бы сам тебя забрал, если бы мог. Но куда же тебе деваться? Он твой пapa, а тебе всего одиннадцать.

— Он не мой пapa. И я к нему не поеду. За мною моя бабушка приедет.

— Что? Когда приедет?

— Завтра. Она из Броули приедет. Я ей все написала и спросила: можно, я у нее поживу? Я не хочу жить у папы, раз она там.

— Она сумела вложить в это «она» столько неприязни — ни одно взрослое ругательство не смогло бы передать такого отвращения. — Бабушка пишет, что раз я не хочу там жить, то и не надо — он меня не удочерил, а она — мой «законный попечитель», так она написала.

— Рики с тревогой глянула мне в глаза. — Это правда, да? Они же не могут заставить меня? А?

Ich war so erleichtert, daß ich am liebsten einen Freudentanz aufgeführt hätte. Das einzige Problem, für das sich eine Lösung nicht angeboten hatte, war, wie man Ricky für – nun ja, zwei Jahre – dem vergiftenden Einfluß von Betty entziehen konnte.

"Wenn er dich nicht adoptiert hat, Ricky, kann deine Großmutter durchsetzen, daß du bei ihr bleiben darfst."

Dann runzelte ich die Stirn und nagte an der Unterlippe.

"Aber morgen kann es vielleicht Ärger geben. Man wird dich ihr unter Umständen nicht mitgeben wollen."

"Wie will man denn das machen? Ich setze mich einfach in den Wagen, und wir fahren weg."

"So einfach ist das nicht, Ricky. Die Leute, die das Lager hier führen, müssen sich an ihre Vorschriften halten. Dein Daddy – ich meine Miles – hat dich ihnen übergeben; sie werden nicht bereit sein, dich einer anderen Person zu überlassen."

Sie schob trotzig die Unterlippe vor.

"Ich will aber nicht. Ich fahre mit Oma."

"Ja. Aber vielleicht kann ich dir sagen, wie das zu machen ist. An deiner Stelle würde ich keinem sagen, daß du aus dem Lager weg willst; ich würde nur sagen, daß dich deine Großmutter zu einer Spazierfahrt mitnehmen will – und dann kommst du einfach nicht zurück."

Sie wurde ein wenig ruhiger.

"Gut."

"Pack aber keinen Koffer, sonst kommt man dir auf die Schliche. Nimm vor allem außer den Sachen, die du an hast, keine Kleider mit. Geld oder was sonst noch unbedingt sein muß, steckst du in deine Taschen. Du hast hier doch nicht viel, was dir fehlen wird, nicht wahr?"

На меня теплой волной нахлынуло облегчение.

Вот уже много месяцев я ломал голову и не мог найти ответа на мучивший меня вопрос: как уберечь девочку от тлетворного влияния Беллы хотя бы на два года? Мне казалось, что за два года у Беллы с Майлсом все рухнет.

— Раз он тебя не удочерил, Рики, то бабушка, я думаю, сможет забрать тебя к себе жить, если вы обе будете достаточно настойчивы.

Тут я нахмурился и закусил губу:

— Ты знаешь, а ведь могут быть проблемы. Тебя могут с нею не отпустить отсюда.

— А как это они меня не отпустят? Я сяду в машину — и все.

— Все не так просто, Рики. Лагерное начальство — им приходится все делать по правилам. Твой пapa — то есть Майлс — он тебя сюда привез; и они вряд ли отдадут тебя кому-то, кроме него.

Она надула губы:

— А я к нему не поеду. Я к бабушке хочу.

— Да. Но я, наверное, знаю, как это сделать. На твоем месте я бы не стал никому говорить, что уезжаю. Я бы просто сказал, что бабушка хочет свозить тебя прокатиться на прогулку, — а самой взять и не вернуться.

Напряжение ее чуть убавилось.

— Ладно.

— Э-э... не собирай сумку и не бери с собой ничего такого — догадаются, что ты сбегаешь. Не бери одежду, кроме той, что будет на тебе. Деньги и все ценное, что хочешь увезти, положи в карманы. Ничего такого, что тебе было бы очень жалко оставить, у тебя тут нет, я думаю.

"Eigentlich nicht." Aber sie sah mich traurig an.

"Ich habe einen nagelneuen Badeanzug." Wie soll man einem Kind erklären, daß es Zeiten gibt, wo man auf sein Gepäck verzichten muß?

Es geht nicht – sie laufen in ein brennendes Gebäude, um eine Puppe oder einen Spielzeugelefanten zu retten.

"Hm ... Ricky, deine Großmutter soll den Leuten sagen, daß sie dich zum Schwimmen mitnimmt ... und daß sie dich in Arrowhead zum Essen in ein Hotel ausführt, aber vor dem Zapfenstreich zurückbringen wird. Dann kannst du den Badeanzug und ein Handtuch offen tragen. Aber sonst nichts. Meinst du, deine Großmutter wird für dich schwindeln?"

"Ich glaube schon. Ja, ich bin sicher. Sie sagt, daß man manchmal schwindeln muß, sonst könnten es die Leute nicht miteinander aushalten. Aber man soll es nicht übertreiben."

"Eine sehr vernünftige Frau. Wirst du es so machen?"

"Ja, Danny."

"Gut." Ich nahm den zerknüllten Umschlag. "Ricky, ich habe dir gesagt, daß ich fort muß. Sogar für sehr lange."

"Wie lange?"

"Dreißig Jahre." Ihre Augen weiteten sich. Für ein elfjähriges Kind sind dreißig Jahre nicht eine lange Zeit, sondern die Ewigkeit.

Ich fügte hinzu: "Es tut mir so leid, Ricky, aber ich muß."

"Warum?"

Das konnte ich nicht beantworten. Die wahre Antwort war unglaublich, und eine Lüge reichte hier nicht aus.

— Наверное, нет, — тем не менее она приуныла.

— У меня тут новенький купальник... Ну как объяснить ребенку, что бывают ситуации, когда надо бросить свои пожитки? Это невозможно. Они кидаются в горящий дом, чтобы вытащить оттуда куклу или плюшевого мишку.

— Ммм... Рики, пусть твоя бабушка скажет, что вы поедете к озеру Эрроухэд купаться... а потом обедать в ресторан и что ты вернешься к отбою. Тогда ты сможешь взять с собой купальник и полотенце. Но уж больше ничего. Бабушка будет говорить так, если ты попросишь?

— Я думаю, будет. Да, будет. Она говорит, что люди должны иногда немного приврать, а то жить станет невозможно. Но она говорит, что этим можно пользоваться только иногда, но никак не злоупотреблять.

— Умная у тебя, похоже, бабушка. Сделаешь, как я сказал?

— Именно так и сделаю, Дэнни.

— Ну и хорошо. — Я взял со стола измятый конверт. — Рики, я уже тебе сказал, что уезжаю. И очень надолго.

— На сколько?

— На тридцать лет... Глаза у нее сделались круглые, как тарелки. Когда тебе всего одиннадцать, тридцать лет — это не просто «надолго». Это — навсегда. Я добавил: — Прости меня, Рики. Но так нужно.

— Почему?

На этот вопрос я не мог ей ответить. Правдивому ответу она бы не поверила, а врать не годилось.

"Ricky, das läßt sich nicht erklären. Aber ich muß einfach. Ich kann nicht anders." Ich zögerte, dann fügte ich hinzu: "Ich muß mich dem Langen Schlaf unterziehen – dem Kaltschlaf, du weißt, was ich meine."

Sie wußte es. Kinder gewöhnen sich schneller an neue Ideen als Erwachsene; der Kaltschlaf war ein beliebtes Thema für Comic-Strips. Sie sah mich entsetzt an.

"Aber Danny, dann seh' ich dich ja nie wieder!"

"Doch. Es wird sehr lange dauern, aber ich sehe dich wieder. Auch Pete wirst du treffen, denn Pete kommt mit. Er geht auch in den Kaltschlaf."

Sie sah Pete an und machte ein noch traurigeres Gesicht als vorher.

"Aber Danny – warum kommst du mit Pete nicht einfach zu uns nach Brawley? Das wäre doch viel besser. Oma mag Pete sicher gern. Sie wird dich auch mögen – sie sagt, im Haus müßte immer ein Mann sein."
"Ricky ... liebe Ricky ... ich muß. Bitte nicht mehr davon reden." Ich riß den Umschlag auf.

Sie wurde zornig, und ihr Kinn begann zu zittern.

"Ich glaube, daß sie etwas damit zu tun hat!"

"Was?"

Wenn du Betty meinst, ganz bestimmt nicht. Jedenfalls nicht direkt."

"Sie geht nicht mit dir in den Kaltschlaf?"

"Du lieber Himmel, nein! Das fehlte gerade noch."

Ricky schien beruhigt zu sein.

— Рики, это очень-очень трудно объяснить. Но я должен. Я ничего тут не могу поделать. — Я чуть помедлил, решаясь. Потом добавил: — Я собираюсь лечь в Долгий Сон. Ну, ты слышала — Холодный Сон.

Она слышала. Дети легче взрослых привыкают к новым понятиям. Холодный Сон — излюбленная тема детских комиксов. На лице у нее отразился ужас, и она возразила:

— Но, Дэнни, я же никогда тебя больше не увижу!

— Увидишь. Не скоро, но обязательно увидишь. И Пита тоже. Ведь Пит едет со мною и тоже будет спать вместе со мной.

Она посмотрела на Пита и стала еще безутешнее.

— Дэнни... А может, вы с Питом поедете в Броули, будете там жить у нас? Так же лучше! Бабушка будет Пита любить. И тебя тоже — она говорит, что когда в доме есть мужчина, это очень хорошо... — Рики, милая... ну, я не могу. Не дразни меня. — Я вскрыл конверт.

Она сердито наступила, подбородок ее задрожал.

— Это все из-за нее!

— Что? Если ты про Беллу, то нет. Не совсем из-за нее.

— А она не ложится спать Холодным Сном с тобою? Кажется, меня передернуло.

— Господи помилуй, нет, конечно! Я бы ее близко не подпустил!

Кажется, Рики чуть отмякла.

"Weißt du, ich war ihretwegen so wütend auf dich!"

"Es tut mir leid, Ricky. Wirklich. Du hast recht gehabt und ich nicht. Aber sie hat damit nichts zu tun. Ich bin mit ihr ein für allemal fertig. Jetzt zu dem hier." Ich zeigte ihr das Aktienzertifikat. "Weißt du, was das ist?"

"Nein."

Ich erklärte es ihr.

"Ich schenke es dir, Ricky, weil ich so lange fort bin, daß ich es nur dir geben möchte." Ich nahm das Papier, auf dem ich ihr die Aktien überschrieben hatte, zerriß es und steckte die Fetzen in die Tasche; ich durfte es auf diese Weise nicht riskieren – für Betty wäre es zu einfach gewesen, ein Beiblatt verschwinden zu lassen, und wir waren noch nicht in Sicherheit. Ich drehte das Zertifikat um, studierte den Standard-Überschreibungstext auf der Rückseite und überlegte mir, wie ich dieses Problem am besten lösen konnte. "Ricky, wie heißt du mit vollem Namen?"

"Frederica Virginia. Frederica Virginia Gentry.

Das weißt du doch?"

"Wirklich ›Gentry‹?

Ich dachte, Miles hat dich nicht adoptiert?"

"Oh! Ich heiße Ricky Gentry, solange ich mich erinnern kann, aber du meinst meinen richtigen Namen. Es ist derselbe wie Omas Name ... wie der meines richtigen Daddys. Heinicke. Aber so nennt mich kein Mensch." "Das wird man ab jetzt schon tun."

Ich schrieb ›Frederica Virginia Heinicke‹ und fügte hinzu ›bei ihrem 21. Geburtstag zu übergeben‹ – während mir eine Gänsehaut über den Rücken lief – meine erste Überschreibung wäre also auf jeden Fall rechtsungültig gewesen.

— Знаешь, я так из-за нее на тебя разозлилась...

Прямо до ужаса. — Ты прости меня, Рики. Мне очень жаль, честное слово. Ты была права, а я — нет. Но к этому делу она никакого отношения не имеет. У меня с нею все кончено, во веки веков, вот крест святой. Теперь насчет этого. — Я вынул сертификат на все свои владения в «Золушке Инк.». — Знаешь, что это такое?

— Нет.

Я объяснил:

— Это тебе, Рики. Меня очень долго не будет, и я хочу, чтобы это было твое. — Я взял лист бумаги с распоряжением о переуступке акций, порвал его, а клочки сунул в карман. Оставлять его было рискованно: мы еще были на тропе войны, а порвать лист бумаги для Беллы — раз плонуть. Перевернув сертификат, я стал изучать раздел «изменение владельца», размышляя, как бы это половчее оформить переуступку на хранение в «Бэнк оф Америка» на имя... — Рики, а как твое полное имя?

— Фредерика Вирджиния. Фредерика Вирджиния Джентри. Ты же знаешь.

— Разве Джентри? Ты же, кажется, сказала, что Майлс тебя не удочерил?

— Сколько я себя помню, я всегда была Рики Джентри. А моя настоящая фамилия — как и бабушкина. Это папина фамилия: Хайнеке. Только меня так никто не зовет... — Теперь будут.

Я написал: «Фредерике Вирджинии Хайнеке» и добавил: «...с тем, чтобы она вступила в право собственности по исполнении ей двадцати одного года». По спине у меня бегали мурашки: та, первая переуступка, на отдельном листе, была недействительной с самого начала!..

Ich begann zu unterschreiben und bemerkte plötzlich, daß unsere Bewacherin aus dem Fenster ihres Büros schaute. Ich warf einen Blick auf die Uhr und entdeckte, daß wir schon eine Stunde miteinander sprachen. Die Zeit begann knapp zu werden, aber ich wollte alles so sicher wie möglich haben.

Ich rief die ältere Pfadfinderführerin herbei.

"Gibt es hier in der Nähe zufällig einen Notar, oder finde ich im Ort einen?"

"Ich bin Anwältin und Notarin. Worum handelt es sich?"

"Oh, gut! Wunderbar! Haben Sie Ihren Stempel dabei?"

"Immer."

Ich unterschrieb also vor ihren Augen, und sie zeigte sich sogar großzügig – auf Rickys Versicherung hin, daß sie mich kenne –, indem sie schrieb: »... der mir persönlich bekannte besagte Daniel B. Davis ...« Als sie ihren Stempel auf meine und ihre Unterschrift drückte, seufzte ich erleichtert auf. Betty sollte nur versuchen, dagegen etwas zu unternehmen!

Die Führerin sah das Schriftstück neugierig an, sagte aber nichts. Mit ernster Miene erklärte ich: "Tragödien lassen sich nicht gutmachen, aber das wird wenigstens ein bisschen weiterhelfen."

Für die Ausbildung der Kleinen, wissen Sie."

Sie weigerte sich, ein Honorar entgegenzunehmen, und ging in ihr Büro zurück.
Ich sah Ricky wieder an und sagte: "Gib das deiner Großmutter. Sag ihr, sie soll es in der Zweigstelle der Bank of America in Brawley abliefern. Alles andere wird von dort erledigt." Ich legte das Schriftstück vor ihr auf den Tisch.

Собираясь расписаться, я заметил, что из домика выглядывает наша надзирательница. Я взглянул на часы: мы говорили уже целый час. А время дорого. Но я хотел, чтобы все было железно.

— Мэм! — Да?

— Нет ли поблизости нотариуса? Или мне придется ехать в поселок?

— Я — нотариус. Что вам угодно?

— О, хорошо! Прекрасно! А печать у вас есть?

— Я никогда с нею не расстаюсь.

Так что я подписал сертификат у нее на глазах, и она немного отступила от своих строгих правил (когда Рики заверила ее, что хорошо знает меня, а Пит молчаливо засвидетельствовал мою благонадежность, как действительного члена тайного братства кошатников) и написала: «...известного мне лично как поименованный Дэниэл Б. Дэвис...». Когда поверх моей и своей подписи она поставила печать, я вздохнул с облегчением. Пусть теперь Белла попробует добраться до этого!

Она с любопытством взглянула на сертификат, но ничего не сказала. Я торжественно заявил:

— Случившейся беды не воротишь, но это хоть немного поможет: девочке надо учиться!

Она не взяла платы, шмыгнула носом и ушла в домик. Я повернулся к Рики и сказал: — Отдай бабушке. Пусть сдаст в отделение «Бэнк оф Америка» в Броули. А они уж обо всем позаботятся. — Я положил сертификат перед нею.

Sie rührte es nicht an.

Она не притронулась к нему.

"Das ist sehr viel Geld, nicht wahr?"

— Это стоит много денег, да?

"Eine ganze Menge. Der Wert wird sogar noch steigen."

— Изрядно. А будет стоить еще больше.

"Ich will es nicht."

— Мне этого не надо.

"Aber Ricky, ich möchte doch, daß du es bekommst."

— Но, Рики, я хочу, чтобы это было твое.

"Ich will es nicht. Ich nehme es nicht." Ihre Augen füllten sich mit Tränen, und ihre Stimme begann zu schwanken. "Du gehst für immer fort ... und du denkst nicht einmal mehr an mich." Sie schluchzte. "Genau wie damals, als du dich mit ihr verlobt hast! Wo du doch ebensogut Pete mitnehmen und zu mir und Oma ziehen könntest. Ich will dein Geld nicht!"

"Ricky. Hör mir zu, Ricky. Es ist zu spät. Ich könnte es nicht mehr zurücknehmen, selbst wenn ich wollte. Es gehört dir schon."

"Das ist mir egal. Ich rühr' es nicht an." Sie begann Pete zu streicheln. "Pete würde nicht weggehn und mich allein lassen ... aber du zwingst ihn dazu. Jetzt bleibt mir nicht einmal Pete."

Ich sagte unsicher: "Ricky? Liebe kleine Ricky, willst du Pete ... und mich wiedersehen?"

Ich konnte die Antwort kaum verstehen.

"Natürlich will ich. Aber es geht ja nicht." "Doch, es geht."

"Was?"

Wie? Du hast gesagt, daß du den Langen Schlaf machst ... dreißig Jahre, hast du gesagt."

— Не надо. Я не возьму. — Ее глаза наполнились слезами, голос задрожал. — Ты... Ты уезжаешь навсегда, и тебе на меня наплевать. — Она всхлипнула. — Как тогда — когда ты собрался на ней жениться. Ты же мог просто взять Пита и уехать к нам с бабушкой. Не нужны мне твои деньги!

— Рики. Послушай, Рики. Уже поздно: я не могу взять их обратно, даже если бы захотел. Они теперь твои.

— А мне все равно. Я к ним не притронусь. — Она протянула руку, погладила Пита. — Пит бы не уехал, не бросил бы меня... Это ты его заставляешь. Теперь у меня даже Пита не будет.

Я спросил неуверенно: — Рики? Рики-Тики-Тави? Ты хочешь еще увидеть Пита... и меня?

Она ответила так тихо, что я еле разобрал:

— Конечно хочу. Но ведь не увижу... Не смогу.

— Сможешь!

— Как? Ты же сам сказал, что вы уходите в Долгий Сон... на тридцать лет.

"Das stimmt auch. Ich muß. Aber du kannst folgendes tun, Ricky. Sei ein braves Mädchen, bleib bei deiner Großmutter, geh in die Schule und laß dieses Geld anwachsen. Wenn du einundzwanzig Jahre alt bist – und uns beide noch sehen willst –, wirst du genug Geld haben, um den Langen Schlaf selbst zu machen; wenn du aufwachst, erwarten wir dich. Wir beide warten auf dich. Das verspreche ich dir von ganzem Herzen."

Ihr Gesichtsausdruck veränderte sich, aber sie lächelte nicht. Sie dachte lange nach, dann sagte sie: "Wirst du wirklich da sein?"

"Ja. Aber wir müssen einen Termin festlegen. Wenn du es willst, Ricky, dann mußt du es genauso machen, wie ich es dir sage. Wende dich an die Cosmopolitan-Versicherung und sorg dafür, daß du den Schlaf im Riverside-Sanktum unternehmen kannst ... und vor allem mußt du vereinbaren, daß du genau am 1. Mai 2001 aufgeweckt wirst. Ich werde an diesem Tag da sein und auf dich warten. Wenn du möchtest, daß ich dabei bin, sobald du das erste Mal die Augen aufmachst, mußt du das vorher ebenfalls festlegen, weil man mich sonst ins Wartezimmer verbannt – ich kenne das Sanktum; man ist dort sehr genau." Ich nahm einen Umschlag aus der Tasche, den ich in Denver vorbereitet hatte: "Du brauchst dir das nicht zu merken; ich habe alles genau aufgeschrieben. Heb diesen Brief auf, und an deinem einundzwanzigsten Geburtstag kannst du dich entschließen. Aber du darfst dich darauf verlassen, daß ich mit Pete dort auf dich warte, ob du kommst oder nicht." Ich legte den Brief mit den Anweisungen auf das Zertifikat.

Ich glaubte, sie überzeugt zu haben, aber sie rührte die Schriftstücke nicht an. Sie starre lange Zeit vor sich hin, dann sagte sie: "Danny?"

"Ja, Ricky?"

Sie hielt den Kopf gesenkt und sprach so leise, daß ich sie kaum verstehen konnte.

Aber ich hörte, was sie sagte: "Wenn ich das mache ... heiratest du mich dann?"

Meine Ohren dröhnten, und die Umgebung schien sich um mich zu drehen. Aber ich gab ihr Antwort, mit fester Stimme und sehr laut.

— Да. Так надо, Рики. Но вот что ты можешь сделать. Будь умницей, поезжай жить к бабушке, ходи в школу – а деньги пусть себе копятся. А когда тебе исполнится двадцать один – если ты, конечно, еще будешь хотеть увидеть нас с Питом, – у тебя хватит денег, чтобы тоже купить себе Долгий Сон. А когда ты проснешься, я уже буду тебя там ждать. Мы оба с Питом будем тебя ждать. Честное-пречестное.

Выражение лица у нее изменилось, но она не улыбнулась. Она долго думала; потом спросила: — Ты правда там будешь?

— Да. Только давай условимся о дате. Если сделаешь это, Рики, — делай так, как я тебе скажу. Застрахуйся в «Космополитан иншуранс компани» и обязательно скажи, чтобы тебя определили на хранение в Риверсайдское хранилище. И обязательно напиши распоряжение: разбудить первого мая 2001 года. В этот день я там буду тебя ждать. Если хочешь, чтобы я был рядом, когда ты откроешь глаза, — тоже оставь соответствующее распоряжение, а то меня не пустят дальше приемной. Я это хранилище знаю — у них с этим строго. — Я вынул конверт, который подготовил перед выездом из Денвера. — Можешь все это не запоминать. Я тут тебе все написал. Просто сбереги это письмо, а в двадцать один год решай. Но мы с Питом будем там тебя встречать, можешь не сомневаться, независимо от того, появишься ты там или нет. — Я положил приготовленную мною инструкцию на сертификат.

Я думал, что уговорил ее, но она опять не притронулась ни к конверту, ни к сертификату. Она смотрела на них... Потом спросила: — Дэнни?

— Да, Рики?

Она не подняла глаз. Спросила шепотом, тихо-тихо, еле слышно — но я услышал:

— А если я... ты на мне женишься?

В глазах у меня все поплыло, шум в ушах превратился в рев реактивного лайнера. Но я ответил отчетливо, ровно и гораздо громче, чем она спросила:

"Ja, Ricky. Das will ich. Deswegen mache ich das alles."

Ich hatte ihr noch eines zu übergeben: einen Umschlag mit der Aufschrift: «Im Falle des Ablebens von Miles Gentry zu öffnen!» Ich erklärte ihr nichts, sondern trug ihr nur auf, den Brief zu verwahren. Er enthielt die Beweise über Bettys Vergangenheit, mit Männern und in anderer Beziehung. In den Händen eines Anwalts sollte er eine gerichtliche Auseinandersetzung um das Testament entscheiden können.

Dann gab ich ihr meinen Klassenring von der Technischen Hochschule – etwas anderes hatte ich nicht – und sagte ihr, daß er ihr gehöre; wir seien jetzt verlobt. «Du kannst ihn noch nicht tragen, weil er zu groß ist. Wenn du aufwachst, bekommst du einen anderen.»

Sie umklammerte ihn mit ihrer kleinen Faust.

"Ich will keinen anderen."

"Gut. Jetzt sag Lebewohl zu Pete, Ricky. Ich muß fort."

Sie preßte Pete an sich, dann gab sie ihn mir und sah mir fest in die Augen, obwohl ihr die Tränen übers Gesicht liefen.

"Lebewohl, Danny."

"Nicht ›Lebewohl‹, Ricky. Bis später.
Wir warten auf dich."

Es war kurz nach zehn, als ich ins Dorf zurückkam. Dort erfuhr ich, daß ein Hubschrauber-Bus in fünfundzwanzig Minuten in die Stadt abflog. Ich fuhr zu einem Gebrauchtwagenhändler und schloß einen der schnellsten Verkäufe der Geschichte ab; gegen bares Geld auf die Hand gab ich meinen Wagen um die Hälfte seines Wertes ab. Ich hatte gerade noch genug Zeit, Pete in den Bus zu schmuggeln – gegen luftkranke Katzen besteht eine allgemeine Voreingenommenheit –, und wir erreichten Powells Büro wenige Minuten nach elf.

— Да, Рики. Это именно то, чего я хочу.
Поэтому-то я так этого и добиваюсь.

Я оставил ей еще одну вещь — запечатанный конверт с надписью: «Вскрыть в случае смерти Майлса Джентри». Я ничего не стал ей объяснять — просто велел сохранить его. В конверте были доказательства разнообразных похождений Беллы — как на ниве брачных афер, так и в других областях. Если это попадет в руки опытного юриста, суд опротестует завещание Майлса в пользу Беллы без колебаний.

Потом я подарил ей свое кольцо, полученное в день выпуска в институте, — больше у меня ничего подходящего не было. — Теперь оно твое, — сказал я, — мы помолвлены. Оно тебе пока велико, ты спрячь его. Когда проснешься, я уже приготовлю тебе другое.

Она крепко сжала кольцо в кулаке:

— Мне не надо другого.

— Ну и ладно. А теперь попрощайся с Питом, Рики: нам пора. У нас уже нет ни минутки.

Она обняла Пита и посмотрела мне прямо в глаза острым, пронзительным взглядом, хотя слезы текли у нее по щекам, промывая чистые дорожки.

— Прощай, Дэнни.

— Нет, Рики. Не «прощай» — просто «пока!». Мы тебя ждем, помни.

В поселок я вернулся без четверти десять. Оказалось, что вертолет уходит в центр города через двадцать пять минут. Я успел отыскать единственный в поселке магазин, торговавший подержанными автомобилями, и совершил одну из самых скорых сделок в истории: за полцены я продал свою машину — лишь бы за наличные. Я успел также незаметно пронести Пита в автобус (водители обычно следят, чтобы в салон не попадали коты, которых вдобавок перед этим укачивало в вертолете). В кабинет мистера Пауэлла мы попали в самом начале двенадцатого.

Powell war sehr verärgert darüber, daß ich meine Verträge mit Mutual für die Verwaltung meines Vermögens annulliert hatte, und er wollte mir einen bösen Vortrag wegen des Verlustes meiner Papiere halten.

"Ich kann nicht gut denselben Richter bitten, binne vierundzwanzig Stunden zweimal Ihre Unterlagen über den Kaltschlaf zu unterschreiben. Das ist doch unmöglich."

Ich hielt ihm Geld unter die Nase, Bargeld in verführerischer Höhe.

"Halten Sie mir ruhig eine Strafpredigt, Herr Feldwebel. Wollen Sie meinen Auftrag oder nicht? Wenn nicht, dann kann ich jederzeit zur Central Valley gehen. Heute klappt es jedenfalls noch."

Er kochte immer noch, gab aber nach. Dann beschwerte er sich über die Notwendigkeit, der Kaltschlafperiode sechs Monate anzufügen. Er sei nicht in der Lage, mir ein bestimmtes Datum für die Wiedererweckung zu garantieren.

"In den Verträgen steht fast immer ›einen Monat früher oder später‹, damit Verwaltungsfehler einkalkuliert werden können."

"Hier steht nichts davon. Da heißt es ›27. April 2001‹. Aber es ist mir egal, ob über dem Vertrag ›Mutual‹ oder ›Central Valley‹ steht. Mr. Powell, ich kaufe, und Sie verkaufen. Wenn Sie nicht liefern, was ich möchte, wende ich mich an eine Firma, die mir entgegenkommt."

Er änderte den Vertrag, und wir zeichneten ihn beide ab.

Punkt zwölf Uhr erschien ich beim Arzt zur abschließenden Untersuchung. Er sah mich an.

"Sind Sie nüchtern geblieben?"

"Und wie!" "Na, wir werden ja sehen."

Пауэлл был очень недоволен, что я передумал насчет «Мьючел», и был настроен прочесть мне лекцию за то, что я потерял бумаги.

— Не могу же я просить одного и того же судью завизировать ваши бумаги второй день подряд. Это крайне странно.

Я помахал перед ним деньгами — убедительно крупными купюрами.

— Бросьте огрызаться, сержант. Вы за меня беретесь или нет? Если нет — так и скажите: тогда я помчался в «Сентрал вэли». Потому что я ложусь спать сегодня.

Он еще попытался, но быстро сдался. Потом он ворчал насчет продления срока Сна на полгода и отказался гарантировать точную дату пробуждения.

— Обычно в контракте указывают: плюс-минус один месяц, на случай непредвиденных административных трудностей.

— В моем контракте такого не будет. Вы напишете «27 апреля 2001». И мне совершенно безразлично, что там будет наверху — «Мьючел» или «Сентрал вэли», мистер Пауэлл. Я покупаю, вы продаете. Если у вас нет нужного мне товара — я пойду искать его у других.

Он изменил контракт, и мы оба подписались.

Ровно в двенадцать я опять попал к доктору — на последний осмотр. Он посмотрел на меня и спросил:

— Не пили? Явились трезвый?

— Трезвый как судья, сэр. — Тоже мне, сравнение... Посмотрим. Раздевайтесь.

Er untersuchte mich beinahe ebenso sorgfältig wie beim letztenmal.

Schließlich legte er sein Gummihämmerchen weg und sagte: "Ich bin überrascht. Sie sind in wesentlich besserer Verfassung als gestern. Erstaunlich."

"Das kann man wohl sagen, Doktor."

Ich hielt Pete auf den Armen und beruhigte ihn, während man ihm die erste Spritze gab. Dann legte ich mich ebenfalls hin. Ich hätte ebenso noch einen Tag oder sogar länger warten können – aber ich hatte es furchtbar eilig, wieder ins Jahr 2001 zurückzukommen.

Gegen vier Uhr nachmittags schließt ich zufrieden ein. Petes Kopf ruhte auf meiner Brust.

Он осмотрел меня почти так же тщательно, как «вчера».

Наконец он отложил свой резиновый молоточек и сказал: — Я просто удивлен. Вы сегодня в гораздо лучшей форме, чем вчера. Просто удивительно.

— Э-э, доктор, вы и не представляете, насколько вы правы.

Я держал и успокаивал Пита, пока ему вводили снотворное. Потом лег, и они принялись за меня. Я думаю, что мог бы не спешить — подождать еще денек-другой. Но, честно говоря, мне безумно хотелось туда, в 2001 год.

Около четырех часов пополудни я мирно уснул. Пит тоже уснул, примостившись у меня на груди.

Глава 12

•

Meine Träume waren diesmal angenehmer. Der einzige unerfreuliche, an den ich mich erinnere, war nicht allzu bedrückend. Ich wanderte frierend durch endlose Korridore, drückte die Klinke jeder Tür, an der ich vorbeikam, in dem Glauben, schon die nächste müßte die Tür zum Sommer sein, hinter der Ricky wartete. Ich wurde von Pete behindert, der mir immer zwischen die Beine lief, wie es Katzen oft tun, wenn sie mit Menschen zusammen sind, denen sie vertrauen.

An jeder neuen Tür lief er mir zwischen die Beine, schaute hinaus, entdeckte immer noch den Winter und wich zurück, wobei er mich fast immer aus dem Gleichgewicht brachte. Ich erwachte diesmal ohne Schwierigkeiten – der Arzt ärgerte sich sogar, daß ich nur ein Frühstück, die Los Angeles ›Times‹ und keine Unterhaltung wünschte. Ich hielt es nicht für sinnvoll, ihm zu erklären, daß ich denselben Weg schon einmal gemacht hatte; er hätte mir nicht geglaubt.

Ein Brief lag für mich bereit, der eine Woche früher geschrieben war.

Er stammte von John und lautete:

Lieber Dan, also gut, ich geb's auf. Wie hast Du das gemacht?

В этот раз мои сновидения были более приятными. Единственный неприятный сон (не кошмар, а просто скверный сон), который я помню — долгий, бесконечный и очень нудный: я слоняюсь, дрожа от холода, по бесконечным, разветвляющимся коридорам, открывая дверь за дверью в твердой уверенности, что уж следующая-то непременно окажется Дверью в Лето и за нею меня ждет Рики. Пит мешает, задерживает меня, снуэт под ногами — знаете, у кошек есть такая манера? Он вроде бы идет за мною, но только впереди. Такие вещи кошки позволяют себе иногда, если уверены, что на них не наступят и не дадут пинка.

У каждой новой двери он протискивается у меня между ног и высовывается наружу; убедившись, что там зима, он норовит отпрянуть назад, чуть не сбивая меня с ног. Но мы оба не теряем надежды, что за следующей дверью — Лето... Я проснулся легко, без дезориентации. Доктор, будивший меня, был поражен, когда я попросил завтрак, «Грейт Лос-Анджелес таймс» и не стал тратить время на пустую болтовню.
Но не объяснять же ему, что я здесь уже во второй раз, — он бы все равно не поверил.

Меня ожидала записка от Джона, написанная неделю назад:

Дэн, дружище!

Ладно, я сдаюсь. Как ты это сделал?

Ich entspreche Deiner Bitte, Dich nicht abzuholen, entgegen Jennys Meinung. Sie läßt Dir alles Liebe und Gute wünschen und bittet Dich, uns nicht allzu lange warten zu lassen. Ich habe versucht, ihr zu erklären, daß Du eine Weile zu tun haben wirst. Uns beiden geht es gut, obwohl ich auch nicht mehr der Jüngste bin. Jenny ist noch schöner als früher.

Hasta la vista, amigo John P. S. Wenn das Beigefügte nicht reichen sollte, brauchst Du nur anzurufen – Du kannst unbeschränkt verfügen. Wir haben uns recht gut gehalten, finde ich.

Ich überlegte, ob ich John anrufen, ihn begrüßen und ihm von einer kolossalnen neuen Idee berichten sollte, die mir im Schlaf eingefallen war, eine Vorrichtung, die das Baden von einer Mühe zu einem schwelgenden Vergnügen machte. Aber ich entschied mich dagegen, ich hatte andere Sachen im Kopf. Ich machte mir Notizen, um den frischen Eindruck zu bewahren, und schlief dann ein bißchen. Petes Kopf lag in meiner Achselhöhle. Das müßte ich ihm noch abgewöhnen können.

Man fühlt sich ja geschmeichelt – aber es stört. Am Montag, dem 30. April, verließ ich das Institut und fuhr nach Riverside, wo ich im alten Mission-Hotel ein Zimmer mietete. Man machte wegen der Katze Krach; ein Automatikpage läßt sich nicht bestechen – eine Verbesserung ist das zweifellos nicht. Aber der Geschäftsführer war zugänglicher. Für ein paar Scheine ließ er Pete einziehen. Ich schlief nicht gut, ich war zu aufgereggt.

Am nächsten Morgen um zehn Uhr stellte ich mich beim Direktor des Riverside-Sanktums ein.

"Dr. Rumsey, ich heiße Daniel B. Davis. Haben Sie eine Klientin namens Frederica Heinicke hier?"

"Ich nehme an, daß Sie sich ausweisen können?"

Подчиняюсь твоей просьбе не встречать тебя, хотя Дженни и возражает. Она велела передать тебе привет и сказать, что мы ждем тебя и надеемся, что ты скоро пожалуешь. Я пытался ей объяснить, что ты будешь занят некоторое время. Мы оба в полном порядке, хотя я теперь предпочитаю ходить там, где раньше бегал бегом. А Дженни стала еще лучше, чем была.

Hasta la vista, amigo. Джон. Р. С. Если прилагаемого чека недостаточно – позвони. Тут еще много. По-моему, мы неплохо потрудились.

Я хотел позвонить Джону – просто поздороваться и сказать ему, что у меня, пока я спал, родилась идея: устройство, превращающее мытье из обязанности в сибаритское наслаждение. Но передумал: есть другие дела, более важные. Так что я сделал кое-какие наброски, пока мысль не ускользнула, и прилег поспать. Пит прикорнул, уткнувшись носом мне подмышку. Никак я его от этого не отучу: лестно, конечно, но уж больно неудобно.

В понедельник, тридцатого апреля, я выписался из хранилища и отправился в Риверсайд, где снял комнату в старой гостинице «Мишиш инн». Как я и ожидал, вышел небольшой шум из-за Пита. Подкупить автоматического коридорного, естественно, не удалось. Вряд ли подобные новшества можно рассматривать как улучшение обслуживания. К счастью, администратор на мои аргументы поддался легче: он готов был слушать их, пока они новенькие и хрустят. Я не заснул: я был слишком возбужден.

Наутро, ровно в десять, я явился к директору Риверсайдского хранилища.

— Мистер Рэмси, меня зовут Дэниэл Б. Дэвис. У вас есть на хранении клиент по имени Фредерика Хайнike?

— Надеюсь, у вас есть документы, удостоверяющие личность?

Ich zeigte ihm einen Führerschein aus dem Jahr 1970, ausgestellt in Denver, und meinen Entlassungsschein aus dem Forest-Sanktum. Er sah sich die Schriftstücke an und gab sie mir zurück. Besorgt sagte ich: "Ich glaube, daß sie heute geweckt werden soll. Liegen übrigens irgendwelche Anweisungen vor, die meine Anwesenheit dabei erlauben? Ich meine nicht die vorhergehenden Maßnahmen, sondern den letzten Augenblick vor dem Eintritt des Bewußtseins."

Er schob die Unterlippe vor und sah mich prüfend an.

"Unsere Anweisungen für diese Klientin schreiben nicht vor, daß sie heute geweckt werden soll."

"Nein?" Ich war maßlos enttäuscht und verletzt.

"Nein. Sie hat folgendes bestimmt: statt unbedingt geweckt zu werden, will sie überhaupt nicht ins Bewußtsein zurückkehren, wenn Sie nicht da sind." Er sah mich an und lächelte.

"Sie müssen ein Herz aus Gold haben. An Ihrer Schönheit kann es jedenfalls nicht liegen."

Ich seufzte.

"Danke, Doktor."

"Sie können im Foyer warten oder später wiederkommen. Ein paar Stunden dauert es noch."

Ich ging ins Foyer zurück, holte Pete und machte einen Spaziergang mit ihm. Ich hatte ihn in meiner neuen Reisetasche dort abgesetzt, die seiner alten so ähnlich wie möglich war, und am Abend zuvor ein Fenster eingebaut, das nur die Sicht nach draußen gestattete.

Я предъявил ему свое водительское удостоверение, выданное в Денвере в 1970 году, и свидетельство о пробуждении из хранилища «Форест Лоун». Он посмотрел на них, на меня и вернул мне документы. Я встревоженно сказал: — По-моему, ее пробуждение назначено на сегодня. Не имеете ли вы распоряжений разрешить мне присутствовать? Я не имею в виду саму процедуру пробуждения — я имею в виду последнюю минуту, перед тем как ей введут последний рестимулянт и она придет в сознание.

Он выпятил губы и напыжился.

— В инструкции, оставленной данным клиентом, не содержится распоряжений разбудить ее сегодня.

— Нет? — Я почувствовал обиду и разочарование.

— Нет. Точная формулировка ее пожелания такова: вместо того чтобы разбудить ее сегодня, она велела вообще не будить ее до тех пор, пока не явитесь вы, — он внимательно осмотрел меня с ног до головы и улыбнулся. — У вас, должно быть, золотое сердце: не могу представить, чтобы она решила так из-за вашей обворожительной внешности.

Я облегченно вздохнул:

— Спасибо, доктор!

— Можете подождать в фойе или погуляйте часика два — раньше вы нам не понадобитесь.

Я вернулся в фойе, взял Пита и пошел с ним гулять. Он ждал меня, пока я ходил к директору, сидя в новой дорожной сумке, и был очень недоволен, хотя я купил очень похожую на его старую сумку и даже вставил накануне специальное оконечко, через которое видно только изнутри. Наверное, в сумке просто еще пахло «не так».

Wir kamen an dem ›netten Lokal‹ vorbei, aber ich hatte keinen Hunger, obwohl ich mir kaum Zeit zum Frühstück genommen hatte – Pete hatte meine Eier verzehrt und die Nase über den Hefeschnitzeln gerümpft. Um halb zwölf war ich wieder im Sanktum. Endlich ließ man mich zu ihr.

Alles, was ich von ihr sah, war ihr Gesicht; ihr Körper war zugedeckt. Aber das war meine Ricky, erwachsen und sehr weiblich; und sie sah aus wie ein schlafender Engel.

„Sie steht unter posthypnotischem Befehl“, sagte Dr. Rumsey leise. „Wenn Sie dort stehen bleiben, wecke ich sie auf. Äh, die Katze bringen Sie wohl besser hinaus.“

„Nein, Doktor.“

Er wollte etwas sagen, zuckte die Achseln und wandte sich seiner Patientin zu.

„Sie müssen jetzt aufwachen, Frederica. Wachen Sie auf. Sie müssen jetzt aufwachen.“

Ihre Lider zuckten, dann schlug sie die Augen auf. Ihr Blick glitt durchs Zimmer, dann richtete er sich auf uns. Sie lächelte schlaftrig.

„Danny ... und Pete.“

Sie hob beide Arme – und ich sah, daß sie meinen Klassenring am linken Daumen trug.

Pete jubelte, sprang aufs Bett und strich glücklich um sie herum.

Мы зашли в «очень хорошее кафе», но я не чувствовал голода, хотя практически не завтракал. Пит доел за меня яичницу, а от дрожжевой соломки брезгливо отвернулся. К половине двенадцатого мы вернулись в хранилище. Наконец меня впустили, и я увидел ее.

Я увидел только ее лицо — тело было накрыто простыней. Но это была моя Рики, выросшая, взрослая женщина, похожая на задремавшего ангела.

— Она находится под постгипнотическим внушением, — тихо сказал доктор Рэмси. — Встаньте вон там, и я ее разбуджу. Э-э, я думаю, вам бы лучше оставить вашего кота в сторонке.

— Нет, доктор.

Он начал что-то говорить, но пожал плечами и повернулся к пациентке.

— Проснись, Фредерика. Проснись. Пора просыпаться.

Ее веки дрогнули, и она открыла глаза. Через несколько секунд, сфокусировавшись, ее взгляд уперся в нас; она сонно улыбнулась.

— Дэнни... и Пит.

Она протянула к нам руки, и я увидел у нее на большом пальце левой руки свое старое колечко.

Пит замурлыкал и прыгнул к ней на койку. Довольный, счастливый оттого, что снова видит ее, он стал исступленно тереться о ее плечо.

Dr. Rumsey wollte sie über Nacht dabeihalten, aber Ricky ließ nicht mit sich reden. Ich bestellte ein Flugtaxi, und wir flogen nach Brawley. Ihre Großmutter war 1980 gestorben, alle Bekanntschaften waren abgebrochen, aber sie hatte dort einiges in Aufbewahrung gegeben – vor allem Bücher. Ich ließ sie an die Firma Aladin, zu Händen John Sutton verschicken. Ricky war von den Veränderungen in ihrer Heimatstadt mehr als beeindruckt, und sie gab meinen Arm keinen Augenblick frei, aber von dem schrecklichen Heimweh, dem größten Nachteil des Langen Schlafes, spürte sie nichts. Sie wollte so schnell wie möglich aus Brawley fort.

Ich ließ also wieder ein Flugtaxi kommen, und wir flogen nach Yuma. Dort schrieb ich mich ins Standesamtsregister mit meinem vollen Namen ‚Daniel Boone Davis‘ ein, damit es keinen Zweifel daran geben konnte, welcher D. B. Davis dieses Meisterwerk entworfen hatte. Wenige Minuten später lag ihre kleine Hand in der meinen, und ich wiederholte:

"Ich, Daniel, nehme dich, Frederica, zur Frau ... bis der Tod uns scheidet."

Pete war mein Brautführer. Die Trauzeugen liehen wir uns im Standesamt aus. Wir verließen Yuma sofort und flogen zu einer Gästeranch in die Nähe von Tucson, wo wir einen abgelegenen Bungalow mieteten, ausgestattet mit unserem eigenen ›Eifriger Erich‹, der alle Besorgungen erledigte, so daß wir mit keinem Menschen zu sprechen brauchten. Pete schlug eine grandiose Schlacht mit dem Kater, der bis dahin Herr der Ranch gewesen war, und von diesem Augenblick an mußten wir ihn im Bungalow halten oder auf ihn aufpassen.

Das war der einzige Nachteil, der mir einfällt. Ricky gewöhnte sich ans Verheiratetsein, als hätte sie es persönlich erfunden, und ich – nun, ich hatte Ricky.

Доктор Рэмси хотел, чтобы Рики осталась хотя бы на сутки, но Рики и слышать об этом не хотела. Я взял такси, подъехал прямо к дверям хранилища, и мы махнули в Броули. Бабушка ее умерла в 1980-м, и с Броули ее ничего всерьез не связывало. Но у нее там хранилось кое-какое имущество, прежде всего книги. Их я отправил в «Аладдин» под присмотр Джона Саттона. Рики была поражена тем, как изменился ее родной городок, — она повсюду ходила, крепко взяла меня за руку. Но ностальгии — этому постоянному спутнику сонников — она не поддалась. Она просто попросила меня поскорее увезти ее из Броули.

Я опять взял такси, и мы уехали в Юму. Там я вывел красивым почерком в регистрационной книге в мэрии свое полное имя: Дэниэл Бун Дэвис, чтобы ни у кого не осталось сомнений, какой именно Д. Б. Дэвис придумал этот шедевр. Через несколько минут я уже стоял рядом с нею, держал ее за руку — такую хрупкую и тонкую — и, запинаясь, произносил: «Я, Дэниэл, беру тебя в жены... пока смерть не разлучит нас».

Шафером у меня был Пит, а свидетелями мы уговорили расписаться случайных посетителей мэрии.

Мы немедленно убрались из Юмы в загородную гостиницу — ранчо в окрестностях Тусона. Мы сняли коттедж подальше от основного здания, чтобы никого не видеть (в прислуках там держали нашего доброго «Трудягу Тедди»). Пит учинил совершенно грандиозную драку с котом, который был хозяином на этом ранчо до нашего приезда. После этого пришлось держать его в комнате и следить за ним на прогулке. Впрочем, это обстоятельство оказалось единственным недостатком нашего пребывания там. Рики была прирожденная жена и хозяйка, словно именно она изобрела брак и семью. Ну, а я — я был счастлив: у меня же была Рики!

Sonst gibt es nicht mehr viel zu erzählen. Mit Rickys Aktienbesitz hinter mir – er war immer noch der größte einzelne Block –, schob ich McBee die Treppe hinauf zum ›Forschungsingenieur Emeritus‹ und beförderte Chuck zum Chefingenieur. John ist weiter der Unternehmer, aber er droht ständig, sich zurückzuziehen – leere Versprechungen. Er, ich und Jenny haben die Mehrheit in der Firma, weil er mit der Ausgabe der Aktien vorsichtig war und lieber Darlehen aufnahm, als die Kontrolle über das Unternehmen aufzugeben. Ich sitze in keinem Aufsichtsrat; ich leite die Betriebe nicht, und sie konkurrieren miteinander. Wettbewerb ist etwas Gutes. Ich, das ist nur das Ingenieurbüro Davis – ein Zeichensaal, eine kleine Werkstatt und ein alter Mechaniker, der mich für verrückt hält, aber meine Zeichnungen treu nachbaut. Wenn wir etwas fertiggestellt haben, vergabe ich die Herstellung in Lizenz.

Ich besorgte mir meine Aufzeichnungen über Twitchell wieder. Dann schrieb ich ihm und teilte ihm mit, daß ich es geschafft hätte und mit Hilfe des Kaltschlafes zurückgekommen sei, wobei ich mich dafür entschuldigte, an ihm gezweifelt zu haben. Ich fragte ihn, ob er das Manuskript zu sehen wünsche, wenn es fertig sei. Er ließ nie etwas von sich hören. Wahrscheinlich ist er immer noch wütend auf mich.

Aber ich schreibe das Buch und werde es in alle großen Bibliotheken stellen, selbst wenn ich das aus eigener Tasche bezahlen muß. Das bin ich ihm schuldig. Ich schulde ihm viel mehr; Ricky – und Pete. Ich werde das Buch ›Unerkanntes Genie‹ betiteln.

Jenny und John sind unverwüstlich. Dank der modernen Medizin, dank frischer Luft, Sonnenschein, Bewegung und einem sorglosen Gemüt ist Jenny mit ... nun, ich würde dreiundsechzig Jahren sagen, hübscher als je zuvor. John meinte, ich sei nur ein ›Hellseher‹, mehr will er nicht wissen. Auch die Beweise interessieren ihn nicht. Nun, wie hatte ich es geschafft?

Мне трудно что-нибудь добавить к моему повествованию. Воспользовавшись тем, что акции Рики по-прежнему оставались единственным крупным блоком, я живо отправил Макби этажом повыше – на должность «почетного конструктора-консультанта» – и усадил в его кресло Чака. Джон командует «Аладдином», хотя постоянно грозится уйти на пенсию. Пустые угрозы. Контролируем компанию я, он и Джени – об этом позаботился он, когда издавал акции. Ни в одной из компаний я не входил в совет директоров. Я не управляю ими, поэтому они... конкурируют. Конкуренция – хорошая штука. Правильно ее Дарвин придумал. А я – я теперь просто «Дэвис инжиниринг компани» – комната с кульманом, маленькая мастерская и пожилой механик, который считает меня сумасшедшим, но детали по моим чертежам делает достаточно точно. Когда очередное изделие готово, я продаю лицензию на него.

Я разыскал свои заметки про Твитчела. Потом я написал ему, сообщил о своем возвращении благодаря Холодному Сну и извинился за то, что позволил себе «усомниться» в его открытии. Я спрашивал его, не хочет ли он прочесть рукопись, когда она будет завершена. Он не ответил – наверное, все еще злится на меня.

Но книгу я пишу, и она обязательно будет во всех крупных библиотеках, даже если мне придется издать ее за свой собственный счет. Я слишком многим обязан старику: благодаря ему у меня есть Рики. И Пит. Я назову книгу «Невоспетый гений».

Джон и Джени не стареют. Благодаря гериатрии, свежему воздуху, солнышку, тренировкам и безмятежному складу ума Джени выглядит еще очаровательнее в свои... кажется, шестьдесят три. А Джон – Джон считает, что я ясновидящий, и не желает видеть очевидного. Ну, как это я сумел сделать все это?!

Ich versuchte es Ricky zu erklären, aber als ich ihr sagte, daß ich während unserer Flitterwochen tatsächlich in Boulder gewesen sei und daß ich betäubt in San Fernande gelegen habe, während ich bei ihr im Pfadfinderlager war, regte sie sich sehr auf. Sie wurde leichenblaß. Ich sagte also: "Nehmen wir es als Hypothese. Es ist ganz logisch, mathematisch betrachtet. Angenommen, wir hätten ein Meerschweinchen verwendet, weiß, mit braunen Flecken. Wir legen es in den Zeitkäfig und schicken es eine Woche zurück. Aber eine Woche zuvor haben wir es dort bereits gefunden, also mußten wir es damals in eine Kiste tun. Jetzt haben wir zwei Meerschweinchen, obwohl es in Wirklichkeit nur eines ist, wovon das eine um eine Woche älter sein muß als das andere. Wenn man also eines davon nimmt und es um eine Woche zurückschickt ..." "Einen Augenblick! Welches denn?"

"Welches? Tja, es gab ja immer nur eines. Man nimmt natürlich das um eine Woche jüngere, weil ..." "Du hast doch gerade gesagt, daß nur eines existiert. Dann sagtest du, es wären zwei. Aber du wolltest eines von beiden nehmen ... wenn es doch nur eines gibt ..." "Ich versuche zu erklären, wie zwei zugleich nur eines sein können. Wenn man das jüngere nimmt ..." "Woher willst du denn wissen, welches Meerschweinchen das jüngere ist, wenn sie alle gleich aussehen?"

"Na, man könnte ihm den Schwanz abschneiden, wenn man es zurückschickt. Sobald es dann zurückkommt, könnte man ..." "Aber Danny, wie grausam! Außerdem haben Meerschweinchen keine Schwänze."

Sie schien zu glauben, daß das etwas bewies. Ich hätte eine Erklärung nie versuchen sollen.

Aber Ricky gehört nicht zu den Menschen, die sich über unwichtige Dinge aufregen. Als sie sah, wie sehr ich innerlich beteiligt war, meinte sie sanft: "Kommt her, Liebster."

Однажды я попытался объяснить это Рики, но ей стало плохо, когда она узнала, что, пока мы были в свадебном путешествии, я одновременно — без дураков! — был и в Боулдере. А когда я приезжал к ней в скаутский лагерь, я в то же самое время лежал замороженный в Сан-Фернандо-Вэли. Она побледнела.

Тогда я сказал: — Давай разберем все это теоретически. С математической точки зрения тут все логично. Предположим, мы берем морскую свинку. Белую с коричневыми пятнами. Сажаем ее в темпоральную камеру и отправляем на неделю назад, в прошлое. Но ведь тогда получается, что неделю назад мы уже нашли эту морскую свинку в этой камере, значит, она уже сидела в клетке вместе с самой собою. Значит, теперь у нас уже две одинаковые свинки. То есть одна и та же свинка, только одна из них на неделю старше другой. Получается, что когда мы взяли одну из них и отправили на неделю в прошлое, то... — Подожди минуту! Которую из двух?

— Которую? Так они же — одна и та же свинка. Конечно, ту, что на неделю младше, потому что... — Ты же сказал, что она всего одна. Потом, что их две. Затем ты сказал, что две — это просто одна. Но ты собирался взять одну из двух... а там, ты говоришь, всего одна... — Я же и пытаюсь объяснить тебе, как это две могут быть одной. Если взять младшую... — А как отличить, которая младше? Они же совершенно одинаковые!

— Ну, можно отрезать кончик хвоста у той, которую отправляешь в прошлое. Когда она вернется, то... — Ой, Дэнни, какой ты жестокий! И кроме того, у морских свинок нет хвостов.

Она решила, что доказала свою точку зрения. Зря я взялся объяснять ей это.

Но Рики не из тех, кто ломает голову над вещами несущественными. Видя, что я расстроился, она тихо сказала:

Sie fuhr mir durchs reichlich schüttete Haar und küßte mich.
"Einen von dir, mehr will ich nicht, Liebling. Mit zweien von deiner Sorte käme ich nicht zurecht.
Sag mir nur das eine, bist du froh, daß du gewartet hast, bis ich erwachsen war?"

Ich bemühte mich, ihr das zu beweisen.

Aber die Erklärung, die ich unternahm, sagte wirklich nicht alles. Mir entging etwas Wesentliches, obwohl ich selbst auf dem Karussell saß und die Runden zählte. Warum habe ich die Notiz über meine eigene Entlassung nicht in der Zeitung gesehen? Ich meinte, die zweite im April 2001, nicht die vom Dezember 2000. Ich hätte sie sehen müssen; ich war doch schon da und pflegte die Listen durchzulesen. Ich wurde am Freitag, dem 27. April 2001, geweckt beim zweitenmal; das hätte in der ›Times‹ vom nächsten Tag stehen müssen. Aber ich sah es nicht. Ich habe inzwischen nachgeschlagen, und da steht es: ›D. B. Davis‹, in der ›Times‹ vom Samstag, dem 28. April 2001.

Vom philosophischen Standpunkt aus kann ein Tintenstrich ebenso sicher ein anderes Universum schaffen, als fehle ganz Europa. Treffen die alten Vermutungen über ›sich verzweigende Zeitströme‹, und ›vielfache Welten‹ das Richtige? Stolperte ich in eine andere Welt, weil ich das Gefüge verändert hatte? Obwohl ich dort Ricky und Pete fand? Gibt es irgendwo oder irgendwann ein anderes Universum, in dem Pete bis zur Verzweiflung heulte und dann einsam davonzog, um für sich selbst zu sorgen? In dem es Ricky nie gelang, mit ihrer Großmutter zu fliehen, in dem sie der Rache Bettys schutzlos ausgesetzt war? Eine Zeile Kleingedrucktes genügt nicht. Ich bin wohl an diesem Abend eingeschlafen und übersah meinen Namen, dann stopfte ich die Zeitung am nächsten Morgen in den Müllschlucker, weil ich glaubte, alles durchgelesen zu haben. Ich bin oft zerstreut, vor allem, wenn ich über eine neue Idee nachdenke.

— Ну, иди сюда, дорогой, — взъерошив мне остатки волос, она поцеловала меня. — Мне вполне достаточно одного тебя. Двух было бы многовато. Ты мне скажи: ты рад, что дождался, пока я вырасту?

В ответ я сделал все, что мог, чтобы убедить ее, что рад.

Но мое объяснение далеко не все объясняет. Кое-что я и сам не понимаю, хотя я сам катался на этой карусели и считал обороты. Почему я не нашел сообщения о своем пробуждении? Я имею в виду второе пробуждение, не в декабре 2000-го, а в апреле 2001-го. Должен был наткнуться на него: я ведь внимательно просматривал эти страницы. Второй раз меня пробудили 27 апреля 2001 года, в пятницу. Значит, на следующее утро в «Таймс» должно было появиться объявление. Но я его не видел. Теперь я отыскал его; вот оно: «Д. Б. Дэвис», в номере за субботу, 28 апреля 2001 года.

В философском смысле даже одна строчка способна изменить мир не меньше, чем исчезновение целого континента. Неужели старые рассуждения о множественных вселенных и разветвляющихся потоках времени верны? Неужели я попал в другую вселенную из-за того, что нарушил условия игры? Хотя я и нашел в ней Пита и Рики? Значит, где-то (точнее, когда-то) есть другая вселенная, где Пит выл до отчаяния, а потом убежал и одичал? И где Рики так и не сумела сбежать с бабушкой, а осталась страдать от мстительного гнева Беллы? Нет. Одной строчки мало. Наверное, я просто заснул в тот вечер, не дойдя до строчки со своим именем. А утром выкинул газету в мусоропровод, решив, что прочел ее всю. Я такой рассеянный, особенно когда думаю о работе.

Aber was hätte ich getan, wenn mir die Notiz aufgefallen wäre? Wäre ich hingegangen, mir selbst begegnet – und dem Wahnsinn verfallen? Nein, denn wenn sie mir aufgefallen wäre, hätte ich nichts von dem getan, was ich anschließend unternahm. Dann hätte alles sich auch nicht so zutragen können. Die Kontrolle gehört zu den negativen Rückkoppelungssystemen mit eingebauter Narrensicherung, weil die bloße Existenz dieser Druckzeile davon abhing, daß ich sie nicht sah. Die offensichtliche Möglichkeit, daß ich sie vielleicht hätte sehen können, gehört zu den Unmöglichkeiten der grundlegenden Planung.

»Es gibt eine Macht, die unser Leben formt, so sehr wir auch im Groben daran herumbosseln mögen.« Freier Wille und Vorherbestimmung in einem Satz, und beides gleich wahr. Es gibt nur eine wirkliche Welt, mit einer Vergangenheit und einer Zukunft. Nur eine einzige ... die aber groß und kompliziert genug ist, freien Willen, Zeitreisen und alles andere in sich zu enthalten.
Innerhalb der Regeln darf man alles tun ... aber man muß an seine eigene Tür zurückkehren.

Ich bin nicht der einzige Mensch, der durch die Zeit gereist ist. Charles Fort führt zu viele Fälle an, die sich anders nicht erklären lassen, ebenso Ambrose Bierce, der Dichter. Und dann gab es ja auch die beiden Damen in den Gärten von Trianon. Ich habe auch das Gefühl, daß der alte Doktor Twitchell den Knopf öfter gedrückt hat, als er zugeben wollte ... ganz zu schweigen von anderen, die in der Vergangenheit oder Zukunft das Problem lösen oder gelöst haben.
Aber ich möchte bezweifeln, daß man damit viel wird anfangen können. In meinem Fall wissen nur drei Menschen Bescheid, und zwei davon glauben mir nicht. Man kann nicht sehr viel unternehmen, wenn man durch die Zeit reist. Wie Charles Fort schon sagte, man baut erst Eisenbahnen, wenn die Zeit dafür reif ist.

Aber ich kann Leonard Vincent nicht vergessen. War er wirklich Leonardo da Vinci? Schlug er sich bis Europa durch und kehrte er mit Kolumbus zurück? In den Lexika steht, sein Leben sei so und so verlaufen – aber vielleicht hat er da manches verändert. Ich weiß, wie das ist; ich mußte Ähnliches tun. Im Italien des fünfzehnten Jahrhunderts gab es weder Ausweise noch Fingerabdrücke; es müßte ihm gelungen sein.

Но что бы я сделал, если бы увидел его? Поехал бы туда, встретил сам себя и рехнулся?
Нет. Ибо, если бы я увидел его, я бы никогда не сделал то, что я сделал потом — «потом» для первого меня — и что привело к появлению объявления. Значит, этого никак не могло случиться. Регулировка здесь идет по принципу отрицательной обратной связи с встроенными предохранителями, потому что само существование той строчки текста зависело от того, увижу я ее или нет. Очевидная на первый взгляд возможность того, что я увижу ее, входила в число «невозможных состояний» данной схемы.

«Есть божество, что лепит нашу волю, желанья наши — плод его трудов». И свобода воли, и предопределение — в одной фразе. И это — верно. Есть только один реальный мир с одним прошлым и одним будущим. «Как было вначале, и ныне, и во веки веков пребудет в этом бесконечном мире. Аминь». Только один... но большой и сложный, и в нем есть место и для свободы воли, и для путешествий во времени, и для всего остального. Можешь делать все, что угодно, в пределах правил... но все равно вернешься назад, к своей двери.

Я не единственный, кому удалось путешествовать во времени. У Форта описано слишком много случаев, которые ничем иным объяснить невозможно; у Амбруза Бирса — тоже. А еще были две дамы из садов Трианона. Мне кажется, что старый доктор Твитчелл нажимал свою кнопку гораздо большее число раз, чем он сказал мне. Не говоря уже о других ученых, в прошлом и будущем, которые тоже могли придумать что-то подобное. Но я не думаю, что из этого когда-нибудь выйдет что-то путное. В моем случае об этом знали только трое, да и то двое из них отказались в это верить. Занимаясь путешествиями во времени, вы немного добьетесь. Как говорил Форт, придет время железных дорог — будут и железные дороги.

Но у меня из головы не выходит Леонард Винсент. Неужели это Леонардо да Винчи? Неужели он сумел пройти через весь континент и вернуться в Европу с Колумбом? В энциклопедии есть вехи его жизни; но он мог сам приложить к этому руку. Я-то знаю, как это делается, — я сам этим немножко занимался. Тогда, в Италии, в пятнадцатом веке, не было удостоверений личности, номеров социального страхования и отпечатков пальцев. Может, он и сумел совершить это чудо.

Aber man stelle sich ihn vor, abgeschnitten von allem, woran er gewöhnt war, mit der Kenntnis vom Fliegen, von der Elektrizität, von Millionen anderen Dingen, die er verzweifelt darzustellen versuchte, damit sie sich nachschöpfen ließen – aber zum Scheitern verurteilt, weil man die heutigen Dinge ohne die Grundlage der vergangenen Jahrhunderte einfach nicht erreichen kann.

Tantalus hatte es leichter.

Ich habe mir überlegt, was sich mit den Zeitreisen anfangen ließe, wenn die Geheimhaltungsvorschriften aufgehoben würden – kurze Zeitsprünge machen, Maschinen zur Rückkehr aufstellen und Teile mitnehmen. Aber eines Tages ein Sprung zuviel, und man kann für die Rückkehr nicht aufbauen, weil die Zeit für ›Eisenbahnen‹ noch nicht reif ist. Etwas ganz Einfaches, zum Beispiel eine Speziallegierung, könnte alles verderben. Und dann darf man ja auch das ungeheure Risiko nicht vergessen, daß man nicht weiß, in welche Richtungen man geschickt wird. Man stelle sich vor, daß man am Hof Heinrichs des Achten mit einer Ladung subflexibler Thorsen-Röhren für das 25. Jahrhundert landet. Lieber schon in den Roßbreiten in eine Windstille geraten.

Nein, man sollte nie ein Gerät auf den Markt bringen, bevor alle Unebenheiten ausgebügelt sind.

Aber ich zerbreche mir über ›Paradoxa‹ oder die ›Verursachung von Anachronismen‹ nicht den Kopf. Wenn ein Ingenieur aus dem 30. Jahrhundert alle Probleme lösen kann und dann Übergangsstationen errichtet, wird es dazu kommen, weil der Schöpfer das Universum so eingerichtet hat. Er gab uns Augen, zwei Hände, ein Gehirn; was wir mit ihnen anfangen, kann kein ›Paradox‹ sein. Er braucht keine Wichtigtuer, die Seine Gesetze ›durchsetzen‹; sie verschaffen sich selbst Gehorsam. Es gibt keine Wunder, und das Wort ›Anachronismus‹ ist, semantisch gesehen, ein leerer Ausdruck.

Но вы только представьте себе: один, лишенный всего, к чему привык; он знал тайны полета, энергии, тысяч разных вещей. Он отчаянно пытался воспроизвести их, нарисовать, чтобы их можно было сделать, — но его ждала неудача: нельзя сделать того, что мы делаем сегодня, не опираясь на предшествующий технологический опыт, накопленный веками.

Да танталовы муки и то слаще.

Я думаю, как можно было бы использовать путешествия во времени с коммерческой целью, если бы их рассекретили: делаешь короткий скачок, создаешь машину для возвращения, берешь с собою узлы и запасные части и снова в прошлое. Но однажды ты можешь сделать один лишний скачок и уже не сможешь вернуться: время еще не приспело для «железных дорог». Нет чего-то элементарного — скажем, какого-то особого сплава, — и все, ты попался. А главное — нельзя заранее определить, в какую сторону тебя забросит, вот в чем беда. Только представьте себе: очутиться при дворе короля Генриха VIII с грузом субфлексивных фазotronов, предназначенных для покупателя в двадцать пятом веке!

Нет, нельзя торговать моделью, в которой случаются сбои, помехи и неисправности.

Но о парадоксах времени и причинно-следственных анахронизмах я не беспокоюсь: если в тридцатом веке какой-нибудь инженер сумеет добиться безупречной работы установки, сделает сеть передающих станций, создаст систему сбыта и обслуживания таких станций — значит, Создатель сотворил вселенную именно так. Он дал нам руки, глаза и мозг. Все, что мы творим, не может быть парадоксом. Создателю не нужны настырные догматики — проводники Его законов природы: эти законы сами себя охраняют. Чудес не бывает.

Aber ich mache mir über die Philosophie nicht mehr Gedanken als Pete. Wie die Wahrheit über unsere Welt auch aussehen mag, mir gefällt sie. Ich habe meine Tür zum Sommer gefunden, und ich denke nicht daran, jemals wieder durch die Zeit zu reisen, aus Angst, ich könnte an der falschen Station aussteigen. Vielleicht wird mein Sohn es versuchen, aber dann möchte ich ihm raten, vorwärtszugehen, nicht zurück. »Zurück«, das ist nur für Notfälle, die Zukunft ist besser als die Vergangenheit. Trotz der Romantiker und sonstigen Schwätzer wird die Welt besser, weil der menschliche Verstand in der Anpassung an die Umgebung sie verbessert. Mit den Händen ... mit Werkzeugen ... mit gesundem Menschenverstand, Wissenschaft und Technik.

Die meisten dieser langhaarigen Fasler können weder einen Nagel einschlagen noch mit einem Rechenschieber umgehen. Am liebsten würde ich sie in Doktor Twitchells Käfig einladen und sie ins zwölftes Jahrhundert zurückschicken – dort könnten sie sich amüsieren.

Aber ich bin auf keinen Menschen wütend, und mir gefällt meine Zeit. Nur Pete wird älter und ein wenig dicker. Mit jüngeren Gegnern lässt er sich nicht mehr gerne ein; nur allzubald muß er den ganz langen Schlaf tun. Ich hoffe von ganzem Herzen, daß seine tapfere kleine Seele für immer ihre Tür zum Sommer findet, wo Felder von Katzenminze wuchern, alle Katzen friedlich sind, und Robotergegner fürchterliche Kämpfe liefern – aber immer verlieren –, wo es Menschen mit aufnahmefähigen Armen gibt, aber keinen Fuß, der nach ihnen tritt.

Ricky wird auch molliger, nur vorübergehend und aus gutem Grund. Sie ist noch schöner geworden; aber dieser Zustand ist doch reichlich unangenehm für sie, wie für alle Frauen. Ich arbeite an Geräten, die manches erleichtern. Es ist einfach nicht besonders bequem, eine Frau zu sein; man sollte gegen das Bücken, gegen die Rückenschmerzen etwas unternehmen – daran arbeite ich, und ich habe ihr ein hydraulisches Bett gebaut, das ich vielleicht patentieren lasse. Es müßte auch leichter gemacht werden, in eine Badewanne zu steigen. Dafür weiß ich noch keine Lösung.

Философия, впрочем, занимает меня не больше, чем Пита. Каков бы ни был мир на самом деле, он мне нравится. Я нашел свою Дверь в Лето, и больше я не стану путешествовать во времени – вдруг сойду не на той станции? Может быть, мой сын станет, – но тогда я скажу ему, чтобы ехал в будущее, а не в прошлое. В прошлое – только в исключительных случаях, когда надо что-то исправить. Будущее лучше, чем прошлое. Несмотря ни на что, мир с каждым годом становится все лучше, потому что разум человеческий, изменения окружающий мир, делает его лучше. Делает руками... инструментами... внутренним чутьем, наукой и техникой.

Большинство нынешних длинноволосиков не умеют сами гвоздя забить. Посадить бы их в камеру доктора Твитчела да забросить в двенадцатый век – пусть наслаждаются.

Но я ни на кого не держу зла, и мое время мне нравится. Вот только Пит стареет, толстеет и уже не связывается с молодыми котами. Очень скоро он уснет слишком долгим сном. Я всем сердцем надеюсь, что его отважная душа найдет свою Дверь в Лето, где колышутся под летним ветерком поля валерианки, где кошки говорчивы и где любой подставит тебе колено, чтобы ты мог потеряться об него, – но никто не пнет ногой.

Рики тоже поправилась, но это здоровая и времененная полнота. Она стала от этого только прекраснее и все так же звонко восклицает «Ну-у?!», когда удивляется, но чувствует себя при этом не очень уютно. Я сейчас разрабатываю устройства, способные облегчить ее состояние. Быть женщиной вообще не очень удобно, и я хочу – и уверен, что сумею, – сделать что-нибудь такое, чтобы ей легче жилось. Трудно согнуться, поясница ноет – над этим я работаю сейчас. Я сделал ей гидравлическую кровать, которую, вероятно, запатентую. Надо бы еще сделать что-то, чтобы было легче залезать в ванну и вылезать из нее, но я пока не придумал, что именно.

Für unseren alten Pete habe ich eine Katzentoilette gebaut – für schlechtes Wetter –, automatisch, hygienisch und geruchlos. Pete zieht es aber vor, nach draußen zu gehen, und er hat seine Überzeugung nicht aufgegeben, daß irgendeine Tür in den Sommer führen muß, wenn man nur lange genug danach sucht.

Ich glaube, er hat recht.

Для старины Пита я тоже изобрел «кошачий туалет» для плохой погоды — автоматический, самоопорожняющийся, гигиеничный и без запаха. Однако Пит настоящий кот — он предпочитает ходить на улицу и по-прежнему убежден, что если попробовать все двери, то одна из них обязательно окажется Дверью в Лето.

И знаете... Я думаю, он прав.